



ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ФАКТОР



Майя Димерли

Анастасия Кардашова

14+



Главный редактор

Белка Елена

Литературные редакторы

кот ворчун

Михалевская Анна

Дизайн-верстка

Ула Сенкович

Обложка

Художник Лев Елена

Контент-менеджер

Михалевский Георгий, Пышкин Евгений

Художники

Белка Елена

Губанова Наталья

Колесова Ульяна

Лев Елена

Пролесковская Валентина

Фомальгаут Мария

Argentum Agata

SEN

Ruby

Редактура

Холодная Наталья

Зауэр Ирина

Корреспонденты

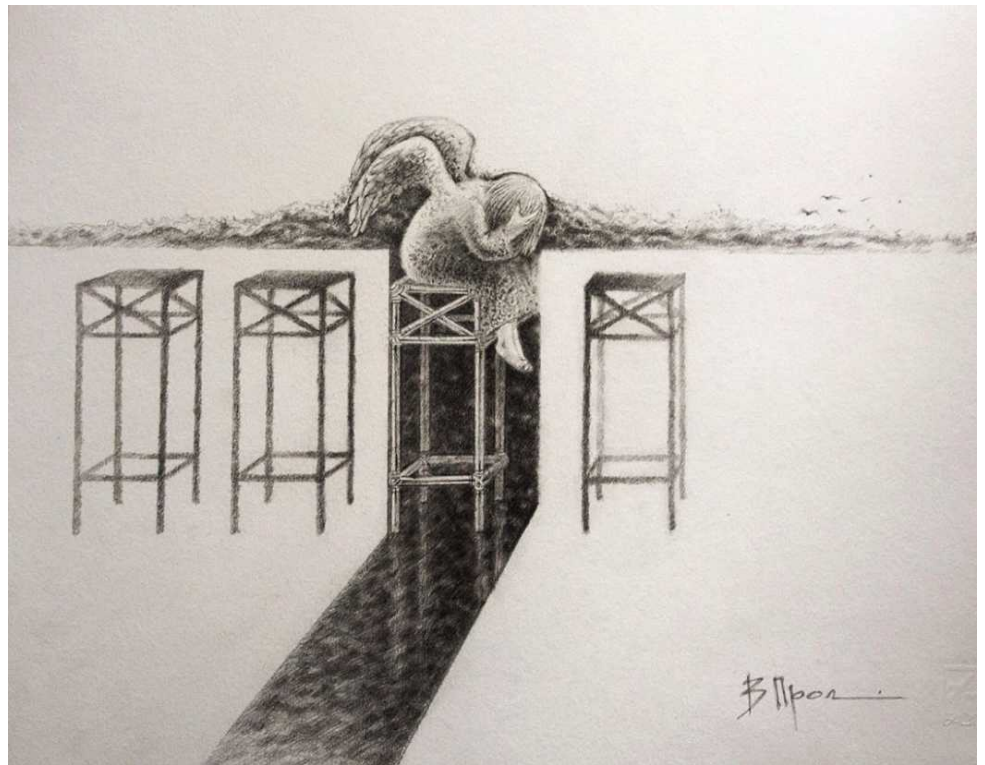
Лисовская Виктория

Меллори Елена

Михалевская Анна

Ула Сенкович

Чепурной Сергей



Художник Валентина Пролесковская

Слово редактора

Дорогие друзья!

Мы слабые несовершенные люди, нас могут свалить с ног микроскопические вирусы, мы не умеем дышать под водой и гулять без одежды на морозе. Ветер может снести крыши наших домов, дождь затопить наши города, а солнце – выжечь весь урожай. И да – мы делаем много ошибок! Но зато мы умеем мечтать и обладаем достаточным упрямством, чтобы стремиться к невозможному.

Так что же такое человеческий фактор?

То, благодаря чему все летит к черту, или наоборот – то, что спасает ситуацию?

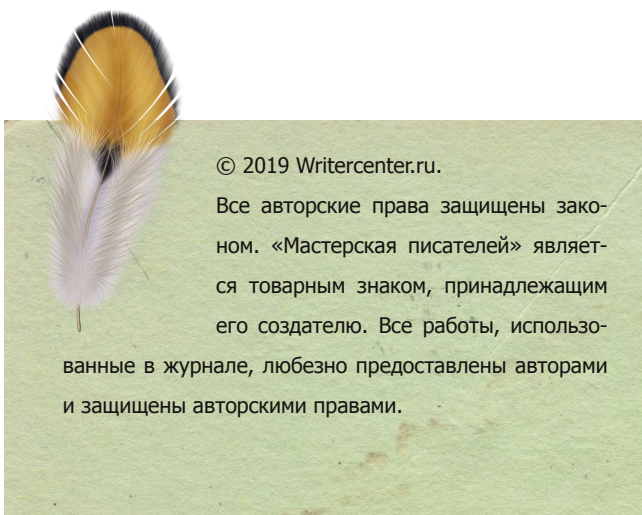
Та переменная в этой Вселенной, которая не подчиняется ни одному закону?

То, что объединяет человечество и в то же время наделяет индивидуальностью?

Или это именно та «хромосома», которая делает нас людьми?

Писатели, поэты и художники поразмышляли на эту тему, и у каждого нашелся ответ на этот каверзный вопрос. И даже не один. Приятного прочтения вам.

Редакция журнала



© 2019 Writercenter.ru.

Все авторские права защищены законом. «Мастерская писателей» является товарным знаком, принадлежащим его создателю. Все работы, использованные в журнале, любезно предоставлены авторами и защищены авторскими правами.



Проза. Реализм

- 32 Мааэринн. Корзинка с яблоками
- 36 Кусков Сергей. Норд-Ост

Сказка

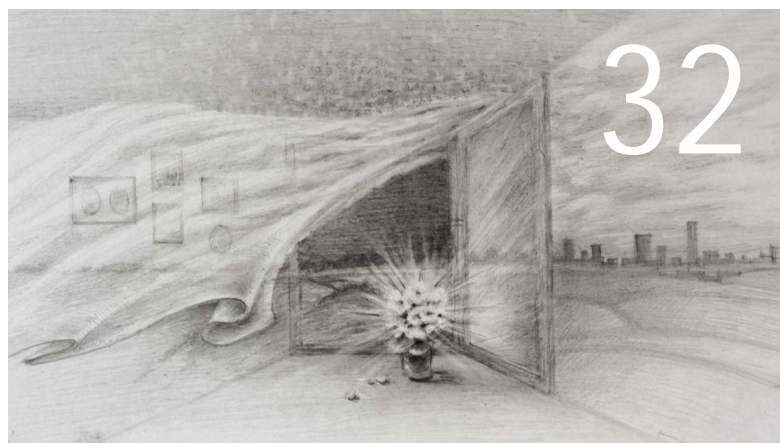
- 52 Най-Ко. Испытание
- 56 Лев Елена. Мечта
- 60 Колесова Ульяна. Колдун

Фэнтези

- 72 Михалевская Анна. Под крылом Ёля
- 82 Мельникова Мария. Летний лес
- 92 Алекс Тойгер. Голубь мира
- 110 Фёдорова Елена. Мир наизнанку

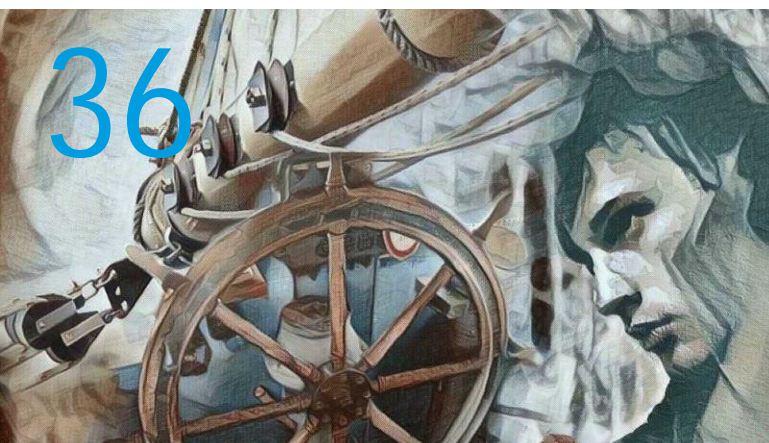
Мистика

- 122 Михалевский Георгий. Пленённый ангелами путник
- 136 Лаевская Елена, Лаевский Иван. Прощай, ragazza carina
- 144 Армант, Илинар. Старое зеркало



Фантастика

- 154 Эл Лекс. Сигнал стабилен
- 158 Фомальгаут Мария. Ночлег для ночи
- 166 Русуберг Татьяна. Мы, люди
- 172 Судельницкая Наталья. Человеческий фактор
- 182 Силкина Мария. Сердце леса растёт в груди
- 198 Румянцев Александр. Настройщики "Роялей"
- 208 Зауэр Ирина. Возвращенец
- 216 Демидович Яна. Муза Bloшиного короля
- 224 Волошина Софья. Я убила его



Поэзия

- 28 Лисовская Виктория
- 29 Вербовая Ольга
- 31 Крыжовникова Капитолина

- 47 Майя Димерли

- 66 Крыжовникова Капитолина
- 67 Зауэр Ирина
Армант, Илинар
- 68 Иванов Юрий
- 71 Вашутин Олег
Карапац Александр

- 116 Зауэр Ирина
- 119 Валерина Ирина

- 148 Аривенн
- 152 RhiSH
- 153 Алипова Екатерина

- 229 Надеждин Валентин
- 230 Криштул Илья

ИМХО

- 6 Чепурной Сергей, Лисовская Виктория. Остаться человеком

Представляем

- 10 Михалевская Анна, Ула Сенкович. Интервью с Георгием Смородинским
- 18 Ула Сенкович. Интервью с Анастасией Кардашовой

На десерт

- 232 Меллори Елена. Человеческий фактор



Остаться человеком

Едва зародившись, литература стала объектом оживлённых дискуссий. Споры касались самых разных тем: какой должна быть литература, каковы её роль в человеческом обществе и сознании, о чём должен писать автор, каким должен быть его герой, есть ли место автору в собственном произведении... Разное время отвечало на эти вопросы по-разному. И никогда ответы не были исчерпывающими или хотя бы удовлетворительными. Все эти вопросы благополучно дожили до наших дней и снова встают перед каждым, кто, желая поведать свои мысли миру, садится перед чистым листом бумаги, раскрытой тетрадкой или компьютерным монитором.

Так для чего писатель приходит в литературу? Каждый автор в той или иной степени доносит ответ до читателей с помощью своих произведений. Для одних это — возможность бегства от реальности в созданные собственным воображением миры, для других — способ отражения действительности, для третьих — толчок к размышлению над чем-либо, для четвёртых... Перефразируя известные слова, можно сказать: «Сколько авторов, столько и мнений», и любое будет справедливым и истинным. Однако за всеми мнениями прячется один, не всегда видимый, но тем не менее ощутимый и важный нюанс: влияние личности автора на собственное творчество.

В равной степени это справедливо и для поэзии, и для прозы. Но если в первом случае авторское «Я» предстаёт перед читателем в ярко выраженном и даже концентрированном виде, то во втором оно расплывлено между многочисленными героями, и каждый из них отражает авторские мысли, идеалы или даже антиидеалы. И здесь возникает вопрос: в какой мере автор верит в идеи, о которых пишет?

Отчасти вопрос звучит нелепо: как можно не верить своим словам? Однако далеко за примерами ходить не надо. Всем нам со школьной скамьи знаком образ Н.А. Некрасова как человека, который обогатил русскую литературу темами о страданиях народа. При всём этом ещё в XIX веке у многих литераторов бытовало мнение о Некрасове как об обманщике, «двойном человеке», который не верил в те идеалы, которые провозглашал в своём же творчестве. Доходило до того, что те, кто знал Некрасова лично, очень удивлялись, знакомясь с его стихами — настолько разными оказывались реальный человек и автор западавших в душу поэтических строк. Подобное же мнение бытовало и в отношении Афанасия Фета, в котором совмещались две ипостаси — тонкого поэта-лирика, певца русского пейзажа и жестокого помещика-крепостника. Но больше всего поражает контраст между образом, который создавал вокруг себя Антуан де Сент-Экзюпери, и фактами из его биографии. Чего стоит хотя бы тот ад, в который превратил жизнь своей жены автор «Маленького принца», книги, научившей миллионы детей дружбе и верности, и фразы: «Мы в ответе за тех, кого приручили», ставшей символом ответственного и бережного отношения к тем, кто нас любит. Понимал ли Сент-Экзюпери, что поступает вразрез с провозглашенными им же принципами?

Кто-то воспримет такое поведение как лицемерие, кто-то же, напротив, предположит, что это — нечто вроде квинтэссенции опыта, вынесенного Экзюпери из отношений: недаром он отправлялся в свой последний полёт с браслетом, на котором рядом с его именем было выгравировано «Консуэло». Ответа мы не узнаем, он похоронен в средиземноморских водах недалеко от Марселя. Но станет ли сказанное Экзюпери менее значимым? Кого-то эти и многие другие прекрасные слова пи-



сателя вдохновят быть более чутким к близким людям, кто-то не захочет, чтобы его учил человек, сам себе противоречащий, кто-то и вовсе увидит в этой фразе призыв злоупотреблять собственной привязанностью — трактовки могут быть разными. А кто-то, возможно, захочет поспорить с автором и напишет произведение, обличающее двойные стандарты. Так или иначе, написанное останется литературным достоянием вне зависимости от того, следовал ли автор в своих поступках тому, что написал.

Все сказанное выше вписывается в рамки конфликта между идеалами творческого человека и той реальностью, в которой он живёт. Но одно дело, когда этот конфликт отражается в творчестве, и совсем другое — когда написанное автором

представляет собой обычный конформизм, как это было с «красным графом» Алексеем Толстым. С точки зрения литературного мастерства его лучшие произведения действительно достойны того, чтобы быть прочитанными, а стилистические приёмы писателя годны для изучения и освоения современными авторами. Однако старшее поколение наверняка помнит его насквозь пропагандистский и конъюнктурный «Хлеб» — повесть, которую сам А.Толстой незадолго до смерти признал «сухой и слабой», — или некоторые образы исторических личностей из «Хождений по мукам», явно искажённые в угоду власти. Даже роман «Пётр Первый» с точки зрения идеологии многими литературоведами рассматривается как открытое оправдание тоталитаризма. И это неудивительно,

если вспомнить признание Толстого: «Я обыкновенный человек. Я хочу жить, хорошо жить». Эти слова, возведенные в ранг кредо, заставили молодого писателя стать одним из соавторов т.н. «Дневника Анны Вырубовой» — мистификации, не только на целый век опорочившей в глазах читателей реального человека, чья жизнь была очень далека от описаний «Дневника», но и сыгравшей роль в формировании искажённого образа последнего российского монарха и его окружения. Однако на этом история не закончилась: почти через полвека этот «Дневник» в числе других источников был использован Валентином Пикулем для создания одного из самых неоднозначных романов — «Нечистая сила»... В этом случае речь идет не только о фальши, которую порой трудно прикрыть словами о высоких идеалах, но и об ответственности писателя за то, о чем он говорит в своих произведениях, ибо маленькая ложь всегда может породить большую. И даже название жанра — «литературная мистификация» — не может послужить оправданием для подобного поступка.

Конечно, есть немалое количество авторов, у которых слова не расходятся с делом. Биография Ивана Бунина пестрит любовными похождениями почти так же, как и его проза. Александр Блок идеализировал, но держал на расстоянии свою жену так же, как лирические герои его стихов восхищались издали прекрасными, но недоступными незнакомками. А как противовес им — британский писатель, учёный и богослов Клайв Стейплз Льюис, писавший не только сказки, но и христианские трактаты, изложенные простым языком и понятные даже неподготовленному читателю. Его герои сталкиваются со сложными нравственными дилеммами даже в тех книгах, где речь идёт о детях, часто ошибаются, но почти неизменно выбирают в итоге сторону добра. И это «добро» для писателя — не абстрактное понятие, а конкретные действия: не поддаваться искушению и не предать других ради собственной выгоды, помощь близким, прощение того, кто всё-таки предал, борьба с собственными страхами, гневом и завистью. Льюис детально и конкретно описыва-

ет то, что вкладывает в понятие добра, он не ограничивается обобщением, он знает, о чём пишет, и это подтверждает биография писателя. Нет, он вовсе не был идеальным человеком, любил комфорт и не отказывал себе в удовольствии частенько выпить пива вместе со своим другом Джоном Толкиеном. Но он был верным в дружбе, заботливым и любящим в отношениях с женой и в целом человеком, достойным собственных персонажей. Возможно, именно поэтому его герои не кажутся неестественными, приторными или абстрактно-добрыми, а выглядят живыми людьми, ежедневно делающими выбор в сторону добра, иногда спотыкающимися на пути к свету, но не сворачивающими с него.

Бытует мнение, что тот, кто сам чему-то не научился, всё же может научить этому других. В таких случаях говорят, что у человека нет таланта к ремеслу, но есть талант к преподаванию. Пожалуй, то же самое можно сказать и о писателях. Не у всех из них есть талант «быть Человеком», но некоторые могут рассказать другим, что значит им быть. Наверное, это и называется писательской интуицией и писательским талантом. Хотя нам, как читателям (и тем более нам, как пишущим), очень хочется видеть неразрывный, цельный, непротиворечивый образ автора-человека и автора-создателя. Как, например, у Александра Грина — человека, имевшего все шансы скатиться на самое дно жизни, но вместо этого подарившего нам свою Гринландию...

И такое желание порождено нашим детством, в котором всё казалось цельным и монолитным. Да, взрослая жизнь раз за разом показывает нам совсем иное кино, но в глубине души каждого всё равно живёт тоска по детской цельности того мира, в котором всегда находилось место хорошим, умным и добрым книгам. В конце концов, истинность слов Бертольда Брехта «Все виды искусств служат величайшему — искусству жить на земле» ещё никто не смог оспорить. А учителя бывают разные. И даже противоречие между тем, что они говорят и делают, может дать немало пищи тому, кто умеет видеть, понимать, читать и думать.

© Чепурной Сергей, Лисовская Виктория

Чепурной Сергей

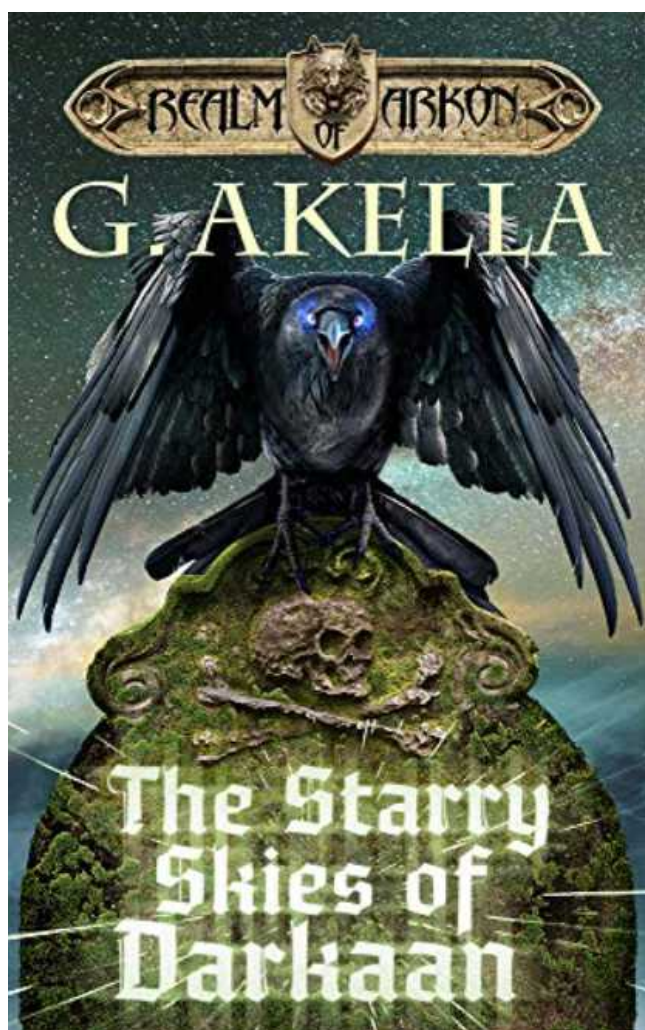
<https://writercenter.ru/profile/Sergey76/whois/>

Лисовская Виктория

<https://writercenter.ru/profile/rebella/whois/>

Георгий Смородинский

Георгий Смородинский — российский писатель-фантаст, работающий в жанре ЛитРПГ. Увлечение виртуальными играми и значительные достижения в этой сфере вылились в желание создавать собственные истории. Дебютный роман автора «Семнадцатое обновление» вышел в издательстве «Эксмо» в мае 2015 года. С тех пор было опубликовано больше десятка книг, выпущены аудиокниги и сделан перевод книг первого цикла на английский язык.



Художник Сергей Атрошенко

Георгий, расскажи, с чего все началось? Ведь не все, кто увлекаются компьютерными играми, берутся за перо.

Шестнадцать лет назад я пришел к выводу, что если нет стартового капитала, то единственное, на чем можно заработать деньги — это на своих мозгах. Я решил написать книгу. Писал девятнадцать дней, потом понял, что пишу ерунду и остановился. Это было фэнтези, про попаданца.

Ты изучал рынок, прежде, чем решился зарабатывать на литературе?

Нет, не изучал, просто подумал, что писатели зарабатывают много, и начал писать. Потом узнал, что максимальный заработок с продажи первой книги будет приблизительно 1000 долларов. На тот момент это была моя месячная зарплата. Так что смысл писать ерунду пропал начисто. В тот первый раз я не видел интересного развития сюжета и решил не мучить ни себя, ни потенциальных читателей.

Ты учился писать? Посещал какие-нибудь курсы?

Нет. Я вообще считаю, что по большей части все эти курсы только вредят. Писать нельзя

научить, можно только научиться. И до сих пор убежден, что человека можно в лучшем случае направить, проконсультировать по структуре текста и т.д. Хотя один мой знакомый посещал такие курсы, в итоге вышел на бумаге и пишет достойные книги.

А начиналось все с компьютера. Вот и сейчас я с тобой разговариваю, а сам нахожусь в шахте, в игре Path of Exile. Бегу за тележкой, забегаю во всякие штольни, убиваю монстров и добываю ископаемые. В ММО РПГ (компьютерная игра, в которой жанр ролевых игр совмещается с жанром массовых онлайн-игр) я играю с 1997 года, с момента их появления (Ultimaonline). В начале двухтысячных в продаже появились книги в жанре ЛитРПГ (LitRPG), о попадании героев в компьютерную игру и об их приключениях. А в 2014 году вышла первая книга серии LitRPG в "Эксмо". Тема была мне очень интересна, и эти книги я буквально проглотил. А поскольку я много играю и очень хорошо знаком с этой тематикой, мне стали заметны сюжетные неувязки и логические дыры. Я решил, что проще писать самому. Так появились первые главы рукописи. За три дня я написал фанфик на книгу Дмитрия Руса. Идея сюжета у меня была давно, но самостоятельное произведение писать было страшно. На четвертый день вышла четвертая книга Дмитрия, я ее прочитал и понял, что этот мир — не мой мир. Он не подходит под мою задумку. И я решил написать свою книгу, в которой хозяином буду я сам. У меня было написано всего четыре страницы, поэтому я за один день поменял мир Дмитрия на мир Аркона. С тех пор вот пишу.

Ты знал с самого начала, что у тебя будет десять книг?

В основной серии их девять. Десятая — это начало новой серии по тому же миру. Нет, конечно. Рассчитывал максимум на две-три. Однако я был уверен в своих силах, знал, что буду издаваться. Поэтому никогда не писал под псевдонимом. Смысл заниматься чем-то, если ты не уверен в результате?

То есть твоя цель была — книга на бумаге?

Моя цель была — написать такую книгу в жанре, чтобы ее, помимо всего прочего, могли читать игроки. Второй целью был перевод на

иностранные языки. Поэтому действие книги начиналось в Сан-Франциско. Я точно знал, что буду переводить, хотя и не знал, что такое перевод и сколько с ним сложностей. Моя первая книга на английском попала в десятку Heroic Fantasy. Третья неделю висела на первом месте в Дарк Фэнтези, и четвертая столько же — в киберпанке.

Ты сразу отправил книгу в издательство?

Нет. Первые полкниги я написал, не зная, что есть самиздат. Тогда все только начиналось, сейчас есть более интересные сайты. Но сначала я отправил рукопись другу. Он живет в Питере и его зовут Макс. Как и второго героя моей книги. Хотел услышать мнение. Впрочем, независимо от его ответа, я все равно бы продолжил писать, потому что в этот раз знал, что у меня выходит нормально. Макс сказал: «Пиши исчо!». А чуть позже я узнал про Самиздат и выложил написанное туда. Кучу времени потратил. Тогда это сложно было. Перед этим еще прочитал статью Никиты Аверина... В ней гово-

Художник Сергей Атрошенко





Илл. ко 2-й книге "Проклятое книжество". Художник Сергей Атрошенко

рилось, что если будут приходить хотя бы сто читателей в день, то есть шанс, что книгу напечатают. На третий день после выкладки у меня было 400+ посещений в день. Как оказалось, неполную книгу слили на Флибусту, и народ подтянулся оттуда.

А комментарии тебя не сбивали? Сложно же продолжать писать, если читаешь критические отзывы.

А чем можно сбить человека, который уверен в своем тексте? У меня мама филолог, а знаю, что и как я пишу. Что вообще такое критика? В 99% случаев это либо вкусовщина — нравится, не нравится, либо обыкновенное хейтерство. Если человек указывает автору на недочеты (ошибки в тексте, логические дыры и т.д.) — то это не критика. Такому человеку я был бы очень благодарен. Логических дыр у меня никто пока не нашел, а ошибки встречались, и спасибо тем, кто мне на них указывал.

Все начиналось с желания заработать, поэтому вопрос — можно ли заработать писательским трудом?

Можно, если писать интересные книги. Есть еще второй способ: выдавать до 10-20 тыс. знаков в день того, что читатели готовы читать. Сейчас есть такие сайты как author.today. Если выкладывать обновление каждые два дня, книга будет держаться в топах. Пишешь много текста, читатели привыкают к серии. Таким образом можно зарабатывать. И в основном это экшн, подростки его охотно читают. Если будешь писать меньше, начнешь терять читателей и, соответственно, заработок.

Но я против такого подхода. Я считаю, что это путь в никуда. Вчера я написал хорошо если тысячу знаков и доволен, как помытый слон. У меня каждая глава вычитывается раз по шесть — это минимум. Я подбираю слова, меняю их местами, ищу лучшее звучание. Я считаю, что выдавая за раз 10 тысяч знаков написать достойную книгу сложно. Это возможно, есть такие примеры, но сложно. Однако, таким образом можно зарабатывать тысяч 100 в месяц, для многих это очень хорошие деньги. Я как раз начинал с того, что хотел заработать деньги, у меня с этим ничего не вышло. И теперь я пишу то, что мне реально нравится, то, от чего меня прёт.

Что приносит изданная книга в реальности?

Над книгой автор работает 3-8 месяцев. За первую книгу тиражом 2 тысячи экземпляров заплатят в лучшем случае 30 тысяч рублей. За полгода работы это не заработок. Бумага интересна начинающему автору, чтобы прийти в магазин и увидеть свою книгу на полке. Других бонусов за такой труд фактически не будет. Если издатель берет исключительные права на электронное издание (АСТ пытается это делать), то от такого издателя, наверное, лучше отказаться. Если твоя цель — увидеть книгу на полке, то отдавайся издательству на любых условиях. Все зависит от автора.

Если бы мне не оставили права на английский язык, я бы на бумаге издаваться не стал. Потому что моя цель была выйти на Amazon. "Эксмо" не берет права на электронку. На ней автор зарабатывает сам. И это намного больший заработок, чем то, что можно получить за бумагу. Поэтому обязательно нужно выкладывать произведения в сеть, а не держать их при себе.

Первую книгу выложишь бесплатно, а вторую поставишь уже в серию и будешь на ней

зарабатывать, если она станет популярна. Если считаешь заработать на бумаге, то должен понимать, что ты полгода пишешь книгу, это в лучшем случае, потом отправляешь в издательство, ждешь ответа пару недель (мне ответили через десять дней, повезло), а так, может быть, придется полгода договариваться с издательством, потом через полгода книга выйдет, и в результате деньги ты получишь через год-два. На это не проживешь. Поэтому лучше всего выкладывать текст в сеть, и издательство найдет тебя само. Но даже если этого не произойдет, не нужно расстраиваться. Я знаю очень хорошие книги, которые не издаются на бумаге, потому что подходящих серий под них нет.

А как ты относишься к пиратству? Вот ты выкладываешь книгу, и через час она уже залита на пиратском сайте.

И что с этим делать? С пиратством борется Роспотребнадзор. Это не моя область. Мужчинам лучше выкладываться на author.today, женщинам больше нравится litnet, там больше женской аудитории. На этих сайтах стоит защита от нелегального скачивания. Но на самом деле, если вы





Художник Сергей Атрошенко

начинающий автор — радуйтесь, что вашу книгу скинули на пиратский сайт. Это значит — вы популярны, вас читают. А если же хотите заработать на книге — то сейчас есть такая опция, как подписка. Выкладываются первые главы бесплатно, а остальные по платной подписке. Практически все крупные литературные сайты работают по такой схеме. В итоге автор зарабатывает в процессе написания книги.

Но я незаконченные книги по подписке не продаю. Половину книги выкладываю бесплатно. Читатель видит, о чем я пишу. Потом я ухожу дописывать книгу, и когда она закончена, объявляю подписку. Пиратам не интересно скачивать полкниги, у них это не приветствуется. Поэтому пока книга не выложена целиком, она на пиратском сайте не появится. И я очень хочу посоветовать авторам публиковать в сети только вычитанные книги. Иначе рукопись улетит к пиратам, и вы не сможете потом исправить ни одной строчки. А это все-таки ваша визитная карточка. Себя нужно уважать. Как и читателя.

Как ты работаешь над рукописью?

Я вычитываю книгу минимум шесть раз. Сначала пишу отрывок, вычитываю, потом отправляю другу. Он — бета, друг вычитывает, отправляет мне. Я часов через семь еще раз этот кусочек просматриваю, уже в основном тексте. Когда формируется глава, я еще трем бетам отправляю текст, они высказывают замечания (по тексту, но не по сюжету, тут я не слушаю никого). И в конце, когда книга закончена, я еще раз вычитываю рукопись и отправляю редактору. Она вносит правки, как находит правильным, но я еще раз вычитываю книгу и вношу изменения в текст, если считаю, что мой вариант лучше и точнее. К книге нужно относиться, как к любимой женщине. Это очень важно. Я считаю, что у нее должно быть все лучшее: художник, редактор, переводчик. К примеру: когда на Amazon вышла первая книга, в комментариях писали, что до последней строки не догадывались, что автор из России, а книга переведена. Переводчик у меня Mark Berelekhis — считаю его лучшим переводчиком из тех, кто переводил ЛитРПГ на английский. Все мои книги озвучены лучшим в России декламатором в жанре ЛитРПГ — Геннадием Коршуновым. На английском декламатор Nick Podehl, он озвучивал также книги Патрика Рофтусса. Художник Сергей Атрошенко. Мне повезло с этими людьми, я им очень благодарен.

Расскажи, как создаются обложки и иллюстрации к твоим книгам.

Практически ко всем книгам обложки делал Сергей Атрошенко, мне его рекомендовали. Чтобы сделать обложку, мы встречаемся. Я пересказываю сюжет книги, а он принимает решение, что будет изображено, находит самый лучший и верный вариант. Сергей очень хороший художник. Для первой книги второй серии мне делала обложку Ксения Никельсон. Она быстро рисует эскизы и цены у нее адекватные. Я доволен.

Ты книгу пишешь для себя или для читателей?

Я пишу и для себя, и для читателей. Я считаю, что если ты делаешь то, что нравится тебе, то ты найдешь единомышленников, людей, которые на тебя похожи.

Есть такая идея: если автор пишет только для себя, то его не читают, а если пишет

то, что интересно другим, улавливает, то, что людей волнует, то его читают.

Я пишу то, что интересно мне. Я не верю в рассказы из серии: «Я пишу для себя, поэтому меня не читают». Это заявление неудачника. Если тебя не читают, то ты или плохо написал, или у тебя неинтересный сюжет, или ты врешь в деталях. К тому же книга — не личный дневник, а значит, любой пишущий хочет, чтобы ее читали. Если тебя не читают — работай над сюжетом, языком, пиши о том, что волнует. Если ты пишешь так, что интересно тебе, то твоя книга обязательно будет интересна другим. Тебе главное их найти. И твою книгу будут читать. Ты писал для себя, ты знаешь, где искать похожих на тебя людей, и ты знаешь, кто будет тебя читать. Если книга нравится одному человеку, она понравится многим, а если тебе самому не нравится, то что ты ждешь от своей книги?

У тебя есть секреты, которые дают тебе силы писать дальше?

Секрет простой — пинками себя загнать за компьютер, открыть программу и начать первое предложение. И делать это каждый день. Да,

порой тяжело, порой не хочется, но ты все равно заставляешь себя. В итоге начинаешь писать и уже не останавливаешься. Да, я боюсь написать какую-нибудь хрень. Этот страх есть, наверное, у каждого автора. Вдруг то, что ты пишешь, будет никому не интересно? Но когда начинаешь писать, то все сомнения исчезают. И у меня есть свое лекарство. Чтобы сосредоточиться на книге, я выхожу из дома и иду пешком до метро и обратно. Больше половины моих книг написаны в телефон.

Как это возможно? Я понимаю, что житель Москвы может себе позволить разные опасные для жизни вещи, но такая картина в моей голове не укладывается.

Я раньше на ходу читал, теперь на ходу пишу. Пять километров до одной станции, или семь — если до другой (туда-обратно), и по дороге обязательно страничку напишу. Это легко, ты сконцентрирован только на тексте, другие программы не отвлекают, и у тебя есть час на написание. Прихожу домой, сбрасываю на компьютер, причесываю, и текст готов. Сложно только зимой — руки мерзнут...



Илл. к 5-й книге "Долгая дорога на Карн". Художник Сергей Атрошенко



Художник Ксения Никельсон

Это самое невероятно из всего, что я до сих пор слышала... И люди не мешают, ты ни с кем не сталкиваешься?

Нет. В метро еду и пишу, по переходу иду и пишу, боковое зрение есть у всех. Я двадцать лет читал на ходу, теперь, вот, пишу. Это не сложно. На ходу мысль лучше работает, свежий воздух, полная активность. Все нормально.

Ты много времени проводишь за компьютером, за игрой. Такой поведение принято называть — игрозависимым.

Такое только раз в три-четыре месяца происходит. Если новый сезон игры стартует. Месяц играешь, потом ждешь старта следующего сезона или выхода чего-то нового. Было время, когда я играл месяцами и спал всего четыре часа в день, при этом еще и работал. Мне игры никакого вреда не принесли, один сплошной позитив. Много друзей появилось, общение насыщенное, интересы общие, к тому же книги пишу на тему, с которой хорошо знаком.

Так все-таки у тебя есть игровая зависимость или нет?

Нет... Я понимаю, как это звучит. Ни один наркоман не скажет, что он наркоман. Попробую объяснить... Когда стартует новая игра, настоящая, интересная, собираются все ребята, и ты стараешься максимально долго играть, чтобы сохранить тот кайф, который получал в свои двадцать семь лет от первых игр, в которых участвовал. Ты знаешь, что пройдет совсем немного времени и это ощущение уйдет. И нужно будет ждать еще полгода, пока появится что-то новое. Так что это не зависимость. Точнее, я специально пытаюсь вызвать у себя зависимость, чтобы получать радость от процесса игры, придумываю задачи, чтобы подольше поиграть.

Насколько ты сам присутствуешь на страницах своих книг?

Разумеется, мой герой — это частично я. Идеализированная копия меня, наверное. В первой серии у меня девять книг про одного героя. Точнее, про двух — Макс и Роман. А вот вторая серия началась по тому же миру, но герой у меня другой. Наверное, это тоже в каком-



Художник Ксения Никельсон

то смысле я, но сам герой не похож ни на одного из персонажей первой серии. То есть по сути это не продолжение, а отдельная книга. Герой второй серии не любит людей, он одиночка. Кто-то считает его социопатом. Ну а я ставлю себя на его место и понимаю, как он будет поступать и думать. Считаю, что любой герой несет черты автора, но он — не автор. В первой серии книг Роман — офицер авиации, я учился в харьковском высшем военном авиационном училище. Он работал начальником отдела продаж, я работал начальником отдела продаж, потом коммерческим директором и т.д. Со вторым героем такого сходства нет.

Как по-твоему, заменит ли электронная книга бумажную?

В прошлом году бумажные книги на мировом рынке показали рост продаж. Особенно книги для детей. Детская книга не исчезнет точно. Учебная литература тоже останется. Художественная, скорее всего, трансформируется. Издательства сами виноваты в сложившейся на рынке ситуации, слишком много выходило трендовых некачественных книг. Думаю, со временем рынок очистится, мусор отсеется. Читателю будет легче найти своего автора.

Несколько слов о семье. Как тебе удалось жениться при такой занятости?

Я сначала женился. У меня еще трое детей. С женой мне тоже повезло.

Как относятся родные к твоему творчеству?

Старшая дочь пару книг прочитала. А вообще они гордятся папой. Вроде как есть чем...

Над чем ты сейчас работаешь?

Над второй книгой второй серии. Процентом 90% написано. Надеюсь, скоро читатели ее увидят.



Художник Сергей Атрошенко

Что бы ты пожелал тем, кто только берется за перо?

Я хотел бы посоветовать начинающим авторам — пишите то, что интересно вам, то, что знаете по собственному опыту. Не думайте, что ваша жизнь неинтересна и вам не о чем рассказать. Не сомневайтесь в своих силах и выбирайте точные цели. И ваш читатель вас найдет.

Беседовали
 Анна Михалевская и Ула Сенкович

Георгий Смородинский
<https://author.today/u/id212808728>
https://vk.com/realm_of_arkon

Анна Михалевская
<https://writercenter.ru/profile/Bibigul/whois/>

Ула Сенкович
<https://writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/>





В старые времена была одна почетная, но ныне забытая профессия — плакальщица. Это мастерицы песен на погосте, и их плач сопровождал умерших в другой мир. Но было и еще одно древнее мастерство. Потому как есть еще один мир, в который каждый день отправляются люди и каждый день возвращаются. У него свои проводники. Имя им — колыбельницы. Колыбельницы пели свои песни не младенцам. Они пели тем, кого баюкать не принято. Они пели тяжело раненым и выздоравливающим. Пели повидавшим жизнь старикам. Пели путникам из дальних краев. Пели морякам, пережившим шторм. Пели работникам, уснувшим за работой. Пели правителям в гулких залах. Пели тем, кто не просил нежности, но нуждался в ней. Колыбельные песни должны были провести человека правильной тропинкой в сонное царство, тропинкой, которая вела к облегчению и отдыху. И также вывести обратно, чтобы облегчение и отдых не стали вечной данью. Потому что если не сделать этого — спящий мог уже не вернуться. И уж тогда его можно было передать только в руки плакальщиц. Вот одна из их песен, прозванная Соколиной:

«Как волна шумит над тобой. Как леса поют над рекой. Как гроза гремит над горой — так в тебе я слышу печаль. Та печаль соткана из травы и смолы, та печаль соткана из песка и слезы, та печаль соткана из крови и иглы. И она родилась не с тобой. И она родилась не зимой, а весной. И она родилась, но не стала тоской. И не станет тоской никогда. У тоски долгий взгляд и стальное сверло, кривой коготь и жало в руке. А печаль — это сокол, сломавший крыло. А печаль — наконечник, попавший в ребро. А печаль — улетевшее в небо перо. А печаль — на темных висках серебро. Протяну к тебе руку, смахну серебро. Вместе с ним я смахну и печаль. Вместе с ним я смахну и все то, что старо. Но оставлю взамен соколино перо. То перо — не перо, а отныне клеймо. То перо — не перо, а отныне добро. То перо — не перо, а отныне письмо. Отшумят над тобой волны, сосны, гроза. Отшумят вьюги, ветры и дождь. С этим легким пером на любом берегу ты дорогу обратно найдешь. Ты найдешь свою песню, найдешь свой огонь. Ты найдешь свою силу и сталь. Ты найдешь дом, очаг и другую ладонь. А во сне ты оставишь печаль...»



Анастасия Кардашова

Анастасия Кардашова — молодой талантливый иллюстратор из Иркутска, преподаватель творческой мастерской «Солома».



— Анастасия, Ваши работы наполнены контрастом эмоций и цвета. Как бы Вы охарактеризовали свой стиль?

— Его как раз очень хорошо характеризует словосочетание «контрастные эмоции». Я всегда стремилась к тому, чтобы мои иллюстрации не были просты или однозначны по тем ощущениям, которые они вызывают. Не стремлюсь и не стремилась шокировать, пугать, встряхивать зрителя. Но в работах выделяю вещи, которые самой мне кажутся привлекательными и интересными. А это как раз контрастные, иногда конфликтующие явления. Нежность и жесткость, демонстрация и потаенность, яркость и мрачность и прочее. Чувственная иллюстрация — вот что можно сказать о моих работах. В них очень много того, что можно и нужно чувствовать...

— Как рождаются иллюстрации? Текст или бумага — что определяет образ?

— Они складываются из кусочков в целое. Это момент довольно быстрого синтеза. Для того чтобы нарисовать картинку, мне не нужен глобальный повод или особое вдохновение. Старое доброе «когда б вы знали, из какого сора» у меня очень хорошо работает. Слово, выражение, кусочек песни, мелодия, вид из окна автобуса, ситуация в жизни — и все сложилось.

• *Лесная девушка* • Иллюстратор • *Сказочница* •

— **Какое значение имеет для Вас цвет?**

— Цвет для меня выглядит как пульсация. Поэтому я выбираю насыщенные цвета и чаще всего чистые, без большого количества оттенков. Они говорят с эмоциями — моими и зрителя. То, что я не сказала в рисунке, продолжаю в цвете.





За окном стеной метель. Короткая. Открывай, говорит, мне дверь. Доставай соль, бисер и молоко. Пошугай по углам мышей, выгони с чердака ворон. Зови всех котов с округи. Вяжи сети из жил, подметай пол полынью. Расстилай белую скатерть - буду я по ней рисовать. Уводи от окна старух и детей. Разгребай на дворе сугробы. Вымой голову да пол - я там жить буду. Распарывай все швы, ломай все иглы, вплетай в гриву ленты да рассыпь муку по углам - чтобы было, где оставлять следы. Отогрей летние семена, развесь колокольчики, разлей воду по столу. Плети из соломы косы, растолки ягоды, разожги печь и натри порог дочиста. Открывай мне дверь, говорит. Жить будем.

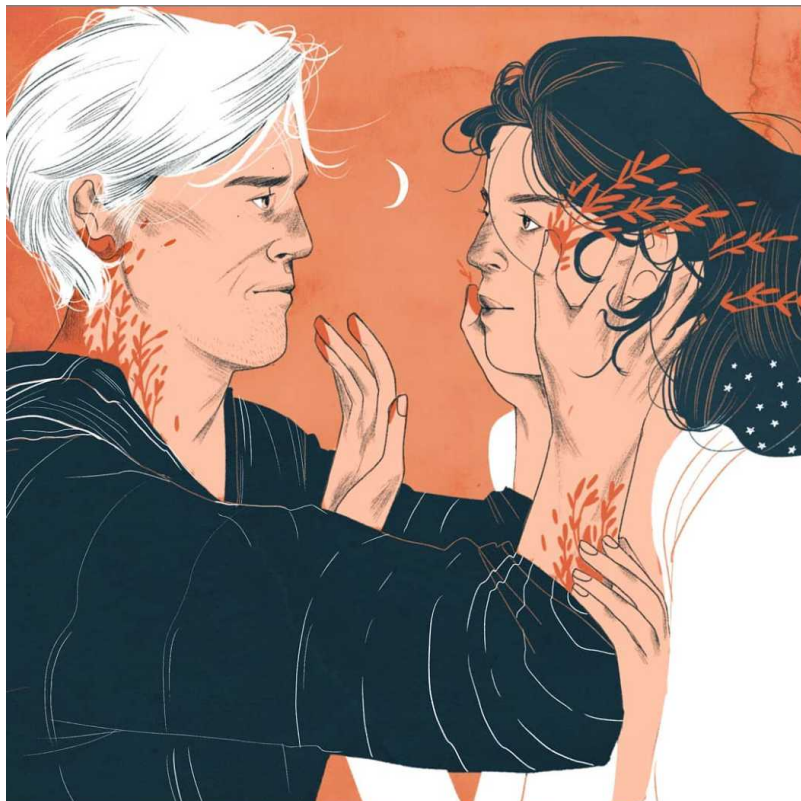
— Когда Вы начали рисовать? И почему выбрали именно такой путь?

— Я рисовала с детства. Всегда это любила. Я не отношусь к рисованию как к навыку или миссии. Это мой способ коммуницировать с миром и людьми. Поэтому я так плохо обучаюсь рисованию и так быстро учусь всему сама. Это всегда было мое, это всегда было со мной, и я просто следовала за этим.

— Что самое сложно в создании иллюстрации? Какие работы даются легко? И были ли случаи, когда Вы отказывались от работы над образом?

— Самое сложное — не торопиться на последнем этапе. Есть такое понятие, как отточенность. Для меня она важна, но иногда желание увидеть завершённую картинку сильнее меня. На определенном этапе работы приходится себя отлавливать и замедлять. Легко же даются те работы, которые основаны на личном опыте или перекликаются с ним. В этом случае нужно очень мало, чтобы начать рисовать. А сложнее всего дается процесс рисования, если присутствует вмешательство извне. И те редкие случаи, когда я отказывалась работать над картинкой, были с теми заказчиками, которые активно и целенаправленно вмешивались в мой процесс. Так всегда выходили вымученные вещи, которые мне не нравились.





*И если я любима, то я - это всё ещё я.
И если я не любима, то я - это всё ещё я.
И если со мной легко, то я - это всё ещё я.
И если со мной непросто, то я - это всё ещё я.
И если я понятна, то я - это всё ещё я.
И если понять трудно, то я - это всё ещё я.
А что насчет тебя?*

Мёд тягуч. Он течёт медленно, как время и дерево. Хороший мёд прозрачен, золотист, а под его сладостью ты чувствуешь горчинку полыни и гречихи, обещание пряной медовухи, отголосок полей и полезную глубину лекарства.

Сталь горяча. Она проходит огонь и воду, воду и огонь. И так тысячи раз. Она встречает мягкую плоть, грубое дерево, вкусную кровь. Проходит сквозь всё это, не останавливаясь. Оставляет после себя чистоту и пустоту. Сталь обещает тебе крепкую руку и большие дороги.

*Попробуй сталью разрезать мёд. Проткни его, разруби, порежь. Если получится, расскажи мне. Сколько бы не пытаться - мёд возвращается к своим прежним берегам. Один край стремится к другому краю, разрезанное сливается с отрубленным, и снова становится медовой рекой. Разрежь мёд - он вернется к своей целостности. На стали же останется его след.
Так что вернёмся к началу.*

*Если я любима, то я - это всё ещё я.
Если я не любима, то я - это всё ещё я.
Вне зависимости от обстоятельств, я - всегда я. Мой центр внутри меня.
А что насчет тебя?*



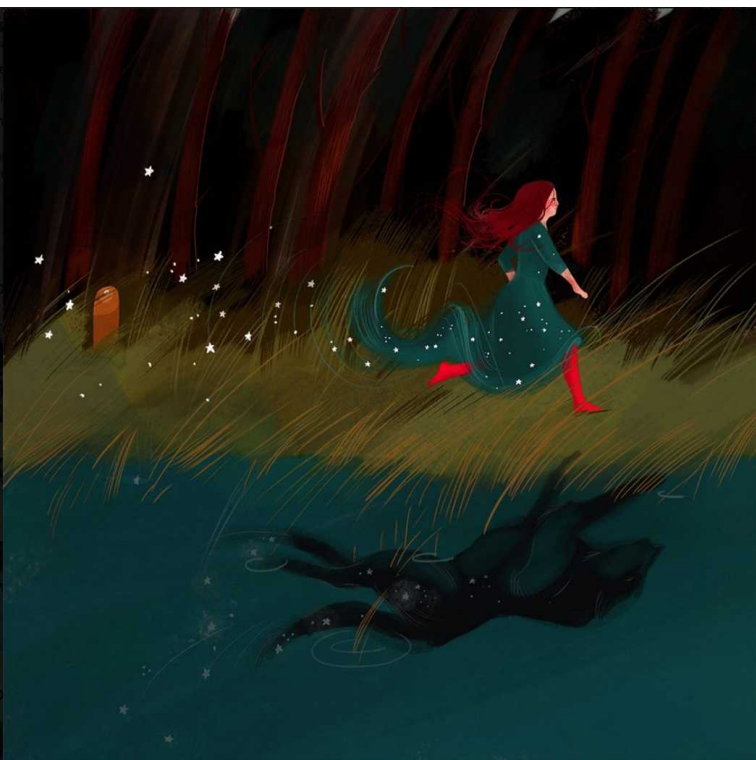
— Насколько Ваши работы личные? Образы, которые Вы создаете, это история о сокровенном? Должен ли художник открывать сердце?

— Все мои работы — очень личные. И бывают такие моменты, когда я сомневаюсь, что работу нужно показывать. Но сколько бы я не сомневалась и не боялась, я вижу: самые личные истории находят самый большой отклик. Думаю, это потому, что человеческий опыт по большей части универсален. Мы все проходили через разные истории и пережили разные радости и трудности. Но эмоции и чувства испытывали одинаковые. Человек способен понять человека. Поэтому я свое сердце — и свои истории — раскрывать не боюсь.

— Почему человеку дается такой дар — быть творцом? Как по-вашему, в чем предназначение художника?

— Я не знаю точно ничего о предназначении и даре. Все, чего можно достичь в любом деле, дается через труд. Мне с детства говорили, что у меня есть талант. Я в это верила, очень много рисовала. Потому что мне нравилось рисовать. Сейчас, глядя на свои детские работы, я понимаю: взрослые немного лукавили. Это обычные детские работы, ничего гениального там нет. Но мне создали хорошие условия для развития способностей: в меня верили, помогали и давали возможность заниматься. Труд и поддержка — лучшие спутники проявления любого таланта. А предназначение художника — рисовать. Это показывает мир с разных сторон. Это дает людям увидеть его глазами других. Это дает возможность прикоснуться и почувствовать то, мимо чего мы проходим и чего не испытываем.





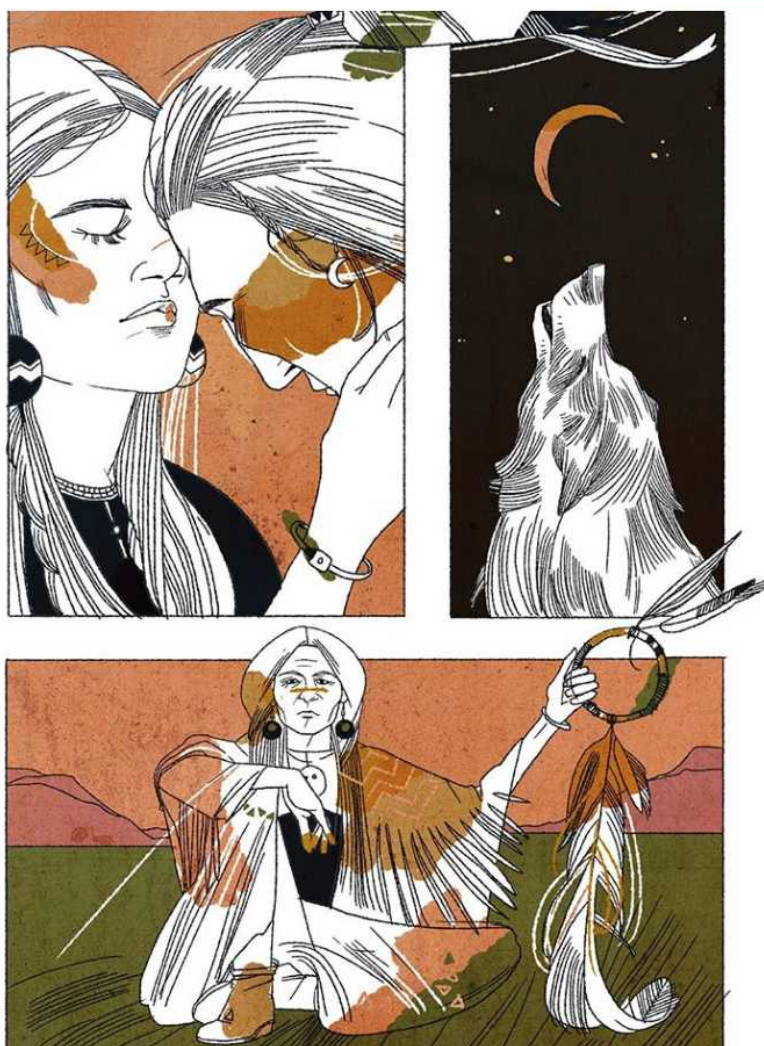
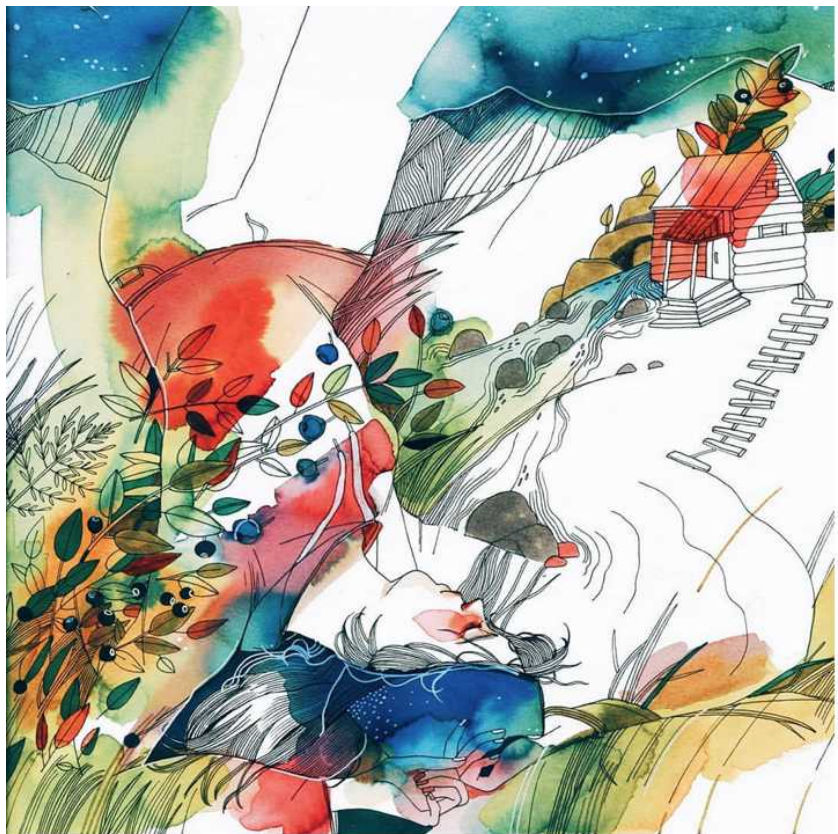
СВОЙ ЧЕЛОВЕК
МОЖЕТ ПОНАЧАЛУ НЕ ПОНРАВИТЬСЯ.
ИЛИ ВЫ ЕМУ. ВЫ МОЖЕТЕ ДРУГ ДРУГА
НЕ ЗАМЕТИТЬ.
главным будет не это.



ГЛАВНОЕ -
ВСЁ ВОЗРАСТАЮЩЕЕ
ЧУВСТВО ДОВЕРИЯ
К ЭТОМУ КОНКРЕТ-
НОМУ ЧЕЛОВЕКУ



и возрастающее
качество
общения



Так живешь, обычной, как тебе кажется, жизнью. Готовишь ужин, строишь планы на выходные, довольствуешься тем, что нашел, наконец, баланс между работой и чем-то личным. Забываешь уже, что может быть по-другому. А потом встречаешь кого-то из них – неважно, на шумной ли улице, или прямо у своего порога. И чувствуешь, как мир оживает лотосом, синей птицей, ласковым сердцем в твоей груди. Как они красивы: безумная смесь ироничности, дерзости, доброты. Как они находят силы в себе идти, даже если напуганы, сбиты с ног и толку. Носят в себе музыку, сны и сказки. Да что там – носят! Кажется, состоят из них, как другие – из костей и кожи. Возвращают упавшие звезды туда, где они нужнее: в сердца отчаявшимся, боящимся темноты. Берегут цветы от сквозняков, словами отогревают холод молчания и не столько ждут чудес, сколько учатся принимать участия в их создании. Совершенно реальные, из костей и кожи на самом деле. Включающие свет, выключающие ложь. Я не знаю, что ты там говоришь об обычной жизни, когда так безумно на них похож...

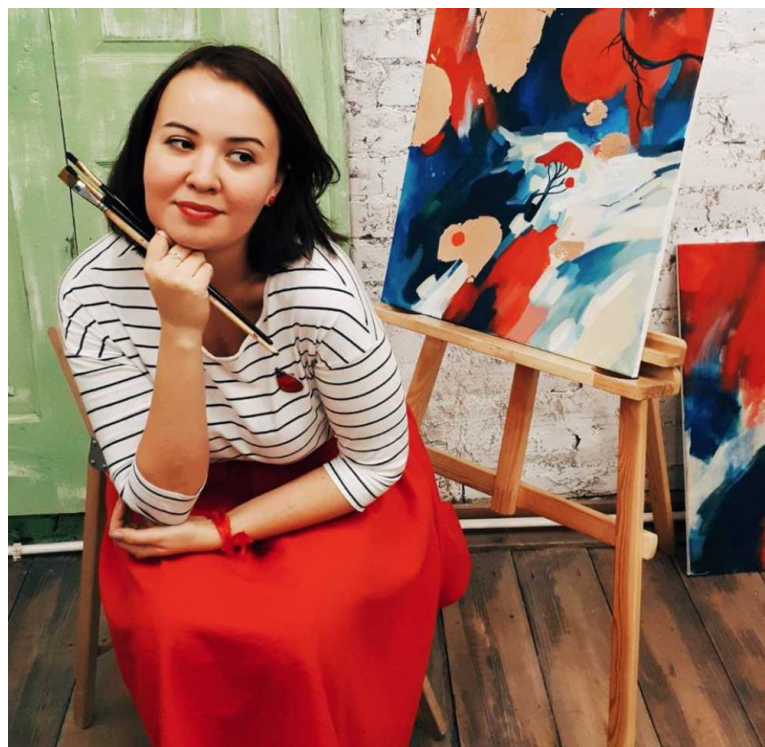
— Хотели бы Вы изменить мир? Если да, то каким Вы его видите?

— Мне кажется, в мире есть все, что можно представить. Он изобилен и широк. Единственное, что мне бы хотелось, — чтобы каждый знал об этом. И смог достичь то, что ему нужно путем этой веры и приложенных в нужном месте усилий.

— И напоследок несколько слов о себе. Остальное расскажут ваши работы...

— Не раз и не два я писала что-то о себе. И знаю, что такое обычно читать интересно. Но фишка в том, что я в каждой работе, в каждом тексте пишу о себе. Поэтому лучше всего обо мне расскажет вот такое маленькое заключение: «Я девушка. Я рисую. Мне здесь нравится»...

Беседовала Ула Сенкович



Анастасия Кардашова

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100001954725812>

<https://www.instagram.com/krrappiva/>

<https://www.instagram.com/soloma.studio/>

Ула Сенкович

<https://writercenter.ru/profile/Senkovich/whois/>



Лисовская Виктория

Между

Между светом и тьмой,
между злом и добром
Мы не видим различий.
А значит, потом
разобраться не сможем.
Ведь весь этот свет —
мир, где белого нет,
мир, где черного нет.
Мир, где каждый из нас заточен, как в тюрьме...
Серый ветер шумит
(холодок по спине!),
шепчет лживую правду,
правдивую ложь,
разобраться мешая, кто плох, кто хорош.
Ошибиться легко:
не поймешь по глазам,
кто подумал о ком,
кто о чем не сказал.
Кто разрушил дома,
кто возвел города,
по движению рук не поймешь никогда.
Даже друга с врагом перепутать легко,
если друг к тебе зависть питает тайком.
Перепутать легко даже счастье с бедой...
Перепутать легко глубину с пустотой.
Но не сер этот мир —
это пыль лишь в глазах.
Нет тюрьмы на земле,
нет замков в небесах.
Только в сердце тюрьма,
а ключи — в самом дне,
в темноте,
в серой мгле,
в тайнике, в глубине.
Охраняет ключи тренированный страж —
он ночами не спит,
верный пес,
серый Страх.
Лишь его отпусти,
только сердце открой —
и начнется борьба между светом и тьмой....



Вербовая Ольга

Брусника и водяной

Была я восьмиклассницей когда-то,
Из школы приходила вся в слезах.
А мама, мол: «Сама ты виновата!
Ведь ты же замухрышка — просто страх!».

А папа мне, заместо утешенья:
«Ты страшенькая — в том твоя беда!
Не жди ты понапрасну улучшений,
Коль обижают — будет так всегда».

Однажды к речке я пошла топиться:
Зачем мне жить, с лица такой дурной?
Нежданно забурлила вдруг водица,
И тут же показался водяной.

Ругал меня: «Эх, глупая девчонка!
Удумала, что слушать-то невмочь!
Лови брусники горсть! Полей сгущёнкой,
В ближайшую безлунную съешь ночь.

Да без капризов, чур, и без эксцессов!
Не выкинешь ещё чего-нибудь —
Наутро превратишься ты в принцессу,
А „ замухрышку“ напрочь позабуди!».

В красавицу с тех пор я превратилась,
Чудесных ягод стоило лишь съесть...
Не то чтоб внешне сильно изменилась,
А просто полюбила то, что есть.

Лисовская Виктория

<https://writercenter.ru/profile/rebella/whois/>

Вербовая Ольга

<https://writercenter.ru/profile/stefahn/whois/>

Amanda Cass



Художник Николаев Павел

Крыжовникова Капитолина

Муза покоя

Когда затихает навязчивый солнечный шум,
Приходит моя горделивая муза с Луною,
Диктует стихи, что-то ласково шепчет коту
И варит напиток турецкий, чтоб выпить со мною.

О Муза Покоя, из прочих злосчастных стихий
Я вечной борьбы беспокойное выбрала поле
И путь свой пройду, пусть не видно от боли ни зги,
Пусть все отвернутся, скажу лишь, что вольному воля.

Мой компас — внутри, не подвержен влиянью извне,
Он вместе со мной претерпел все шторма и невзгоды,
Но если мы выстоим в этой извечной борьбе,
Удержим свой курс, вопреки и молве, и погоде.

Утихли ветра, мы с тобою на кухне сидим,
Читаем стихи, наблюдая туман за рекою —
Он скоро уйдет, как рассеются горе и дым,
Останутся — путь, верный компас и Муза Покоя.

Крыжовникова Капитолина

<https://writercenter.ru/profile/edem/whois/>



Корзинка с яблоками

Мааэринн

Машина зарылась колесами в снег и встала. Татьяна вышла, по девственно-белой целине добрела до забора. Калитка привычно заскрипела и сгребла за собой небольшой сугробчик. «Зима еще и не началась, а дорожки уже пора чистить», — подумала Татьяна.

На скрип из-под крыльца вылезла старая дворняга и хрипло залаяла, но, узнав гостью, завилыла задом, потрусилась навстречу. Лай сменился заискивающим тявканьем.

— Найда, старушка, — Татьяна потрепала собаку по кудлатой холке, — здравствуй. Ну как вы тут, а?..

Дворняга лизнула руку и нахально сунула нос в пакет с продуктами.

— Голодная? Опять тебя покормить забыли? Эх, горе-хозяйка у тебя...

В большом пакете Татьяна нашарила сосиски, наощупь оторвала пару и сунула Найде. Та, благодарно взвизгнув, ухватила добычу и уползла под крыльцо.

Оббивая сапоги о ступени, Татьяна поднялась на крыльцо и громко постучала.

— Мама! — С некоторых пор мать начала запираться даже днем.

За дверью было тихо. Постучав еще раз, сначала открытой ладонью, потом снова кулаком, Татьяна позвала громче:

— Мам, это я, Таня! Открывай!

Зашуршали шаги, дверь приоткрылась:

— Танюшка, ты что ли? — И распахнулась полностью. — Приехала наконец! Заходи скорее, заходи...

Хозяйка — крепкая старуха в неряшливом шерстяном платье и сбившемся на сторону цветастом платке — всплеснула руками и посторонилась, пропуская гостью внутрь.

— А я жду тебя, жду. Редко стала к матери-то наезжать.

— Мам, да как редко? Только позавчера же была.

— Позавчера? — мать, запирая второй замок, замешкалась. — Это во вторник, что ли?.. Во вторник «Машу» по телевизору показывали, три серии подряд... я до ночи смотрела, не было тебя.

Через темные сени они вошли в дом — небольшой пятистенок, когда-то ухоженный и чистенький, теперь основательно запущенный: штукатурка местами растрескалась, вздулась пузырями давно не подновляемая побелка, углы потемнели от пыли и копоти. По-хорошему, давно надо было ремонт сделать, но после смерти отца мать ни в какую не соглашалась. «Как отец побелил — так и хорошо, так и жить будем», — повторяла она, и Татьяна отступалась. Понимала ли мать, что отец давно на кладбище или все еще думала, просто вышел до соседа и скоро вернется?

Вот и сейчас она, похоже, начисто забыла и ее последний приезд, и все, о чем они договаривались.

— Мам, ну какой вторник, какая «Маша»? Четверг позавчера был, а сегодня — суббота. — Татьяна старалась говорить мягко, как с ребенком. — Ты помыться хотела, так я обещала баню испить, не помнишь, что ли?





Художник Пролесковская Валентина

— Четверг?.. — мать замерла, теребя подол платья. Взгляд ее сделался мутным, плечи опустились, и весь вид — поникший, растерянный — состарил ее лет на десять. — Что я, по-твоему, дурочка? Не знаю, когда четверг, а когда вторник?

Сердце Татьяны заныло от беспомощной жалости.

Затмения разума у матери она заметила сразу после смерти отца. Быть может, такое случалось и раньше, но Татьяна жила в городе, приезжала раза

два в месяц, чаще — вместе с мужем, детьми и внуками, и тогда они помогали по хозяйству, топили баню, парились, а потом устраивали шумное застолье, обменивались новостями, шутили и смеялись. Мама болтала и смеялась вместе со всеми, и никто не замечал за ней странностей. Разве что отец, уже в больнице, часто спрашивал: «А мать-то как там?» И на уговоры, мол, все в порядке, мама здорова, лишь повторял: «Вы ее одну не оставляйте».

Татьяна прошла на кухню и водрузила на стол пакет из супермаркета:

Проза. Реализм

— А я продукты привезла: помидоры с огурцами, манную крупу — ты просила, молоко, творог, — и начала выкладывать на стол мешочки, коробки и цветные упаковки с едой.

Мать с шумом выдвинула табуретку и села. На покупки она смотрела хмуро и неодобрительно, на Татьяну не смотрела вовсе.

— Сосиски вот и ливерную колбасу с галетами — для Найды... — продолжала та, — собаку-то кормить не забывай...

— Ах, голова моя пустая!..

Мать вдруг вскочила, выбежала в сени и, набросив на плечи куртку, прямо в тапках — за дверь. Татьяна, бросив пакеты — следом.

Добежав до старого хлева, мать распахнула дверь и замерла.

— А Зорька моя?.. Зорька где? Свиныи... Кормить же пора! — всхлинула, дрожащие руки потянулись к лицу.

Подросла Татьяна, заглянула в глаза, обняла за плечи.

— Мама-мамочка, ну какая еще Зорька, какие свиныи-то? Нет у тебя скотины! Уж десять лет как нет.

— Как — нет? — мать злобно глянула на дочь, оттолкнула. — Нечего меня хватать! Куда свели Зорьку?!

И вдруг горько, по-детски, расплакалась.

Татьяна, поглаживая по спине, по плечам, с уговорами увела ее в дом. Под бесконечные рыдания: «Свели Зорьку мою, куда свели?» накапала целую ложку корвалола, заставила выпить, уложила в кровать.

— Полежи, отдохни. А Зорьку мы найдем, найдем, только не волнуйся.

После корвалола, валерьянки и пары таблеток от давления, мать, наконец, уснула. Татьяна, сама напившись успокоительного, села рядом в продавленное кресло. В голове роем гудели мысли, все те же, что мучали ее последние полгода: мать нельзя оставлять одну.

Сегодня она не покормила собаку, всполошилась и разревелась из-за коровы, о которой много лет и не вспоминала. А завтра? Сама забудет поесть или печь затопить? А того хуже — откроет газ и задохнется? Или дом спалит?

Проще всего было бы забрать мать к себе. Муж давно говорил:

— Хватит мотаться, вези сюда. Место есть. Вон, в бывшую дочкину комнату поселим, пусть живет. Соседи давно стариков из деревни забрали, и подруга твоя — тоже мать перевезла. Одна

ты все думаешь... Ну и что, что не хочет? Привыкнет, все привыкают.

Но Татьяна знала: не привыкнет. Как будет жить мама в городе, на восьмом этаже? Без лифта на улицу не выйдешь, а разве вспомнит она теперь, как управляться с лифтом? Они с мужем целый день на работе, а ей чем заняться одной в квартире, где все чужое? Нет, Татьяна, конечно, привозила мать на праздники, оставляла ночевать, и именно тогда поняла: в гостях ей плохо, неуютно и неустроенно. К тому же газ есть и в квартире. А еще балкон... Не под замком же ее держать!

Живо представилось: выходя из подъезда, Татьяна оглядывается на свои окна, и в одном из них видит мать, тоскливо глядящую ей вслед.

И оставить плохо, и забрать... еще хуже. На глаза невольно навернулись слезы.

С дивана послышалась возня, а потом голос — тихий, просительный:

— Танюша-а, дочка, ты здесь еще?

— Здесь, мамочка, здесь, куда же я денусь... — Татьяна быстро вытерла слезы и поднялась. — Как ты? Может, надо чего?

— Полегче, — мать виновато улыбнулась. — Ох и задала я дел...

— Да ничего, — Татьяна тоже улыбнулась. — Лишь бы ты не болела.

— Уже хорошо, все прошло, — она высвободила из-под одеяла руки и приподнялась повыше на подушке. — Я сейчас встану. А ты домой поезжай, сегодня уж баню-то топить не будем, а тебе поздно, муж потеряет.

— Ладно. — Про баню она и сама догадалась: после такого приступа на пользу не пойдет. Но вот так взять и уехать? Даже не поговорили! — Не хочешь баню — не надо, но давай хоть поедим? Я сварю...

— Да я и есть не хочу. Поезжай, дочка, я уж сама справлюсь.

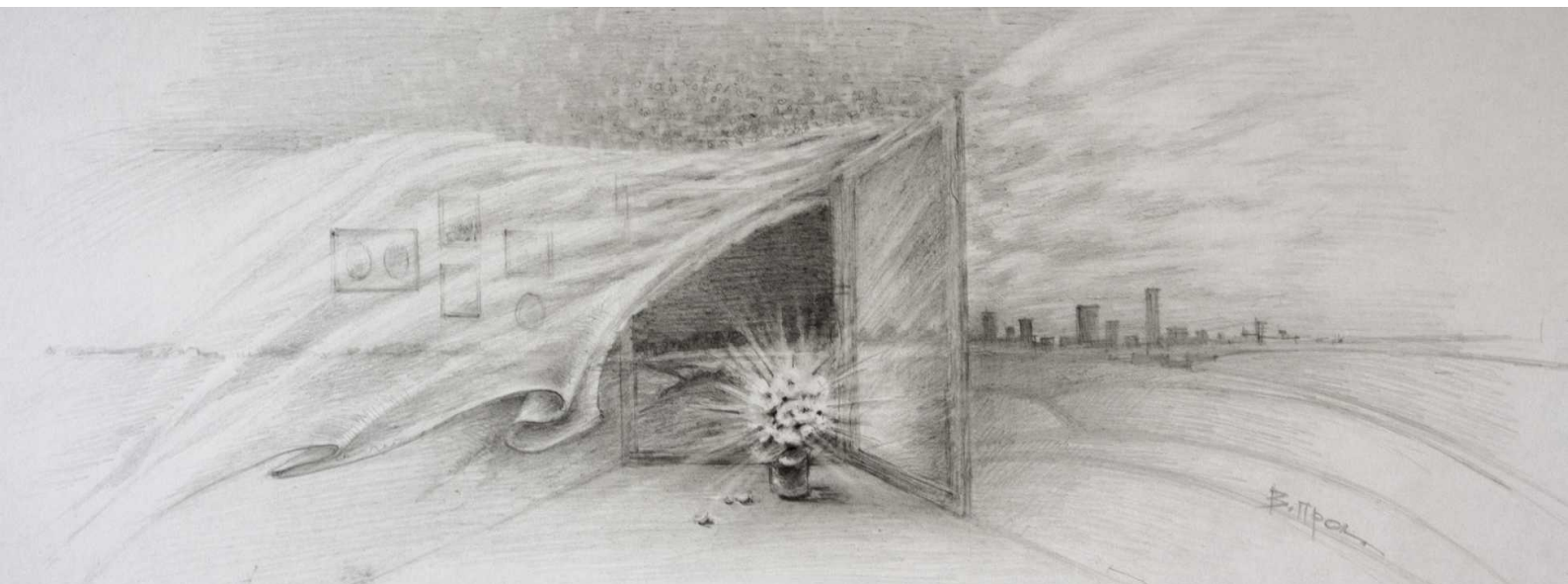
Справится она. Ни есть не хочет, ни мыться — а справится?

— А знаешь что? Поехали-ка к нам! Хватит тут одной сидеть как... как сова! — Татьяна решительно поднялась из кресла, — Я вещи соберу. На первое время, потом еще съезжу...

И она начала метаться по комнате, хватая то одно, то другое. Вот эта кофта? Нужна. Мама надевает ее, когда холодно. И пуховый платок, и вязание — чем она будет заниматься, если вязание не взять? Книжки?.. Мама любит читать. Но книжки и дома есть, найдется что-нибудь интересное. А вот очки нужны обязательно!

— Таблетки — здесь. А тонометр?





Художник Пролесковская Валентина

— На кухне в шкафчике, — тихо подсказала мать. Мать казалась растерянной, даже испуганной. Но приступ, видно, прошел, и теперь она, стыдясь своей глупости, с дочерью спорить не смела.

А Татьяна, приняв решение, постепенно ободрилась: и сил прилило, и настроение поднялось. О чем она так долго думала? Зачем? Мучила сомнениями и себя, и мать. Отлучками из дома мужа извела. Ему по вечерам нужен уют, горячий ужин, теплое слово — а какое тут, если жена через день до полуночи по пригородам мотается?

Халат? Нужен. Тапочки еще. Ночную рубашку... простыни, полотенца — дома есть, а к рубашке своей мама привыкла.

— Мам, я почти все, одевайся. Поедем сейчас.

Нет, нечего тут думать, все верно: заберет мать, будет о ней заботиться, присматривать, чтобы ела вовремя, таблетки от давления пить не забывала. А еще к врачу сводит, к специалисту, может, и голову подлечит... Ну вот и все. Самое необходимое — два больших пакета — собрано. И еще третий, с продуктами, хорошо, разложить не успела. Можно ехать.

На дворе уже наступили сумерки, опять сыпал тихий мелкий снег. Следы замело начисто, а за калиткой сугробчик вырос почти вдвое.

— Ты запирай пока, а я машину заведу, — ска-

зала Татьяна матери и, накинув капюшон, решительно зашагала, снова топчя девственно-белую целину. Села за руль, повернула ключ — мотор ласково заурчал. Все было правильно, как надо. Заглянув в зеркало заднего вида, Татьяна улыбнулась сама себе, даже подмигнула, а потом вышла сложить вещи.

Мать, испуганная и потерянная, сгорбившись, сидела на крыльце. Одной рукой она прижимала к себе рамку. Фотографии видно не было, но Татьяна помнила: на ней — родители, еще молодые, стоят под окном этого самого дома. Отец держит на руках ее, пятилетнюю Татьяну, а мать — корзину с яблоками. Эта фотография висела высоко над столом... и когда только мама успела ее снять?

Другой рукой она обнимала лохматую Найду. Собака повизгивала и все норовила лизнуть в нос.

— Мама, ну что ты? Давай, садись!

Мать неловко увернулась от собачьего языка и посмотрела на Татьяну.

— Доченька... не поеду я. Как я тут все брошу? Дом отец строил, Найду, вот, любил... не могу.

— Ма-ам! Ну перестань, дом никуда не денется. А Найду мы с собой возьмем. Ну?

В ответ мать печально и робко улыбнулась.

В конце ноября темнеет быстро. Подморозило, снег перестал, и небо, бархатно-черное, не такое, как в городе, глядело вниз тысячами звезд. Трасса неслась навстречу, мелькали редкие огни. Татьяна, крепко стиснув на руле пальцы, смотрела вперед, а слезы все катились и катились по щекам, не переставая.



Мааэринн (Влад Ларионов)

<https://writercenter.ru/profile/Maaerinn/whois/>

Пролесковская Валентина

<https://www.instagram.com/v.prol/>

Юрд-Ост

Кусков Сергей

Ни одно совпадение не является случайным. Все намёки, какие вы увидели в тексте, относятся именно к тем людям и событиям, о которых вы подумали.

"Кафе Штормовой стаксель примет на работу рулевого". Адрес, телефон, пять ярлычков внизу — ни один не оторван, и бумага совсем новая.

Похоже, кафе — бывший парусник. Хотя... какой парусник здесь, за тысячу километров от моря, в среднерусском городке на берегу водохранилища, которое если и зовут морем, то лишь в силу застарелой гигантомании? Скорее уж, поставили у пирса баржу, прорубили в палубе две дыры, сунули в них столбы, привезённые с пилорамы. Вверху прибили поперечные брусья, протянули туда-сюда верёвки, изображая такелаж, и теперь ищут артиста — стоять на мостике, скрипеть штурвалом на потеху публике. И стоило ради этого заканчивать речное училище по специальности "матрос"?

А с другой стороны, куда податься? Вон, на днях санитары опечатали последний оставшийся на плаву пассажирский пароход. Говорят: крысы... Отраву на тех крыс кто бодяжит? Хорошая отравка, судя по цене. Вкусная. Крысы её жрут и облизываются и на крыльцо к санитарам приходят за добавкой.

К тому же осень, навигация идёт к концу.

Когда река встанет, часть матросов откочует вслед за птицами на юг, где текут незамерзающие реки: Нил, Тигр, Тибр, Сырдарья на крайний случай. Весной выяснится, что кто-то из откочевавших там и остался. Тогда появятся вакансии...



— Максим! Ты наше объявление увидел, да?
Максим обернулся.

— Женька! Ты, что ли, в кафе работаешь? Кем?

— Кассиром. А ты думал — главбухом? — усмехнулась Женька.

Конечно, Максим так не думал. Отделение бухгалтерии того же речного училища, когда-то открытое, потому что специальность вошла в моду, давало подготовку на уровне ускоренных курсов. И кто с ней возьмёт главбухом? Кассу доверили — и ладно...

— Ну что, идём? — сказала она.

— Думаешь, я собираюсь у вас работать?

Она дёрнула плечом — как показалось Максиму, обиженно.

— Как знаешь.

— Пошли, — сказал он, и они пошли. Но не к берегу, вопреки ожиданиям Максима.

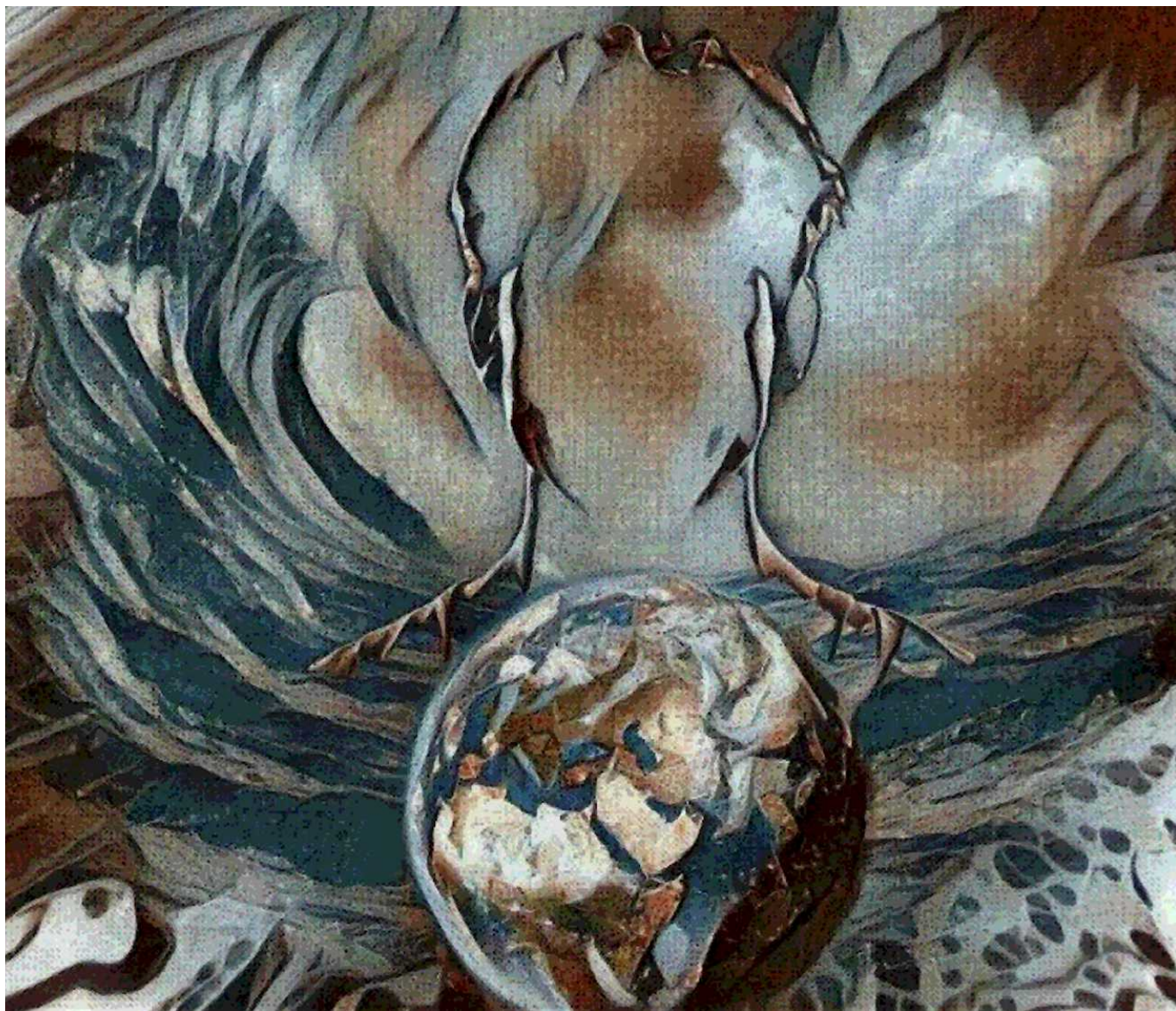
Свернув вслед за Женькой за угол, Максим замер на месте от удивления. Увидеть такое он никак не ожидал!

Внешним видом кафе напоминало садовый домик, только очень большой. Стены из бруса; два этажа, из которых второй — мансарда под ломаной крышей, какая и бывает у садовых домиков. А прямо перед фасадом, посередине, против конька крыши, возвышалась корабельная мачта! С вантами по бокам и штагом спереди, а сзади прикреплена прямо к коньковому брусу. Мачта заканчивалась марсом чуть выше конька, а выше марса — стеньга, тоже оттянутая вантами и штагами. И между стеной кафе и тротуаром — растянутое по штагу светлое треугольное полотнище.

— Но это же не штормовой стаксель! — только и смог сказать Максим.

— Ну да, — ответила Женька будничным тоном. — Фор-стенги-стаксель. А зачем штормовой, при таком-то ветре?

Художник Argentum Agata



Проза. Магический реализм

Ветер и в самом деле был довольно средненький. Парус слегка полоскал, и Максим подумал, что шкотовый угол надо бы подтянуть и вынести чуть в сторону.

— А ты откуда знаешь? — спросил он Женьку.

— Так парусное дело и у нас было, — ответила она. — Поменьше, конечно, чем у вас, и без практики... Пошли уже, мне на работу.

Перед тем как подняться на крыльцо, Максим ещё успел заметить странное сооружение над крышей кафе, над дальним от улицы концом конька. Что-то вроде голубятни, только не дощатая, а вся застеклённая.

Они поднялись на второй этаж и остановились у массивной двери. На медной табличке изящным курсивом было выгравировано: "Captain". Строчкой ниже аккуратным прямым шрифтом по-русски: "Директор". Женька постучалась, приоткрыла дверь:

— Можно? — Открыла пошире, пропуская Максима. — Степан Фомич, я рулевого нашла! Это Максим...

— Здравствуйте, — сказал Максим.

— Доброе утро. Где нашла?

— Учились вместе.

— Тоже бухгалтер?

— Матрос! — возмущённо сказал Максим.

— Понятно... Евгения, давай на рабочее место.

Они остались вдвоём, и Максим огляделся. Кабинет как кабинет, но что-то было в нём и от капитанской каюты.

— Против обращения на "ты" не возражаешь? — спросил капитан-директор. Максим не возражал. — У тебя, наверное, первый вопрос: что здесь делать рулевому? — Этот вопрос действительно занимал Максима, но спросить вот так сразу он стеснялся. — Идём.

Степан Фомич и Максим прошли коридором по второму этажу. Коридор упёрся в лестницу, узкую и тёмную, ведущую с первого этажа вверх. Они поднялись по ней ещё выше, капитан первым. Он толкнул крышку люка над головой, и стало светло. Лестница привела в ту самую голубятню, которую Максим заметил с улицы.

— Это рубка, — сказал Степан Фомич. — Вот штурвал, нактоуз...

Штурвальная тумба стояла посреди рубки, нактоуз перед ней, а дальше через стекло виднелся

конёк крыши. Вправо и влево от колеса штурвала тянулись чёрные ленты, похожие на строповочные, — Максим видел такие в речном порту, ими обвязывали здоровенные тюки с грузом. Концы их были привязаны к двум скобам, прикреплённым к стенам. Максим потрогал одну из лент: она оказалась туго натянутой.

В передней стене рубки была дверь. Степан Фомич открыл её, поднырнув под ленту, — оказалось, дверь выходит на конёк крыши, который другим концом упирается в мачту. Слева от конька тянулся леер к марсу, который возвышался над крышей примерно на полметра.

Держась за леер, они перешли на марс. Максим посмотрел вниз, на парус под ними.

— Стаксель полощет, — сказал он, — шкотовый угол подобрать бы.

— На работу оформим — подберёшь. Ты, наверное, думал, что надо ряженого играть? — Максим не ответил; он так и думал, пока не увидел рубку, а после не знал, что и думать. — Вон они, ряженные, — Степан Фомич мотнул головой, Максим посмотрел в ту сторону.

Наискосок через улицу стоял храм Святого Благоверного Князя Александра Невского. Перед храмом прохаживался патруль — трое казаков. Двое в черкесках и шароварах, с шашками на поясе; третий в камуфляже, вместо шашки — дубинка на правой ягодице. Или электрошокер — отсюда не разглядишь. Папахи и нагайки, впрочем, имелись у всех троих.

Казачьи неторопливо шли вдоль церковной ограды. Поравнявшись с воротами, они остановились, одновременно, как по команде, повернулись направо, сняли папахи и перекрестились на икону над входом в храм.

На иконе святой и благоверный князь, сидя верхом на коне, поражал мечом змея под конскими ногами. Меч, длинный и узкий, больше походил на рапиру, а вообще сюжет сильно напоминал Георгия Победоносца. Похоже, у иконописца был только один образец для копирования, и, дабы верующие не путались в святых, он покрасил змея в коричневый цвет и завернул ему в одну сторону шею, хвост и крылья, чтобы гадина своим видом напоминала свастику.

Казачьи, снова одновременно, надели папахи, повернулись налево и пошли дальше.

— Идём, — сказал Степан Фомич Максиму, и они вернулись в рубку.



— У вас по парусному делу практика была или только в теории? — спросил Степан Фомич.

— Была. На "Некрасове".

— "Некрасове"... Подойди сюда. — Максим встал перед штурвалом. — Смотри. Сейчас компас показывает верный курс. — Капитан-директор постучал ногтем по окошку нактоуза возле курсовой черты. — Строповки штурвала достаточно, чтобы его удержать, кроме одного случая — когда дует норд-ост. Тогда надо держать курс вручную, и для этого нужен рулевой. Кого попало не поставишь, тут уметь надо. Да и диплом нужен, если вдруг проверка; а проверяющих хватает. Вот так, матрос. Вопросы есть?

Вопросы были, вопреки поговорке.

— Степан Фомич, но ведь кафе стоит на земле. Значит, рубка поворачивается?

— Рубка — часть здания, ты видел.

— Но если она неподвижна — это что же, значит, ветер поворачивает весь земной шар?! Разве может такое быть?

— Не знаю. Знаю только, что когда дует норд-ост, кто-то должен держать курс. И учти, матрос: вахты могут быть длинные, подменить тебя почти что некем. Согласен на такие условия?

— А когда не норд-ост — что я тогда буду делать?

— Заведение у нас маленькое, зарплату все получаем из той же выручки, — сказал Степан Фомич. — Каждый делает, что может. Так что санитарную книжку тоже на всякий случай заведи.

Максим и не думал, что он может так много разного.

С утра пришла машина с продуктами — надо разгрузить и разложить по местам.

Картошки почистить — ну, это как на "Некрасове" во время практики, только поменьше.

Перед открытием кафе расставить стулья, с вечера поднятые уборщицей на столы. Пока расставлял, обнаружил, что один расшатан, — взял отвёртку, шурупы, подтянул.

А у поваров Васи и Ибрагима вечный спор: надо ли ещё добавить перца в гуляш? Разрешить спор позвали Максима, тот попробовал:

— Оставьте так. По мне, можно ещё, но не все же любят острое. А вот соли надо добавить.

А вечером в кафе у экипажа учебного брига "Писатель Андрей Некрасов" юбилей судна. Максим будет здесь, Степан Фомич сказал: "Задержись, возможен норд-ост". Как-то он угадывает,

когда его ждать. Бывает, Максим с раннего утра и до ночи дежурит, а другой раз слышит от капитана: "Завтра можешь не приходиться". И никогда не знаешь заранее. Вот у Женьки график чёткий: два через два по двенадцать часов.

... Вечером он встретит старых знакомых, а пока надо наколоть дров для камина: нужен живой огонь. Максим спросил у Васи колун, тот сказал:

— Я сам. Помоги вон Женьке, у неё с кассой какая-то ерунда.

Вася, конечно, сам управится лучше. И Максим пошёл к Женьке.

На панели кассового аппарата горел красный огонёк, Женька стояла с растерянным видом.

— Лента есть? — спросил Максим, глянув на индикатор.

— Сейчас вставила.

Максим открыл боковую крышку. Лента в начале рулона замялась складками, конец чуть выступил из выходной щели. Максим осторожно потянул за него, и лента медленно поползла: сначала мятый кусок, потом гладкая. Вытянув с полметра, он оборвал ленту, обернулся к Женьке:

— Давай.

Та нажала кнопку пробной печати, и аппарат послушно выдал чек.

— Ой, спасибо! Что б я без тебя делала?

— Наверное, сама бы тянула.

Когда не нужно было чистить картошку, или шинковать капусту, или что там ещё умел Максим, он поднимался в рубку по лестнице, которую не называл так даже мысленно — только трапом. Протирал от пыли нактоуз и штурвал, проводил тряпкой по натянутым стропам — заодно проверял натяжение. В углу на тумбочке стоял ящичек с барометром внутри — Максим протирал и прибор, и футляр. Потом, встав за штурвал, брался за рукоятки и смотрел вперёд через стекло, пытаясь представить, как оно будет, когда подует норд-ост.

Однажды его застал за этим занятием капитан-директор.

— Не терпится порулить? — спросил он. Максим не ответил. — Понимаю. Не всё ж тебе картошку чистить. Только вот что... Норд-ост — из тех вещей, которые чем реже, тем лучше. Кстати, на барометр поглядывай. Перед норд-остом обычно растёт давление.

Другой раз, когда Максим был в рубке, в люк с трудом пролез Вася с чем-то тяжёлым в руках. Это

Проза. Магический реализм

оказался самодельный электрический обогреватель типа "козёл".

— Погреешься, когда вахта, — сказал Вася, — а то стены из одних щелей. Только, если пожарник будет проверять, сюда прячь. — Вася легонько пнул дверцу тумбочки под барометром, отчего задрожала вся рубка.

— А влезет? — Максим с сомнением посмотрел на тумбочку, потом на аппарат.

— Не дрейфь, она внутри больше, чем снаружи. Да, будешь подключаться — розетка тоже внутри.

Вася же объяснил Максиму, зачем в рубке диванчик — жёсткий и короткий, такими обставляют залы ожидания провинциальных станций. Он стоял у стены позади рулевого, на нем лежали маленькая подушка и одеяло.

— Будешь вахту стоять, потом кто-нибудь подменит — тут и покемарись.

Максим посмотрел на диванчик с сомнением.

— Он же короткий, я не влезу. Разве что ноги подогнуть.

— Ничего. Тебе тогда всё равно будет.

В том, что "козёл" влезет в тумбочку, Максим скоро убедился. Он, как обычно, убирал в рубке, когда услышал внизу шаги — неуверенные, как будто человек что-то искал. Он поспешно убрал "козёл" в тумбочку — аппарат в самом деле вошёл, — а потом в люк просунул какой-то тип с канцелярским выражением на лице.

— Котлы есть? — спросил он.

— Какие? — не понял Максим.

— Любые сойдут.

— Зачем?!

— Инспектирую. Котлонадзор. — Тип повертел головой. — А, нету. Жаль.

Он развернулся и пошёл вниз по лестнице.

— В кухне спросите, — крикнул ему вслед Максим. Потом глянул, плотно ли прикрыта тумбочка, и тоже пошёл вниз.

Оказалось, тип в кухне наткнулся на Ибрагима. Максим даже слегка пожалел инспектора: он знал, какво добиваться толка от Ибрагима, когда тот не хочет, чтобы от него чего-то добились.

Ибрагим разговаривал с утрированным акцентом, обычно ему не свойственным:

— Нэт. Нэ используем... И скороварки нэт... Жарим. На сковородэ.

Тут появился капитан-директор.

— Ну, и кто у нас сегодня? — спросил он до-

бродушно. Потом перебрался с типом несколькими фразами, и тот с печальным видом пошёл к выходу.

— Жаль. Я бы вас поинспектировал, — последнее, что услышал Максим.

Норд-ост пришёл поздно вечером двадцать третьего октября. Кафе уже закрылось, Максим собирался проводить Женьку до дома, но Степан Фомич скомандовал:

— К штурвалу. Норд-ост, — и Максим взлетел по трапу наверх. Степан Фомич появился в рубке вслед за ним, хотя по трапу не бежал, а шёл шагом. Щёлкнул выключателем, в нактоузе загорелся фонарь, и Максим увидел, что картушка компаса чуть сдвинулась. Он встал перед штурвалом, взялся за рукоятки. Степан Фомич отвязал от скоб стропы, и Максим начал медленно поворачивать штурвал, чтобы вернуться на курс.

— Старайся держать в пределах плюс-минус четверти румба. Только плавно, нельзя резко при таком тоннаже.

Ночь Максим простоял. Спать не хотелось — сначала от нервного возбуждения, потом от холода: оставить штурвал, чтобы включить обогреватель, он не решался, а к утру похолодало.

Ни свет ни заря появился Вася, включил "козёл". В рубке потеплело, и Максима потянуло в сон. Он тряс головой, зевал, как гиппопотам; он свалился бы прямо у штурвала, но тут пришёл Степан Фомич и приказал:

— Спать. Я подменю.

Максим повалился на диванчик и мгновенно заснул.

Всё же спать, подогнув ноги, было неудобно, и он время от времени почти просыпался, чтобы повернуться на другой бок, и в эти моменты что-то слышал и понимал. Один раз услышал, как Степан Фомич говорит кому-то:

— Нет, это не по вашему ведомству. Вам на кухню. Идите, там заодно и покормят.

Он снова провалился в сон. Затем услышал:

— Матрос, подъём! — Сна не осталось ни в одном глазу. — Спроси у Василия чего поесть и сразу сюда.

Внизу Женька встретила его восторженным полужёпотом:

— Максим, знаешь, кто приходил?! Боцманша!

— А ей-то что здесь?!

— Похоже, они со Степаном Фомичом давно знакомы. Она ему "Стёпа", он ей "Вика"...



Боцманша, она же Виктория Францевна, вела в училище парусное дело. У всех — и матросов, и бухгалтеров. Боцманшей её называли только за глаза. В училище её любили, как она отнесётся к прозвищу — не знали, а обижать не хотели.

А у Максима вдруг появилась спокойная уверенность в том, что этот норд-ост они выстоят.

Двадцать шестого утром всё кончилось. Максим стоял всю ночь, а утром пришёл Степан Фомич, закрепил штурвал стропами и сказал:

— Отбой. Спать здесь будешь или домой пойдёшь?

— Здесь, — ответил Максим. Диванчик он ещё позавчера придвинул к тумбочке. Сняв на пол барометр, он устроился на диване, закинул ноги на тумбочку и заснул.

Когда он проснулся, солнце стояло уже низко, но ещё не село. Светились запотевшие окна рубки. У штурвала, спиной к нему, стояла Женька, Максим видел её на фоне окна. Рыжие волосы Женьки, подсвеченные солнцем, тоже светились золотом; Максим с полминуты смотрел на неё, потом вскочил как подброшенный:

— Что, опять?!

Она вздрогнула, обернулась.

— Ой! Нет, ничего, я так...

Он уже и сам видел, что "так": штурвал взят на стропы, Женька просто стоит, положив руки на рукоятки.

— Извини, — сказала она.

— Да ладно! — Максим махнул рукой и стал натягивать штаны.

А время шло назад — то ли повернуло с последнего норд-оста, то ли оно и раньше так, только Максим не замечал. Давно ли был октябрь, и вот уже первое сентября, и школьники идут с букетами.

Женьки с Максимом первое сентября не касалось, и они, пользуясь тем, что оба в этот день свободны, договорились пойти за грибами. Максим ещё только выходил из дома, когда позвонил Степан Фомич:

— Норд-ост.

Максим перезвонил Женьке, сказал, что за грибами ему никак, а она, если хочет...

— Иди давай, — сердито ответила она и отключилась, но на следующий день, придя в кафе, на Максима почти не обижалась.

Помощь пришла, откуда не ждали; кроме капитана-директора, подменить Максима у штурвала была готова Боцманша. Занятия в школах по случаю норд-оста временно прекратили, в речном училище тоже, и она пришла в кафе.

В тот же день выяснилось, что одно её присутствие, даже не за штурвалом, на некоторых проверяющих (их, как водится, хватало) производит потрясающее действие.

Стоя у штурвала, Максим услышал шаги по трапу. Краем глаза заметил движение у люка, но отвлекаться от нактоуза не стал. А потом раздалось:

— Значит, нарушаем! Потрудитесь приготовить документы.

Этот был или решительнее, или опытнее того, что из котлонадзора.

— Во-первых, предъявите ваш документ. Во-вторых, я на вахте, обратитесь к капитану, — сказал Максим.

— Капитаном-то не прикрывайтесь!

И тут появилась Боцманша:

— Павлик! Ну, здравствуй!

— Здравствуйте, Виктория Францевна.

Максим на секунду отвернулся от компаса: очень уж хотелось увидеть выражение лица Павлика. Выражение было кислое, Максиму понравилось.

— Я вижу, ты большой человек! — продолжала Боцманша. — Какую высокую инстанцию ты здесь представляешь?

— Инспекция по маломерным судам. Нарушаете. Без регистрации эксплуатируете.

— Значит, по маломерным судам. — Виктория Францевна картинно вздохнула. — Павлик, смотри, я тебе сейчас объясню. Вот этот штурвал и этот нактоуз находятся в рубке. Рубка встроена в здание, которое стоит на земле. Планета такая — Земля. Представил систему в целом? А теперь скажи: какое отношение имеет это к вашей инспекции?

Максим ещё раз обернулся посмотреть на выражение лица инспектора, но увидел только выражение спины. Впрочем, оно ему тоже понравилось.

Когда шаги инспектора Павлика стихли внизу, Виктория Францевна сказала:

— У нас учился. Всегда был троечник, но, как видишь, вышел в люди.

В это время в люке появилась голова Ибрагима.

— Вы топор не видели?

Оба в ответ покачали головами. Боцманша вдруг остановила взгляд на тумбочке с барометром.



Проза. Магический реализм

— Вот же он!

Конец топорища торчал из-под тумбочки. Ибрагим вытащил его и двинулся вниз по трапу.

— Васька! Что за шутки?!

— Эй, Ибрагим! — крикнул Максим. — Это не Вася!

— А кто?! — Ибрагим снова просунулся в люк.

— Да, кто же это? — спросила Боцманша.

— Павлик. Он, наверное, хотел засунуть под компас. Но перепутал.

— Да. Такие у нас нынче диверсанты, — сказала Боцманша. — Троечник — он и есть троечник.

— Эй, малой! Бросай свою шарманку и гуляй вниз!

Норд-ост дул второй день, сильно, но ровно. Рывков, как накануне, Максим не ожидал, просто штурвал всё время тянуло влево, и нужно было постоянным усилием удерживать его. Поэтому он рискнул отвлечься от компаса и, не отпуская штурвала, обернулся.

В рубке стоял казак, обвешанный, как новогодняя ёлка, шнурами, эполетами и какими-то медальками. Шашка на боку вблизи выглядела бутфорской, вот нагайка, похоже, настоящая.

Второй стоял на трапе, наполовину просунувшись в люк.

— Я на вахте, и вы мне не начальник. Есть вопросы — к капитану.

— Капитану! — возмутился казак. — Да я сам есаул!

Второй, на лестнице, вдруг заёрзал, и в рубку мимо него протиснулась Боцманша. Глянула на нактоуз, одобрительно кивнула Максиму, потом сказала казакам:

— Молодые люди, освободите рубку, не мешайте работать. Вы даже не представляете, к каким последствиям...

— Мать, иди! Вниз, вниз...

— А вам не говорили, что стоит обращаться на "вы"? — спросил Максим.

— Ты, сопляк! — Казак одним движением разматывал нагайку. Максим быстро глянул по сторонам. Рубка тесная, скорее всего, с нагайкой не развернётся, ещё бы самому что-нибудь в руку — жаль, штурвал не отпустишь.

Он встретился взглядом с Боцманшей, и та одними губами произнесла: "Полрумба". Максим понял. Обернулся к казаку, сказал, широко улыбаясь:

— Всё, всё! — и демонстративно развёл руки.

Рукоятки штурвала слились в пёстрый круг.

Максим знал, куда его бросит, загодя напряжинил ногу и вовремя выбросил руку, поэтому остался на ногах. Боцманша ухватилась за скобу на стене.

Казаки не знали и не догадывались. Они с грохотом просыпались вниз по трапу.

В рулевом механизме имелся стопор; включать его надо было при неподвижном штурвале, стопор — не тормоз. Когда Максим рванул рычаг, раздался страшный треск. Он подумал, что сломал механизм (и таки да, потом пришлось ремонтировать), но колесо остановилось, и они с Боцманшей вцепились в рукоятки. Потом они тянули на себя, преодолевая сопротивление и возвращая планету на нужный курс. На лестнице всё грохотало, потом в рубке возникла Женька. Она уцепилась за Максима, как мышка за кошку; перехватываясь руками, добралась до рукояток, и тянуть стало на одну мышкину силу легче. Потом ещё легче, а потом Максим сумел взглянуть на компас и понял, что справились. Почти. Ещё чуть-чуть...

Внизу уже не грохотало. За окном взвыл мотор, какая-то машина отъехала от кафе.

— Они там ничего не побили? — спросила Боцманша. — Что-то долго гремели.

— Не, — сказала Женька, — это они на лестнице попа снесли. Все вместе и катились.

— Какого попа?

— Ну или монаха. Вы что, не видели? Они ж на поповской машине приехали.

Теперь и Максим вспомнил: за пару минут до появления в рубке казаков он услышал на улице шум автомобиля. Глянув через стекло, он увидел, как к кафе подъезжает грузовичок под тентом. На тенте был изображён (копия иконы!) святой и благоверный князь.

Когда на третий день всё закончилось и штурвал снова был взят на стропы, Максим не пошёл домой сразу. Усевшись перед телевизором в зале на первом этаже, он посмотрел новости по всем каналам, а потом спросил Боцманшу:

— Виктория Францевна, так значит, всё это из-за меня?

— "Всё это" — что именно?

— Оползень в Перу. Эпидемия в Турции. ДТП в Техасе — двадцать машин, десять трупов.

— ДТП было раньше. Эпидемия — вообще враньё, полностью. На твою долю остаётся оползень. — Шутку Боцманши Максим не поддержал. — Ну, хорошо, а какие были варианты? Штурвал-то в любом случае пришлось бы бросить.



Снова время шло назад.

Седьмого мая ничто не предвещало норд-оста. Максим, как обычно, протирал приборы в рубке. Сквозь стекло он видел флажок на мачте, оставшийся с Дня Победы, и вдруг вспомнил, что утром флаг сдувало в другую сторону. И сразу понял: норд-ост! Он быстро глянул на нактоуз: картушка компаса ещё не сдвинулась, но опасно подрагивала. Встав перед штурвалом, он дёрнул за концы узлов, которыми стропы привязаны к штурвалу — слева, потом, уже держась одной рукой за рукоятку, справа.

Вошёл Степан Фомич, сказал:

— Молодец, вовремя заметил. Я бы ни за что не подумал. Давление-то не росло. — Он посмотрел на барометр: — И не растёт.

Шагов по трапу они не услышали, обернулись уже на голос:

— Кто здесь капитан?

Человек в сером плаще и шляпе явно был инспектором: кто ещё станет задавать подобные вопросы во время норд-оста? И явно не чета троечнику Павлику.

— Я капитан, — сказал Степан Фомич. Инспектор профессиональным движением — так, чтобы никто не успел разглядеть, — махнул перед ними корочкой.

— Всехнадзор. Попрошу освободить помещение, я его опечатаваю.

— И на каком основании? — спросил Степан Фомич.

— Не обязан объяснять. Не задерживайте, я при исполнении.

Инспектор достал из необъятного кармана плаща аппарат, похожий одновременно на орехокол, разводной ключ и зубо-врачебные щипцы, и щёлкнул им. И рулевой с капитаном поняли, что этот надзор действительно всех, и помещение придётся освободить.

Капитан закрепил штурвал, и они пошли к люку. Проходя мимо тумбочки, Степан Фомич забрал барометр и спустился вниз вслед за Максимом. Инспектор у люка щёлкнул своим прибором, и на шнурке, пропущенном через проушины для замка, повисла коричневая печать.

Когда он уже внизу шёл через зал к выходу, из служебной двери появился Ибрагим. В руке он держал тесак, похожий на пиратский абордажный нож. Он посмотрел на инспектора; тот сначала замер, потом обошёл Ибрагима по широкой дуге и шмыгнул в дверь. Только после этого Ибрагим втащил в зал сетку с капустой.

Капитан посмотрел на барометр:

— Надо же! Теперь растёт!

Рулевому в кафе работы не осталось, и Максиму стоило попытаться счастья в другом месте. Но он не уходил — наверное, из-за Женьки. Он разгружал продукты, приводил в рабочее состояние мебель и кассовый аппарат, пробовал гуляши и шашлыки, им же перед тем и нарезанные. Боцманша однажды сказала:

— Ну, вот и вторая специальность будет. На флоте ценят.

Зато график работы стал чёткий и предсказуемый.

И снова был август: то ли время сделало круг, то ли опять незаметно для всех поменяло направление. Максим с Женькой снова договорились пойти за грибами, и уже встретились, и вдвоём шли к лесу, когда у Максима запищал телефон. Он посмотрел на табло.

— Степан Фомич... Странно.

Пока он отвечал на звонок, Женька поспешила палец, подняла над головой.

— Западный. Но очень сильный. Ну, что там?

— Говорит, срочно...

— Так чего стоим?!

И они побежали, Женька впереди. Когда подбегали к кафе, уже Максим бежал первым. Ветер дул навстречу, чем ближе к месту, тем сильнее.

У конторы санитарного ведомства, через два дома от кафе, шла какая-то возня. Перед воротами стояла грузовая "Газель", санитары таскали в неё мешки с изображением крысиного черепа и косточек. Похоже, грузили отраву. Две крысы перебежали дорогу, шмыгнули за колесо; одна по крышке полезла наверх, в кузов.

Максиму было не до них, он видел, что дело серьёзно: ветер оборвал галсовый угол стакселя, и парус рвался по ветру, как флаг.

В кафе были все, включая Боцманшу. Телевизор показывал стихийные бедствия по всему миру: ураган в Индии, наводнение в Бельгии, лесные пожары в Канаде... Никто его не смотрел.

Командовал капитан:

— Василий, Ибрагим! Парус долой, рубите снасти! Ставим штормовой. Максим, пришёл? К штурвалу.

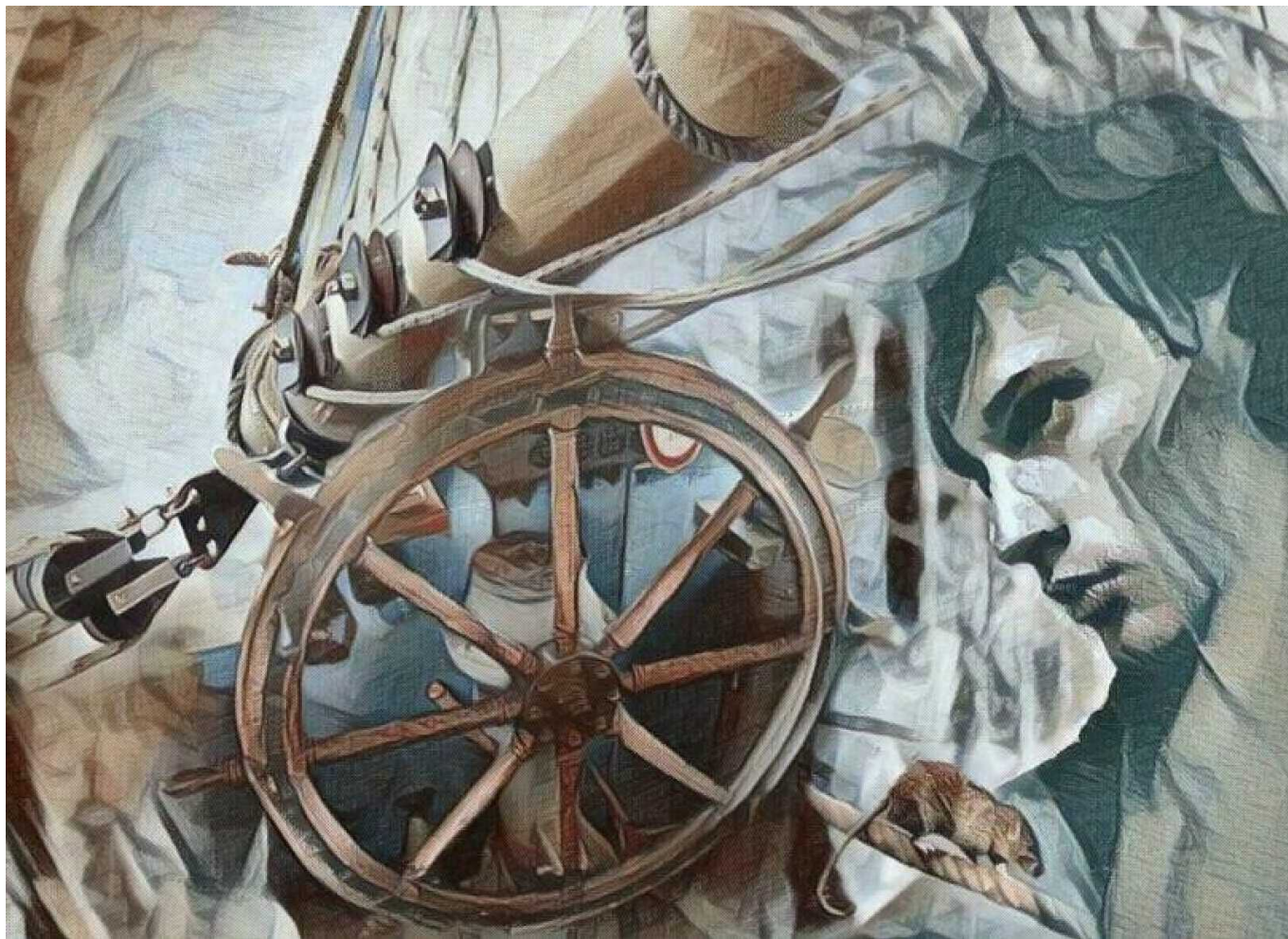
— Так вест же, не норд-ост.

— Вест. Но очень сильный. Надо. Только вот...

Капитана останавливала печать.

— Да ну, оборвать её! — сказал Максим.





Художник Argentum Agata

— Срззать! — уточнил Ибрагим, подойдя с тесаком в руке.

Втроём они поднялись к люку. Ибрагим просунул нож в верёвочную петлю, рванул её, и печать улетела далеко вниз. Он толкнул крышку и первым влез в рубку.

Максим встал к штурвалу, Степан Фомич отпустил стропы, а Ибрагим открыл дверь на крышу и, не держась за леер, быстро перешёл на марс. Ударом тесака он перебил фал, а секундой позже вздрогнул весь дом: внизу Вася топором обрубил шкот.

Подхваченный ветром парус взмыл выше крыш соседних домов и захлестнул крест храма "святого и благоверного князя". Крест затрещал и выломился из гнезда в вершине купола. Парус полетел дальше по ветру, а крест рухнул вниз, но на уровне середины купола повис на длинном и тонком чёрном шнуре. И стало ясно, что он заодно служит телевизионной антенной — судя по длине перекладины, рассчитанной на частоту первого центрального канала.

— Максим, наверх! Пропусти фал через блок.
— Капитан подошёл, взялся за штурвал. Максим

перебежал на марс, подхватил у Ибрагима конец фала штормового паруса, зажал его в зубах и полез по стень-вантам.

Держать конец в зубах было неудобно. Максим остановился, завязал петлю, просунул в неё руку, и тут почувствовал, что ванты под ним качаются. Он посмотрел вниз и увидел, что Женька лезет вслед.

— Куда?! — заорал он.

— Наверх! — ответила она. — Что застрял? Капитан же сказал протянуть фал.

У блока наверху стеньги оба были одновременно. Максим пропустил фал через блок, протянул с десяток метров и бросил конец вниз — Ибрагим подхватил его. Женька смотрела по сторонам, она впервые видела город с высоты...

— Ой, что это?! — в Женькином голосе звучали одновременно ужас и восторг. Максим посмотрел вниз.

Улицу под ними заливал какой-то серый поток. Он рябил и закручивался бурунчиками.

— Крысы! — догадался Максим. — Сколько их! Крысы уходили на восток, как будто их гнал



западный ветер. А может, они хотели догнать машину санитаров с любимой отравой.

Ветер гнал не только крыс. Посреди потока осторожно двигался жёлтый автобус со свежим пятном краски на боку, где прежде была надпись "Дети". Надпись замазали, а знак — квадрат с изображением школьников, бегущих через дорогу, — в спешке не убрали.

Через окна видно было, что в автобусе едут казаки. К буксирному тросу, прицепленному сзади, были привязаны уздечками два коня под сёдлами — один к середине троса, другой к концу. Автобус двигался медленно, кони шли шагом, брезгливо отдёргивая копыта от снующих под ногами крыс.

Так же медленно двигался в потоке знакомый грузовичок под тентом с портретом "святого и благоверного князя". Ветер хлопал тентом, и казалось, что князь раз за разом тычет в змея похожим на рапиру мечом — и всё время мимо.

Серый автомобиль Всехнадзора затерялся где-то в потоке.

Снова рванул ветер, ванты под Женькой и Максимом закачались. Женька ойкнула, и Максим обхватил её, держась руками за ванты с двух сторон. На миг он испугался собственного нахальства, а ещё больше — что Женька станет отбиваться и сорвётся с вант. Но она не отбивалась...

Западный ветер трепал рыжие Женькины волосы, и по штагу поднимался вверх маленький ярко-оранжевый треугольник штормового стакселя.



Кусков Сергей

<https://writercenter.ru/profile/nickols/whois/>

Художник Argentum Agata

<https://writercenter.ru/profile/argentum/whois/>





Майя Димерли

Проснуться утром

Проснуться утром. Выпить чашку кофе
И обнаружить, что уже июль
Что над тобой смеется Мефистофель
Что кошка сорвала с окошка тюль

И тюльку съела и роман заводит
А на заводе бригадир поет
Что слух в народе будто взвод на взводе
От здешних грешных неземных красот

Здесь календарь роняет стопкой числа
Вливая в стопку воздуха глоток
И женской грудью красота нависла
И побежал по телу острый ток

И кажется сейчас романс родится
И стих сочится из душевных фибр
Но сколько рифме по миру ни виться
Блаженная споткнется о верлибр

Семь няnek разомлели и куняют
Купаются на речке гольши
А малохолные всё рифму подбирают
Хоть кол на голове у них теши.

Майя Димерли

<https://writercenter.ru/profile/MayaDimerli/whois/>

<https://mayadimerli.wordpress.com/>

<https://www.facebook.com/maya.dimerli>



Майя Димерли

Звезда-Сапфир зажглась над Вифлеемом

Звезда-Сапфир зажглась над Вифлеемом.
У Иордана воды отошли.
Спят журавли,
и рыбы, постепенно
обгладывая, топят корабли.
В хлеву плывут единственные ясли
Во всех воображимых плоскостях.
Мой брат в сетях,
Мне безутешно ясно,
Зачем пришли умасливать дитя.
Вот вам порог. Не поминайте всеу.
Не поминайте лихом. Все пройдет.
Уже поет
И бредит поцелуем
Единственным своим Искарот.

Воскресный день

воскресный день. разбитое стекло
посуда бьется к счастью и назло
назло придуман кем-то род овечий
и гроздь виноградные висят
и окуни беззвучно голоса
и волосы мои уже по плечи
отпущены. отпущены стихи
и человек несложный от сохи
мне явственно представится предтечей
и я достану старую тетрадь
и стану на руках ее качать
она испустит стих как вздох последний
пусть дьякон от заутрени к обедне
бредет через псалтырь
от сих до сих...

Зима грунтует Брейгелю холсты

Зима грунтует Брейгелю холсты
По доброй памяти,
Переменяя снежные пласты
Пластами наледи,
Мороз салфеткой кружевной прильнул к стеклу
И выронил из зябких рук иглу,
Которую колол больное сердце —
Тогда казалось:
Больше не согреться.
Нас не касалась
Нежная Луна,
Всё суета! Во всём её вина...
Слепец ведет слепца, а милый друг — подругу,
То в пропасть, то тропой причудливой по кругу,
Вослед идет мороз салфеткой кружевной,
Из зябких рук он выронил гобой,
Которым наполнял кристальный воздух,
Под эти звуки в небе зрели звёзды
И каждый знал, что значит — быть собой...
Закрой глаза. В промозглой Мастерской
Работает всю ночь и день-деньской,
Не покладая вечно зябких рук,
Твой самый лучший, самый лучший друг!
Лишь для того, что их полюбишь ты,
Зима грунтует Брейгелю холсты!

Майя Димерли

<https://writercenter.ru/profile/MayaDimerli/whois/>

<https://mayadimerli.wordpress.com/>

<https://www.facebook.com/maya.dimerli>





Художник Кардашова Анастасия

Майя Димерли

Сгущается загустевает жижа

сгущается загустевает жижа
бульон переродился в холодец
он замер затаился неподвижен
какой хитрец
старухи больше нет. на этом стуле
под этой дверью не сидит никто
и дети этот стул перевернули
и внуки учат Агнию Барто
как надо жить. и бабочка стремится
лететь как можно дальше от земли
сиять как фантастическая птица
пока ее снега не замели
а лебеди на бреющем полете
уже над лодочкой что тронулась ко дну
а вы!.. вы все еще поете?
ну-ну...

Майя Димерли

<https://writercenter.ru/profile/MayaDimerli/whois/>

<https://mayadimerli.wordpress.com/>

<https://www.facebook.com/maya.dimerli>

Анастасия Кардашова

<https://www.facebook.com/profile.php?id=100001954725812>

<https://www.instagram.com/krrappiva/>

<https://www.instagram.com/soloma.studio/>



Испытание

Най-Ко Ольга

Снежная королева смотрела в пространство, будто не замечая меня — то ли друга, то ли раба, ничемно съжившегося на неудобном табурете у входа и тщетно искавшего выход.

— Кай, я разочарована. Впрочем, как всегда. Ты оказался таким же, как и остальные, неспособным научиться, неготовым идти за мной к вершинам, а потом, оставляя их, подниматься к новым и новым высотам, — ее голос звенел и переливался хрустальным колокольчиком, а каждое слово острой ледышкой ранило мои чувства.

Я знал, что не то что спорить, а пытаться доказать свои чувства, рассказать, что я испытываю, было бесполезно. Ей нравилось быть одинокой, она обожала всегда быть немного впереди и выше всех. И не важно, что никто из самых преданных друзей не мог выдержать безжалостный темп декабрьской вьюги и рано или поздно поскальзывался, срываясь вниз, или обессиленно падал лицом в сугроб. “Слабаки. Предатели”, — небрежно и презрительно роняли ее изящно очерченные губы, а глаза уже смотрели на очередную дальнюю высь: ведь каждый сорвавшийся и отколовшийся спутник только подтверждал ее королевский статус.

Часть друзей, утомившись, уходила своей дорогой или возвращалась обратно — к своим семьям, делам — старым и новым. Они чувствовали, что дома и стены помогают, а бездомность и одиночество, скользким февральским ветром пронизывавшие их в отношениях с королевой, буквально вымораживали каждого изнутри. А другие

обожали ее молча и преданно, даже когда срывались в безмолвную бездну ледяного пространства. В конце концов, пожертвовать своей дружбой ради истинного величия — что могло быть лучше?

— Ты не хотел бы по крайней мере попробовать стать лучше? — колющий испытывающий взгляд все же остановился на мне.

— Я бы хотел... Попробовал бы, — обреченно выдохнул я, заранее зная, что произойдет дальше. Она потребует жертву. Холодной красавице всегда мало, ей хочется выше, дальше и больше. А я бы сейчас хоть чаем согрелся в той маленькой уютной харчевне, мимо которой мы только что проходили к месту нашей стоянки. Королеве достаточно было очертить своей изящной рукой с мерцающим сапфиром на пальце круг, как сразу же появлялся скромный шатер с минимумом необходимого: пара табуреток (королева была непривередлива в быту), стол, спальные мешки. Хватало, чтобы пару часов передохнуть и идти вперед. Но меня чем дальше, тем больше манило тепло. Хотелось чего-то домашнего — шей захлеб, ароматно дымящейся картошки и мяса, только снятых с углей. Расслабиться хоть на полчаса захотелось, погорланить песни на лавке за кружкой пива, черт побери! Не весь же век пытаться успеть, угодить, соответствовать. Я устал. Хотя бы чашку чая выпить, теплыми руками принесенную — не наколованную безразличным магическим жестом, а для меня сваренную. И тогда я ожил бы и снова поднимался к вершине. Мне бы всего глоток теп-





Художник Белка Елена

Проза. Сказка

ла... Неужели так сложно это понять? Неужели не ясно, что человек тянется к человеческому, чтобы набраться сил, не оледенеть насквозь, не вымерзнуть душой и сердцем, а идти дальше... рука об руку идти...

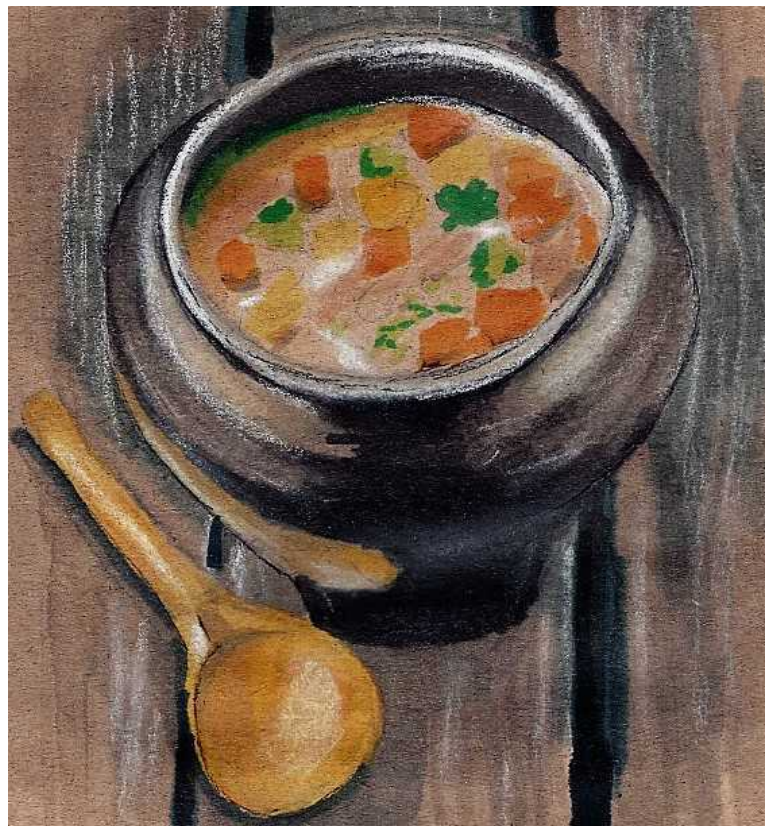
— Сегодня мне нужно отлучиться, — ее взгляд ушел куда-то в сторону, а потом снова властно уперся мне в переносицу. — Решила проведать одну старую подругу, поговорить, развеяться. Но я не хочу брать с собой в город гримуар. Ты сможешь сберечь его для меня, Кай?

Я обреченно поерзал на табурете, не только мыслями, а даже копчиком ощущая, как рушатся мои планы: ведь реши королева отдохнуть в палатке, я имел бы хоть пару часов на нормальный человеческий отдых и свою долю тепла в харчевне. Развеяться ей понадобилось! А я служи без усталы, как тот пес цепной. Ну да, она королева. Делает что хочет, а нам лишь подчиняться положено. И благоговеть. Подумал было попросить ее о своем хоть небольшом, но законном отдыхе, но прихлопнул в себе этот порыв, как назойливую муху, одним своим появлением оскверняющую благородство ледяного безмолвия и ледяных отношений.

— Конечно, королева. Что мне стоит? Буду сторожить палатку с гримуаром, пока вы пойдете развеяться, — ответил я скрепя сердце. Великие никогда не думают о нуждах тех, кто ниже, у них в голове другое.

— Кай, помни, что это очень важно. Я не попросила бы тебя пожертвовать своим отдыхом, если бы в самом деле не было нужно. Я верю в тебя, — с этими словами она поднялась, вынула из небольшой сумки, с которой никогда не расставалась, старинный гримуар в черном кожаном переплете с тиснением и положила его на стол. Еще раз как-то странно взглянула на меня и вышла.

Конечно, я знал все эти ее "важно". У нее другому и не бывало. Каждое испытание предьявлялось как жизненная необходимость, хотя на самом деле человеку бывает жизненно необходим элементарный отдых, а не эта вечная гонка, непрерывные покорения вершин и странные, никому, кроме ее величества, не нужные задания. Наконец мне окончательно надоело сидеть на все настойчивее терзающем мой позвоночник табурете и я решил слегка размяться. Четыре шага с севера на юг, шесть шагов с востока на запад — все отведенное мне пространство, в центре которого на простом дощатом столе лежал символ моих мучений — гримуар, который надо было охранять, пока хозяйка где-то отдыхает.



Художник Белка Елена

Приоткрыв вход в палатку, я посмотрел на солнце, беззаботно распевающих птичек, вдохнул воздух, приправленный дымком только что запеченного мяска из той самой харчевни, и решился. Схватив книгу, я забросил ее в свой наплечный мешок и отправился перекусить. Ничего с ней не случится, пока я поем и отдохну как все нормальные люди.

...

— Ты появляешься у меня, продолжая считать, что все еще имеешь право требовать что-то для всех этих людишек? Ты проиграла мне, признай это! Сотни лет после нашего давнего спора на твоей первой вершине, где ты самонадеянно выкрикнула, что дальше будешь подниматься не одна, что люди устремятся за тобой рука об руку, к новым и новым вершинам... — Великий маг зло расхохотался в лицо Снежной королеве. — Ты ослепла и не видишь, за кого поручаешься? Они никчемны, и место им — ледяная пропасть и забвение!

— Нет, они меняются. Медленно, но идут вверх. Они хотят стать лучше. Это ты постоянно вмешиваешься, а люди слабы, — лицо королевы выглядело как никогда усталым и изможденным, но взгляд был полон решимости. — Я заставлю те-

бя сделать людей свободными и вернуть им их таланты. Они имеют право летать. Возврати им его или я воспользуюсь гримуаром.

На мгновение по лицу мага, похожему на каменную маску, пробежала тень, тут же сменившаяся победоносной улыбкой, переходящей в громаобразный хохот. Отдышавшись, маг наклонился со своего трона к королеве и прорычал:

— Они имели право летать, они имели право разбудить свои таланты, но представь себе, променяли его на самый обычный дом со всем, что он только может дать — с тарелкой горячей похлебки, с простым человеческим теплом! С тем, что ты всегда так презирала и считала лишним, ненужным на пути к вершинам. Сколько совсем не худших из рода человеческого дерзали подняться с тобой на вершину, как уверенны и смелы они были в начале пути, и где они все теперь? Так кто из нас двоих лучше их понимает?! — на этих словах он сжал свой посох и занес над вмиг поникшей обреченной королевой.

...

— А скажи, вкусно здесь кормят? — пьяно ухмылялся новый знакомый, отставной чиновник с лоснящейся багровой харей, втягивая в себя очередную пинту пива.

— Лучшего и не пожелаешь — человеком себя ощутил! — вторил ему тщедушный паренек со странно пустыми глазами. Казалось, в его взгляде навсегда погасло солнце.

— Человеком, думаешь? Неправда твоя, человеку дом нужен. В своих стенах и похлебка теплее, и слово ласковее. Сердечнее все, понимаешь? Душевнее. А без души, без сердца нет человека... Как, говоришь, зовут тебя? Кай? Смешное имя, собачье какое-то!

Пьяный смех еще долго летал над долиной, погружающейся в сумерки.



Най-ко Ольга (Cris Tina)

<https://writercenter.ru/profile/olya-olenka/whois/>

Художник Белка Елена

<https://writercenter.ru/profile/miracles/whois/>



Мечта

Лев Елена

Не так давно это случилось.

В лесной сторожке Бабка развела дрожжи из пакетика с надписью «Сомнения натуральные» и села ждать, когда они немного разгуляются. Других дел на сегодня у нее не было. Да и какие дела, когда на душе пусто!

Супруг Бабки, дед Лесовик, не понимал её горестных переживаний. Он-то весь в заботах и хлопотах! Осень. В лесу беспокойно. Белки из-за шишек передрались. Ёж не смог отцепить пластиковую бутылку со спины, ходил как бронетранспортер с ракетой на запуск, пугал мелкий лесной народ. Волки повадились рыться на дачных помойках, а теперь страдают по... Не к столу будет сказано!

И такая дребедень каждый день!

А Бабка всё одна, да одна.

Слеза скатилась по морщинистой щеке и упала в миску с опарой. Смесь тут же пошла мелкими пузырьками. Бабка шмыгнула носом. Помедлила, раздумывая, и подскочила с табурета. Она схватила с полки баночку с надписью «Соль жизни» и изрядно подсыпала содержимого в опару. То же она проделала с туюсками «Сахар солнечный» и «Ваниль привлекательности». Вытащила из-под кровати короб и, порывшись в нем, выудила яйцо.

Непростое, золотое. Без сожаления разбила его в миску. Добавила колодезной воды, две ложки настоя хвои новогодней ели, и замесила тесто, шепотом проговорив над ним заклинание.

Лесовик когда-то строго настрого запретил ей колдовать. Что уж поделать! Муж всё-таки! Долго пытался приобщить жену к лесному охранному делу. Бабка оказалась плохой ученицей. Тянулась не к травам, а к песням. Душа лежала не к тихому обходу лесных угодьев, а к забавам и шутихам над забредшими в лес туристами. А после случая с перестрелявшими друг друга браконьерами (всё хорошо, все живы), Лесовик запретил и из дому выходить. Вернее за заговоренный частокол, обнесший березовую рощу, избу, хлев и огород.

Тесто поднялось, увеличившись в два раза, как и положено. Бабка щелкнула костлявыми пальцами, и в расписанной затейливыми узорами с кораблями и диковинными птицами печи вспыхнул синий огонь. Бабка засуетилась, засновала от стола к печи. Громыкнула заслонкой. Когда день перевалил за половину, достала из печи Колобка. Аккуратно сдвинула его с лопаты на полотенце, расстеленное на широком подоконнике. Пока шевелила фиолетовые угли, чтобы они скорее прогорели, на круглой поверхности Колобка проступили



черты человеческого облика: закрытые глазки, курносый нос, пухлогубый рот. Бабка придвинула табурет и села в ожидании, сложив руки на подоконнике, как школьница-отличница.

Через некоторое время ротик Колобка зачмокал, пробуя воздух на вкус. Затем разлепились веки и два тёмных, как угольки, глаза уставились в потолок, пошарили по стенам, добрались до Бабки.

— Для чего я? — хмуро спросило кондитерское изделие.

Бабка смутилась.

— Для красоты... — начала она.

— Не ври мне, — строго прервал её Колобок.

Бабка вздохнула.

— Ты — воплощение моей мечты...

— Голодаешь? Съесть хочешь?

— Да что ты, милый! Так, поболтать хоть...

— Поговорить не с кем?

— Дед есть, но он на работе.

— Понятно, — Колобок перекатился по под-

оконнику, разминая пыльное тельце. — Одна маешься.

Бабка задумалась. «Масла наглости» она точно не подливала.

— Без обид, — скривил ротик Колобок. — Сходила бы куда, пообщалась. Лучше, чем мести по сусекам и лепить неведомо что.

— Не могу, не велено.

— Провинилась, — догадался Колобок и спросил, показав глазами на лес за окном: — А мир-то там велик?

— Велик, но не про меня задуман. — На Бабку накатила горечь лет, проведенных в лесной тюрьме. Она отвернулась к печи. — Сгину я тут одна. Уже и птицы перестали прилетать за крошками. И свинья с кабаном сбежала. А Лесовик, тот вообще здесь носа своего мухоморного не показывает...

— Ну и мне здесь делать нечего! — крикнул Колобок. Бабка не успела обернуться, а он спрыгнул с подоконника и покатился, приминая траву, в кусты смородины, высаженные вдоль частогокола.

Художник Лев Елена





Художник Лев Елена

Долго стояла Бабка, прислушиваясь к залихватскому:

«Я от дедушки ушёл,
Я от бабушки ушёл!»

К ночи натянуло тучи, и дождь, сочувствуя Бабке, присел у крыльца лить слёзы в старую кадку под водосточной трубой.

Вечером следующего дня дверь избы распахнулась, и на порог избы, уже обладая крепкими ножками, шагнул Колобок. Бабка, грустившая за вышивкой полотенца, вздрогнула от неожиданности, а от удивления не смогла даже встать.

— Мать, хорошо, что тебя там не было! Это — кошмар, — Колобок, оставляя грязные следы на

вязаном коврикe, протопал к столу и устало бухнулся на лавку. Бабка придвинула к нему оладьи и свою чашку с кофе. К глине, размазанной по кругленькому лицу, прилипли пушинки одуванчика, одно ухо было оторвано. Маленькие ручки, еще толком не сформированные, были исцарапаны, а на лбу красовалась ссадина.

— Заяц — натуральная сволочь, — продолжил Колобок, отхлебывая кофе. — «Я тебя перенесу через ручей!» Ага! Кто ж знал, что за его уши хватать нельзя! Чего он вскипятился? Нырнул! Испугаться хотел? Сбросить посреди ручья?! Я и так бока намочил... Ничего, где-нибудь внизу по течению на берег выбрался, уши сушит... — Колобок



прожевал оладью и потянулся за следующей. — Волка, видите ли, не устраивают «не пропекшиеся говорящие блины»! А намордник из лосиного навоза, я думаю, его очень устроил. Медведь под ноги не смотрит! Ну, споткнулся об меня, ну, разбил колоду мёду! Чего орать-то так! Зачем за мной напролом бежать, лес редить? Лиса зуб сломала. «Дай кусну разочек!» Я ж не виноват в том, что она к стоматологу не ходит. А эти... — Колобок почесал круглый лоб. — Как их? Автомобилисты! Все обочины их асфальтового пути обосс... Не к столу будет сказано! — Тут Колобок гневно стукнул ладошкой по лавке. — Но я этому, в пятнистых штанах, всё высказал. И совсем не сложно гайки откручивать! Пусть поищет колёса в ельнике! — Колобок вздохнул. — Совсем зачерствел я от жизни такой...

Бабка, молча слушая рассказ, вновь развела синий огонь в печи. В волшебном тепле, заполнившем избу, Колобок размяк, порозовел, на круглой голове заблестели мелкие волосёнки, раны затянулись, отросло и ухо. Глина и грязь легко сползли с Колобка, как кожура с печеного яблока.

Сытый Колобок зевнул. Бабка вскинулась и вытащила из сундука мелкие подушечки и маленькое одеяльце на гусином пуху. Бабка их сшила для Кота Котофеича. Но тот не оценил подарка и продолжал спать, где ему вздумается. Из ящика для муки Бабка быстро соорудила постель и перенесла в неё прикорнувшего за столом Колобка.

— Хорошо дома-то как, — промямлил Колобок, завернувшись в одеяло. — Просто мечта...

Бабка улыбнулась.

Утром нового дня в избе пахло мёдом, чаем на чабреце, творожной запеканкой. За столом, накрытом белой скатертью, весело болтали, но иногда переходили на шепот, два заговорщика, задумавших улётную шутиху над Лесовиком...

Когда ваши мечты уходят в отрыв, они, несомненно, имеют большую вероятность потеряться, и даже погибнуть безвозвратно, и даже нагло покинуть вас! Но никогда не сдерживайте их, не ограничивайте! Дайте вашим мечтам свободу!

Иначе сказка не сложится.



Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>



Колдун

Колесова Ульяна

*"Love which is not reborn every day dies every day" ****

Kahlil Gibran

Агриппина была так хороша, что стоило ей появиться в обществе, как у мужчин моментально вырастали волчьи когти и драконьи хвосты, а у женщин подламывались каблуки и вылетали шпильки из волос.

Желто-зеленые глаза Агриппины чуть заметно косили, это делало её лицо по-детски наивным и только усиливало притягательность. Линия рта, всегда приоткрытого, вызвала у смотрящих на женщину ноющую утробную тоску, потому что было совершенно ясно, что этими губами нельзя насытиться, даже если будешь целовать их непрерывно всю оставшуюся жизнь.

Кроме необъяснимой красоты, Агриппина обладала чудесным голосом, обонянием лисицы, умелыми и ласковыми руками и сильным телом античной богини.

Одно было плохо: Агриппина страдала странной неизлечимой болезнью. Если бы кто-то захотел дать название этой болезни, оно могло бы звучать как «недержание любви». Влюблялась Агриппина всем сердцем, любила страстно и преданно, но недолго. Любовь проходила сквозь нее, как нитка без узелка сквозь игольное ушко.

Никто из избранников Агриппины не мог устоять перед её чарами, и каждый спешил предложить ей руку и сердце, пока этого не сделал кто-нибудь другой. Агриппина шла под венец, сияя от счастья, но как только любовь выскальзывала из

неё, сияние меркло, а волосы молодой женщины начинали менять цвет с каштанового на лавандово-пепельный.

Что происходило дальше, оставалось строжайшей тайной для всех, кроме самой Агриппины. Перестав любить, женщина принималась за вязание: из своих мыслей, смешивая их с пряжей, она для каждого опостылевшего мужа вывязывала смерть.

Как только смерть была готова, Агриппина клала её под подушку очередному супругу, и тот вскоре умирал в полном соответствии с её задумкой. Сразу после похорон волосы женщины вновь приобретали натуральный цвет, а сама она уезжала из города навсегда с двумя чемоданами — из слоновьей и крокодиловой кожи.

Женщина с трудом могла вспомнить, сколько мужей похоронила, и потеряла счет городам, в которых оставила их могилы.

По запаху, которым Агриппину встречал каждый новый город, она определяла, каким будет её здешний любовный роман. Аромат свежее испеченного хлеба предвещал мягкую нежность, дух лошадиного навоза — сюрпризы, а запах дыма — буйную страсть.

Сняв комнату в самой красивой гостинице, она первым делом открывала слоновий чемодан, в котором хранила связанные ею смерти, раскладывала их на кровати, вспоминала своих покойников и лила обильные слёзы о каждом из них.





Художник Колесова Ульяна



Проза. Сказка

Вот смерть Владислава, связанная из тонкого красного шёлка. Гладенькая на ощупь, как кожа Владислава, и лёгкая, как музыка, которую он сочинял. Он умер в судорогах, съев мороженое, купленное у заезжей цыганки. Видимо, оно было густо приправлено не то арсеником, не то белладонной. Владислав был красивым, как белый журавль, от него всегда пахло клубничным киселем и ванилью...

Сальвадор не был красивым, но от его взгляда волосы Агриппины завивались в локоны, а прикосновения его крепких волосатых рук заставляли её забыть собственное имя. Смерть Сальвадора была связана из шерсти чёрной козы. Сальвадор сорвался с высокой скалы и разбился о подводные камни. Он любил рассказывать о своих снах, в которых летал над морем, а его утреннее дыхание всегда пахло соленой водой, поэтому Агриппина постаралась сделать так, чтобы перед смертью её муж успел насладиться полетом.

Для смерти Захара, высокого красавца с усами цвета белого вина, Агриппина выбрала жесткую льняную пряжу, выкрашенную луковой шелухой в золотистый цвет. Захар скончался во сне. Он был изрядно пьян и не заметил, как в рот его вполз мохнатый песчаный паук. От паучьего укуса язык и горло Захара распухли, и он умер от удушья.

Фернандо был уличным иллюзионистом, Агриппина впервые увидела его в городском парке во время одного из представлений. Вынув из кармана яйцо, фокусник собирался извлечь из него живого цыплёнка, но в этот момент увидел в толпе Агриппину, и вместо цыпленка из куриного яйца вылупился детёныш красного дракона.

Каждое утро Фернандо радовал жену каким-нибудь новым чудом. Он сочинял четверостишья и тут же превращал их в бабочек. Из сквозняка нарезал прозрачные косынки для Агриппининых волос, дольки чеснока нанизывал на леску, и прямо в его руках они оборачивались жемчужинами. Для смерти Фернандо не годилась обычная пряжа, поэтому Агриппина сплела её из собственных волос. Чернокудрый фокусник с фаюмскими глазами сгорел заживо, когда вытянул из камина пламя, чтобы нарисовать им в воздухе портрет любимой жены.

Маленькая белая смерть из хлопка принадлежала самому юному из Агриппининых мужей — Василию. Любовь к нему была похожа на облачко, которое растаяло, едва успев появиться. Что же случилось с бедняжкой Василием? Ах да, его унесло штормовым ветром вместе с лодкой и грустной

песней о чьей-то несчастной любви, которую он без конца напевал. Агриппина не помнила лица Василия, только его ресницы, которые удерживали по десять спичек, и ярко-розовый длинный язык.

Задиристый Ефим был убит в драке ударом кастета в висок...

Отважный и молчаливый Себастьян сломал шею, когда его сбросила подаренная женой норовистая кобыла, такая же рябая, как меланжевая пряжа, из которой была связана Себастьянова смерть...

Мягкогубого Лео сразила холера. Его смерть из кроличьего пуха до сих пор пахнет лечебным снадобьем, которое не смогло справиться с болезнью...

Яков... бедный, бедный Яков, он был заживо съеден дикими собаками... Видит Бог, Агриппина не желала ему такой страшной смерти, просто в захолустном городишке, где они жили, не нашлось ничего, кроме грубой собачьей шерсти...

Эмиль...

Александр...

Генрих...

Исайя...

Вволю наплакавшись, Агриппина укладывалась спать. Наутро она открывала крокодиловый чемодан, доставала из него платье цвета граната, туфли на закрученных спиралью каблуках и медный перстень, украшенный окаменевшим змеиным глазом. Нарядившись и заколов слева направо волосы черепаховым гребнем, женщина шла на городскую площадь, потому что не умела жить без любви.

В тот вечер, когда Агриппина вышла из поезда на станции белокаменного южного города, название которого никто, кроме местных жителей, не мог произнести, женщине было немного грустно: на следующий день ей стукнет пятьдесят! Правда, несмотря на зрелый возраст, Агриппина по-прежнему была очаровательной, ведь каждая связанная ею смерть возвращала женщине молодость.

В городе пахло рыбой и горьким миндалём.

Агриппина решила, что это плохой знак, ведь рыба — это символ вечности, а миндаль — атрибут мужской чёрной магии. Попросив, как обычно, доставить ее в самую лучшую из гостиниц, Агриппина решила оставить все тревоги до утра. Чтобы уберечь себя от сглаза, перед сном Агриппина на-

терла виски, ладони и низ живота настойкой из чертополоха. Утром, когда солнце окрасило площадь в розовый цвет, Агриппина встала, подошла к зеркалу и поздравила себя с днём рождения. Её отражение впервые не понравилось Агриппине: лицо выглядело усталым. «Во всем виноват жесткий матрас», — решила она.

Приняв освежающую ванну, она надела гранатовое платье, туфли на закрученных каблуках и отправилась на поиски новой любви.

Когда Агриппина выходила из гостиницы, медный перстень зацепился за выступ дверной ручки, соскочил с пальца и упал на ступени крыльца. Подняв его, женщина обнаружила, что змеиный глаз выскочил из гнезда и укатился куда-то. Как ни искала Агриппина свой старинный талисман, найти его так и не удалось. «Все сегодня идёт не так», — с досадой подумала она.

В уютном кафе «Лакомый кусочек», что располагалось на площади напротив гостиницы, почти не было посетителей. Агриппина выбрала крайний столик с видом на фонтан и заказала турецкий кофе и бутерброд с сушеными помидорами и овечьим сыром. Утолив голод, Агриппина подумала, что сегодня, в день рождения, можно побаловать себя, и добавила к заказу бокал мадеры и ореховое пирожное.

«Вот откуда запах миндаля», — подумала она, когда официант принёс ароматный шарик размером с перепелиное яйцо на широком медном блюде. Шарик лежал в центре, окружённый причудливой пентаграммой, нанесённой шоколадным соусом.

Подняв глаза на официанта, Агриппина увидела, что это совсем не тот человек, который принял у неё заказ и принёс ранее бутерброд и кофе. Тот был белобрысым увальнем с лицом простака, а этот новый был стройным и гибким, с бледной кожей и длинными чёрными волосами, завязанными сзади в хвост. Он поставил блюдо и бокал с янтарной жидкостью перед женщиной, но после этого не ушёл, а остался стоять у противоположной стороны стола. Агриппина посмотрела на него, вопросительно подняв бровь.

— Хочу убедиться, что пирожное пришлось вам по вкусу. Знаете, такие клиентки, как вы, не часто заглядывают в «Лакомый кусочек», мне бы очень хотелось вам угодить. Ведь вы и сами — «кусочек» весьма лакомый.

Агриппина слегка поморщилась от такой фамильярности и сделала вид, что не услышала этих слов. Она наколола на золоченую вилку миндаль-

ный шарик и отправила его в рот. Пирожное оказалось на редкость вкусным, оно мгновенно растаяло во рту, оставив на языке твёрдую горошину. Женщина собралась было её проглотить, запив мадерой, но ей захотелось прежде взглянуть на горошину. Каково же было удивление Агриппины, когда, взяв её с языка двумя пальцами, она обнаружила, что это не что иное, как окаменевший змеиный глаз, выпавший из её кольца! Женщина с недоумением посмотрела на официанта, но тот вовсе не выглядел удивленным.

— Наши блюда иногда преподносят сюрпризы. Но, прошу заметить, всегда приятные.

— Но... как же так получается? Ведь эту бусину я потеряла сегодня, совсем недавно, не больше четверти часа назад, а тесто для пирожных вы, думаю, замесили ещё вчера!

— Ах, сударыня! Время — субстанция непостижимая. Его вполне можно запустить задом наперёд, а то и вовсе вывернуть наизнанку. Уж вам ли этого не знать? Ведь вы умеете легко удлинять своё время, укорачивая чужое.

— Откуда вам это известно? Кто вы такой? — спросила Агриппина. Ладони её вспотели, она почувствовала тяжесть и жар на затылке, как будто на него надавила чья-то невидимая тяжелая рука.

— Меня зовут Павлом, — жарко шепнул в самое ухо странный официант. — Я твой следующий муж.

Только теперь Агриппина как следует рассмотрела мужчину. Выше среднего роста, с прямой спиной и плавными движениями рук, что делало его похожим на танцора, мужчина был одет в застёгнутый до горла темно-лиловый короткий сюртук с позолоченными пуговицами и бархатные штаны, заправленные в высокие сверкающие сапоги. Агриппина задержала взгляд на стройных длинных ногах, затем подняла его чуть выше, и нечаянно прикусила губу. Ни один из Агриппинных мужей не обладал столь совершенными ягодицами!

Шею Павла с заметно выступающим адамовым яблоком, украшала атласная лента и брошь в виде золотой рыбы. Бледное лицо выглядело бы болезненным, если бы не живой острый взгляд разномастных глаз.

Правый глаз Павла был молочно-серым, а взгляд его — холодным и пронизывающим, как февральский ветер. Левый переливался горячим золотом и согревал душу. Агриппине пришло в голову, что теперь сны её будут то полными райского блаженства, то леденяще-жуткими, в зависимо-

Проза. Сказка

сти от того, с какой стороны от Павла она ляжет в постель. Женщина не сомневалась, что это произойдёт не далее как сегодня вечером, потому что она уже влюблена по уши, и ждать дольше было бы невыносимой пыткой.

Не отрывая от Павла взгляда, она доела пирожное, залпом выпила мадеру и, бросив на медное блюдо несколько монет и карточку со своим новым адресом, удалилась. Агриппина пересекла площадь, считая шаги, и вошла в гостиницу. Шестьдесят восемь шагов. Тридцать четыре секунды.

— "Вам письмо, сударыня!" — Консьерж протянул ей желтый конверт с монограммой, изображавшей рыбу.

«Сегодня вечером за тобой приедет экипаж. Твой Павел».

«Похоже, что время теперь будет течь в двух противоположных направлениях одновременно», — подумала женщина.

— С тех пор как я встретила тебя сегодня утром, твои волосы отросли на два фута, — заметила Агриппина, когда Павел помог ей выйти из коляски и проводил в дом из серебристого камня. Чёрные, закрученные в тугие веревки на африканский манер волосы Павла спускались теперь ниже его умопомрачительных ягодич.

Минуя коридор и просторную богатую гостиную, Павел провёл Агриппину прямо в спальню, где был накрыт стол и уже разобрана огромная кровать. Рядом с ней разинул горящую пасть камин, выложенный в виде головы льва.

Слюна Павла имела привкус миндаля, поэтому все блюда, которые успела попробовать Агриппина, были похожими на то круглое утреннее пирожное. Объятия и ласки её новоиспеченного мужа были такими, словно у него было не две, а четыре руки, а когда он вошел в неё, Агриппина почувствовала, что в её теле выросло гибкое дерево, протянувшее ветви по венам и даже по самым мелким сосудам. Ни разуму, ни душе не осталось места в теле женщины и, выскочив, они унеслись куда-то в космос...

После трёх полетов во вселенную и обратно душа Агриппины запросила пощады. Смиловившись, Павел позволил жене задремать, укрывшись его волосами.

— Они мягче и теплее верблюжьего одеяла, — пробормотала она.

Павел поцеловал Агриппину в ухо и шепнул:

— Я знаю, что ты ведьма. Также мне ведомо,

что ты искусна в вязании. Но я всё равно согласен взять тебя в жены, потому что ты никогда не найдёшь той пряжи, из которой можно сплести мою смерть.

Уснувшая было Агриппина открыла глаза. Павел смотрел на неё своим правым глазом, в котором совсем не отражалась его улыбка. Это выглядело так, будто лицо его было наспех составлено их половинок двух разных лиц. Агриппину рассердило это несоответствие.

— Все мы смертны, а раз так, для каждого найдётся подходящая пряжа, — буркнула она. Павел расхохотался и снова склонился к уху жены.

— Ладно уж, скажу тебе по секрету, — обедев острым языком её ушную раковину, продолжил он. — Чтобы связать мою смерть, тебе понадобилось бы сперва собрать всё мое время, затем спрясть из него нить длиною в тысячи лет, и только потом приступать к вязанию. Но ты не успеешь собрать моё время, потому что твоё собственное — намного короче.

Павел сел в кровати, по-турецки скрестив ноги, и раскурил трубку.

— Знаешь, дорогая, тебя не должно это волновать, потому что я избавлю тебя от того, чего ты больше всего боишься, и дам то, что тебе необходимо, и что ни один из твоих мужей не смог тебе дать. За что все они и получили по заслугам.

— Откуда ты знаешь, что мне нужно и чего я боюсь?

— Женская душа — как остров, с какой бы стороны ни дул на нем ветер, он всегда дует с моря. Ты боишься старости.

Павел перелез через Агриппину и оказался справа от неё. Теперь на женщину ласково смотрел густо-золотой левый глаз мужа.

— Кто ты? — тихо спросила она.

— Если хочешь, можешь считать меня колдуном, — Павел подмигнул Агриппине. Она вдруг увидела, что на теле мужчины стали проступать неясные письмена, немного похожие на арабскую вязь.

— Что это, тайные заклинания? — спросила женщина, проведя пальцем вдоль мужниного плеча.

— Всего лишь мои любимые сны. Если записать их на собственной коже, сны будут возвращаться снова и снова.

— Прочти мне хотя бы один из них.

— Не получится, душенька. На этом языке можно только писать.

— Так не бывает. Что же это за язык?





Художник Колесова Ульяна

— Язык изнанки твоих собственных мыслей, о которых ты даже не догадываешься до тех пор, пока не заснёшь. Записать их можно тоже только во время сна, останавливая его время от времени.

— А не надоедает ли тебе смотреть одни и те же сны?

— Как может надоесть то, о чем совершенно не помнишь? Это только кажется, что человек может протащить свой сон в явь. На самом деле сон в тысячу раз больше, чем ты думаешь. В твоём бодрствующем сознании остаются только несколько чешуек с его шкуры, которые прилипли к твоим векам.

— Как же тогда он помещается в моей голове?

— А кто тебе сказал, что сон существует в твоей голове? Это голова твоя находится внутри сна. Утром он просто выплевывает её обратно на подушку.

В эту ночь Агриппине приснилось, что они с Павлом — дряхлые старики, которые спят в двухместном гробу всё в той же спальне Павла возле разинутой львиной пасти камина. Во сне Агриппина видела себя и мужа как бы со стороны, вернее, сверху. Седые кудри Павла были такими длинными, что стелились по полу, огибая гроб спиралью в семь завитков.

Наутро Агриппина совершенно не помнила, что ей снилось, осталось только ощущение чего-то странного и приятного. Она поднялась с кровати и подумала, не сменить ли ей гостиницу: уж больно жестким оказался матрас, спина и бёдра ныли, в голове будто застоялся и скис вчерашний ветер.

Выглянув в окно, Агриппина передумала. Окна ее гостиницы выходили на уютную городскую площадь, освещенную утренним солнцем. Вчера вечером, когда Агриппина прибыла в этот город, было уже темно, и она была слишком утомлена поездкой, чтобы разглядеть окрестности.

В центре площади плескался фонтан, а за ним была видна вывеска симпатичного кафе. Распахнув оконные створки, женщина с удовольствием втянула аромат ореховых пирожных, доносившийся из кафе, и поняла, что ужасно голодна.

Вспомнив, что сегодня день её пятидесятилетия, Агриппина вздохнула, затем открыла чемодан из крокодиловой кожи, достала из него платье цвета граната, туфли на закрученном каблучке и перстень с окаменевшим змеиным глазом.

Выйдя из дверей гостиницы, Агриппина зацепилась кольцом за выступ на дверной ручке. Перстень соскочил и зазвенел по ступеням крыльца...



*** «Любовь, которая ежедневно не возрождается, ежедневно умирает» — Халиль Джебран.

Колесова Ульяна (Бунингит)

<http://www.shannonassociates.com/julianakolesova>

<https://writercenter.ru/profile/Buningit/whois/>





Крыжовникова Капитолина

Ответ

Играю на струнах моей утомленной души.
Заслушавшись, вновь недовольно свое пробурчу:
"Твори и надейся достигнуть все новых вершин".
Чело тяжелеет от рифм, от сознанья и дум.

Мне, гусли разбив, расколоть на кусочки миры,
Что просятся грешный наш свет снова перевернуть?
Но нет, пусть звучат до условленной небом поры,
А я в облака, пока кофе кипит, завернусь.

Потрется о ноги пушистым и мягким комком
Сегодняшний день, благодарно мурлыкнув, зевнет.
Замру на мгновенье над чистым бумаги листком,
И строчки польются, танцуя в гармонии нот.

Придет вдохновенье иль нет, я все дни напролет,
Склонясь над бумагой, творю из мелодий букет
В надежде, что солнце под звук моих гуслей взойдет,
Рассеется мгла и придет долгожданный ответ.

Крыжовникова Капитолина
<https://writercenter.ru/profile/edem/whois/>



Зауэр Ирина

Романс об упрямстве

Мы любим сказки, верим миражам,
Но жизнь, увы, чудней и безобразней.
Есть тысяча в ней жесточайших казней.
Порой тебя казнят, нередко — сам:
Осколками надежд — расстрел в упор,
И совестью, и тем, что не сложилось...
Но есть упрямство, что течет по жилам.
Расстрелянный, встаешь, находишь силы
Принять в лицо свой новый приговор.

Судьба и отдых даст когда-нибудь,
Но после мёда солонее пепел.
Влюблен — и каждый день чудесно-светел,
Разлука как петля — и не вздохнуть.
А если ссора, если пелена
Спадает с глаз, а правда бьет, как обух?
Любовь — палач, и вы казимы — оба.
Из пелены сможешь вырваться? Попробуй.
Упрямый дух — твоя величина.

Такие казни — вехи на пути.
Но вот финал. Ты видишь, что осталось?
По капле жизнь выщипывает старость,
И страх — бесследно, в пустоту, уйти.
Когда даешь усталости решить,
Что хорошо, а что грешно и плохо,
Когда ты — лишь ушедшая эпоха,
Вопрос «зачем я жил?» — твоя Голгофа...
Ты должен снова встать. Допеть. Дожить..

Армант, Илинар

О будущем

Я помечтать всегда готов.
О будущем? Совсем не сложно.
Представил — тысяча годков
Промчалась. Но, увы, всё то же.

Поток кислотный льёт с небес,
И воздух задохнулся в смраде,
Душою вряд ли кто воскрес,
И снова ненависть во взгляде.

Бессмертие? Не вижу, нет.
Вновь в войнах гибнут миллионы,
Есть белый свет, да света нет,
И те же пишутся законы.

И ждут просвета впереди,
Мечтая об иной планиде.
И чуждо также «не суди» —
Иначе все бревно увидят.

И та же вера у людей,
Но не в любовь, а только в Бога,
Давно убили «не убей»,
Давно. Ещё до нас. Задолго.

Увидел, будто наяву.
И там и здесь с пра-пра... мы схожи.
Как хорошо — не доживу!
Как плохо, что уже я дожил.

Иванов Юрий

История одного клинка

Музей, экскурсия, галдеж у входа,
Зашли вовнутрь – тишина...
И голос гида под округлым сводом,
Нам повествует, как прошла война.

В соседнем зале статуи и бюсты,
Кресты, колоны, золотые вензеля.
Зал оружейный, там людей не густо,
Среди клинков преинтересный экземпляр.

Вокруг мечи, мачете, кортики и сабли,
С камнями, золоченые, с клеймом,
А этот неприметный, словно зяблик,
Но свет пролил дневник с историей о нём.

Его ковал кузнец с обломка ятагана,
Которым был убит предательски султан,
Зарезан был посол какой-то иностранный,
В убийстве двух царей он тоже фигурант.

Любовник был убит с неверною женою
И вены вскрыл купец, угробивший товар,
Гулял в груди бродяг, убитых на разбое,
Казак его носил в кармане шаровар.

Он неприметный был, ничем не интересен,
Он просто выбивал из негодяя спесь,
Но дело знал своё и этим был известен,
Среди людей клинки такие тоже есть.

Зауэр Ирина

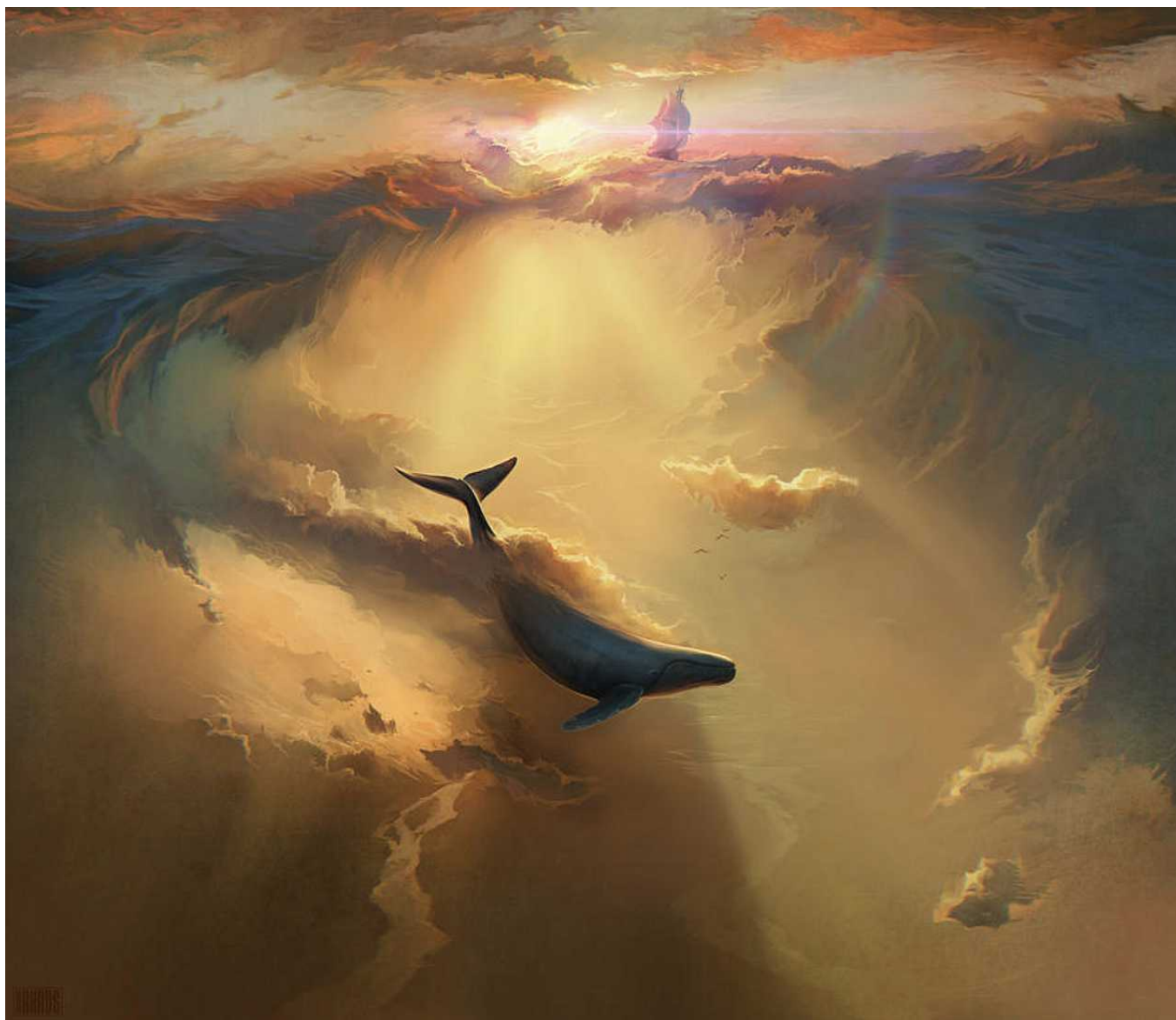
<https://writercenter.ru/profile/Lita/whois/>

Армант, Илинар

<https://writercenter.ru/profile/Armant/whois/>

Иванов Юрий

<https://writercenter.ru/profile/mrhatey/whois/>



Художник RHADS

Вашутин Олег

Киты

На сушу выбрасывались киты,
Задыхались, жадно глотая воздух,
Раздиравший их легкие. Как я и ты,
Когда клятвы слетали в пропасть,
Черными лоскутьями насыщая бездну.
— Ты кто?
— А ты?
— Бездарь,
Не прошедший по тонкой струне.
— Как пел ты когда-то мне...
Пел. Пока не сорвался на крик.
Помнишь, тогда нам какой-то старик
Подарил безглазого клоуна?
Убитого чайками словно.
А потом мы лежали на скалах
И море нам пело, ласкаясь.
А к берегу приближались киты,
Заболевшие жизнью, как я и ты.

Вашутин Олег

<https://writercenter.ru/profile/OlegV/whois/>

Карапац Александр

<https://writercenter.ru/profile/karalek/whois/>

By RHADS

<https://www.deviantart.com/rhads>

Карапац Александр

Чем выше взлетаешь

Чем выше взлетаешь,
Тем падать больнее,
Чем дальше — труднее
Набор высоты.

Чем ближе до солнца,
Тем менее смеешь
Мечтать, что увидишь
Живые цветы.

Чем скорости выше,
Тем меньше надежды,
Что сможешь при встрече
Остаться в живых.

И даже обломки
Рассеются прежде,
Чем люди поймут,
Что полёт твой для них.

Чем дальше от детства,
Тем больше желаний.
Тем больше страданий
Растущей души.

Но нечем измерить
Больших расстояний,
И незачем вновь
В неизвестность спешить.



Под крылом Ёля

Михалевская Анна

Рыночную площадь Торна вывернуло наизнанку.

Булыжники разметало, как хлебные крошки, и они валялись вперемешку с покореженными остовами телег, сплюснутыми колесами, обломками утвари и месивом из съестных припасов. То тут, то там алели плодами кайю изуродованные тела: на них пятнами налипла мука, мякоть овощей, зерна какой-то крупы.

Недавний пир Ёля.

Йорга перешагнула мертвеца, сапог задел когтистую лапу. Девушка окинула взглядом когда-то бойкую площадь, теперь — кладбище.

Предупреждая об опасности, рыкнул за спиной Тень, крупный пес с густой серой шерстью.

— Жди здесь!

Пес неодобрительно посмотрел на хозяйку. Но делать нечего, приказ есть приказ. Он сел у кромки разлома, наострил уши.

Йорга стиснула рукоять ножа, ногти врезались в ладонь.

Она ходила между трупами, изучая мертвецов. Задержалась у последнего; тело бедняги изменилось до неузнаваемости: на изуродованном лице выступил птичий клюв, позвоночник неестественно изогнулся, вместо локтя торчали обломки кости, а на плечах топорщились перья. Метаморфозы проходили стремительно: прорывая плоть и ломая кости, из человеческого тела прорастало птичье. Глаза мертвецов блестели страхом и болью, и оттого казалось, что они никак не могли умереть до конца. Братья ловчие говорили, что человеку не под силу пережить превращение, да и Йорга таких не знала.

Она была готова к этому; боль, искореженное тело — все это будет после. Она не успокоится, пока не достигнет Ёля! Чтобы метнуть нож, хватит пары мгновений...

Лас попал под крыло Ёля в полную луну месяца гроз. С башни ловчих Йорга увидела вдали похожую на птицу черную кляксу, та стремительно приближалась к городским стенам. Рваное пятно — прореха в безоблачном небе — зависло над покрытыми дерном крышами, выплюнуло веретено урагана. Оно росло и росло, сжирая все на своем пути — дома, людей, скот, деревья...

Присыпанный дерном, Лас лежал на груде обломков и, казалось, улыбался. Йорга трясла его за плечи, била по щекам, кричала... Ее нашли братья ловчие, на руках отнесли в башню. Разглядывая беленый потолок кельи и перебирая обрывки воспоминаний, Йорга вдруг поняла, что Лас сумел сохранить человеческий облик: ни клюва, ни когтей, ни птичьего хребта! Особая милость Ёля или проклятие? Хотя какая, в сущности, разница...

Девушка накрыла лицо мертвеца обрывком рубахи — как делала со всеми, — чтобы по-своему почтить погибших.

Завидев Йоргу, пес поддел носом ее ладонь, вильнул хвостом и затрусил рядом.

Она шла по знакомым улицам и видела их будто впервые. Деревья кайю, прозванные гнездами Ёля, — невысокие с белесыми, пушистыми, будто оперенными ветками — засеяли каждый дюйм земли. Пробивая мощные дороги богатых кварталов, вылезая из пыли, луж и помоев

окраин, они буйно разрослись по всему Торну. Бурые сморщенные плоды напоминали запекшиеся сгустки крови, и разило от них так же тошнотворно.

Засилье кайю — нехороший знак, скоро война доберется и сюда. До недавнего времени северный Торн неплохо держался. Но вспыхнувшие на юге междоусобицы, точно мор, разоряли город за городом. Графы-наместники дрались за земли, и обезумевшие люди вслед за ними готовы были перегрызть друг другу глотки. Они все стали вечными беженцами — в прохудившемся платье и с такой же прохудившейся бесприютной душой.

Она остановилась у ворот башни, постучалась условленным кодом. Привратник открыл окошко, встретился с хмурым взглядом Йорги. Лязгнув засов, и девушка переступила порог.

Во дворе царила сумятица: братья стаскивали вниз вещи, связывали их в узлы и грузили на повозки. Тень поднял морду и принялся нюхать воздух. Фыркнул, оглянулся на Йоргу.

— Знаю, — коротко сказала она. — Он придет еще раз. Сегодня.

Завидев Йоргу, невысокий мужчина с вытянутым лицом и острым носом направился к ней.

— Ёль явится очень скоро. Собирайся, Йорга!
— Мужчина подтолкнул девушку к окованной железом двери.

Йорга не шелохнулась.

— Я останусь, настоятель Ове.

Ове ответил ей колючим взглядом, недовольно поджал губы.

— Ты ведь помнишь, что случилось с Ласом? Живой отсюда не выйдешь.

Имя ловчего отозвалось болью в груди. Но Йорга не подала виду, выдержала взгляд Ове, и тот, будто признавая за ней право на бестолковую смерть, все-таки отступил.

— Позаботьтесь о нем! — Она махнула на ощерившегося Теня. Пес переводил настороженный взгляд с Йорги на Ове, снова на Йоргу и тихо рычал.

Ове кивнул, подошел к Теню, тот оглушительно залаял. Настоятель вздрогнул и сквозь зубы произнес:

— Я не притронусь к твоей собаке...

Йорга присела на корточки, погладила Теня по загривку. Упираясь всеми четырьмя, тот все-таки дал подвести себя к повозке. Девушка устроила его между мешками с пожитками, и пес нехотя повиновался. Проводил хозяйку долгим взглядом...

Скрипнули петли двери. Йорга осталась в башне одна.

Художник Белка Елена



Проза. ФЭНТЕЗИ

Этаж за этажом винтовая лестница накручивалась на ось башни. Йорга миновала дверь в погреб, прошла помещение для гостей и паломников, поднялась на второй этаж кухни и трапезной, еще выше: мастерские, кельи братьев и настоятеля, зал собраний, библиотека...

Стропила чердачной крыши были увешаны пучками трав, из которых братья делали лечебные настойки и яды. Йорга глянула на красносиние соцветия паты. Было дело, она еле выкарабкалась: три дня валялась без памяти, пока тело боролось с ядом. С патьей нужна предельная осторожность: стоит нарушить меру, и человек уже не очнется...

Йорга выбралась на террасу крыши, прошлась вдоль балюстрады по кругу. Рука невольно потянулась к поясу. Небо было обложено кляксами, и все они ползли к башне ловчих.

А ведь братья подозрительно легко отказались от борьбы, подумала Йорга, никто не вызвался ее поддержать, и даже настоятель, который везде совал свой длинный нос, не стал отговаривать. Конечно, Йорга бы не приняла помощь, это ее сражение! Но вот так бежать, как последние трусы...

Испокон веков братство ловчих противостояло Ёлю. Легенды рассказывали об этом на разные лады, но все они сводились к одному: людям явится вестник последнего сражения, и тогда, если самый слабый ловчий победит Ёля в поединке, птица горя наконец уступит место Кануку, птице благоденствия. Братья положили все силы на воспитание учеников — чтобы даже слабые стали сильными. Но легенды оставались легендами, а смутные времена уносили жизни. Первый раз Йорга увидела пришествие Ёля еще девочкой. С тех пор он все чаще навевался к людям.

Она играет ножом, лезвие мелькает, как крылья бабочки. Йорга подбрасывает нож, ловит зубами рукоять, достает из-за спины шляпу, насаживает ее на острие. Шляпа вертится волчком. На площади города Скилле собралось немало зевак — все пришли посмотреть на ловкого мальчишку. Шутливый поклон, шляпа падает тульей вниз, нож уже заткнут за пояс штанов. Юбок Йорга не носит: девочкам не место на дорогах. Да и время беспокойное: на юге война, оттуда приходят исхудалые страшные беженцы, отряды наемников шастают из города в город.

Йорга частенько ночует в лесу, отдыхая по

несколько дней. Ей снятся крылья Ёля и убегающие люди. Она долго отходит после этих снов и отмывает в ручьях запачканные руки...

В шляпу летят монетки. Йорга довольно хмыкает: на хлеб и сыр хватит! Завтра она запрыгнет в чью-то повозку, будет новый город, новое представление. На нее посматривает парень: нос с горбинкой похож на клюв, в глазах — пасмурное небо, на поясе — большое перо. Йорга хочет расспросить, что это за перо, но ее отвлекает возня неподалеку. Трое школяров каждый к себе дергают щенка. Наконец самый рослый и крикливый перетягивает веревку, петля впивается собаке в шею, тьяквань переходит в хрип. Мальчишки гогочут, задние лапы щенка отрываются от земли, он вот-вот задохнется.

В мгновение ока Йорга выхватывает нож — и обрывок веревки остается в руках верзилы. Щенок неуклюже плюхается на землю, мотает мордой, скулит. Йорга подхватывает его на руки, прижимает к себе. Чувствует, как бешено колотится собачье сердце — от страха. И ее собственное — от гнева. Школяры наступают, и Йорга пятится. Драться она не умеет, да и соперники на две головы выше. А убежать не успеет. Можно воспользоваться ножом, но Йорга не хочет убивать.

Краем глаза она видит, как парень с пером на поясе пробивается к ней сквозь толпу зевак. Но верзила-школяр опережает незнакомца, он хватается Йоргу за ворот куртки, изношенная ткань бедняцкой одежды трещит. Руки девочки заняты: она крепко держит щенка. Тот дрожит и прячет морду ей подмышку.

Верзила ухмыляется, кивает другому школяру, и мальчишка тянется за собакой. От отчаяния Йорга кричит. Крик разрывает людскую разноголосицу, лица школяров искажаются ужасом, но Йорга здесь ни при чем. Школяры смотрят куда-то за ее спину. Хватка разжимается, и, забыв шляпу, Йорга бежит прочь. Она перепрыгивает канавы, протискивается сквозь узкие переулки — по ступенькам вверх. Переводит дыхание, оглядывается. Отсюда площадь славного города Скилле видна как на ладони.

Йорга смотрит и не верит глазам. Там, где только что толпились зеваки, небо рвет черным смерчем.

— Клянусь ребром Канука, это же Ёль!.. — за спиной вырастает парень с пером на поясе.

Он пытается остановить Йоргу, но девочка снова несется на площадь... Она находит школя-

ров, вернее, их тела. Вывернутые судорогой птичьего превращения, они преследуют Йоргу в снах. Она не желала для них такой участи...

Йорга вцепилась в перила, побелели костяшки пальцев. В лицо ударили первые порывы ветра: Ёль подлетал все ближе. Небо над башней ловчих загустело смолой, в воздухе проступила сероватая взвесь; капли упали на террасу, и камень вмиг покрылся оспинами. Йорга почувствовала на руке влагу и сразу жжение: капля зашипела, разъедая ранку...

Йорга злится на Ласа... Тень, уже годовалый пес, переминается с ноги на ногу у порога, и ей тоже хочется на волю. Она привыкла к свободе и ветру, а тут — пустая келья да мрачный двор без единой травинки. Братья не жалуют деревья кайю, поэтому вблизи башни нет ни сада, ни даже захудалого цветника — чтобы, не приведи Канук, они не засеялись сами. По правде, Йорга могла бы давно сбежать — ее ножик откроет любой замок, и однажды она уже проделала этот трюк. Дошла до городской стены и вернулась. Не за похлебкой, не за сухой кельей и теплым шерстяным плащом. За чем-то другим. Она пока сама не поняла, за чем.

Художник Белка Елена



Лас учит ее грамоте, через каждое слово поминая ребро Канука. Зря он ругается. Йорга уже сносно читает летописи братства и пробует переписывать их на пергамент. Теперь она много знает о Ёле. Птица горя всегда появляется в смутные времена. Эпоха Ёля, черного ворона, длится, пока людям есть что оплакивать. За нею наступает эпоха Канука, белого орла. Эпохи не накладываются друг на друга, и смена, если ловчий выигрывает битву, происходит резко, в один миг, подобно тому, как тела несчастных превращаются в птички... Лас посмеивается над ней, говорит, если она не будет прилежной, то никогда не победит Ёля. Йорга фыркает: не собирается она ни с кем драться! Но все-таки старается — ради Ласа. Ей хочется, чтобы он гордился ею.

По вечерам девочка учит ловчего метать нож. Лас все время мажет, шепчет под нос ругательства, но это не помогает: нож все равно летит мимо набитого соломой мешка. И Йорга с плохо скрываемым удовольствием показывает наставнику, как держать рукоять, целиться...

Завтра ее с другими воспитанниками будут гонять по внутреннему двору до упаду, учить драться на палках, врукопашную... Лас рассказывает про яды, Йорга морщится, но слушает. «Ты привыкнешь к ним, — говорит наставник, — помучаешься первые месяцы, когда братья начнут понемногу добавлять настои в пищу, потом и не заметишь. Ловчему нужен закаленный ум, дух и тело. Только тогда выступишь против Ёля».

Ветер усилился так, что Йоргу начало мотать по террасе из стороны в сторону. Рядом кружили похожие на перья листья кайю, разнося удушливый запах. Братья все-таки не усмотрели, ростки пробивались сквозь плиты двора и, карабкаясь по стенам башни, потянулись к небу...

На шпиль саваном опустилась чернота. Вот оно, крыло Ёля!

Девушка запрокинула голову:

— Чего ты ждешь?!

Сквозь вой ветра пробился собачий лай.

Тень!

Йорга метнулась к чердаку, распахнула дверь. Пес выскочил навстречу, едва не сбив ее с ног; Йорга опустилась на колено, обняла Тень, запустила руки в густую шерсть. Пальцы наткнулись на свежие раны.

Проза. ФЭНТЕЗИ

— Уходи, нельзя здесь оставаться!

Тень мотнул мордой, тихо рыкнул: ни за что, хозяйка!

Девушка приоткрыла дверь, выглянула: теперь уже не капли, струи грязного, смешанного с мусором дождя хлестали по террасе. Под таким дождем пес точно погибнет.

Ветер завыл и тут же, словно обезумев, тонко засвистел. Башня ходила ходуном — казалось, Ёль хочет сбить ее своими крыльями.

Сперва надо спрятать Теня, а потом они поговорят с вороном!

Пес вильнул хвостом, громко залаял и подбежал к лестнице.

— Наконец ты образумился. Спускаемся!

Йорга едва успевала за Тенем. Лестницу начало, как последнего забудыгу, и, чтобы не упасть, приходилось все время хвататься за перила. Стонали от натуги стены, крошились вековые камни, трещали балки перекрытий. Пес то и дело оглядывался, проверяя, не потерялась ли Йорга. На третьем этаже Тень остановился, поднял нос, принюхиваясь, и побежал к кельям.

— Нет! Вниз, Тень!

Йорга хотела было ухватить пса за шкуру, но тот оказался проворнее. Он проскочил мимо ее кельи, на миг задержался у кельи Ласа и шмыгнул в приоткрытую дверь покоев настоятеля Ове. Девушка — за ним. Она настигла Теня, с трудом оттащила его от сундука настоятеля. Тот однако успел ухватить черное перо. Положил у ног Йорги, ткнул носом в ладонь хозяйки.

— Хочешь, чтобы я посмотрела? Не понимаю...

Крошка с потолка посыпалась на голову. Поморщившись, Йорга подобрала перо. Похожее всегда носил на поясе Лас. Станный запах. Она лизнула оперение. Терпкий, горький вкус... Пахля? И только сейчас Йорга обратила внимание на знакомую проплешину в оперении...

Она не отрываясь смотрит на Ласа. Костер догорел, тлеет запертый в углях, укрощенный огонь. И не в пример потухшему костру небо изнутри поджигает рассвет. Подперев теплым боком спину, спит, положив морду на лапы, Тень. Лас сидит вполоборота; у него чуть удлинненные глаза, отчего кажется, что ловчий всегда посмеивается. Сегодня хмарь ушла из них и глаза стали почти прозрачными. Йорга может изучать его лицо бесконечно. Ей пятнадцать, и она влюблена...



Художник Белка Елена

Лас не делает ей поблажек: пусть Йорга единственная девушка в братстве, но испытания проходит наравне с парнями. Наставник посвящает ей почти все свое время. В братстве шушукуются, настоятель Ове косо поглядывает на них, но помалкивает. Йорга вздыхает: жаль, подозрения неоправданы — все это лишь учения.

Сегодня они ночуют в Вороновом лесу недалеко от Торна. Угрюмое, недоброе место. Лас заводит учеников в чащобу, где ветви кайю сплетаются в глухую стену, и внезапно исчезает. Волна страха сменяется дикой злостью: выскользнувшие, сдержанные ученики бросаются друг на друга! Отбивая удары обезумевших товарищей, Йорга ищет лазейку. Не мог же Лас испариться! С каждым новым кругом, проделанным вдоль живой стены, Йоргу все больше подмывает ввязаться в драку, она слышит звериные вопли товарищей, ненависть набухает в ней, как нарыв. Девушка хватается за пояс: ножа нет. Лас распорядился не брать оружие.

Задыхаясь от убийственного аромата кайю, Йорга падает на колени, ползет, цепляясь за листья-перья, и вдруг видит просвет. Она через силу поднимается, разнимает учеников и тол-

кает между стволов. Сама выползает последней.

— Думал, не дождусь! — Лас подхватывает ее на руки, несет к костру. Там сидят другие, ошалело смотрят на порванную одежду, ощупывают заплывшие синяками лица, приходят в себя.

Учитель бережно укладывает Йоргу на плащ. Она чувствует прикосновение теплых рук, мокрый нос Теня. Йорга счастлива. В глазах Ласа — уважение... и еще что-то новое, незнакомое...

В суматохе падает с пояса наставника перо, приземляется у костра. Умный Тень оттаскивает его, но поздно: в оперении прогорела дыра. Лас улыбается и прячет перо под рубаху. Наклоняется и тихо говорит:

— Останется на память!

Зачем на память? Йорга не понимает. Вот она здесь, рядом, живая, она не хочет, чтобы ее помнили когда-нибудь потом. Она хочет, чтобы Лас был с ней сейчас!

Ученики понемногу успокаиваются, засыпают. Лас обработал раны бедолаг настоями, обошлось без смертей. «Это ты, Йорга, ты спасла их!» — шепчет Лас на ухо.

Он подсаживается к девушке, обнимает. От Ласа пахнет дымом костра и туманом. У наставника в руке ее нож, он легко играет им, подбирает, не замахиываясь, метает в дерево.

— Обманывал меня, — посмеивается Йорга. — А я и правда верила, что не можешь попасть в тот треклятый мешок.

— Не мог, — Лас прячет в бороде улыбку. — Но ты была хорошей наставницей.

Йорга фыркает. Теперь-то она понимает: ловчий поддавался, желая подбодрить ее, показать, что даже она, площадная фиглярка, чего-то стоит.

Тень дергает во сне лапами и тихо поскуливает...

Лас еще крепче прижимает Йоргу к себе, и ей кажется, что они единое существо — четырехрукое и четырехногое, только сердце одно на двоих...

Небо выкатывает из-за деревьев пылающий шар, и сумерки сгорают дотла.

Стену вздыбило волной, поперек комнаты рухнула потолочная балка — Йорга едва успела отпрыгнуть. Тень выскочил вперед, ощерился, защищая хозяйку от невидимой опасности. Девушка снова глянула на перо. Неужели настоятель отравил Ласа? Но зачем? Наставник был лучшим ловчим. Да и погиб Лас не от яда, а под

крылом Ёля. Но тогда почему метаморфозы не изуродовали его тело? Ох, Светлый Канук, где искать ответы?..

Йорга огляделась, прислушалась к гулу за стенами. Заткнула перо за пояс.

— Тень, бежим!

Лестница на первый этаж была полностью разрушена, сквозь бреши в стенах хлестали струи воды. Йорга отыскала на кухне веревку, привязала к массивному трапезному столу. Подхватив Теня на руки, она соскользнула вниз.

Стены просели, и дверка погреба никак не поддавалась. Но башню снова потрянуло, из кладки вылетел камень и вышиб доски — в двери образовался просвет. В кромешной тьме Йорга спустилась по волглой лестнице. Миновав бочки с остатками съестных припасов, она добралась до старой утвари и только здесь перевела дух.

В погребе было спокойно, только поскрипывали доски потолка, да зловеще завывал ветер. Йорга достала из скобы факел, чиркнула кресалом. Всполох огня выхватил пару прислоненных к стене тюков, настороженного Теня.

— Я знаю, ты все понимаешь. — Йорга опустилась на колени, погладила пса. — Пережди здесь, пожалуйста. Хоть ты должен выжить!

Пес сделал вид, что не слышит хозяйку, и принялся деловито обнюхивать тюки. Она попятилась к выходу. Тень залаял, ухватился зубами за полы плаща, потянул назад.

На этот раз Йорга была внимательнее. Может, пес ведет ее на запах Ласа? Девушка оттащила тюк, надрезала мешковину: побитые молью плащи, прохудившиеся башмаки — ничего интересного... Хотя... В стене за тюком зияла брешь! Неплотно пригнанный камень вывалился, открывая... Тайник? Йорга запустила туда руку, вынула свитки. Похоже на недавние летописи — наверное, их обронили в спешке сборов!

Она прочитала:

«Деяния месяца первых трав...

О, великий Ёль, пророчество исполнится и ты падешь! Самый слабый ловчий стал самым сильным! В полную луну месяца гроз женщина Йорга перейдет последний рубеж и сразится с тобой...»

Нет! Самый сильный ловчий — ее наставник! Она всего лишь женщина, которая жаждет отомстить Ёлю. И что значит — послед-

Проза. ФЭНТЕЗИ

ний рубеж? Полная луна месяца гроз... Именно тогда погиб Лас!

Она торопливо выхватила второй свиток:

«Деяния месяца гроз...

... О, Светлый Канук, наш брат Лас готов отдаться на твою милость... Он принял яд, и его тело умащено ядом, благослови же его путь! Ёль ворует жизни одну за другой, мы не можем больше ждать... Ловчий Йорга отправится за своим возлюбленным...»

Строчки поплыли перед глазами. Что все это значит? Ловчие убили Ласа, чтобы она захотела отомстить Ёлю?! Настоятель не мог так поступить!

Йорга осела на пол — опустошенная, безразличная ко всему. И через бесконечно долгое время, когда она снова смогла думать, вдруг поняла: мог! Ради того, чтобы спасти других. Йорга горько усмехнулась. Ове все точно рассчитал: пока Лас был рядом, она не стала бы готовиться всерьез к сражению с Ёлем.

Погреб задрожал, посыпались ступеньки.

Что ж, пора! Ловчие хотели сражения — они его получат!

— Я тоже предатель. Прости! — Йорга потрепала Теня по загривку.

Пес не сдвинулся с места, не издал ни звука. Не оглядываясь, она пошла к ступенькам.

Месиво из обломков досок, крошки камня, разбросанной утвари ничем не напоминало величественную трапезную башни. Йорга с трудом забралась на второй этаж и сейчас карабкалась по лестнице вверх. Кое-где в пролетах зияли бреши — девушка зажимала нож в зубах и подтягивалась на руках. Через плечо на всякий случай был перекинута моток веревки.

Горечь предательства, боль потери Йорга будет переживать и оплакивать потом — когда Ёль сдохнет. Или не будет вовсе, если погибнет сама. А сейчас нужны силы, чтобы добраться до террасы: она не имеет права опоздать на поединок — самый важный в ее жизни.

Глухой стук в дверь. Йорга подсакивает на кровати, хватается за нож. По ночам с добрыми новостями не приходят.

Дверь скрипит, на пороге появляется Лас. Наставник непривычно серьезен.

— Я отдал тебе все, что имел... Йорга, ты превзошла меня.

Неделю назад она расшифровала древний манускрипт, над которым братство билось долгие годы. А сегодня вывела из Воронова леса заблудившихся ловчих. Все в здравом уме, без единой царапины. Никто из братьев не умеет искать в лесу. Разве что Лас. И то — не задерживается дольше, чем на день. Она продержалась три. Но разве это что-нибудь значит?

— Лас, не говори так. Ты лучший ловчий! Всегда лучший!

Наставник садится на кровать, берет за руку.

— Йорги, милая Йорги, нет ничего скоротечнее, чем это «всегда».

В словах Ласа сквозит обреченность, она не хочет с нею мириться. Но и противиться не может.

— Не оставляй меня, — голос Йорга срывается на хрип.

— Мои сердце и воля принадлежат братству. Должны принадлежать... — Лас смотрит на нее — теперь открыто, не таясь, и Йоргу бросает в жар. — Но сейчас я пришел к тебе. Давным-давно на площади Скилле я встретил девочку, которой служил все эти годы. И ей я тоже не могу изменить. Ярываюсь...

О чем он говорит? Почему все так сложно?

Йорга гладит заросшую щетиной щеку. Он перехватывает ее руку, целует тыльную сторону ладони, притягивает девушку к себе. Сердце наставника бешено колотится, и Йорга вспоминает, как, спасая, прижимала к груди беспомощного щенка...

Лас уходит на рассвете. Йорга перебирает ощущения вчерашней ночи, как драгоценные бусины: прикосновение шершавых пальцев, мягкая прядь волос на ее щеке, овечье одеяло сброшено на пол, жар выжигает их изнутри. Нет Йорги, нет Ласа, у них одно на двоих тело и снова одно сердце...

Она не хочет думать о Ёле и о том, что ждет их. Сегодня она будет думать о Ласе... О них...

Одолев мастерские, Йорга заметила, что на руках, на месте ранок, стали пробиваться ростки перьев. Тело ломило, как при лихорадке.

Метаморфозы начались. Надо спешить, но спешить не получалось. Руки, казалось, удлинились, под ногтями саднило. Дыхание перехватило, и Йорга почувствовала острую боль, из глаз брызнули слезы — это на месте носа стал про-

биваться клюв... Она стиснула зубы и принялась карабкаться дальше.

В коконе боли, различая лишь очертания предметов, девушка кое-как выбралась на чердак. Цепляя отросшими перьями венчики трав, выползла на террасу. В лицо ударил ветер с дождем, но Йорга не стала прятаться. Ей нужен всего-то миг — прицелиться и метнуть нож.

Легко сказать. Глаза затянуло пленкой, и теперь Йорга различала лишь размытый крылатый силуэт, парящий в грозовом небе... Нет, так не пойдет, ей нужно видеть цель. Лас должен быть отомщен!

И девушка вспомнила Воронов лес. Ведь не глазами она искала просветы между стволами кайю, она чувствовала их. Видела нить и шла за ней. Йорга представила огромную птицу: немигающий пустой глаз, загнутый книзу красноватый клюв, хищно поджатые когти, капли дождя на смоляных перьях. И сердце — вот оно, глухо бьется в предвкушении встречи с ее ножом. Она мысленно провела нить от руки к Ёлю. Слишком высоко. Надо ждать.

Пальцы слабели, птичьи когти, ее когти, царапали ладонь, мешали держать нож...

Небо загустело, крыло ударило по плечу.

Йорга собрала остатки сил, замахнулась и метнула нож по скользящей нити — прямо в сердце Ёлю.

Пространство расколол надсадный крик, и Йорга без сознания повалилась на камни.

Он ловит поток ветра и, расправив крылья, висит над башней. Внизу доживает последние мгновения остов прежней тюрьмы. И, спрятавшийся под грудой обломков, томится его вестник и поводырь.

Ворон наслаждается полетом и свободой, ветер треплет перья, и он впитывает силу стихии, наполняется ею. Новый порыв — нож царапает грудь. Глупая женщина Йорга хочет убить Ёля! Он хрипло каркает, встряхивает крылья, и на землю падает вязкая тень.

Теперь можно не прятаться в человеческом теле женщины. Не ждать, пока она окрепнет, чтобы отдать Ёлю силы. Не туманить ее память. Его час пришел!

Оставив позади башню, Ёль устремляется к окраинам города. Летит и сбрасывает с крыльев людские беды — всю долгую прошлую эпоху он

собирал и хранил их меж своих перьев, пока брат Канук дарил благоденствие и отворачивал от смертных скорби.

Ворон кружит над Торном, оглядывая окрестности. Что он ищет здесь? Под его крылом весь мир! Но голос глупой женщины Йорга не отпускает. Еще вчера они делили одно тело, но сегодня есть он и только он! Йорга не понимает этого, она гонит его к окраинам, и он простирает крылья над кучкой людей, спрятавшихся в лесу. Они называют себя ловчими и думают, что могут уничтожить его. Глупые люди — такие же, как Йорга. Но глупее всех ловчий Лас. Он хотел обмануть Ёля! Ворон надрывается в хриплом карканье.

«Лас, я знал, что ты притворялся. Это Йорга думала иначе!»

Йорга плачет. Упрямая Йорга не хочет уходить. И он впитывает ее неверие, обиду, стыд, злость — они оседают на крыльях, собираются едкими каплями, и он сбрасывает их на крыши домов. Те прожигают насквозь.

«Как же так? — говорит Йорга. — Лас не обманывал меня, он погиб, погиб!»

«Нет, — говорит Ёль, — твой возлюбленный был лучшим ловчим, разве мог его отравить яд паты? Он предал тебя, Йорга, предал ради меня, ради братства, ради того, чтобы остаться лучшим! Ты глупая, глупая женщина!»

Черный туман густеет, Ёль все шире расправляет крылья.

«Я уничтожу всех, — говорит Йорга. — Выверну наизнанку их лживое нутро!»

«Как на площади Скилле, когда первый раз дала мне волю?» — спрашивает Ёль.

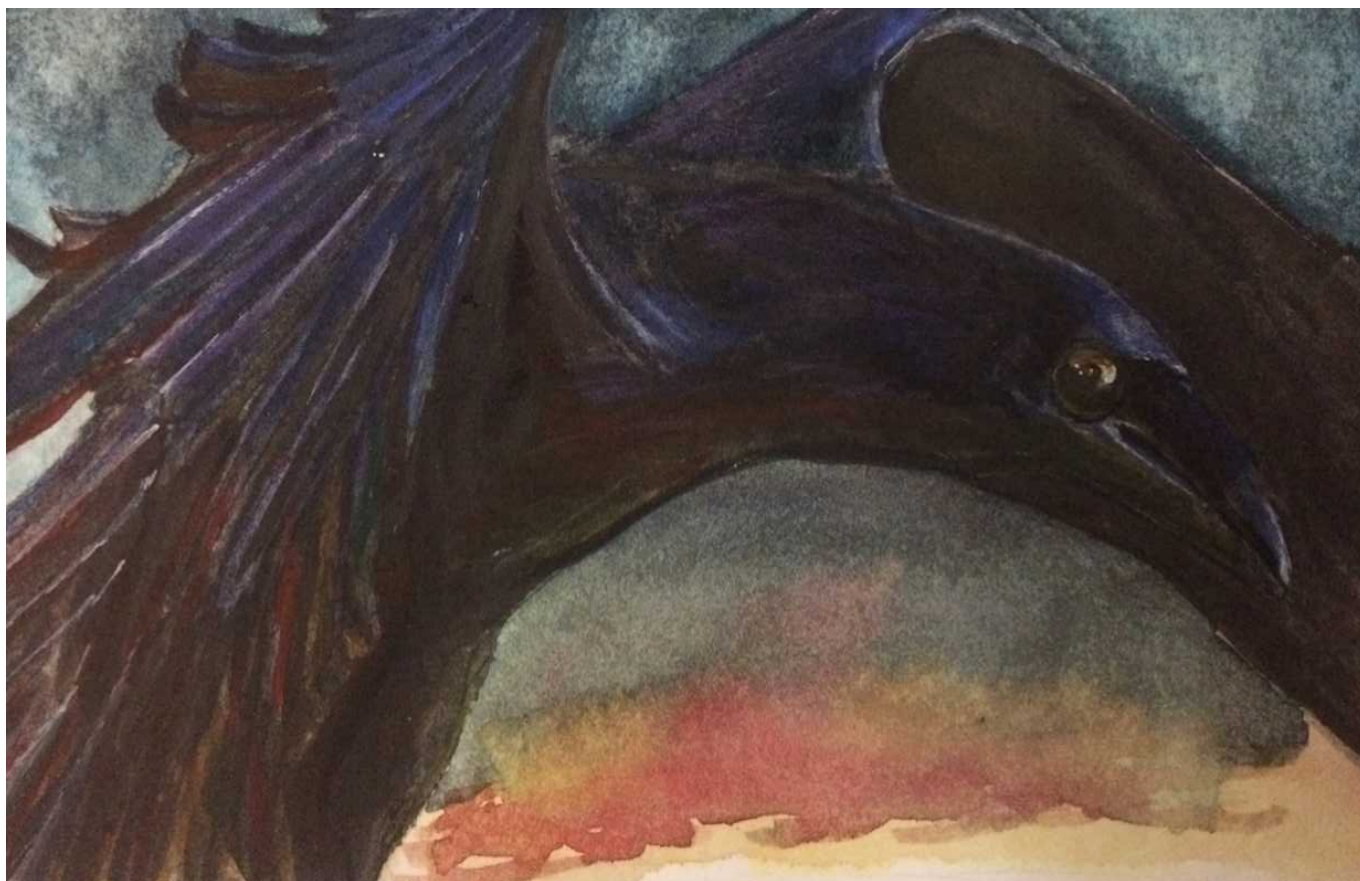
Йорга молчит.

«И тогда ты уйдешь?»

«Тогда я уйду», — соглашается Йорга.

Ворон кружит над городом все быстрее, растет веретено урагана. На окраинах грязными ключьями оседает туман. Рушатся дома и дворцы, корчатся люди, их тела покрываются струпами. Ёль чувствует решимость Йорга, его полет становится все стремительнее... И вдруг натывается на преграду.

Он видит ловчего глазами Йорга. Лас бежит к башне, выкрикивает ее имя, имя глупой женщины. И Йорга приказывает Ворону остановиться. Крылья тяжелеют, ураган затихает. Ворон парит над Ласом, ждет. В Йорге борются любовь и обида. И пока обида пересиливает, под перьями Ворона собирается туман и Ёль стряхивает его — на Ласа, на ловчих, на весь мир.



Художник Белка Елена

«Я не могу...», — говорит Йорга.

«Я помогу, — уговаривает Ворон. — Закрой глаза, и я сделаю все за тебя. Ты забудешь...»

«Нет! — кричит Йорга, — не смей! Пусть он живет, слышишь?!»

Ворон каркает, взмывает ввысь, пытаясь освободиться от назойливого голоса. Но его крылья сдавливают петля, и, пойманный невидимой сетью, Ёль несется вниз — на остов своей бывшей тюрьмы — башни.

Глупая, глупая женщина эта Йорга...

Она очнулась от собственного стога. Пошевелила рукой, поднесла ее к глазам. Рука как рука — ни перьев, ни когтей. Только ныло в груди, как от застарелой раны. Йорга с трудом села, прислонясь спиной к перилам.

По небу расплзались ошметки грозовых туч, и ветер неистово гнал их прочь от Торна.

Девушка огляделась: каким-то чудом левое крыло башни уцелело, а на шпиле, будто насаженная на вертел, издыхала огромная птица. Вороновы глаза затянулись пленкой, клюв открылся в беззвучном крике.

Глупая, глупая женщина Йорга — так ее звал Ёль. Или она сама себя так назвала?

Йорга осторожно поднялась, сделала пару шагов по террасе, размяла ноги и принялась спускаться. Долго возилась с веревками, отмеряя каждое движение, каждый шаг...

Прошло немало времени, прежде чем она смогла разгрести заваленный камнями вход в погреб. Из последних сил потянула на себя дверь — Тень выскочил навстречу, звонко залаял, облизал с ног до головы.

— Я вернулась, Тень, — прошептала Йорга и расплакалась.

За ночь деревья кайю облетели, листья пожухли и теперь хрустели под сапогами. Скрюченные голые ветки, будто стариковские пальцы, тянулись к Йорге. И никак не дотягивались.

Улицы были полны народа. Мужчины разбирали завалы. Стонали раненые, рыдали над трупами женщины, к их юбкам жались молчаливые дети. На дороге выстроилась очередь из телег и карет — уцелевшие горожане спешили покинуть Торн.



Холодок пробежал по спине. Это все сделала она...

— Мир! Наместники заключили мир!

Йорга привстала на цыпочки, стараясь разглядеть говорившего.

Сквозь толпу суетящихся горожан со стороны ворот протискивался гонец, взмыленный конь под ним храпел, парень едва не валился из седла, но крепко сжимал в руках древко со стягом — белая птица на алом фоне. Посланник южных земель, догадалась Йорга. Что ж, легенды не вдали, эпоха Канука стремительно вступала в свои права.

— Йорги!

Ловчий нагнал ее на подходе к городским воротам.

— Наконец я нашел тебя!

Лас крепко обнял Йоргу. Прядь волос на щеке. Жар изнутри.

Девушка отстранилась.

— Лас, я была той птицей. Часть меня так и осталась на шпиле.

— Йорги, ты победительница, герой!

— Я чуть не убила вас, весь город... — голос Йорги дрогнул.

— Пойми, никто не знал наверняка, чем все обернется. Мы хотели остановить Ёля и верили, что поступаем правильно... — Лас нахмурился.

— Хотели остановить Ёля, — повторила Йорга, — но все это время учили меня быть беспощадной. Вы, вы сами дали ему силу!

— Йорги! — в посветлевших глазах Ласа блеснули слезы, он сжал руку девушки. — Прости, я должен был тебя предупредить о плане братьев, но тогда...

— Тогда бы я не затеяла эту битву, тогда бы я не вспомнила, как убивала, тогда бы продолжали гибнуть под крылом Ёля люди...

Йорга осеклась, отвернулась.

— Ты нужна братству, предстоит столько работы...

— А тебе, Лас? Я нужна тебе?

Наставник выдержал ее взгляд, но так и не ответил.

Йорга махнула рукой на прощание и вышла на дорогу. Впереди уже трусил Тень, виляя хвостом, то и дело оглядываясь на хозяйку. Тень-вестник, пробудивший душу Ёля, может, теперь ты сможешь найти свою?

Девушка последний раз оглянулась, солнечный блик отразился от алебард стражников. Она отдала этому городу все, что имела. Ее карманы пусты. И сердце — тоже.

Но будет новый город, и, может, новая жизнь. Йорге очень хотелось в это верить.



Михалевская Анна

<https://writercenter.ru/profile/Bibigul/whois/>

Художник Белка Елена

<https://writercenter.ru/profile/miracles/whois/>



Летний лес

Мельникова Марина

— А дядька Ломай в ту неделю ходил на озеро русалок ловить, да и не вернулся. Отец говорит: утащили.

Каринка болтала ногами в воздухе, забравшись на забор. Тёма, её приятель, сидя на пеньке, выстрегивал из щепки русалку. Получалось плохо: фигурка выходила с разными руками и кривоватая на один глаз.

— Летом нечисть злить нельзя, — заметил он, придирчиво оглядывая творение. — Русалки от жары дуреют, да и скучно им. Весной нерест, осенью они к зимовке готовятся, а вот летом, от нечего делать, начинают на берег вылезать да за людьми охотиться.

— А почему за людьми? — Каринка наморщила лобик. — Зверья ж в лесу полно.



— Человеческая кровь вкуснее, — охотно пояснил Тёма, вновь принимаясь за щепку, — потому что в ней растворена душа. А у нечисти души нет. Оттого людская кровь им так по нраву. Подкрадётся русалка сзади, обнимет крепко, вопьётся пальцами в самое сердце и всю жизнь вместе с кровью до капельки высосет...

Потрясённая Каринка замерла, представив жуткую картину. Старший приятель, довольный произведённым впечатлением, продолжил:

— А ещё каждое лето в лесу гуляет Болотный демон. Шкура покрыта зелёными и жёлтыми пятнами, будто мхом порос. А может, и порос, пока весной в бочаге отсыпался... Из головы растут ветки, а двигается он бесшумно, как зверь. Но если суметь подкрасться, одолеть, то в награду научит своему главному умению — убивать издали. Только никому ещё это умение счастья не принесло.

— Почему? — прошептала испуганная Каринка, но их прервали. Послушался топот копыт, и на дорогу выскочил всадник. Красный кафтан запылится, взгляд усталый, но усы смотрелись браво, а посадка была гордой.

— Эй, мальцы, — крикнул он с коня, — позовите старосту. Скажите: капитан Данил приехал. Дело есть от князя.

Тёма побежал за старостой, а Каринка, разинув рот, смотрела на гостя. Она ещё никогда не видела столичных. Красная шапка с чёрной опушкой, блестящие пуговицы, голубые глаза и длинная сабля на цветной перевязи у бедра. Каринке он показался небывалым красавцем.

Всадник меж тем спрыгнул наземь и весело глянул на девочку.

— А воды у тебя не найдётся, милая? Не умереть бы от жажды усталому путнику.

— Ага, — Каринка спрыгнула с забора и кинулась к дому, только пятки засверкали. Всадник тут же посерьёзней и тревожно поглядел в ту сторону, откуда приехал. Нахмурился своим мыслям, прислушиваясь.

И тут его окликнул староста.

Колыхалось жаркое марево в воздухе, солнце беспощадно высушивало и без того каменную землю. Летний полдень разогнал по норам всё живое, само время замерло над притихшей деревушкой. Но всё же некое движение можно было заметить возле полуприкрытого тяжёлой

ставней окна дома старосты. Каринка с Тёмой, скорчившись в кустах, жадно прислушивались к доносившемуся разговору. Голос заезжего звучал раздражённо, почти зло.

— Нет у нас времени, Каранай! — гость уже почти рычал. — Беды хочешь своему князю?

— Никак нет, — голос старосты звучал всё неувереннее, — Но лето же на дворе, каждый человек на счету. Не видишь, как за посевы бьёмся, чтобы тот же князь зимой от голода не помер?

— Мне не так уж много нужно. Выдели мне семерых следопытов, и мы немедля отправимся в лес.

— Нет у меня столько! — вскричал староста. — Все по воду поехали. Пусть князь отряд присылает!

— Знаешь ведь, Каранай, что там и сгинет отряд. Кто ближе вас рискует жить возле этого леса? О твоих людях легенды ходят! Говорят, даже в разгар Злого лета они спокойно заходят и выходят... Может, вы договор какой с демонами заключили, а, Каранай?

— Ага, так же и гибнут там... как и все остальные, — буркнул староста. — Надьясь такого следопыта потеряли. Ничего-то вы, городские, о лесе не знаете. Мало выходят.

— Но ведь есть такие! — Данил торопился и слов не выбирал. — Донесу на вашу деревню князю. Велит казнить тебя как пить дать. Это же измена, не чувствуешь, Каранай? Ты ведь в верности клялся! Может, мне тебя прямо тут и казнить самому, а?

— Трёх дам, — сдался староста. — Ну нет никого больше, хоть руби!

— Давай трёх! — зарычал гость. — Но прямо сейчас!

И, хлопнув дверью, вышел из горницы.

Каринка округлила глаза, посмотрев на Тёму.

— Он в наш лес пойдёт, что ли?

— Ты же слышала, — прошептал Тёма. — Враги у столицы, князь спешит найти в лесу то, что ему поможет.

— А что это такое? Умение Болотного демона?

— Нет, тут что-то посильнее нужно, — задумался приятель, а Каринка вдруг встрепенулась и запричитала:

— Да, там же нечисть их съест! Русалки подкараулят!

— Охотникам русалки не страшны, — усмехнулся Тёма и протянул неудавшуюся деревянную фигурку подружке: — На. Посади на окно. Она не подпустит в спальню злых тварей.

Проза. ФЭНТЕЗИ

Каринка с подозрением уставилась в явно косящие глаза игрушки.

— А если всё равно проберутся? — уточнила она. Тёме было интереснее посмотреть на собирающийся отряд и он отмахнулся от девочки, бросив напоследок:

— Ну, тогда надо их хвостом по голове бить. Только со всей силы!

И поспешил, пока отряд не собрали без него.

Такое редкое событие как поход в Летний лес взбудоражило всю сонную деревушку. Народ собирался у пересохшего колодца вместе с Данилом, старостой и охотниками. Каринка пробралась поближе и спряталась за юбками женщин.

— На смерть идут ведь...

— Дурная примета.

— Что случилось-то? Что за враги?

— Да, видать, враги пострашнее демонов, раз рискует в такое место сунуться.

От слезливого причитания жён охотников, выбранных в проводники Данилу, Каринке стало жутко. Она разглядывала красавца-всадника, уже представляя, как впиваются в его грудь холодные пальцы. Длинные чёрные острые когти протыкают сердце. Закрываются голубые глаза и затихает в воздухе слабеющий стон... Тут девочка не выдержала и заревела.

Недовольный шепоток тонул в вязком полуденном зное. В такую погоду нет сил не только у природы. Люди тоже не выдерживают, замирают, как сонные мухи. Так и коротают время, с нетерпением ожидая осени, живительного дождя, первого ветра и урожая.

Данил оглядел охотников: двое рослые, крепкие, а один тощий и мелкий, но с хитрым взглядом. Заменить бы его, да некем. Данил с тревогой глянул на дорогу к городу.

Каранай представлял ему будущих спутников:

— Мирон — наш главный охотник, на днях в лес ходил. Говорит, тихо там...

— Как в могиле, — мрачно уронил рослый и бородатый Мирон.

— Кхм... — Староста поспешил представить следующего: — Ереман — пришлый с выселка, знает лес как самого себя. А тощего все зовут Хорьком. Ну, всё, что ли? Желая вам найти этот ваш... Как его? Артенпат? Арфенакт?

И Каранай повел их к околице. Оттуда брала

начало хорошо утоптанная тропка до кромки леса. Данил напоследок оглянулся. Взгляд зацепился за плачущую девочку, прижимавшую к груди деревяшку вроде корявой куклы. Подмигнул, отвернулся и решительно зашагал к лесу.

Темны летние леса Югории. Среди запутанных тропинок, тёмных мшистых стволов, мягких еловых ветвей, застилающих свет, ползёт туманная дымка. Иной путник пройдёт по такой тропе от деревни до выселка спокойно. Но немало и тех, кто сгинет без следа.

Меньше всего Данилу хотелось задерживаться под мрачным пологом из листвы, иголок, полотнищ паутины, затянувшей пространство меж кронами, и бород мха, свисающих до самой земли. Настоящий лабиринт, а не лес.

Вёл маленький отряд Мирон. Он то и дело морщился от затхлого запаха. Весной тут всё иначе. Лес только просыпается, он полон жизни и звуков, птичий щебет звучит торжествующей песнью победы самой жизни над стужей и смертью.

Но к лету всё меняется.

Хорёк, замыкавший отряд, оглянулся. Показалось, что хрупнула ветка. А может, и в самом деле просто ветка. Сколько людей выходит из леса, когда всем правит Злое лето? Говорят, все те демоны, коим дана свобода ходить по земле, укрываются от жары под этими сводами.

Опять хрупнуло. Залечь и выждать? Хорёк цикнул, и отряд замер. Тихо. Подождали...

— Ничего, — проронил Ереман.

— Рано ещё, — Мирон вглядывался в сумрак между стволами. — Обычно ближе к серёдке чудить начинает.

Они двинулись дальше. Но Хорьку нет-нет да слышались шаги, спешащие за ними вслед.

— По окраине тоже чудит, — заметил Ереман. — Я как-то болото обходил. Думал, спокойно пройду по краюшку, а не вышло. Как засверкало в кустах, будто молния с неба упала! А потом выскочил демон в железной шкуре и на меня попёр.

— Железной? — Данилу видеть демонов не доводилось.

— Брешет он, — Мирон ухмыльнулся. Несмотря на кажущуюся расслабленность, рука его лежала на рукоятке притороченного к поясу топора.

— И вовсе нет. Не веришь — сходи в болота,



там он утоп, один хобот торчит да ржавеет. Я ж его туда заманил да сбёг.

— А большой он был? — уточнил Данил.

— С двух быков! И шкура вся в пятнах! — охотно пустился в описание Ереман. Хорёк на них шикнул:

— Тише вы! И так дурная примета — летом в путь отправляться: боги спят, земля людей едва держит. Оступись — не допросишься милости от Матери. А уж в этом лесу и вовсе никто, кроме демонов, не услышит твоих молитв, Ереман.

Данил фыркнул. Боги и так не на его стороне, даже если и не спят. В столице его учили, что боги уходят в глубокие подземные пещеры, где попрохладнее, а молитвы не слышат сквозь камень. Люди предоставлены сами себе, и оттого никаких дел начинать не принято, особенно опасных и незаконных. На запах греха слетаются демоны, которые, в отсутствие богов, теряют всякий страх.

— А правит лесом, говорят, Двусушь, — продолжал нудеть вполголоса Ереман. — Она и хорошая и плохая.

— Как и все люди, — усмехнулся Данил.

— Нет, у людей добро и зло в душе перемешано, а у Двусуши, наоборот, поделено. Как две стороны монеты, и она является то одной, то другой.

— А на ребро встаёт?

Вопрос Данила заставил Еремана озадаченно примолкнуть. Данил поспешил сменить тему.

— Нам нужно уйти с основной тропы в сторону озера.

— Озеро в самом сердце леса, — заметил Мирон. — Там люди не ходят.

— Но тропа есть, — Ереман шагнул вперёд. — Старая, а никогда не зарастает. И зимой под снег не уходит. Я, когда жил в выселке, часто по ней ходил.

Мирон, хмыкнув, уступил место проводника, и они свернули в чащу. Сразу словно по сердцу полоснуло. Дышалось тут тяжело, тени наполнялись странной суетливой жизнью, а между деревьев воздух шёл рябью.

Неугомонный Ереман и в такой атмосфере продолжал рассказывать всякие страсти. «В топку тебя!» — с ненавистью подумал Данил.

— А ещё ходит тут дух в плаще и с огненным мечом. И даже, случается, летает. Одним ударом может человека располовинить!

— А я слышал, что он добрый, и хорошим людям помогает, — вставил Хорёк.

Данил, тяжело дыша, остановился, прислонившись к тёплому шершавому стволу. Силы как-то разом его покинули. Это место словно выпивало их. Прохрипел:

— Привал.

И тут началось.

Воздух, уже давно рябивший у них перед глазами, резко уплотнился, отразив мир, как в зеркале. На мгновение Данил успел увидеть своё испуганное лицо. А в следующий миг брызнуло в стороны, и прямо на него с рёвом выпрыгнуло косматое чудище в шкуре и рогатом шлеме. Хорёк заорал, Данил отшатнулся, и огромный молот демона врезался в ствол дерева прямо перед его носом. Мелькнула вязь удивительного узора на рукоятке, а потом Ереман крикнул:

— Бежим!

И они бросились напролом сквозь кусты, сопровождаемые рёвом. Мирон, выхватив топор, прикрывал путь, впереди нёсся Хорёк, за ним Ереман и Данил.

Чудовище ломилось сквозь лес за ними. Люди спотыкались о корни, путались в кустах. Данил впелся лицом прямо в паутину. Практически ослепнув, он споткнулся о корень и кубарем полетел в небольшой овражек. Сердце зашлось. Вот и конец. Перед глазами на миг возник образ Лады — жены. Но тут его схватил за шиворот Мирон. Выдернул из оврага и швырнул себе за спину.

— Не успеть, — буркнул он, отворачиваясь от проморгавшегося Данила. — Драться надо. Давай ты, капитан, с саблей, за эту ель, а я...

Данил замер, глядя, как оседает Мирон к его ногам. Он молчал. Только с изумлением глядел на Данила. Молчал, несмотря на подрезанные сухожилия.

— Прости, не могу по-другому, — неловко сказал Данил и, развернувшись, бросился в лес, вслед за криками Хорька.

Они оторвались.

— Видать, неумный, — сделал вывод про демона Ереман. — А где Мирон?

— Хотел... остаться... сражаться... — Данил едва отдышался.

— Вот дурной мужик, — покачал головой Ереман. А Данил смотрел на Хорька. Задумчивый взгляд тощего следопыта излишне долго задержался на окровавленной сабле.



Проза. ФЭНТЕЗИ

— Куда хоть дальше нам, а, капитан? — Ереман теперь явно счёл себя старшим.

Данил достал из-за пазухи лоскут с записями. Не карта даже, а список указаний, сопровождавшийся полустёртыми рисунками. Но сам артефакт нарисован ярко. Ещё бы понять, что это такое. Вытянутый угловатый предмет с крючками и выступами. Некогда его принесли в один древний и богатый город. Что случилось дальше, осталось тайной, но город пал уже к утру. Артефакт, взятый из леса, был в лес и возвращён. Волхвы сочли его слишком опасным для мира. Но что самое важное — пользоваться им мог любой, даже не наделённый даром богов или тайным знанием человек.

— К озеру, — приказал Данил.

На лес опустилась глухая тишина. Слово и не было никакого демона. Время давно перевалило за полдень, тени углубились, превратившись в бездонные расселины. В ирреальном сумраке мир казался зыбким. «Боги не помогут тебе», — подумалось Данилу. На душе было маятно. И от того, что сделал, и от мыслей о Ладе. Знай она, что он творит, что бы сказала? Как посмотрела? Но выбора у него не было. От демона можно спастись, лишь оставив ему равноценную замену.

Ереман уверенно вёл их, Хорёк замыкал. После гибели Мирона он стал дёргаться на каждый звук. Вот опять! Шажки на грани слышимости. Вряд ли мнятся, Злым летом только и жди подвоха. Кто-то точно подкрадывается сзади, выжидает.

Данил устало потер лоб. Кажется, что-то случилось со зрением. Или снова рябь в воздухе? От неё воспоминания казались плотнее реального мира. Мерещилась кровь. Сквозь звон в ушах доносилось:

— Измена! Предатель! Убийца!

Данил тряхнул головой, отгоняя видение отряда с предводителем в чёрном плаще.

Ближе к середине леса росли седые от времени деревья. С ветвей их осыпалась подгнившая шелуха из щепок и сухой листвы и сучки, запутавшиеся в комках засохшей паутины. Тени меж древних и толстых корней таили скрытые ловушки нор. Казалось, из-под каждого куста за путниками следит недобрый взгляд. Они наткнулись на ещё одного демона — шар из железных заплаток, ошетилившийся иглами,

медленно и бесшумно летевший среди деревьев. Отряд выскочил бы ему навстречу, если бы не предостерегающий окрик Хорька.

Но минуты затишья истекли. Слабый вечерний ветер принёс сначала прохладу, но облегчение быстро сменилось на холодок страха, выползший из лесного мха вместе с белёсым стелящимся туманом.

Закручиваясь струйками, он сочился из трещин в коре деревьев, из-под камней и неотступно следовал за путниками, постепенно густея, подбираясь ближе. Волосы на голове Хорька встали дыбом, когда он оглянулся. Путь назад был отрезан клубящейся мглой.

Даже Ереман явно испугался, ускорил шаг, вынудив отряд перейти на трусцу.

— Правду бабы говорили. Не надо было... — дрожащим голосом произнёс он. — Сгинем, как прочие.

— Нет! — отрезал Данил, перехватывая саблю. С туманом он биться не собирался. Рукоятка жгла руку, а стыд — сердце. Но цель важнее. Хорёк обогнал их, скрывшись среди деревьев впереди. Что ж, значит Ереман. Данил огляделся: туман явно вознамерился взять их в клещи.

— Стой! — рявкнул Данил в спину Еремана.



by Dave Rapoza

Тот от неожиданности затормозил и непонимающе оглянулся. Данил обогнул его и наставил саблю на грудь.

— Ты чего? Чего это ты, капитан? — вскрикнул Ереман. Данил теснил его в сторону тумана. И расчет оправдался. Отдельные струи, торопясь, поплыли к человеку.

— Назад! — рявкнул Данил и ткнул саблей. Ереман отпрыгнул и оказался прямо в объятиях туманных струй. Крик получился двойным. Кричал Ереман, залипший как муха в паутине, кричал Хорёк, глядя на эту сцену. Он вернулся сказать, что озеро совсем близко и на берегу есть укрытие. Данил выругался и развернулся к Хорьку.

— Убийца-а-а! — провыл Хорёк. Данила обдало жаром от этих слов, и в следующий миг он, не раздумывая, метнул в бывшего спутника саблю. Лезвие вошло в грудь захлебнувшегося криком Хорька. Глаза закатились, и он рухнул.

Данил шагнул к телу, но забрать оружие ему помешали. Меж двух стволов мелькнул тонкий силуэт. Послышался звонкий хохот. И в этот миг замолчал, наконец, Ереман, окончательно исчезнув в сугробе собравшегося над ним тумана. Мглистые клубы переливались, постепенно окрашиваясь багровым. Данил бросился бежать, но путь опять пересёк силуэт, и он замер. Женский хохоток раздался ближе, и от этого звука мурашки поползли у него по спине. А сзади вновь двинулся в путь туман. Данил сжал зубы. Саблю потерял, людей не осталось. Какого чёрта он убил Хорька так рано? Сорвался. Это всё лес.

И тут со стороны, где туман ещё не поглотил кусты, раздался тонкий визг, и прямо к Данилу выскочила перепуганная девочка.

— Дядя! Дядя! Помоги! Там сзади ужас! Ужас что! — Каринка с разбегу вцепилась прямо в объятия изумлённого Данила и уткнулась ему носом в грудь. В руке она судорожно сжимала фигурку несчастной кривобокой русалки.

— Ты каким лядом здесь? — рявкнул Данил, тряхнув Каринку за плечи. Та вцепилась в него.

— Страшно за вас было. Тёмка сказал: русалки утащат!

— Вот сейчас точно утащат, с такой-то обузой, — мрачно усмехнулся Данил, вглядываясь в древесный сумрак.

— Не утащат. У меня оберег есть! — Каринка продемонстрировала ему игрушку. А из леса надвигались тени. Тихие смешки, похожие на шелест листья, скользили к Данилу наперегонки с туманом.

— Знаешь, где озеро? — спросил он у Каринки.

— Там, — уверенно показала девчушка и первая побежала в сторону деревьев. Чёрная тень кинулась ей наперерез, Каринка взвизгнула и швырнула в неё свою деревяшку. Тень в ловком прыжке поглотила подачку и нырнула в траву, как в омут. Данил кинулся за девочкой. Из травы донёлся хруст перемалываемого чьими-то челюстями дерева.

Понять, куда бежать, было трудно: в глазах мельтешили ветки, воздух рябил, а тени шныряли всё ближе. Бросить девчонку тварям, а самому бежать быстрее? Но рука не поднималась. В столице осталась дочь. Примерно таких же лет, что и Каринка. И опять перед глазами, как живой, встал облик Лады. Что-то с семьёй теперь стало?

Тут сумрак впереди немного посветлел, и за сплетениями веток заискрилась водная гладь.

— Как переворот? Какой переворот? — пытался прийти в себя Каранай, тупо глядя в неприступные лица отряда городских стрелков.

— Данил Лиховский с братом и другими предателями решили свергнуть князя и род его извести! — прорычал предводитель в чёрном суконном плаще. Из-под ткани блестел серебряный нагрудник с резной гравировкой, рука покоилась на рукояти сабли, украшенной костяной головой ворона. — Много людей полегло, прежде чем одолели брата Лиховского и их людей. А вот Данил скрылся.

— Но... — лицо старосты вытянулось, — он же с моими людьми в лес ушёл! Арфе... арте... в общем, волшебный клад для князя добывать.

— Если добудет, что ищет, всем конец. Погубит и князя, и столицу. А ты ему в этом помог, предатель!

— Я... Да ни в жисть! Да нет же! Я не знал! — задохнулся Каранай, отшатнувшись от спрыгнувшего с коня Стрелка.

— Куда они пошли? Тебе известны тропы этого леса?

— Все три охотника, которые их ведали, ушли с ним, — Каранай был готов расплакаться.

Стрелок проронил:

— Значит, сам поведёшь.

Тут староста не выдержал и запричитал:

— Да вы что ж творите-то? Не ходоки мы через лес! Там сейчас твари и демоны царствуют!

Проза. ФЭНТЕЗИ

— А мне говорили, что в вашей деревне каждый лично договорился с демонами. И что меж вас они как свои ходят. И в лес вы шастаете, как к себе домой, — наступал стражник. Видя полное смятение Караная, он помолчал и уже спокойнее продолжил:

— Остановить изменника надо. Артефакт не зря запрятан в глубине леса. Нельзя ему к людям.

— Но я не знаю, куда идти! — всплеснул руками староста. Голова его тряслась, а подбородок дрожал.

— Я знаю, как пройти к озеру! — раздался мальчишеский голос.

— Тёмка! — ахнул Каранай. — Куды лезешь?

— Но я на самом деле знаю! — Тёмка посмотрел на стрелка. Тот смерил мальчугана взглядом. Что-то прикинул и решился.

— Веди тогда. Нельзя медлить!

Озеро встретило их тишиной и прозрачным, без привычной уже ряби, воздухом. Данил запрокинул голову к небу. Давно наступил вечер, солнца не было, но небо светлело, как днём. Притом меж стволами стояла непроглядная темень.

— Дядя, капитан Данил, а вы погибель Болотного демона ищете? — звонкий голосок Каринки вывел Данила из задумчивости.

— Я волшебный клад ищу, — серьёзно ответил он.

— А зачем он нужен? — Каринка с любопытством наклонила голову набок, глядя ясными глазами на него снизу вверх. И от этого взгляда у Данила опять кольнуло где-то в сердце.

— Чтобы сделать мир лучше. Плохих людей убить, а добрых защитить, — сказал он, улыбнувшись, и добавил, помедлив. — Любимую мою вызволить у князя.

— Он украл её? — глаза Каринки округлились от удивления. — Как в сказке?

— Украл, — скупобронил Данил.

— Выходит, князь плохой? — Каринка отвернулась к озеру, прикрыв глаза ладошкой.

Данил вздрогнул:

— Да уж нехороший...

— А княгиня?

— Не знаю, — Данил напрягся.

— А князь дети? — звонкий голосок впился в душу не хуже раскалённых клещей палача. В водной глади примерещился кровавый след.

Данил сморгнул, и след пропал. Сказал грубо:

— Времени мало. Надо искать русалий грот. Ты тропку до дома знаешь?

— Знаю. А русалий грот вон там, под корягой у ивы.

Каринка сидела на берегу, подперев ладошкой щеку, и ждала Данила. Вода бликовала, будто от яркого солнца, и девочке мерещились в этом блеске рыбы серебристые хвосты. Она уже начала волноваться, как из кустов вынырнул мокрый и грязный Данил. Подошёл к Каринке и положил на песок что-то, завернутое в сгнившую тряпку. Усы его обвисли, взгляд синих глаз потускнел, отсыревший кафтан пах тинной. Теперь Каринке он уже не казался таким красавцем, как при первой встрече, но она всё равно ему обрадовалась.

— Это он? Волшебный клад? — спросила шепотом, глядя, как Данил бережно разворачивает тряпку.

— Наверное, — он благоговейно провёл кончиками пальцев по прохладной металлической поверхности. Черный артефакт местами покрылся пятнами ржавчины, но выглядел внушительно. Угловатые выступы совпадали с рисунком, который был у Данила. Вот изгиб крючка, на том месте, где и должен быть, вот небольшая трубочка сверху.

— Это демоны сделали? — совсем тихо спросила Каринка.

— Да, демоны, — серьёзно ответил Данил. Человек не придумает такую странную и абсурдную вещь. Он попытался и не смог представить, как действует этот артефакт. В легенде говорилось, что достаточно занести его в город. Но что дальше? Как он поможет победить?

— А можно подержать? — залюбопытничала осмелевшая Каринка. И прежде чем Данил успел возмутиться, схватила за артефакт.

— Ой, тяжелый! — изумилась она, и в этот момент поверхность озера вспучилась пузырем, обрушив на пришлых потоки ледяной воды. Из серебряной глубины бросилась к берегу громадная змея. Данил вскочил. Каринка завизжала. А в следующий миг раздался оглушительный треск, и голова шипящей твари разлетелась ошметками. Тело с шумом обрушилось в воду, окрасив её уже настоящей кровью, и вновь наступила тишина.

— Что это такое?! — севшим голосом произнес

Данил. Каринка пискнула:

— Не знаю! Ой, я просто держалась за крючок. А он двигается! Я случайно! Честно! А он как задрожит! Как затрещит!

— Ну-ка, дай сюда! — Данил выхватил артефакт и внимательно оглядел. С одного конца была трубка. На вытянутых руках направил глаз трубки в сторону озера и потянул крючок. Опять треск, поверхность озера вспенилась дорожкой брызг. Данил выронил артефакт, и всё смолкло.

— Мне Тёма говорил, — глаза Каринки блестели, — это волшебство Болотного Демона, которое издали убивает. Наверное, демон спрятал его. А сам на охоту пошёл.

Дожидаться непонятного Болотного демона у Данила желания не было.

— Пошли, — он ухватил Каринку за руку. — Где там твоя тропинка? Веди.

Лес окутал их бархатной тьмой. Лишь блики непонятно откуда взявшегося закатного солнца местами золотили стволы, не давая окончательно сбиться с пути. Вечер прохлады не принёс. Данил обливался потом, спеша за девочкой. Шапку он давно потерял, а кафтан выбросил, но легче не становилось.

— Мало времени, — озабочено сказала Каринка. — Сейчас окна откроются.

— Какие... окна? — Данил выдохся.

— Разные ползут, — непонятно пояснила девочка. — Из разных мест.

Корни путались под ногами, возникая из ниоткуда. А тропинки всё не было.

— Далеко ещё? — спросил только.

— Я и так короткой дорогой веду! — отрезала девочка. Данил перехватил поудобнее клад, оттягивающий руки.

— Вот! — Каринка показала пальцем. За стволом могучего дуба вилась тропа. Но облегчение Данила быстро сменилось страхом. Издалека слышались людские голоса, заплясали отблески факелов.

И тут сзади завывало.

— Ай! Ползели! — взвизгнула Каринка и выпрыгнула на тропу.

— Стой! Не туда! — крикнул Данил, но чьё-то горячее дыхание обожгло затылок. Волосы встали дыбом, и Данил выскочи на тропу за Каринкой. И оказался нос к носу с отрядом княжеских стрелков. Немая сцена длилась считанные мгновенья. Стрелок в черном плаще рывкнул:

— Взять!

Данил нырнул в лес по другую сторону тропы.

Рядом ухнула в кусты тяжёлая алебарда, запущенная кем-то из отряда. Пригнувшись, Данил лавировал по кустам. Людские крики остались позади. Вдруг прямо перед носом вылетел железный шар, топорщась остриями игл. Данил скатился в овражек и замер у корней дерева. Каринка упала рядом. Из-за стволов видно было, как отряд с факелами идёт за ним вслед. Шар, будто не решившись лететь на толпу, бесшумно скрылся в лесу.

Надо было выходить на тропу. Это единственный шанс выжить. Данил поудобнее перехватил клад и направил глаз трубы на силуэты стрелков. Еще минута, и они будут здесь.

— Ну что ж... — пальцы легли на холодное железо. Тут Каринка крикнула:

— Стой! Там Тёмка!

Данил промолчал. Он не мог сдать, ведь Лада всё ещё в плену у князя. Данил вспомнил, как, пытаясь вернуть приглянувшуюся правителю жену, поднял восстание. Сколько ж он натворил! Брат погиб, люди рассеяны. Слишком много жизней. Столько крови пролито, что останавливаться просто нельзя. Он не имеет права умирать в этом лесу. И как только первый стрелок показался из-за дерева, Данил нажал на крючок. Ночь пронзил треск, и человеческая фигурка, взмахнув рукой, упала в траву. Движение стрелков замедлилось. Послышались предупреждающие крики. Данил направил трубу в их сторону и опять нажал на крючок. Артефакт рвался из рук как живой. Каринка зажала уши. Но главное — люди отступали. Его боялись. Это осознание наполнило Данила ликованием. Он интуитивно уловил, как пользоваться волшебной вещью. И стоило кому-то вскинуть руку с оружием, как Данил наводил на него глаз артефакта и давил, давил, давил на крючок.

Стрелки залегли где-то в лесу, и Данил, ухватив девочку за руку, поспешил вдоль тропы. Оторвались. Опять надежда.

Они выскочили на тропу и побежали в сторону деревни со всех ног.

— Данил, смотри! — крикнула Каринка, тыча пальцем куда-то в лес, но оборачиваться уже не было нужды — летающий шар всё-таки вышел на их след. Острия игл слабо сверкали и потрескивали. Гудение усилилось. Данил вскинул артефакт и надавил на крючок. Каринка зажала уши, упав на дорогу. Громкий треск отогнал шар в сторону, но он тут же начал опять надвигаться на них. Данил отступал, не заметив, что Каринка не

Проза. ФЭНТЕЗИ

двигается с места, напуганная монстром. И вдруг волшебное оружие смолкло. Сначала Данил не поверил. Потряс, но это не помогло. Шар двигался прямо на Каринку.

— Дани-и-ил! — закричала девочка, отползая. Он медлил. Тварь была целиком занята преследованием девочки. И это был его шанс. Артефакт в руках. Он заставит его работать позже, главное — выбраться.

— Данил, помоги!

И Данил не выдержал. Подскочив к Каринке, он со всей силы ударил монстра артефактом. Ночь вспыхнула, раздался скрежет. Шар рухнул на тропинку. А вместе с ним и обломки того, что было волшебным оружием. Подхватив Каринку на руки, Данил побежал назад. Шар медленно поднимался в воздух. А впереди раздались голоса отряда.

Это был конец. Меж деревьев скользили туманные тени, тут наступал отряд, сзади восставал разозленный летучий демон. Данил опустил Каринку на землю. Подтолкнул.

— Давай, беги к людям. Тебя-то точно спасут.

Запрокинул голову к небу, но деревья не дали в последний раз полюбоваться на звёзды. Вспомнил дочь, жену. Видать, не судьба. Усмехнулся. Грех привёл его сюда. И пришла пора нести расплату.

Каринка всё ещё стояла рядом, глядя на него серьёзными глазами.

— Ну, чего стоишь? Беги.

Время будто замерло, приглушённо зазвучал лес, наполняясь мелодией. А может, так кажется всем людям перед неминуемой смертью.

Каринка сказала неожиданно взросло:

— Спасибо тебе, Данил. Я думала, ты оставишь меня демону, а ты спас.

Данил ошеломлённо молчал. Он хотел увидеть звёзды? Звёзды светились в глазах девочки, вдруг отразивших кусочки ночного неба.

— Я сначала думала помочь тебе, Данил, и пошла за тобой, — продолжала Каринка. — А ты оказался плохим. Убил своих спутников. А сколько в столице полегло не причастных к твоему горю! Даже твой брат погиб из-за тебя. И тогда, поняв, что ты плохой, я решила, что тебе не надо выходить из леса. Эта тропа. Она ведёт не в деревню, а в окно. Тут много окон. Кто войдёт в такое окошко, тот присоединится к нам.

— Кто ты? — прошептал Данил.

Но Каринка продолжала, будто не слыша:

— И всё же что-то хорошее в тебе осталось. Ты спас меня. Значит, не всё потеряно. Человек, даже с малой толикой добра в душе, нужен миру.

Данил заморожено слушал. В горле стоял комок. От догадок бросало то в жар, то в холод.

— Ты спрашивал, может ли Двусушь, как монета, на ребро стать. Вот тебе и ответ, Данил. Я дам тебе то, что ты искал.



Девочка усмехнулась, и из воздуха прямо в руки Данилу упал целехонький артефакт. Только этот был новый и без единого пятна ржавчины. Данил промолчал, но крепко сжал ствол.

А Каринка продолжила:

— Но выход не покажу. Сам ищи. Не найдёшь до конца ночи, останешься с нами. А найдёшь...

Тут Каринка усмехнулась и подмигнула ему:

— Впрочем, что будет, если ты найдёшь выход, это совсем другая история. Спасибо тебе, капитан Данил. И прощай!

И девочка вприпрыжку побежала по тропинке вперёд.

— Подожди! Стой! Кто ты? Помоги мне! — Данил кинулся за ней, но девочка уже скрылась за поворотом. Данил завернул за ней, но только стена леса высилась перед ним. И ни следа тропинки.

Данил посмотрел на клад в своих руках. Потом на небо. И захохотал.

— Ну, расскажи. Что там было? Как ты вышел из леса? И куда делся отряд? А кого вы ещё видели?

Каринка болтала ногами в воздухе, забравшись на забор. Тёма сидел рядом, жевал травинку и щурился на солнце.

— А сгинули все. Сам не знаю, как вышел. Не иначе как сама Мать-Земля вывела. Самое главное — в лесу летом с тропы не сворачивать. Лес будет пугать, но сворачивать нельзя ни в коем случае.

— А как пугает? — испуганно прошептала Каринка.

Тёма посерьезнел и поёжился, вспоминая. Сказал тихо:

— Всю ночь в лесу страшно хохотало и трещало. Только к рассвету и угомонилось.

И добавил веско, строго глядя Каринке прямо в глаза:

— Никогда не ходи в лес летом, Карина. Никогда!



Мельникова Марина

https://writercenter.ru/profile/Marina_V/whois/



Толубь мира

Алекс Тойгер

— Прыгай!

Вдох-выдох. Черепки под ногами. Холодный ветер в лицо.

Поворачиваю голову и вижу дуло «Миротворца». На матовой поверхности шестизарядного, до блеска начищенного барабана мелькает перекошенное отражение — ствол дурным зеркалом повторяет мои движения, ходит туда-сюда как замороженный.

— Прыгай вниз! — хрипит Илга.

Она стоит вполоборота — шесть футов мускулистой плоти, облаченной в парусиновый плащ. Кожаный корсет под плащом туго перетянут пулемётной лентой. Рукав изодран в клочья, на плече бурое пятно. На ногах Илги высокие ботфорты, на голове лётный шлем с очками: одного стекла нет, поверх другого небрежной рукой намалёвано перекрестье прицела, и оттуда на меня взирает слегка безумный карий глаз — другой глаз Илги скрыт чёрной повязкой.

Она отводит взгляд. Револьвер в руке плавно движется из стороны в сторону: к левому краю щербатой черепичной крыши, а после к правому — туда, где хищно разинула пасть бронзовая горгулья.

Вокруг беснуется ветер. Я знаю: стоит оттолкнуться от края, и поток понесёт, забросит в неведомое — прочь от крепостных стен, мимо рухнувшего цеппелина, по-над пустошью и дальше — в те места, где прежние вещи потеряют значение и где...

— Пр-р-рыгай!

Она умеет убеждать.

Делаю шаг, но вновь замираю, пытаюсь охватить взглядом пространство: силуэт Илги в вечернем свете, тени бронзовых тварей на крыше, прозрачное осеннее небо.

Заходящее солнце пускает охряные блики, и от этого кажется, что ближайшая горгулья вот-вот взовьётся в небеса...

1

Рассвет. Полумрак каморки, остатки снов по углам, а за стеною — туман. И свист ветра за ставнями. К полудню ветер стихнет, превратится в едва различимый шёпот, но сейчас он полновластный хозяин — гуляет по бескрайней пустоши, что раскинулась снаружи, приносит запах осени и едва уловимый привкус дыма...

Новый порыв взвыл шальной сиреной. Я откинул покрывало, поёжился и рывком опустил ноги на пол. Завывания поутихли, сквозь них проступили звуки огромного здания: скрипел деревянный причал на башне, свистел пар из турбин в соседнем крыле, глубоко в подземелье натужно скрипела Главная Пружина.

В детстве казалось, что Крепость — живая. Я раз за разом исследовал пыльные лазы и заброшенные переходы, свыкаясь с причудливыми шорохами и скрипами. Мы с друзьями побывали на всех нижних ярусах: от машинного зала до



Художник Лев Елена



Проза. ФЭНТЕЗИ

боковых пристроек — ни один закоулок не остался без внимания. Наконец нас пустили на верхние этажи, но к тому времени приятелям наскучили игры, и лишь я всё так же вслушивался в дыхание тёмных коридоров, угадывал скрип балок и перекрытий...

Ветер окончательно стих, и в наступившей паузе вдруг прозвучал новый незнакомый звук — будто далёкий голос, или, скорее, урчание, приглушённое толстыми ставнями на окне...

— Подъём! — громогласно ухнул со стены механический хронометр. — Подъём-м-м!

Я вздрогнул. Потом торопливо оделся — негоже ученику на службу опаздывать. Замер на миг, напрягая слух, но далёкий странный звук больше не повторялся. Тогда я толкнул скрипучую дверь и сбегал по узкой лестнице, спросонья неловко переставляя ноги, раскачиваясь и хватаясь за стены. В коридоре было по-осеннему зябко и темно — светильники-плошки едва чадили под потолком.

Ветер, холод, мрак... Жизнь у нас в Крепости не сахар — даже на верхних этажах.

На складе никого не было. Я высунулся в проём-бойницу, запрокинул голову: снаружи совсем рассвело, и вверху отчётливо виднелись причалы, чёрной пятернёй растопырившиеся на фоне неба. Рядом с причалами пустота: ни цеппелинов, ни буксиров-шаров — похоже, вчерашний рудовоз ночью отчалил. Жаль, опять не удалось увидеть экипаж. У летунов своя каста — живут на кораблях, на твердь земную не сходят...

Я сел у стены и достал из кармана бутерброд. Нет цеппелинов — нет работы. Марк — швартовщик, что приставлен меня обучать, — видать, так же решил. Наверняка спит ещё.

Я доел завтрак, стряхнул крошки и юркнул в коридор. Слева и справа лестницы: одна ведёт к залу молитв, другая хитрым зигзагом поднимается вверх и проходит мимо опочивальни Илги, нашего коменданта. Мне хоть и можно уже наверху бывать, но ей лучше лишний раз не попадаться на глаза...

Думал вернуться к себе — сон досмотреть, но тут снова услышал странный звук! Он шёл сверху. Я поднял голову: в этом месте в потолке была дыра. Верёвочная лестница свисала из проёма, истрёпанный конец раскачивался на уровне лица. Эта лестница коротким путём вела в башню — туда, где пристань небесных кораблей.

Карабкаться по канатам — та ещё радость. Хорошо хоть стены в трещинах, есть за что уцепиться.

Я миновал пару этажей и оказался на техническом ярусе. Нащупал в полумраке верёвочную петлю, подтянулся, поставил одну ногу, другую... Пыль попала в нос, захотелось чихнуть. Я сдержался и быстрее заработал руками — не стоит понапрасну охрану тревожить.

На самом верху путь преградила чугунная крышка. Я кое-как сдвинул её, сунул голову в дыру и зажмурился от яркого света... Вокруг неистовствовал ветер! Он трепал канат, мурашками пробегал по коже. Я выбрался наружу и привалился к стене. Площадка шириной в локоть опоясывала башню, здесь можно было перевести дух. Платформа козырьком нависала сверху, деревянный причал раскачивался и скрипел.

Далеко внизу расстилалась пустошь: первые лучи осветили жухлые островки осенней травы и несколько чахлых кустов — не то мёртвых, не то раньше времени сбросивших колючие листья. Я попытался представить каково это — выйти за пределы Крепости и ступить ногами на голую землю. Глупые мысли, нехорошие... Поёжился и стал смотреть вверх.

По утреннему небу ползли клочья облаков. Ветер сгонял их в бесформенные набухшие гроздьи, потом, недовольный результатом, рвал на куски и снова слеплял вместе.

Холод куда-то отступил. Облака плыли к горизонту, и я в который уже раз улетал вслед за ними.

Ранние подъёмы и первая «взрослая» работа — всё это малая цена за возможность вот так сидеть на карнизе. Подайся я в охранники или машинных дел мастера — остался бы жить в подвале и не видел сейчас небо, взлохмаченное осенним ветром... Вот бы ещё попасть на борт цеппелина — глянуть на Крепость со стороны!

Я улыбнулся и вдруг услышал тот странный звук, похожий на бормотание... Встал на ноги и осторожно двинулся по карнизу.

Шаг, другой, и впереди показалась клетка. Я сел на корточки и уставился на то, что находилось за железными прутьями — на механическое существо неизвестной модели. Существо повернуло голову и посмотрело на меня, а потом издало воркующий звук, и я понял, что это птица. Такая маленькая, да ещё с крыльями! Искусная работа, пёрышко к пёрышку — не наши мастера

делали. Я смотрел во все глаза на птицу, а она глядела на меня — то одним стеклянным глазом, то другим.

— Это голубь, — раздалось за спиной.

Я обернулся и вскочил на ноги.

— Подвинься, мешаешь, — тихо проговорила незнакомка.

Я окинул её взглядом: бледное лицо, сжатые губы и какая-то отстранённость. Лёгкая куртка на тонких худых плечах — незнакомый крой... Девчонка скользнула мимо, достала что-то из кармана и бросила в клетку. Птица опустила голову и принялась клевать...

— Опять мешаешь, — бесцветным голосом констатировала девчонка.

Я снова прижался к стене.

Она протиснулась мимо — прядь желтоватых волос коснулась моего лица.

Девчонка взялась за верёвочную лестницу, и тогда я спросил первое, что пришло на ум:

— Зачем ты его кормишь?

— Потому что он живой, — бесстрастно ответила незнакомка.

Она пристально глянула на меня, а потом исчезла в люке.

— Ну, чё, выпался?

Марк вальяжно развалился на стопке сдутых летательных пузырей и ковырял палочкой в зубах.

Я рассеянно кивнул и уселся рядом. Не хотелось рассказывать о птице — всё равно ведь не поверит, что живая. Я и сам не верил до конца. Раньше только байки слышал про птиц, не водятся они в наших краях. Мелькнёт иной раз у горизонта чёрная точка, но непонятно что там — живое существо, далёкий цеппелин или, упаси Пружина, чудище-горгулья...

— После обеда корабль ждут, — продолжил Марк, — поговаривают, что из самой Метрополии.

Я снова кивнул.

Марк покосился на меня и почему-то рассердился.

— Слышь, малой, дуй к насосам — пузыри заправлять!

Я покорно двинулся к дверям, потом обернулся и задал мучивший вопрос:

— Марк, что за новая девчонка тут бродит?

— Бледная, что ли? — мой наставник оживился. — Это Илга её привела. Вытащила из какой-то дыры — типа тех вонючих нор за южной стеной. Ну, где охотники на червей обитают...

Марк усмехнулся:

— Хочешь в койку затащить? А чё, как раз твоего возраста — лет семнадцать... Лично я такими плоскими не интересуюсь, но тебе сойдёт!

Он захохотал.

Я захлопнул дверь, схватился за рукоятку насоса. С силой сжал пальцы и принялся крутить — быстро-быстро — так, что шланги зашевелились, забили по каменному полу, будто клубок заводных механических змей.

— Восславим Главную Пружину!

Голос капеллана метался под каменными сводами, отражался от стен, сливался с гулом механизмов из подземелья.

— Восславим мудрость, прошедшую сквозь века — символ мира, свёрнутого в спираль...

Я украдкой огляделся: полсотни человек изогнулись в поклоне. Здесь были грузчики в мятых робах, мрачные охранники с арбалетами и даже кто-то из мусорщиков — тех, кто ходит за стену... Не часто Илга столько народу на проповедь сгоняет!

Из швартовщиков пришли мы с Марком, остальные отсыпались после смены. Дополнял картину лоцман с шара-буксира — знаток розы ветров — в щёгольских лётных очках и в восхитительно синей форме, шитой на станке.

Я перевёл взгляд на капеллана — тот стоял на помосте в центре зала. Худые руки тянулись к закопчённому своду — туда, где свернулась тугими кольцами замуванная в камень часовая пружина. Умелая рука художника продлила металлическую спираль, дорисовав вокруг огромные чёрные кольца: они покрывали весь потолок, угольной пылью переходили на стены, бледнели, но не исчезали. Казалось, пружина невидимыми тискаами охватила зал молитв и теперь сжимается — медленно, но неуклонно... Звук настоящей пружины — той, что трудится в подземелье — усиливал ощущение.

— В наши дни, когда горгульи и иные чудища бродят за стенами по проклятой земле — крепче сплотимся внутри! Наша твердыня несокрушима. Корабли прилетают и улетают — Крепость остаётся. Мы даём летунам приют и не спрашиваем, откуда они и куда держат путь. Посреди хаоса мы скрепляем...

Капеллан вдруг зашёлся в кашле. Илга поспешно выступила вперёд и продолжила заученную фразу:



Проза. ФЭНТЕЗИ

— Так сверим же хронометры и подзаведём пружины... Проповедь окончена, поблагодарим нашего капеллана.

Она проводила мужчину хмурым взглядом, потом подозвала кого-то из толпы и объявила:

— С сегодняшнего дня у меня новый адъютант.

Я поднял голову и встретился глазами со светловолосой девчонкой — той самой, с карниза! Она стояла на помосте рядом с Илгой и смотрела в мою сторону — глаза чуть прищурены, волосы собраны в хвост, светлая рубаха навыпуск... Я торопливо отвернулся.

— Зовут Дана. Кто обидит — глаз вырву, — повысила голос Илга. — Вопросы?

— Ишь чего, — прошипел Марк, — а-дью-тант!

Илга кинула в нашу сторону испепеляющий взгляд, и Марк замолчал, ссутулившись и низко пригнув голову.

— Раз нет вопросов — расходимся! Всем быть наготове, сегодня лётная погода для цеппелинов.

Илга отвернулась.

Я двинулся к выходу, шагнул за дверь...

— Кир!

Я замер.

— Ну ка, иди сюда.

Илга говорила тихим вкрадчивым голосом, и от этого её слова звучали особенно жутко.

Я приблизился шаркающими шагами.

Комендант уставилась на меня единственным глазом, осмотрела с пристрастием. Я втянул голову в плечи — раньше ни разу с ней не пересекался, а тут столько внимания...

— Мелкий и тощий... — задумчиво протянула женщина. — Должен подойти!

Потом бросила отрывисто:

— Дана, займись им.

Щёлкнула каблуками и зашагала прочь.

— Пошли, — тронула за рукав Дана.

Шестью этажами ниже было влажно, слышалось шипение парового котла. Девчонка сунулась в тёмный угол, извлекла оттуда продолговатый свёрток и протянула мне:

— Вот.

Свёрток оказался неожиданно лёгким. Я развернул мешковину и поднял на Дану глаза.

— Чего смотришь? — поинтересовалась она, — надевай.

Помедлила немного и вдруг приблизилась, порывистым движением выхватила у меня из рук продолговатый предмет, перебросила через плечи

ремень. Её лицо маячило совсем близко, волосы щекотали нос...

— Возьмись вот тут, — тихо проговорила девчонка. — Плавно надави...

Я сделал то, что она велела.

Послышался щелчок, что-то шевельнулось сзади.

— Тише, тише, — шептала Дана.

Она прислонилась на секунду, ладони шарили у меня за спиной, я ощутил на лице её тёплое дыхание. Вдруг светлые пятна взметнулись вверх и заколыхались над головой — два длинных надувных крыла...

— Если будешь болтать про эту штуку, Илга тебя придушит, — сухо пояснила Дана. — Идём летать.

Паровой лифт лязгнул и распахнул решётчатые створки.

Девчонка бодро зашагала вперёд, я волочился следом, с трудом переставляя ватные ноги. Я прекрасно знал это место — тут был один из выходов наружу. На сознание давил гул турбин и близость к проклятой земле — где-то рядом, по ту сторону стены, начиналось неведомое. Мозг упорно рисовал монстров, которые бродят по бесплодной почве.

Звякнул ключ, дверь натужно закрипела. Похоже, не часто её открывали — даже охрану не выставили.

Я напрягся, и... в глаза ударил яркий свет!

— Иди сюда, — позвала Дана, — пружину заведу, на пробный полёт хватит... Эй, Кир!

Я замер, не в силах сделать шаг.

За спиной девчонки виднелась голая земля. Там не было спасительных крепостных стен, лишь ветер шевелил сухую траву. Я уставился на один из стеблей, не решаясь перевести взгляд дальше — туда, где пустое пространство обрушивалось всей своей глубиной.

— Ты чего? — донёсся голос Даны.

Я привалился к створке, в голове крутились обрывки мыслей. Так близко к поверхности я ни разу не был — мальчишки иногда пробирались к воротам, смотрели в щель, но я всегда оставался на безопасном расстоянии...

— Закрой глаза.

Дана взяла меня за руку и потянула — я послушно зажмурился и сделал несколько шагов, под ногами захрустело.

— Уже лучше, — пробормотала девчонка, — теперь стой тут.



Я попытался успокоить дыхание — получилось не очень. Ладонь Даны была тёплой, и я стал думать об этой ладони — какая она маленькая и как удобно лежит в моей пятерне... Через минуту девушка аккуратно отстранилась. Я стоял тихо-тихо, прислушиваясь к звукам ветра, а потом неожиданно для себя запрокинул голову и открыл глаза.

Вверху было небо — такое же, как над башней. Я развёл руки и ощутил вибрацию пусковой пружины.

— Хорошо, — шепнула Дана.

Она отошла в сторону. Я слышал, как её ноги ступают по сухой земле, но смотреть не решался. Казалось, стоит опустить голову, и появятся все те монстры, что обитают за стенами Крепости...

— Давай! — долетел девичий голос, — тяни рычаг и прыгай!

Порыв ветра всколыхнул гибкие крылья. Я спружинил колени, ощущая на себе взгляд Даны — это почему-то придавало силы... Внезапно я ощутил запах дыма — гораздо острее, чем утром. Казалось, источник совсем близко! От неожиданности оступился, потерял равновесие — крылья потянули вбок, и я повалился на землю. Вмиг вернулся страх — я вскочил на ноги и метнулся к спасительной двери. Дана что-то проговорила — я не расслышал. Кое-как протиснулся сквозь узкий проход — крылья не пускали, хотели остаться снаружи... я стянул их и опустился на пол.

Приблизились торопливые шаги, замерли на минуту. Я услышал, как Дана подбирает летательный аппарат, но голову не поднял и ладони не отнял от лица.

И снова шаги — отделились, затихли. Пришло безмолвие — казалось, даже Главная Пружина взяла перерыв.

Мне представилось, как девчонка поднимается на башню — туда, где мы встретились в первый раз. Она подходит к клетке, садится на корточки и разочарованно смотрит на птицу, а та поворачивает голову сначала одной стороной, потом другой. Я раскрыл левый глаз... правый... — тёмный коридор выглядел почти одинаково — отличия были, но я не мог их уловить. Снова глянул одним глазом, другим. Расправил крылья, и Дана вдруг улыбнулась в ответ! Такая строгая и бледная-бледная, но всё же удалось мне достучаться до её улыбки... Я тоже хотел улыбнуться, но неожиданно понял, что вместо рта у меня клюв! В ужасе поднёс ладони к лицу...

— Оп-па! Дрыхнешь, да? Хочешь, чтобы в мусорщики разжаловали — у параши прибираться?

Голос Марка вернул в реальность.

Я встrepенулcя, вскочил на ноги.

— Слышь, мелкий, гляди, какую я тварь нашёл! — голос парня звучал благодушно.

Я опустил глаза.

В руках Марка была клетка, внутри сидела нахохлившаяся птица. Кажется, Дана говорила, что её зовут голубь...

— Наружу выкину и из арбалета пальну... Хочешь пострелять?

— Отдай.

— Чё? — не понял Марк.

— Отдай, — прошептал я.

Парень удивлённо уставился на меня. Я шагнул вперёд и схватился за клетку — голубь внутри недовольно забил крыльями.

— Ты чего? — по-детски обиженно пробормотал мой наставник.

— Он живой, — выдавил я.

— И что с того? — грозно переспросил Марк.

— Капеллана нашего слышал? Чудища бродят снаружи, надо истреблять!

Я резко дёрнул — и клетка оказалась у меня в руках.

— Ах ты гад! — выдохнул Марк.

Он разглядывал меня пару секунд и вдруг взмахнул рукой — я отлетел к стене и только потом ощутил удар.

— Удавлю! — рычал парень.

Он схватил клетку и швырнул в стену — металл лязгнул, сизый комок перьев метнулся по полу. Марк подскочил ко мне, дёрнул за воротник...

Наверху протяжно завывала сирена. Забили склянки на шпиле, забегали люди на этажах, готовясь встречать прибывающий цеппелин.

— Ещё поговорим, — процедил Марк.

Он развернулся и побежал прочь.

Я потрогал челюсть — зубы были на месте. Что-то зашелестело под ногами — я опустил руку и схватил голубя. Не глядя сунул за пазуху, а потом встал и двинулся к лифту.

— Где бродишь, придурок? Илга всем вставит по твоей милости!

Эд — старший швартовщик — сверкнул на меня злобным взглядом. Я молча проскользнул мимо. Марк возился у лебёдки и не обернулся, ещё двое парней спешно разматывали канаты.

Проза. ФЭНТЕЗИ

Я поднялся по приставной лесенке на шпиль, откинул ставню и вмиг позабыл обо всём... К Крепости приближался корабль! Ребристые борта тёмно-бурого цвета, хищно вытянутая гондола с узкими щелями-иллюминаторами... Корабль был огромным, я ещё ни разу не видел таких!

— Не знаю, что за посудина, но идёт быстро, — пробормотал Эд. — Эй, Марк, пусть шлюзы готовят... Кир, чтоб тебя, сигналъ ему!

Я схватил флаги, высунулся по пояс и просигналил сообщение. Корабль молчал — ни огней, ни ревунов. Казалось, он и не думает тормозить...

На несколько долгих секунд всё замерло: причалы были готовы, кранцы закреплены. Оставалось лишь наблюдать за тем, как вырастает туша цеппелина, заслоняет полнеба и пробегает тенью по земле.

А потом я услышал топот. Лоцман взбежал по сигнальной лесенке, выхватил у меня флаги и неистово замахал... «Отворачивай! Полный реверс!» — разобрал я.

Кто-то истошно завопил — кажется, Марк. Я перевёл взгляд на цеппелин: быстро... слишком быстро!

— Сирену давай... — и следом рёв по ушам!

— Прыгай, дурак! — голос Эда.

Топот сбежавшего вниз лоцмана — синяя, с иголочки, форма...

— Маши ему реверс! Вот сука-а-а!

Тёмно-бурая стена прямо на меня...

...до белых костяшек сжал ладони, не в силах сдвинуться — казалось, будто не со мной, а значит, стоит переждать этот миг, и всё закончится, словно и не было вовсе...

Внезапно что-то зашевелилось под рубахой, царапнуло грудь — я стряхнул оцепенение, прижал голубя, ухватился за канат и скользнул вниз. Запузырилась кожа на ладони, а в следующую секунду меня окатило каменным крошевом — стены разлетелись в пыль, бурая туша пронеслась над головой — удар! Припечатало к полу — треск досок — на этаж ниже — хруст...

Свет и небо вокруг. Дана подходит и садится рядом, а потом что-то говорит — не могу разобрать, ведь я в клетке. Стальные прутья сжимаются витками часовой пружины — мудрость, прошедшая сквозь века: прочные стены, глубокие норы... И глухота — не могу

расслышать ни слова. Сквозь залитое кровью лицо вижу лишь губы Даны и прядь желтоватых волос. Девушка наклоняется, заглядывает в глаза. На её тонкой шее цепочка с хронометром — нездешняя модель... Хочу объяснить, что я в норме, и наконец слышу собственный хрип. Дана кивает, поднимается и бежит к лестнице. Я провожаю её взглядом и понимаю, что лестницы нет. Нет вообще ничего — лишь кусок стены и багряное вечернее небо. Дана карабкается по стене, исчезает за карнизом, и тогда до меня доходит куда она лезет. За птицей!

Я силюсь поднять голову и крикнуть, что голубь у меня, но накатывает темнота, и остаются лишь витки пружины вокруг головы — всё туже, всё быстрее...

«Вжжж!» и следом: «Та-та-та-та-та!»

Очнулся, перекатился на живот. Снизу доносились крики и оглушительные хлопки. «Выстрелы!» — пронеслось в голове...

Голубь заворочался под одеждой. Я достал его, посадил на пол и подтолкнул пальцем: лети! ты ведь умеешь, не то что я!

Птица осталась на месте. Она царапала лапками пол и била одним крылом — другое торчало под неестественным углом.

Я осторожно взял голубя и посадил обратно за пазуху.

— Илга пойдёт за помощью...

— ...раздали арбалеты...

— ...всем в бункер!

Обрывки фраз, топот внизу. И вдруг — металлический лязг, будто чугунные болванки рассыпались по полу. Следом послышался крик, и ещё один... Пулемётная очередь! Звук упавшего тела.

Пулемёт на нижнем ярусе захлебнулся-затих, и в наступившем безмолвии я снова различил дробный металлический перестук — будто чья-то тяжёлая поступь. Я попытался встать, потерял равновесие... внезапно чужая рука подхватила, прижала к стене...

— Ходить можешь?

Я отёр кровь с глаз — надо мной возвышалась Илга.

— Могу, — пробормотал.

— А летать?!

Она встряхнула за плечи и потянула за собой — через две ступени, чуть не волоком. Мы перемахнули кусок стены и по кровельной балке вскарабкались на причал.



Художник Лев Елена

Проза. ФЭНТЕЗИ

— Лезь на пристройку! — скомандовала Илга.

Я зашатался, сделал пару шагов. Потом вспомнил, что надо Дану разыскать, открыл было рот, но Илга опередила:

— Надевай! Живо!

Она сунула мне в руки крылья — те самые. Я на автомате затянул ремни и взвёл пусковую пружину.

— За помощью полетишь!

Мы спрыгнули на покатую черепичную крышу — причал позади закрипел и прогнулся под чем-то тяжёлым. Илга увлекла меня к краю, сама развернулась, выхватила револьвер.

Я глянул вниз и заметил тушу цеппелина — тот лежал на боку, привалившись к крепостной стене. Ветер трепал края рваной дыры во весь борт. Гондолу подмяло под корпус, металл сплющился в корявый блин — и рядом с этим блином я заметил какое-то движение на земле...

Здание вздрогнуло, судороги прошли от основания — казалось, стонет сама Главная Пружина. В нос ударил запах дыма, и на мгновение почудилось, что это не Илга, а Дана стоит рядом со мной на проклятой земле и ждёт, ждёт...

— Очнись, мелкий!

— Дана... осталась... — я махнул рукой в сторону башни.

— Никого не осталось! — прохрипела женщина. — Только твари кишат...

«Какие твари?» — хотел спросить. А потом разглядел.

Тёмный силуэт поднялся над коньком крыши. Рядом ещё один... Я обернулся — из-за причала показалась голова... существа? Лучи заходящего солнца отразились от бронзового лба, блеснули на массивном клюве. Тварь нагнула голову и соскочила на крышу, из под лап брызнули осколки черепицы.

— Прыгай!

Илга бросила на меня яростный взгляд. Револьвер в её руках возбуждённо подрагивал, выбирая цель. По плечу расплзлось тёмное пятно.

— Прыгай вниз! — ещё раз крикнула она, — а потом лети...

«Я не умею!» — хотелось заорать. А ещё хотелось сжаться в комок и спрятаться от мира — но что-то мешало. Тёплый комок перьев на груди. Он зашевелился, просясь наружу... Куда ты собрался, дурак?

За спиной взревел ветер. Я глянул вниз, поднял голову и поймал багрово-оранжевый отблеск солнца на горизонте, а затем в последний раз посмотрел на Илгу...

— Пр-р-рыгай!

Часовая пружина сжалась, заскрежетала от дикого напряжения, и вдруг что-то лопнуло, зазвенело в голове — будто именно там распрямились упругие стальные полосы, выпуская на волю...

Я прижал руки к груди и сделал шаг.

Рёв в ушах! Грохот выстрелов. Затихающий крик:

— ...курс на Метрополию... за солнцем... маяк...

Я падал вниз, наслаждаясь пронзительной ясностью мгновения. Я был не один — маленькое тёплое существо летело вместе со мной. Набегающий поток, опущенные веки... в полной темноте я на какой-то миг понял голубя, будто сам стал им. Ощущение-вспышка, как способность дышать. Не думая, я-он расправил крылья, сделал плавный вираж и открыл глаза... Далеко-далеко внизу посреди бескрайней пустоши высилась Крепость. Бронзовые существа блохами копошились вокруг. Длинные тени от скал тянулись по земле, и на секунду привиделось, будто это Часовая Пружина хочет достать меня изгибами своих колец... Секунда прошла, и наваждение спало. Я кинул прощальный взгляд вниз, а потом устремился прочь — вслед за уходящим солнцем, лоя восходящие потоки и взбираясь всё выше и дальше в почерневшее осеннее небо.

2

— Говорят, в этом мире есть достойная цель.

Незнакомый голос во тьме — падает искрами слов на оцепеневший мозг.

— Достойная цель — догнать солнце.

Хочу открыть глаза и не могу, а голос продолжает:

— Ты пытался, но солнце не догнать. Можно долго лететь вслед за ним, но в конце концов отстанешь, и тогда наступит ночь.

Подношу ладонь к глазам, однако вижу лишь тьму.

— Но знаешь, — шепчет голос, — в ночи тоже есть огни...

Что-то проступает в памяти — ощущение ветра, бесконечное пространство вокруг и крылья за спиной. Кажется, я летел... или всё ещё продолжаю лететь?

Солнце погружается за горизонт, подо мной простирается бесплодная пустошь. Я оборачиваюсь — Крепость уже пропала из виду. Позади лишь тьма, плывущая с противоположного края небес.

Крылья тяжелеют, завод пружины на исходе. Я изгибаюсь всем телом, ловлю ветер, но ветра нет — он улетел следом за солнцем.

Земля всё ближе — я чувствую, как она тянется ко мне иссохшими стеблями диких трав. Пытаюсь разглядеть хоть что-то, и замечаю прямо по курсу проблеск света! Крохотный огонёк вспыхивает и гаснет... долгая пауза — я сдерживаю дыхание, до рези всматриваясь во тьму — и вот новая вспышка, а потом ещё и ещё! Маяк приближается, я уже различаю контуры башни на холме и вдруг понимаю — меня не учили приземляться.

Что-то мелькает внизу, я подгибаю ноги и прижимаю голубя...

— Давненько я не видел живых.

Всё тот же голос.

Я поднял руку, и в этот раз у меня получилось. Стянул влажную тряпку с лица и сел.

Помещение напоминало каморку в Крепости: облезлые стены, низкий потолок. Я сидел на топчане, а в углу напротив расположился старик, укутанный до пят в просторный лоскутный халат. Светлые волосы паклей спадали на лоб, и от этого, а может от неверного света масляной лампы, лицо незнакомца казалось гладкой восковой маской, прилаженной кое-как на сутулый остов.

— Ты ударился оземь, — продолжил он, — но теперь всё прошло... Всё проходит.

Я покрутил головой — в глазах потемнело... Голубь! Я схватился за рубаху — птицы не было.

— Ах, это... — проговорил старик.

Он щёлкнул пальцами, и что-то закопошилось в углу — топот множества цепких лап, тонкие ходули... я вздрогнул, встретившись с холодным фасеточным взглядом.

— Кххх, — закашлялся старик. — Не бойся, дитя, этот арахноид мне как сын. Я сделал его из старого хронометра много лет назад.

Выпуклые глаза-стебельки смотрели в упор, и я не сразу заметил птицу, которая приютилась на спине механического паука.

Старик взял голубя в руки, аккуратно расправил крыло и показал мне: вначале одно, потом другое. Крылья были в порядке. Голубь

деловито взмахнул ими и переступил с лапы на лапу.

— Это особенная птица, — прошептал старик. — Ты не знаешь как достичь солнца. Она — знает. Когда-то таких птиц было много. Лет сто назад...

— Кто... вы... — я с трудом разлепил губы.

— Я смотритель маяка, — старик посадил голубя на топчан. — Но когда-то я был врачом...

Птица встрепенулась и издала гортанный звук.

— Твои крылья я тоже починил, — добавил смотритель.

Встать оказалось непросто. Я опустошил флягу с водой, унял головокружение и кое-как дошёл до двери.

— Прости, юный странник, еды у меня нет, — проговорил старик. — Впрочем, в подвале водятся небольшие существа из плоти и крови. Если останешься, мы наловим их, а после разведём огонь...

В животе заурчало. Я представил кусок сочного мяса, скворчащего и роняющего капли густого жира. Не часто нам в Крепости попадались грызуны!

Потом я вспомнил Дану. А ещё — взгляд Илги, который она бросила перед моим прыжком... кто-то из жителей наверняка спрятался в бункере и ждёт помощь!

— Мне надо лететь, — пробормотал я, — надо попасть в Метрополию...

— В Метрополию? — задумчиво протянул старик, — это далеко, а ты устал и слаб. Может, останешься тут? Мне давно нужен ученик...

Он глянул на меня — старческие глаза в свете лампы казались двумя кусками мутно-дымчатого стекла.

Я представил, как осенними вечерами стану разжигать огонь на маяке.

Как знать, возможно через много лет кто-нибудь, похожий на меня, увидит ночью далёкий свет — и тогда этот кто-то сможет долететь до своей цели, а я... я буду снова и снова разжигать огонь маяка, всматриваясь в опустевшее осеннее небо...

— Нет, — я качнул головой, — я должен сам. Должен... догнать солнце!

Повисла пауза. Потом старик медленно поднялся из угла, распрямил ноги-ходули.

— Что ж, идём.

Мы покинули башню и ступили на траву, влажную от предутренней росы. Ночная земля не

Проза. ФЭНТЕЗИ

казалась страшной, она была никакой — тьма скрадывала пространство, прятала детали.

Я оглянулся на здание маяка: пара этажей, тусклый огонёк наверху — от всего этого веяло теплом и уютom, будто я всю жизнь прожил тут.

— Ночь темна, — проронил старик. — Может, вернёмся и переждём? У меня есть бункер на случай незваных гостей...

Я не ответил.

Мы спустились с холма, пересекли овраг и стали подниматься по другому склону, на вершине которого виднелось одинокое дерево, голыми ветвями подпиравшее звёздное небо.

Я снова оглянулся — теперь маяк казался одной из звёзд, застрявших у горизонта. Я моргнул и вдруг заметил, что левее маяка появился новый огонёк. Он вспыхнул и тут же погас. Через минуту зажёгся вновь — кажется, чуть ближе...

— В ночи тоже есть огни, — прошептал смотритель. — Иногда ты приходишь к ним, иногда они к тебе... Нам нужно спешить, мой маленький друг.

Голубь заворочался под рубашкой. Я поправил свои крылья и ускорил шаги.

Мы шли и шли, а дерево на вершине было всё так же далеко. Тропа петляла по склону, влажные стебли хлестали по ногам, обувь промокла и тянула вниз.

Пару раз я обернулся, но блуждающего огня больше не было — во всём мире осталось лишь хлюпанье воды в башмаках, да мерный перестук подошв смотрителя.

Вдруг снизу долетел какой-то звук — далёкий шорох или, скорее, скрип... Предутренний холод проник под одежду, дрожью прошёлся по телу.

— Слушай внимательно, — не сбавляя шага заговорил смотритель. — На этом холме хороший ветер. Иди на вершину и лезь на дерево, а потом прыгай с самого верха и лови восходящий поток — сейчас правильное время. Я немного поколдовал над твоими крыльями, они смогут унести очень далеко!

Я внезапно осознал, что старик совсем не запыхался, но мне не удалось додумать эту мысль — сзади послышался дробный перестук. Я оглянулся и заметил, как вспыхнул блуждающий огонь — теперь он был гораздо ближе, чем раньше!

— Что это там? — спросил я тихо.

— Кто знает, мой живой друг, — ответил старик, — кто знает...

Топот позади усилился — что-то приближалось. Вот оно спустилось в овраг, пересекло его и стало взбираться по нашим следам...

— Сейчас правильное время. Главное — поймай ветер... Поймаешь — сверяй курс по Птичьей звезде. Как рассветёт, выпускай голубя...

Голос старика окреп. Казалось, смотритель пытается своими словами заглушить звук чужих шагов.

Вдруг он остановился и развернулся всем телом — я с разгону ткнулся ему в грудь и невольно поразился тому, какой он худой и иссушенный временем.

— Был один человек из Метрополии, — быстро заговорил старик. — Он сделал важное открытие на пустоши — нашёл рецепт особого снадобья... Человек добрался до заброшенного маяка на краю земли и слёг с болезнью. Он кое-как разжёл огонь и остался на один день, а потом ещё на один...

Я опустил на корточки, опёрся о землю, переводя дух и вслушиваясь в звуки, долетавшие со склона.

— Прошло время. Человек понял, что слишком ослаб, и тогда он создал новое существо, — продолжил смотритель. — Он собрал существо из старого хронометра, двух подзорных труб и щепотки забытой магии...

Я почти не слушал — мои глаза были прикованы к мерцающему огоньку. Тот двигался: вверх-вниз... вверх-вниз, и приближался... приближался...

В этот момент старик что-то достал из кармана и вложил мне в ладонь — я ощутил узкую свёрнутую в кольцо пружину. Затем холодные пальцы подтолкнули в спину:

— Иди! Дальше сам. Поторопись.

Я вскочил на ноги и дёрнулся вверх по склону — дерево было уже близко, в свете звёзд я отчётливо видел тропу. Я машинально сделал несколько шагов, а затем обернулся: старик брёл в противоположную сторону.

— А потом? — крикнул я, — что было с тем человеком? И... как мне найти Метрополию?

Порыв ветра взметнул сухие листья со склона...

— Тот человек умер, — долетел голос, — но прежде он записал всю свою память внутрь нового существа и оставил его вместо себя — разжигать маяк. Человек так и не достиг Метрополии. Он не доставил рецепт, но ты сможешь, ведь у тебя есть особенная птица! Просто лети за ней...

Чёрная тень выросла рядом со стариком, ярко полыхнул блуждающий огонь. Смотритель широко раскинул руки, словно приветствуя тёмный силуэт, и тогда что-то протянулось от тени — голова зрителя отделилась от туловища и с лязгом покатила по земле, в неверном свете блеснули шестерни и валы. Туловище, шатаясь, шагнуло прочь, а чёрная тень метнулась ко мне...

— Моё послание... моя память... пусть долетит! — механическим голосом проскрипела голова старика, — следуй за птицей... ведь это... почтовый голубь!

Я рванул вперёд. Подошвы скользили по траве, ноги не слушались, перед глазами стояла муть. Почти на ощупь я схватился за узловатый ствол, срывая ногти, вскарабкался наверх. Уцепился за одну из ветвей, прополз по ней сколько мог, а потом замер, балансируя на весу.

Внизу было тихо. Я опустил голову и вначале не увидел ничего — настолько неподвижной была тёмная фигура у ствола! Массивный клюв существа был направлен вверх, огромные глаза уставились на меня. В следующий миг тварь присела, готовясь к прыжку... Порыв ветра! Не раздумывая, я дёрнул рычаг и расправил крылья. Оттолкнулся от ветки и под звон стартовой пружины взмыл в небо — навстречу свежему ветру и далёкой Птичьей звезде.

3

Ночь. Звёзды. Ветер в лицо. Я закрываю один глаз, другой... Перед моим взором созвездия Большой и Малой птицы. Одна вытянула левое крыло, другая правое — и обе устремляются туда, где сияет призрачным светом Птичья звезда.

Ускользаю в сон, потом возвращаюсь и балансирую на тонкой грани между мирами, в обеих реальностях продолжая полёт, ловя ветер чувствительными перьями на концах крыльев...

Перед восходом впереди выросла иззубренная стена чёрных скал. Я заложил вираж, высматривая место для привала. Ночной туман расступился, обнажив влажные каменные плиты — я спикировал вниз, подыскивая ровную площадку... вон туда... изогнулся, перебирая ногами в воздухе... касание! В этот раз устоял, вытянул руки, стараясь уберечь крылья. После распустил тугие ремни и распластался на ледяной корке. Сухими губами дотянулся до лежалого снега, набрал полный рот — зубы занули от холода. Я

перекатился на спину и достал голубя — тот невозмутимо озирался, глядя поочерёдно на небо, на восходящее солнце и на покрытые инеем скалы.

— Говорят, ты почтовый? — я тихонько погладил птицу, и та уставилась на меня удивлённым жёлтым глазом.

— Ну, доброе утро, почтовый, — я сел на короточки, расправил затёкшие от ночного полёта плечи. — Знать бы ещё, что это... стой! куда?!

Голубь вдруг отскочил, расправил крылья и с оглушительным хлопанием взмыл в небо. Он сделал круг, а потом, словно увидев что-то, недоступное моему зрению, устремился прочь. Минута — и он превратился в едва различимую точку на горизонте.

Я судорожно нацепил крылья, дёрнул ремень — пряжка сорвалась и улетела в пропасть. Чуть не рыча, затянул воздушный узел и подскочил к краю — внизу виднелись острые камни. Я прыгнул и тут же дёрнул рычаг — ослабевшая пружина издала вялое «дзэнн». Ветер подхватил, понёс в ущелье... крылья изогнулись, потащили вверх, я вытянулся струной — острый край скалы промелькнул совсем близко. Ветер взревел, я поймал поток, выровнял полёт и осмотрелся — голубя нигде не было! Несколько кругов, и я поднялся над скалами, выше тумана и облаков. Солнце полностью вошло, и в его лучах я наконец различил точку вдаль. Сложил крылья и устремился в погоню!

Скалы перешли в холмы. Внизу мелькали зелёные пятна травы, какие-то скрюченные деревца. В этих местах земля выглядела приветливей, чем возле Крепости.

Пружина разрядилась, но восходящие потоки держали в воздухе — а может, работала «магия» зрителя. Временами я нырял вниз, приближаясь к покатым склонам, после поднимался к облакам, зачерпывая полные крылья осенней прохлады.

Голубь точкой мелькал вдаль: то пропадал из виду, то выныривал из тумана и неуклонно летел вперёд — мне никак не удавалось приблизиться к нему.

Солнце поднялось уже высоко, когда я почувствовал, что больше не могу. Ветер ослаб, и земля придвинулась вплотную. Ремни врезались в предплечья, руки онемели. Я скинул мокрые башмаки, чтобы облегчить вес, но это не сильно помогло. Голубь ускользал, а с ним и надежда на то, что я отыщу Метрополию.



Проза. ФЭНТЕЗИ

«Почтовый! — мысленно взмолился я, — если долетишь, сделай так, чтобы тебя заметили! Пусть пришлют помощь в нашу далёкую Крепость...»

Глаза помимо воли закрылись, и я отдался на волю ветра. Накатила эйфория — почти как тогда, после прыжка в неизвестность. Вспомнилось, как голубь сжимался пушистым комком у меня на груди — мы были единым целым и наблюдали с высоты за пёстрым ковром из травы, деревьев и массы других вещей, названия которых я не знал... Я-он покрутил головой, ощущая, как солнце светит в хвост, как нагрелись и устали крылья... вверх-вниз... — ведь голубям трудно парить. Он-я опустил голову и осмотрел поверхность, а потом стал снижаться — широкими кругами, тщательно подбирая место...

...открыл глаза, дёрнулся и едва не вошёл в штопор! Подо мной стремительно проносилась земля: казалось, протяни руку, и коснёшься утренней росы. Я изогнул крылья, судорожно озираясь, — вокруг простиралась луга. Вдруг что-то показалось впереди — сооружение, похожее на вчерашний маяк, но без признаков жизни. Я подлетел к влажным от тумана каменным стенам, онемевшими руками заложил вираж и заметил голубя! Тот устроился на зубчатом парапете, опоясавшем верх башни. Голубь вычурно изогнул шею и невозмутимо взирал на меня...

Я завис над крышей, затуманенным сознанием отметил, что ноги коснулись твёрдой поверхности, и провалился во тьму.

Очнулся от капель дождя. Солнца как не бывало — небо затянуло тучами, вдалеке громыхало.

Я зубами ослабил ремень и ощутил, как острые иголки прошили онемевшие руки. С трудом приподнялся и сел, поискал глазами птицу... Площадка на башне была небольшой — десяток шагов. Зубчатый край возвышался на пару локтей: голубь устроился в углублении между зубцами — он нахохлился и закрыл глаза.

— Вот оно что, — пробормотал я, — ты не летаешь в дождь.

Мелкие осенние капли падали с неба, тучи обложили горизонт. Я привалился к стене и снова погрузился в сон.

Низкое пасмурное небо над головой. Я вглядываюсь в узоры из туч и внезапно понимаю, что это схема часовой пружины — она изогнулась лапками механического паука и плетёт сеть из водяных струй...

«Это моя память», — поясняет старик.

Я смотрю на него, но вместо старческого лица вижу незнакомца в лекарской накидке. Человек тянет ко мне ладони — как капеллан в зале молитв. Кольца пружины развёртываются гибкой лентой — это уже не пружина, а что-то иное... на тонком металле проступают отверстия, их много, они образуют сложный узор, похожий на шифр...

«Послание... снадобье... рецепт...»

Проснулся словно от толчка и какое-то время сидел неподвижно с закрытыми глазами.

Дождь прошёл — сквозь опущенные веки я ощущал свет солнца: то в один глаз, то в другой. В тёплом мареве что-то будто бы двигалось по крыше, заслоняло от лучей. И запах мокрого... металла?

Я открыл глаза: напротив возвышалась бронзовая фигура. Клюв хищно изогнулся, два тусклых стеклянных глаза смотрели прямо на меня... Краем сознания я отметил, что на лоб существа нанесено клеймо: три полукольца поверх круга.

В этот момент что-то нарушило паузу: звук... голубиное воркование! Горгуля резко обернулась в сторону птицы, присела перед рывком... Вдруг светлое пятно упало с неба — удар! — горгуля потеряла равновесие, скользнула с крыши, уцепилась когтями и вывернула кусок стены, а потом с жутким скрежетом рухнула вниз — с земли донёсся хруст, и наступила тишина.

Светлое существо откатилось и замерло, раскинув два больших белых крыла — точно таких же, как мои. Знакомое мертвенно-бледное лицо, копна желтоватых волос из-под шлема... Я вскочил на ноги, подхватил Дану и оттащил к центру крыши. Ослабил ремни, помог снять крылья.

— Далеко залетели... — пробормотала она, — еле нашла.

Солнце клонилось к горизонту, его лучи приятно согревали, переливались искрами на искорёженном корпусе механической твари.

Мы сидели на краю зубчатой стены, ожидая, пока поднимется вечерний ветер.

— Дана, тебя тоже за помощью послали?

— Я сама, — проговорила девчонка, — за птицей.

— За птицей? — я покосился на связанного голубя. — Дана, а что было в Крепости? После того как...



Художник Лев Елена



Проза. ФЭНТЕЗИ

Я не договорил.

— Не знаю, — Дана пожала плечами. — Я за крыльями полезла, потом сразу стартовала. Видела, что ты с птицей. Хотела догнать.

— Как же... — я пытался подобрать слова и не мог — слишком невозмутимой казалась девчонка, будто не случилось в нашей жизни предыдущего дня. — Как же теперь...

— Теперь летим в Метрополию, — отчеканила Дана.

Мне показалось, её голос дрогнул на последнем слове.

На языке крутились вопросы, но я промолчал — не хотелось тратить время на разговоры. Солнце близилось к горизонту, и в его лучах лицо девушки вспыхнуло румянцем, волосы из желтоватых сделались огненно-рыжими, в небесного цвета глазах заиграли лучики света.

— Потом вернёмся... вместе? — спросил я.

Дана покачала головой.

— Без меня. Я лечу в Метрополию, остальное не важно.

— А как же Крепость?

— А что Крепость? — пробормотала Дана. — Там уже всё завершилось... В любом случае, мир на этом не кончается. Я видела на пустоши много крепостей... три штуки.

— Как это? — я на мгновение забыл и о горгульях, и о Метрополиии. — Ты разве не из пещеры за южной стеной?

Девчонка презрительно фыркнула:

— Я летун. Мой дом — небо.

— А как ты... к нам?

— На нас напали, — прошептала Дана. — Эти твари, недалеко от Крепости. Илга подобрала...

Солнце погасло, холодный ветер прошёл по спине, взъерошил волосы.

— А откуда у тебя голубь? — я попытался перевести тему.

— Да так. Взяла с собой в путешествие. Только мы с ним остались... — Девчонка потрянула головой. — Кир, ты ведь уже выяснил, где Метрополиия?

— Не совсем, — я запнулся, подбирая слова. — Смотритель маяка сказал, что это почтовый голубь. Похоже, птица знает дорогу, только я не очень понимаю как.

— Почтовый, говоришь? — Дана усмехнулась, закусив губу. — Ну да, этот голубь помнит, где его дом...

Она вскочила на ноги, торопливо натянула крылья и распутала птицу:

— Ветер поднимается. Летим!

Какое-то время мы летели на закат, удаляясь от скал и от бесплодной пустоши. Внизу простирались реки и леса, перемежавшиеся пятнами полей. Голубь указывал путь, мелькая чёрной точкой на фоне вечерней зари.

Когда совсем стемнело, сделали привал на верхушке холма. Мы подзавели пружины, Дана спеленала птицу и усадила в мой заплечный мешок. Разбежались по мокрой от росы траве, взмыли в тёмное небо и дальше держали курс, ориентируясь по созвездиям Большой и Малой птицы.

В тишине по небосклону проносились блуждающие огни — уходили за горизонт, появлялись вновь, будто пытались сбить нас с пути. Время от времени Дана улетала вперёд, потом я нагонял и с близкого расстояния любовался хрупкой девичьей фигурой, распростёршей белоснежные крылья...

Перед рассветом мы увидели стену.

Тёмная полоса на горизонте, походившая на горную гряду, вдруг придвинулась, засияла огнями на башнях. Я взглянул на Дану и заметил, как напряглось её тело, как изогнулись белоснежные крылья.

Ещё немного, и с первыми лучами мы окажемся в Метрополиии, а после — расстанемся навсегда. Где-то в глубине мельтешила мысль о возвращении в Крепость и о тех, кто остался. Всё это никуда не делось, но сейчас было таким далёким... «Дана не вернётся со мной!» — эта мысль камнем тянула вниз, сбивала дыхание, встречным потоком выдувала влагу из глаз. Часть меня наблюдала за приближением стены, другая — отчаянно желала, чтобы эта ночь и полёт продолжались вечно.

Белые крылья впереди подрагивали, ловя последнее дуновение ветра на излёте ночи. Вдруг они сложились, фигурка Даны нырнула вниз, пошла на снижение. Я повторил манёвр и последовал за девушкой, наблюдая за тем, как она коснулась травы на верхушке холма.

— Что случилось? — я приземлился и подбежал, на ходу снимая крылья.

— Там, впереди... — прошептала Дана.

В свете зари колыхались деревья. Что-то массивное просвечивало сквозь них — округлый продолговатый контур...

— Цеппелин! — выдохнул я.

Мы прокрались сквозь рощу и приблизились к кораблю. Он был небольшим — шагов двадцать в длину, кабина на пару человек. Внезапно люк распахнулся, в проёме показался парень моих лет. Я сжал ладонь Даны: перед нами был человек из Метрополии!

Юноша ступил на траву, за его спиной показался второй силуэт — высокий, тёмный. Я сильнее сжал ладонь... из цеппелина неторопливо вышла горгулья. Она поравнялась с парнем и задрала голову, будто обнюхивая пространство. Незнакомец положил ладонь на спину чудища и что-то проговорил... в следующую секунду Дана прыгнула вперёд, в руке появился револьвер Илги. Грохнул выстрел, голова горгульи дёрнулась, из глаза брызнули осколки стекла.

Парень опустил на землю рядом с чудищем, провёл ладонью по металлу и поднял на нас непонимающие глаза...

Дана метнулась мимо него к цеппелину, обернулась из люка:

— Кир!

Я не двинулся с места. Мой взгляд был прикован к упавшей горгулье: голова с массивным клювом отлетела от туловища — на её месте виднелась длинная рыжая прядь волос и залитое кровью человеческое лицо...

— Кир!!!

Я бросился вперёд, ввалился в кабину...

В руках Даны блеснул нож, она рубанула по якорному канату — корабль вздрогнул и рванул вверх.

— Дана, что это...

— Кир, ты не думал откуда берутся чудища?

Её голос обдавал холодом.

— Что ж, поздравляю, ты нашёл Метрополию, Кир. Только никто не станет вас спасать, ведь здесь живут «горгульи»!

Земля проносилась внизу, сиял огнями приближающийся город, корабельный хронометр отсчитывал секунды на стене. Дана застыла у иллюминатора, её пальцы вцепились в штурвал.

Я отнял ладони от лица и подошёл к мостику.

— Готовься к жёсткой посадке, — прошептала девчонка.

— Дана, что ты делаешь? Что мы делаем?!

— Это будет урок для всех... — девушка цедила сквозь зубы. — То, чего они так боятся. От чего отгородились на сотню лет: выжгли землю и уничтожают любое существо, побывавшее на пустоши...

— Не понимаю!

— Я убью этих тварей! — закричала девчонка.

— Кир, я всего лишь хотела путешествовать... хотела поскорей стать пилотом, увидеть мир! Мы с братом... на крыльях к восходящему солнцу...

— С братом? — эхом повторил я.

— Нас не предупреждали. В городе есть запреты, но никто не помнит откуда они и зачем... Мы были без скафандров — крылья их не тянут. Покинули Метрополию и добрались до карантинных земель на пустоши. Видели местных — оказывается, они такие же, как мы. Потом полетели назад и встретили этих... Я не знала... не думала, что они убивают своих. Нас с братом... команда био-зачистки!

Девушка развернулась, неловко ухватила меня за руку, сжала пальцы.

— Кир, ты похож на нас... на брата! Я сразу поняла — ты сможешь. Пообещала Илге, что обучу летуна...

Дана прикоснулась влажной щекой к моей щеке, её губы были совсем близко, слова падали раскалённым маслом на огонь.

— Мы перелетим через стену, сядем в центре и растворимся в толпе. Я знаю все закоулки, ведь это мой город!

— Что потом?

— Месть! — прошептали пунцовые губы. — Девять из десяти жителей заболеют и умрут, ведь я теперь разносчик заразы. В Крепости я заболела и чудом не погибла, но таких в Метрополии меньшинство, понимаешь? А вот вы, живущие на пустоши, как-то приспособились и не умираете от древней болезни! Капеллан сказал, что она зовётся птичий мор...

Корабль трянуло — ветер проник в кабину, штурвал дрогнул, заскрипел руль на корме.

Я заметил краем глаза, что с земли нам наперерез стремительно поднимается корабль. Ещё один виднелся прямо по курсу.

Перед глазами пронесли лица жителей Крепости: Илга, друзья детства и даже Марк — все они попали под зачистку как носители неведомой хвори — и теперь я мог отомстить. И Дана... она была рядом и доверяла мне...

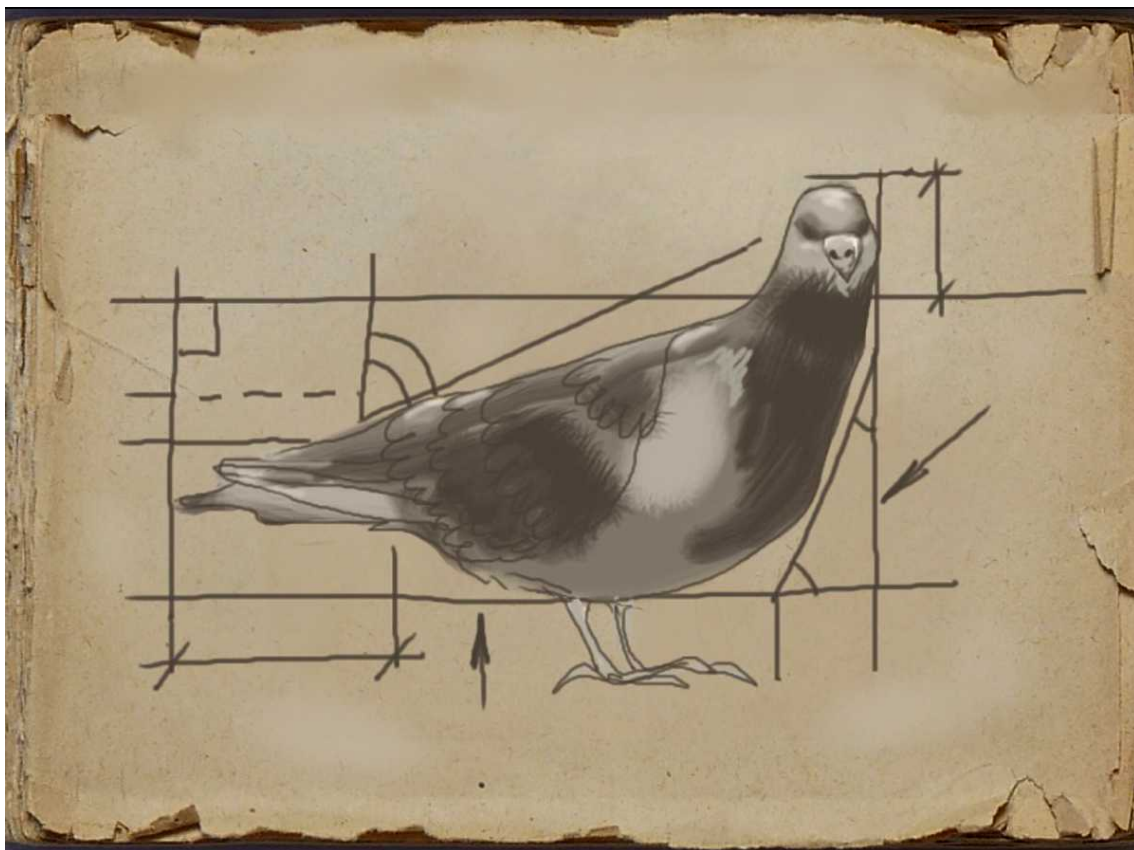
Ближний цеппелин выпустил струю огня — она прошла чуть выше нашего корабля.

— Кир, сбрось балласт!

Я выполнил команду.

Дана крутанула штурвал — нас подкинуло вверх. Корпус затрещал, я ухватился за канаты и увидел, как мимо проносится гондола, сорванная с чужого цеппелина...





Художник Лев Елена

— Вот так! — хрипела Дана.

Второй цепелин отстал, сбавил ход. Рядом с ним появилось несколько росчерков-крыльев. Я глянул в передний иллюминатор — из города приближалась ещё одна стая летунов... слишком поздно! Прямо под нами проплывала городская стена — люди, облачённые в горгулий, в панике сновали туда-сюда...

Что-то заворчалось в заплечном мешке. Я сунул руку и достал голубя, пальцы случайно наткнулись на твёрдый предмет... пружина-послание! И слова смотрящего: «я был лекарем... важное открытие... рецепт снадобья... память...»

— Дана, стой!

Она не обернулась.

— Дана, хватит! Ты уже отомстила!

Она лишь вжала голову в плечи.

Тогда я бросился вперёд, оттащил её от штурвала, а затем... мой кулак описал кривую, Дана отлетела в угол и затихла.

Я выкрутил штурвал — корабль развернулся, внизу снова мелькнула стена. Корпус вздрогнул, язык пламени проник в кабину, дым ударил в нос... Негнущимися пальцами я прицепил пружину-послание к лапке голубя и, не раздумывая, швырнул его в открытый люк. Кинулся к Данае, приладил ей крылья и подтащил к краю — девушка тихо застонала. Я обхватил её сзади, а потом шагнул за борт.

Рёв ветра в ушах и треск пылающего корабля... Дана дёрнулась и что-то прокричала — я лишь плотней прижался к ней и развернул собственные крылья.

Крепость... Метрополия... Одни заменили историю сказкой о Главной Пружине. Другие отгородились от правды стеной, вычистив окрестности на несколько дней полёта.

Статус-кво, с которым свыклись. Забыли обо всём.



— Нам не нужна Метрополия и не нужна Крепость, — шептали мои губы. — Я знаю место — мы полетим туда и зажжём маяк...

Где-то позади почтовый голубь возвращался домой — абсолютная память вела его к родному гнезду.

«Пусть тебя заметят! — пронеслось в голове, — пусть людям из Метрополии достанет ума прочесть сообщение и победить болезнь! Если нет... что ж, птицы ведь тоже носители заразы...»

Объятый пламенем цеппелин спикировал вниз, но мы были уже далеко. Мы улетали прочь от стен — к багровой заре и далёкому восходящему солнцу.



Алекс Тойгер

<https://writercenter.ru/profile/toyger/whois/>

Художник Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>



Мир наизнанку

Федорова Елена

— Заходи, дело есть! — загадочно шептала Маринка в телефон.

— Вообще-то некогда! — попыталась противостоять я ей.

К нам сегодня в гости придет тетя Мила, и моя мама велела сходить закупить продукты. Ей тяжело сумки таскать — руки болят. Конечно, не хочется, и я не совсем понимаю, зачем так суетиться перед ней? Попили бы чай с тортиком, и все! Так нет, моей маме загорелась приготовить что-нибудь вкусненькое, а мне — по магазинам ходи! Но вообще, моя мама надеялась, что я не только продукты куплю, но и приготовлю это самое «вкусненькое» для тети Милы, ведь ее Валерка за мной старательно ухаживает.

— Тебе что, твой парень не разрешает? — язвительно поинтересовалась Маринка. — Все равно мимо моего дома идешь! Обижусь!

Марина — моя единственная подруга и постоянно пользуется этим обстоятельством.

— Ну ладно, зайду! — выдохнула я в телефон, — Действительно, давно не виделись.

И открыла дверь ее подъезда.

— Вадим нас двоих пригласил. Давай сходим! Ведь твой бой-френд совсем тебя никуда не отпускает! — налетела на меня Маринка, затасив в квартиру, одновременно болтая и показывая юбку дико яркого цвета. — Вот, вчера купила. Сказали: эксклюзив!

— Блузку трудно подобрать под такой эксклюзив, да и в глазах от нее рябит, — заметила я, машинально посмотрев на свои черные брюки, под которые шло абсолютно все и даже моя заношенная рубашка, и возразила: — Почему не пускает? Мы вместе в гости ходим.

— К нему домой? — ехидно улыбаясь, перебила Маринка, но тут же примирительно добавила: — Не дуйся! Просто мне кажется, что Валерка слишком контролирует тебя.

— Да все нормально! — почему-то разозлилась я.

— О-о-оль, ты идешь? — Маринка с нетерпением постучала по маленьким часам на запястье.

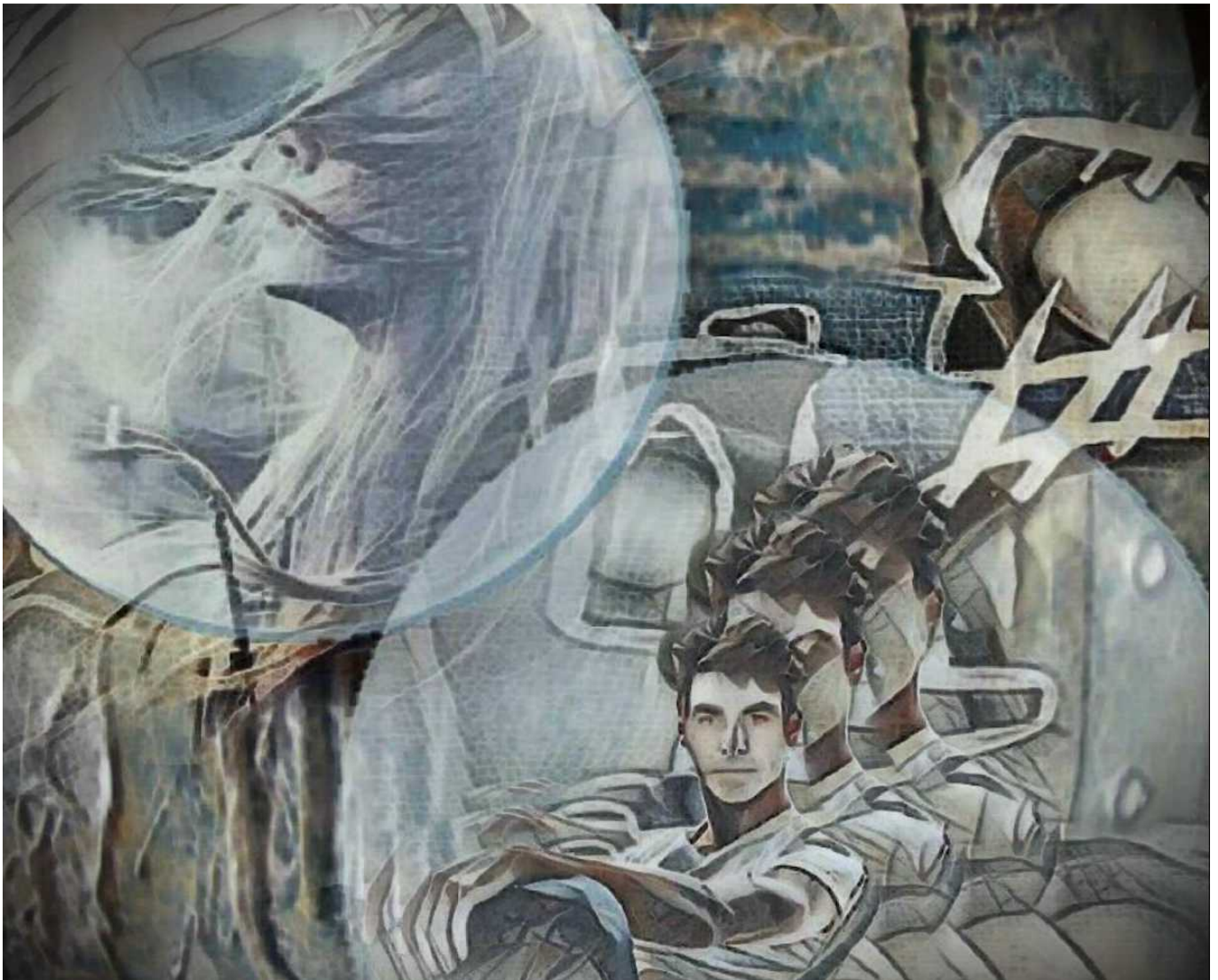
Нервничала. Ее телефон звонил не умолкая, наверное, Вадим уже отчаялся дожждаться нас.

— Хорошо! — выпалила я.

Торопливо подойдя к зеркалу, я собрала в хвост растрепанные волосы и замерла. Без макияжа, в бледно-голубой рубашке, застегнутой на все пуговицы, надетой под широкий пиджак, я походила на какое-то безликое существо. Я растерянно оглянулась.

— Идем! Вы не муж и жена, а ты без него шагнуть боишься. — Марина, не замечая моего замешательства, примеряла прозрачные блузки.

Не хотелось портить ей настроение своими проблемами и я, понуро опустив голову, пошла.



Художник Argentum Agata

Выставка, на которую привел нас Вадим, проходила в Доме Художника. Поболтав немного с подругой и ее очередным ухажером, я отошла. Каждые пять минут целуются! Как такое выдержать? И стала бродить по небольшому выставочному залу одна. Работ было много. В них ощущалась жизнь — простая, без прикрас. Поле золотистой ржи возле маленькой деревеньки в лучах восходящего солнца, река и мальчик с удочками, осенний лес с золотисто-оранжевой, местами коричневатой и красной листвой, барашки облаков на небе. Но больше всего мне понравилась картина, где была нарисована девочка-подросток. Странно, но она мне напомнила меня. Девочка сидела, откинувшись на спинку скамейки, придерживала открытую книгу на коленях и смотрела на белого голубя, парящего в небе. Поражали немного наивные, светло-серые глаза. Они притягивали

глубиной, и хотелось понять, о чем девочка думала в тот момент. Или, может, просто мечтала?

Рассматривая картину, я отступила назад и задела кого-то.

— Ой!

— Ничего страшного, — мужчина с проседью в волосах и старомодной тростью в руке приветливо улыбнулся.

— Вы художник? — почему-то решила я.

— Коллекционер, — ответил он. — Работы здесь интересные, я приятно удивлен. Особенно вон той картиной, где изображена девушка, видите?

— Она мне тоже сразу понравилась! — воодушевилась я. — Веет от неё чем-то таким теплым, необычным. Завораживает! Кажется, что девочка сейчас встанет или махнет рукой. А если приглядеться, то можно увидеть, что в ее глазах отражается целый мир!

Проза. Городское фэнтези

— Целый мир? — мужчина внимательно посмотрел на меня. — Знаете, приятно встретить девушку с неординарным мышлением. Мой знакомый через неделю открывает выставку своих картин. Приходите, я вас познакомлю. Он, знаете ли, молодой, но талантливый.

— Конечно, придет, — раздался сбоку Маринкин голос.

Вот любопытная, и еще подслушивает! За разговором не заметила, как она подошла. Нестромо улыбаясь, я хотела согласиться, но, вспомнив своё отражение в зеркале, тут же поджала губы.

— Спасибо, — сухо ответила я, — но мы с моим парнем идем в гости как раз через неделю. В другой раз.

Мужчина, наклонив немного голову, попрощался.

— Дура ты, Оль! Ну вот ду-ура! — выговаривала Маринка. — Почему отказалась? Он правильно заметил: картины ты любишь смотреть! Вот и прогулялась бы вместе со своим Валеркой.

— Понимаешь Марин, Валера... — начала оправдываться я.

— Что Валера? Ну что Валера? — перебила Маринка. — Обыкновенный эгоист! Скажи, когда вы в последний раз в кино ходили? Не можешь вспомнить! А почему? Да потому, что ему не нравится. А мы с тобой раньше ни одной премьеры нового фильма не пропускали!

Я опустила голову, понимая, что она права, и вспомнила последний наш поход. Тогда мы с Маринкой два часа заворуженно смотрели на экран, где красавцы-актеры боролись за любовь, и хохотали над их шутками как сумасшедшие. Потом шагали домой, вдыхая запах мокрого города — пока были в кино прошел проливной дождь. Машины, проезжая по лужам, обдавали нас водой, но мы этого не замечали. С горящими глазами обменивались впечатлениями и, конечно, завидовали нарядам героинь. Как хорошо было тогда!

— Эй, подруга, очнись! Пришли! — затормозила меня Маринка. — Тебя ждут, иди. Завтра созвонимся.

Улыбаясь, я торопливо подошла к черной, взятой Валеркой у отца машине и открыла дверь.

— Привет! — чмокнула я Валерку в щеку. — Давай поднимемся ко мне. Сегодня освоила новый рецепт кофе. Хочешь, сварю?

— Оль, ты на часы смотрела? Какой кофе! Мне на ночь лучше чай пить, ты же понимаешь: спортивный режим, — ответил Валерка, недовольно сдвинув брови. — А ты где была?

— На выставке начинающих художников, — зашебетала я, прильнув к нему, — знаешь, как интересно!

— А про то, что сегодня мама к вам придет, забыла? — хмурясь, поинтересовался он, барабаня пальцами по рулю.

— Понимаешь, Марина и ее парень...

— Не стоит тебе с ней так часто общаться, — многозначительно заметил он, перебив меня, — мне не нравятся девушки, которые часто меняют парней!

— А с кем мне стоит общаться? — растерялась я.

— А со мной тебе общения мало? — повысил он голос.

Я молча отвернулась к окну. Он говорил, как всегда, только о себе. А мне хотелось сейчас ощутить нежность и заботу. Мимо нашей машины проходили люди, спеша домой. Их там, наверное, ждали. Счастливые! И вдруг я подумала, что почему-то стала меньше улыбаться. А ведь раньше меня дразнили хохотушкой. Милые, так любимые мной привычки забросила совсем. И мир вокруг как-то незаметно поблек, стало скучно жить. Интересно, почему?

Хлопнув дверью машины, я пошла домой. Бросила вещи в прихожей и, не включая свет, упала на кровать. Уткнулась лицом в подушку и заплакала: то время, когда я наслаждалась жизнью, куда-то пропало. Я незаметно заснула.

Бом, би-бом, би-бо-ом!

Бом, би-бом, би-бо-ом!

Непонятный звук ворвался в мой сон. «Что это?» — я испуганно приоткрыла глаза. Мой шкаф, потолок, люстра выглядели серыми и размытыми. «Странно!» — я ущипнула себя за руку. Стало больно, но ничего не изменилось.

— Бом, би-бом, би-бо-ом! — продолжало звучать в моих ушах. Я перевернулась на другой бок и увидела, что на меня катится большой прозрачный шар. От неожиданности я отпрянула. Пытаясь встать с кровати, отчего-то поскользнулась на полу и упала. Потирая ушибленную руку и ногу, охая, посмотрела на остановившийся шар: из него на меня смотрела девочка.

— Привет! — помахала рукой девочка и улыбнулась, а ее шар словно расцвел оранжевым сиянием.

— Как ты здесь оказалась? Почему в шаре?
— я испугалась.

Проснуться в своей комнате неизвестно с кем? Такого со мной еще не было.

— Ты тоже в шаре. Это тебя не удивляет? — хихикнула девочка, проигнорировав мой первый вопрос.

Я пригляделась. Действительно, вокруг меня была светло-серая оболочка. Вот это да! Это из-за нее, оказывается, все вокруг выглядело немного странным. Я неуверенно коснулась ее рукой: мягкая и приятная на ощупь.

— Почему мой шар серый?

— Ты сама сделала его таким, — девочка подпрыгнула.

Бом, би-бом, би-бо-ом, запрыгал ее шар вместе с ней.

Раздались шлепки, словно от резинового мяча, и по комнате полетели оранжевые брызги.

Я непроизвольно закрылась рукой. Но оранжевые кляксы упали на поверхность моего шара и стекла, оставляя светлые полосы. Словно мыли его. Мне вдруг стало весело и тоже захотелось подпрыгнуть вместе с шаром. Но вместо этого я стукнулась головой об его мягкую поверхность и упала на бок, а мой шар даже не пошевелился.

— Шар — это оболочка твоего внутреннего мира. Вот как кожура на апельсине. Какая оболочка, таким и мир видишь вокруг. Ты закрыла внутри себя свои мечты, фантазии, и шар тебя не слушается. Выпусти их наружу! — задорно рассмеялась девочка.

Я не понимала, о чем она говорит.

— Смотри, — показала девочка на стул, — что ты видишь?

— Хм, — усмехнулась я, — глупый вопрос! Стул!

— А я вижу пенек с выросшими на нем тонкими побегами с зелеными листочками.

Неуверенно взглянув опять на стул, я напрягла зрение, но ничего не изменилось. Стул остался стулом.

— Перестань думать, улыбнись и выпусти воображение из души, — девочка протянула руки, словно пыталась вытянуть что-то из меня.

Я глубоко вздохнула: вспомнила почему-то Маринку, ее дурацкую юбку и усмехнулась. Будет о чем ей завтра рассказать! Но, нерешительно переведя взгляд обратно, замерла. Возле стола появился гриб с коричневой шляпкой. Осторожно наступая на свой шар, я подошла

поближе и разглядела на шляпке присохшие травинки и муравья, который умывался, зачерпывая лапками росу с лежавшего рядом листка. Я потрясла головой. Видение исчезло, а я ощутила какое-то непонятное облегчение. И мой шар почему-то изменил цвет: стал светло-лиловым с серебряными искорками.

— Красиво! — залюбовалась я мерцанием, проведя по шару рукой.

Моя ладонь заблестела. Не зная почему, я хлопнула в ладоши, и множество маленьких звездочек рассыпались вокруг.

— Это совсем просто, надо лишь захотеть! — воскликнула девочка и добавила: — Хочешь увидеть, где я живу?

— Хочу! — обрадовалась я.

— Прыгай! — позвала она.

Выпрямив спину, я отступила немного назад, потом присела и подпрыгнула.

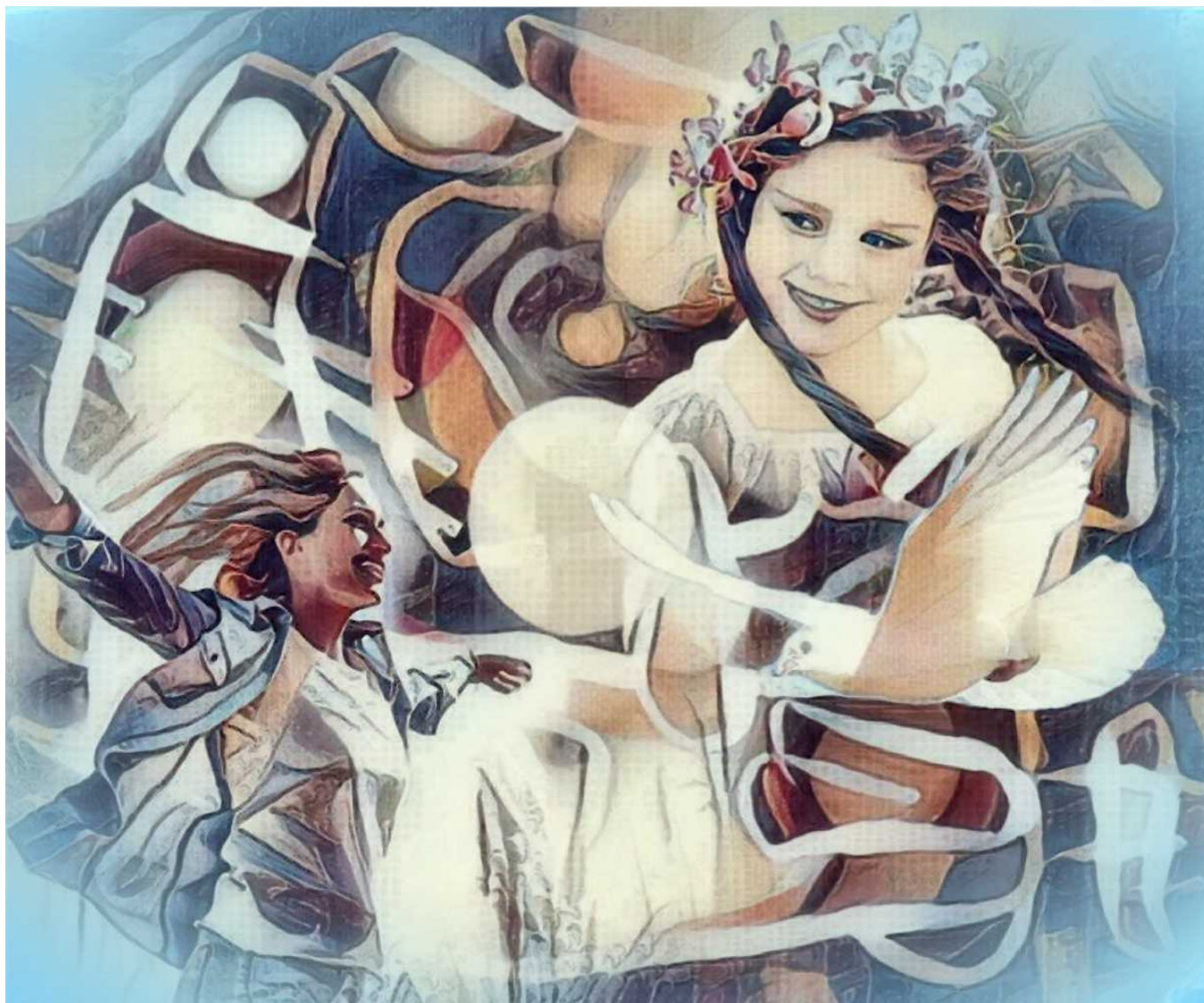
— Оп-ля! — И мой шар, запрыгав, столкнулся с оранжевым, но почему-то не отскочил, а прилип.

Прилипшая часть растворилась в оранжевом сиянии, открывая проход. Вдруг почувствовав, что стала легче воздуха, я оттолкнулась и полетела навстречу девочке, кувыряясь и хохоча.

— Смотри! — улыбнулась девочка.

Вытянув руки в стороны, я остановилась и посмотрела вниз. Подо мной был незнакомый город. Коричневые улицы, тротуары вымощены сиреневыми камнями. По бокам невысокие деревья с круглыми кронами. Я протянула руку, пытаюсь дотронуться до маленьких аккуратных листиков, и сотни потревоженных бабочек взлетели, взмахнув светло-зелеными крылышками. Около серых скамеек с причудливо-изогнутыми спинками стояли фонари. На изумрудно-прозрачных столбиках висели желтые колокольчики. Дома с черепичными крышами и флюгерами на них. Ажурные силуэты животных вращались, поскрипывая, и казалось, что они смеются. Окна с белыми рамами, стены разрисованы большими яркими цветами и травой. Чудилось, что дома, как грибы, просто растут из земли. Жители занимались своими делами. Лохматая собака в очках и домашних тапочках с помпонами переходила дорогу. Большая жаба в бриджах и жилетке шагала, опираясь на трость, обвитую дремлющей змеей. Важная гусыня, горделиво подняв красный клюв, заходила в салон красоты с вывеской: «Сеньор Спурати сделает татуаж ваших перьев чернилами каракатицы!». На тумбе афиша: «Выставка картин начинающих художников».





Художник Argentum Agata

— Я видела эту афишу! — крикнула я. — Возле Дома Художника.

— Художник был у меня в гостях. Рисовал мой портрет, — заметила мое удивление девочка, — а афишу на память оставил.

— А можно еще сюда прийти? — с надеждой спросила я.

— Конечно! — рассмеялась девочка. — Я рада гостям. А знаешь, лучше придумай еще один город. Город Своей Мечты!

— У меня, наверное, не получится. Я не умею, — замялась я.

— Вот возьми и проверь — умеешь ты или нет! — девочка, взмахнув руками, подпрыгнула. — Свой внутренний мир иногда надо отряхнуть от пыли, вывернуть наизнанку, и ты удивишься, какой он яркий, необычный внутри...

— Бом, би-бом, би-бо-ом! — зазвенел снова ее шар.

Оранжевые брызги фейерверком разлетелись в разные стороны, сделав мою комнату похожей на разорванную дольку апельсина. Девочка подпрыгнула еще выше и, пролетев через оболочку шара, превратилась в белую птицу. Я шлепнулась вниз, а оранжевый шар покотился, растворяясь в полумраке комнаты.

Зазвенел будильник, я открыла глаза. На стене дрожал желтый блик, похожий на маленький одуванчик, качаемый ветром. Это солнечный луч, проникнув через щель в задернутых шторах, играл со мной, заставляя улыбнуться. Неторопливо встав, я пошла на кухню. Мама уже ушла на работу, а я осталась одна со своим одиночеством. Заварив горячий шоколад, я достала пирожные, купленные вчера для Валерки, и съела пару штук. И абсолютно не ощутила угрызений совести! Зазвонил телефон. Это Валерка рвался испортить мне настроение. Разговори-

вать не стала: я оставила его во вчерашнем дне. Взяв кружку, отпила маленький глоток и подошла к окну. Удивительно, но мир за ним стал чуть светлее и как-то немного ярче. Открыв белую створку, я задохнулась от сумасшедшего ритма жизни, который вместе с ветром ворвался в тишину моей квартиры.

— Бом, би-бом, би-бо-ом! — слышалось где-то вдали, и этот звук, вплетаясь в суматоху дня, отзывался дрожью в моей душе, словно призывая: торопись жить.

Я попыталась представить, что буду делать дальше, но в голову ничего не приходило. И я решила: пусть будет то, что будет. Но одно знала точно: сегодня обязательно куплю кисти, краски и холст. Вдруг действительно смогу нарисовать на белом полотне мир таким, каким его вижу я. Или придумаю город, свой собственный, только мой. Ну и, может быть, решу пригласить кого-нибудь в гости в свой маленький и пока одинокий мир. Обязательно, но потом, когда нарисую...



Фёдорова Елена (Katriff)

<https://writercenter.ru/profile/elenfedorovabloggmailcom/whois>

Художник Argentum Agata

<https://writercenter.ru/profile/argentum/whois/>



Зауэр Ирина

Ложка

Иногда вдруг покажется, что опустел карман,
И колодец твой высох, и слово — труха и сажа.
Почему-то не страшно, страшнее сойти с ума,
Если вот оно, рядом, а не прикоснешься даже.
Если видно в чужом то, прозрачайшее, своё,
Что могло бы поднять, дать пройти по воде и краю...
Если сила уйдет, лучше так отпустить ее,
Но об этом пока, слава Богу, я мало знаю.
Лишь порой, раз в полгода, стихают все голоса,
Гаснут краски и слово не дразнит игрой и тайной.
И никто не поможет, и мало ты можешь сам —
Переждать, пережить, не тонуть в этой ложке чайной.
Не поборешься с этим, ты главной из сил лишен,
От рассвета к закату в тоске словно в мокрой вате.
А потом милосердно приходит хороший сон.
Там ты снова на силу богат и способен тратить:
На миры, что стоят не на трех, а на ста китах,
На ходьбу по воде, на истории под обложкой...
А проснувшись, увидеть, что все на своих местах,
И не вычерпать этот колодец какой-то ложкой.



Стакан

Да, конечно. Весна. Но пока еще слишком рано.
Передышка дана — не привыкнуть бы «загорать».
Я хочу быть уверенной в том, что тут нет обмана,
Что стакан полуполон, а пустота стакана

Половинна настолько, что можно в расчет не брать.
Что проценты сойдутся за вычетом тех комиссий,
Что пришлось заплатить половинному бытию.
И конкретика есть, что пинком отправляет с высей:

Говорят — «Узнаваема ты. Все слова и мысли.
Измениться пора или цель изменить свою.
Хоть считай, хоть не очень удачи свои и планы,
Если все одинаково, значит — застрял, завис.

Станут сразу пусты все идеи и все стаканы,
Не останется смысла в сложении слов и данных,
Как в сложенье нолей. Без прироста сорвешься вниз.
Я давно поняла и ищу лишь путей отсюда.

Что-то новое... с кем-то и где-то... но с кем и как?
Вот и жду... и не знаю, чего. Половины чуда.
И все там же пока. Лишь на это и гожд рассудок
В середине весны, где все рано и все «пока».

Зауэр Ирина

<https://writercenter.ru/profile/Lita/whois/>





Художник Губанова Наталья

Валерина Ирина

Я САД

Я сад, не желающий плодоносить,
поэтому больше не будет яблок.
Но в почве вьётся упрямо сныть,
на ветке рюмит кочевник-зяблик,

и чешут букашки к весне бока
под жёсткой корою, ломая панцирь,
и дарят приبلудные облака
тягучую ласку дождящих пальцев —

и жизнь не уходит, и я живу,
уже не ища ни любви, ни сути.
Тянусь в загустевшую синеву.

Текут столетья.

Приходят люди,
в сердцах пинают мои стволы,
трясут сердито пустые ветки,
пила, оскалась, являет клык —
и воплощается в табуретке,
кровати, лавке, резной лошадке
один из помнящих связь времён
до самой первой разбитой грядки.
Но их несчётно в числе моём.

Проходят люди.
А я бессмертен
("... расти над болью, расти и кайся")
Расту.
Надеюсь умилосердить.

Я сад, заброшенный Богом.
Райский.

СМЕРТИ – НЕТ

Пока она тихо спит на твоём плече,
весь мир может быстро и ярко сходить с ума:
готовить Армагеддон или время «Че»
и сыпать в провалы игрушечные дома.
Родятся мессии, пророки прорвутся из,
восстанут, кто призван, и ангелы вострубят,
и станет не страшно после, где верх, где низ,
и станет не важно вовсе, где рай, где ад.

Весь мир кто-то вышний уложит к себе в карман
и вытряхнет с неба остатки от звёздных карт,
и канут в минувшее ночь и седой платан,
и пеплом покроется этот бессонный март.

И ты понимаешь, большой и опасный зверь,
что вся твоя сила там будет равна нулю,
и всё, что ты можешь, шепнуть ей: «Мальш, не верь!
Мы снова прорвёмся – плевать нам на абсолют».
И всё, что осталось – упасть с ней на небеса,
пока ещё есть, куда падать и с кем парить.
Ну, сколько там ваших – два дня или два часа?
Не важно: вы – вместе, и можете их прожить.

И пусть она тихо спит на твоём плече,
а там, за окном, зарождается злой рассвет,
и кем-то достроен в срок дорогой ковчег –
вы оба спасётесь друг другом.

А смерти – нет.

Валерина Ирина

<https://writercenter.ru/profile/germanyuk/whois/>

Художник Губанова Наталья

<http://www.artlib.ru/index.php?id=11&fp=2&uid=9119>





Художник Губанова Наталья

Валерина Ирина

ПЧЁЛЫ

У прадеда были дети. Сначала их было много,
но к возрасту патриарха остались лишь дочь и сын.
У прадеда были пчёлы — он был для них добрым богом,
и часто терялись пчёлы в пространствах его седин.

Младенец, без года ангел, мой брат, вызволял их смело
из дебрей колючих прядей взлохмаченной бороды,
и мама — почти девчонка — тревожилась и немела,
не зная ещё касаний прожорливой пустоты.

А прадед смеялся басом и целовал ладошку,
и пах молоком и мёдом день старшего из мужчин,
но время брело к закату, серело ничейной кошкой
и вышло совсем в итоге к полудню сороковин.

Я видела бы всё это, когда родилась бы прежде,
чем прадед мой лёг на лавку и сделал последний вдох,
но, выждав четыре года, поймал меня частой мрежей
в бездонной пучине света уже не пчелиный бог.

Нет брата, а я осталась — не лучший хранитель рода,
во мне много слов и хлама и мало родной земли,
но видела — шёл мой прадед по мостику над Смородой.
... А может, не шёл он вовсе, а пчёлы его несли?.....

Валерина Ирина

<https://writercenter.ru/profile/germanyuk/whois/>

Художник Губанова Наталья

<http://www.artlib.ru/index.php?id=11&fp=2&uid=9119>



Рассказ стал победителем Весеннего Пролета Фантазии 2018, опубликован в журнале Уральский Следопыт №11, 2018

Плененный ангелами путник

Михалевский Георгий

Горовосходитель — пленённый
ангелами путник,
идуший опасными тропами и
никогда не принадлежащий самому
себе.
М. Хергиани «Тигр скал»

Мелкие лезвия острых льдинок секут кожу, проскальзывая за плотный ворот пуховика. Каждый вдох — как глоток холодного пламени. Каждый шаг — как прыжок в бездну. Ветер прижимает к ледовой скале, норовя столкнуть, опрокинуть, закрутить в вихре холодного снега.

Прислоняюсь к замёрзшему чёрному камню, руки не слушаются, пальцы немеют, а предательский карабин-жумар не держит на обледенелой верёвке. Скользит, звякая. Отказывает, зараза. Кошками вгрызаюсь в лёд и даю себе пять секунд отдыха. Там внизу, на моей страховке, так же сопя и пиная лёд, цепляется за скалу Серёга. Не вижу его сквозь пелену снега, но ощущаю, как колеблется верёвка под тяжестью. Всё нормально, лезет за мной.

Гора стонет под ветром, звенят наши ледорубы, карабины колокольцами поют на поясах. Если ад есть, то он здесь, на высоте шести тысяч метров. Рай, кстати, по этому же адресу. Главное — погодой не ошибиться.

Перецепляю жумар: держит. Лезу дальше, рука-нога-рука... Кошки крошат лёд, не сбросить бы кусок на Серёгу. Иду осторожно, немеющими пальцами перецепляя карабин. Где-то здесь провешены перила, да толку от них: обледенели все. Жумар опять проскальзывает по верёвке. Она леденеет быстрее, чем я успеваю её закрепить.

Останавливаюсь, изо рта вылетает облако пара и замерзает льдинками на веревке. Всё ясно.

Меняю тактику и лезу дальше, выше задвигая зажим. Ветер стал боковым, сметая меня со скалы. Вгрызаюсь в лёд, всеми конечностями прижимаюсь к Горе крепче, чем к любимой. "Держи меня, родная, держи!" — слышит Гора; ветер снова меняет направление, завывая за спиной. Засовываю руку в перчатке за отворот пуховика. Там — тепло, отогреть чуть-чуть и снова — вперёд.

Время растянулось белыми нитями, растворилось в вое метели, рассыпалось звоном на морозе. Не знаю, сколько лезем. Час, два или вечность? Хочется плюнуть на всё и скатиться вниз к базовому лагерю, к теплу и уюту. Но нельзя: в морозной пурге замерзает группа альпинистов, и мы лезем дальше в непогоду, потому что мы — спасатели. До их лагеря ещё сто метров. Всего сто метров по вертикали. А мы за последний час прошли десять. И если так будет мести, оставшиеся девяносто мы будем идти ещё очень долго.

И пока руки и ноги делают своё дело, мысли уносятся вспять по стреле времени.

Всего десять дней назад...

Я встречал первую партию альпинистов и вме-





Художник Лев Елена

сте с ними начальника нашего спасотряда — моего давнего друга Серёгу — для доставки в базовый лагерь. После установки лагеря и беготни с заброской снаряжения по высотам, чувствовал себя вымотанным, и в душе решил никогда больше (в который раз!) не участвовать в основании международного альплагеря. Прибыл для встречи как был, без марафета. Все свои, поймут.

Душанбе плавился от жары, далёкие горы тонули в синем мареве, а мы ждали вертолёт. Бензовоз куда-то запропастился, и нам ничего не оста-

валось, как прятаться в скудную тень полусохшего тополя. Лето выдалось на редкость жарким, засушливым и серым от пыли.

Рюкзаки, брошенные в кучу, ярким пятном горели на бетоне взлетки. Серёга, допивая очередной литр воды, мрачно заявил:

— Сейчас вся наша тушёнка взорвётся. Представь, какой бабах будет?

Чёрт! А ведь да. Не ответив, я пошёл к рюкзакам, вытащил из кучи ярко-красный, потряс... слышу: банки брякают. Парни под тополем дружно заржали,



Проза. Мистика

выкрикивая, что тушёнке именно сотрясения не хватало. Принёс рюкзак в тень, строго заметив:

— Особо умным тушёнка отменяется. Будете на одной овсянке жить.

Угроза вызвала новый приступ веселья, а начспаса уже погрузил руки в рюкзак, перебирая наощупь запасы провизии.

— Норма, — буркнул он. — Говорят, в базовом лагере неплохо кормят, но своё — всяко надёжнее. Да я еще слышал, на Москвина бывают проблема с питанием.

— Ну... смотря, что считать проблемой. Меню у них не ахти, и даже мне за месяц приелось...

— Ага... если даже тебе надоело...

Ребята снова заржали. Ну да, шутники. Ещё долго не забудут, как я вместо сахара привёз на Иныльчек два мешка ячки. Её никто не захотел есть, пришлось самому... под добрую улыбку поварихи тёти Любы и её грудное контральто: "Ешь, соколик, ешь, сильнее станешь".

Пока альпинисты смеялись, начспаса задвинул рюкзак в тень и снова мрачно припал к бутылке с водой. Жара усиливалась по мере того, как солнце вытесняло нас из укорачивающейся тени тополя.

Мне Серёгино настроение не нравилось, а объяснений от друга не дождёшься, пришлось спросить:

— Случилось у тебя что?

— Ольга ушла.

— Чёрт. Когда?

— Ещё осенью. Как только я с Нарына вернулся.

— То есть сразу после того наводнения?

— Ага. Пришёл домой, а она мне вместо приветствия: "Только о себе думаешь, эгоист чёртов, а мы тут места себе не находили, извелись все! Ты бы о сыне подумал!"

Молча смотрю на Серёгу. В тот раз он вытащил из ледяной воды больше двадцати человек. Извлекал из перевернувшегося бусика, на руках нёс до берега. Потом президент ему лично награду вручал. Я по телеку видел, радовался за друга. Звонил, поздравлял. А он ни слова о том, что жена ушла.

— Ну, ты это, держись, старик. Ольга просто сломалась, бывает. Постоянно тряслась за тебя и вот...

— Ничего она не тряслась! Сказала: "Бросай свою дурацкую работу". Понимаешь, да?

— Дурацкую?

— Да, наша с тобой работа в спасотрядах — дурацкая! Никому не нужная, а вот её тупое сидение за компом — гораздо важнее.

Серёга завёлся, я понял: ему надо выговориться, слишком долго молчал, и вот прорвало. Слушал друга и невольно думал: как же так получается? Живут душа в душу, потом одна срывается, а второй ей не уступает. И всё, разбежались. Ведь Ольга знала: нет для Серёги ничего важнее славы крутого спасателя. И не примет он никаких ультиматумов: его работа — его жизнь, а семья — лишь место, где он отдыхает.

Тем временем Серёгин гнев на убыль пошёл. Слова тише стали, голос он понизил и устало сказал:

— Вот такие дела, брат. Я целую неделю пил... потом подумал: а какого рожна из-за неё будут себя губить? Собрался и поехал на базу в Каракол подальше от Ольги, там наша дурацкая работа всю зиму была нужна. А сейчас специально к вам попросился.

— Вот это правильно! Эх! Вспомним и наш Памирский поход, и...

— ...и свободу. Ведь мы с тобой тогда еще студентами были!

Засмеялись, Серега потрепал меня по плечу и хитро подмигнул:

— А заодно посмотрю, как вы так успешно работаете: который сезон самых тяжёлых живыми вытаскиваете. Секретики ваши повыведаю, да-да! Так и знай.

— Ну...тут нет секретов. У нас доктор — легенда.

— Слышал-слышал. Про вашего Дока по всем горам звон идёт. Говорят, рецепты какие-то тайные знает. Людей с пневмонией прям на высоте лечит.

— Именно!

— Вот и посмотрим, поработаем, может, пару рецептов стащу у него.

— А может, и познакомишься с кем-нибудь, — я похлопал друга по спине и улыбнулся.

— Это бы здорово! — Серёга снова подмигнул. — И вообще, — он повернулся и крикнул ребятам: — Давайте, расскажите мне уже что-нибудь смешное из местного!

— А ты про чудика-отшельника слышал? — тут же отозвался кто-то.

Серёга отрицательно качнул головой, и со всех сторон посыпалось:

— Говорят, чудик за горой живёт. Пришёл сам через перевалы. Один! И при этом даже не альпинист.

— Ага, слышал, он поселился в старом лагере, который ещё при Советах был. Медитирует там! Ребята, что зимой ходили, говорили, по ночам пение из хижины идёт и све-е-ет!

— А ещё этот чудака раз ребятам на горе помог, снял "тяжелого".

— И рассказывал, что видел йети, общался с духами, а если пройти траверс пика Сомони и выйти на пик Россия, то откроется дорога в Шамбалу. Вот!

— Карты не попутал ваш чудик? — Серёга неожиданно рассмеялся. — Где Шамбала и где Памир! И если уж траверс на пик Россия с видом на пик Москву, то Китеж-Град откроется, а не Шамбала. А Шамбала через пик Джавахарлала Неру.

— Так это на Иныльчеке! — с хохотом выкрикнул кто-то из ребят.

— Ага, с восхождением на пик Снежного Человека через перевал Трёх Буддистов, — не улыбувшись, добавил начспаса несуществующие горы. Затем кинул взгляд на меня: — А ты что скажешь? Видел чудика?

— Нет. На старую стоянку не ходили. Будет повод прогуляться туда.

Припылил бензовоз. Альпинисты зашевелились, с энтузиазмом разбирая рюкзаки и прикидывая, не затолкали ли далеко тёплые куртки, ведь на леднике холодно. И тут подлетел "фирменный" бус, из которого высыпали три девушки. Парни сразу напряглись, вытянули шеи, настороженно наблюдая: уж не в наш ли вертолёт этот цветник? За командой девчат вышел их руководитель — похожий на старого седого ястреба мужик. Я, невольно улыбувшись, пошёл ему на встречу:

— Саша, сколько лет!

— Паша!

Обнялись. Саша Старых учил меня когда-то вязать узлы на верёвке и делать первые шаги по вертикали. А теперь вот — новых птенцов привёз. Я улыбнулся девушкам, и...

— Павлик?

— Юлька?!

Любовь моя школьная несостоявшаяся... Что ж ты тут делаешь? Три года за одной партией, и портфель до дома таскал, и на деньги, у отца выпрошенные, "колу" покупал. Вот так встреча! В груди тихо ёкнуло давно забытым, щемящим чувством, а губы предательски расплзлись в счастливой улыбке.

Она недоверчиво осмотрела, зацепилась взглядом за небритую щетину, серую футболку и мои убитые в хлам горные кроссовки. Перевела взгляд на свеженького, хорошо экипированного Серёгу, который тоже подошёл с Сашей поздороваться. Заметила любопытные физиономии альпинистов и удивленно спросила:

— Ты что, альпинистом стал?

— Ну... да. Смотрю, ты тоже горами увлеклась. Где уже была?

Серёга с интересом слушал наш разговор, не сводя глаз с вдруг раздумывавшейся Юльки.

— Пока выше четырёх — нигде. Радика же не считается. — Милая ямочка на одной щеке при улыбке, такая знакомая. Надо же, будто вчера всё было. А я ведь думал, что забыл, выкинул вместе с несбывшимися мечтами о тихом счастье и доме с детишками. Но нет: каждый жест угадываю наперёд. Вот склонила голову на бок, смотрит чуть искоса, как в детстве, и добавляет: — Хочу здесь подняться на шесть, ну а дальше как получится. А ты?

Не люблю вот так с ходу рассказывать, не знаю почему. И, пожав плечами, ляпнул:

— Да я просто так, тусуюсь в базовом лагере с ребятами. Идём, вертолёт уже ждёт.

— Просто так тусуешься? Странно, — и взгляд, полный недоумения, который я долго ещё буду помнить.

Порыв ветра прижимает к скале, выдёргивая из воспоминаний. Метель воет как шаман северный, с музыкальным сопровождением и хоровыми подголосками. Жутко. И хоть пуховик не пропускает холод, суеверный ужас заползает за шиворот: слышатся мне странные хоралы в вое ветра.

Жду Серёгу на полке, зацепившись самоотраховкой за "станцию". Отсюда провешены хорошие перила, пойдём быстрее, не тратя время на устанковку креплений-шлямбуров. Хорошо знаю эту полку, она как раз на середине склона, и нам ещё пятьдесят метров вверх, а там по длинному ребру чуть вниз к пещерке с альпинистами. Не будь этого треклятого шквального ветра, мы бы уже давно поднялись. Не хочу думать, как по такой погоде пойдём по гребню и сколько там снега — по пояс или только по колено. Проверяю верёвку: Серёга на месте, сигналил, что живой. Перецепляю жумар и снова вверх по склону, а память — вниз к базовому лагерю.

Ночью в базовом лагере прошёл снег. Утром ребята высыпали играть в снежки, закидывая заспанных девчат мягкими пушистыми комками. После душного и жаркого Душанбе с трудом вери-

Проза. Мистика

лось в снежную сказку и реальность происходящего. словно мир перевернулся, подарив людям Рождество в июле. Могучие каменные исполины сурово смотрели вниз, сдвигая седые брови туч на переносицах хребтов. А на поляне среди желтизны палаток творилось карнавальное разноцветье альпинистских курток, веселье и пестрота лиц.

Юля заглянула в нашу с Серёгой палатку-полубочку:

— Тук-тук! Паша, что ж ты вчера не сказал? Я только сегодня от ребят узнала! Ты серьёзно на все пять семитысячников бывшего Союза поднялся?

— Нет, Юль, я не серьёзно поднимался, а с песнями, танцами и прибаутками.

— Да ну тебя! — она нахмурилась, сложив брови "домиком". — И такому оболтусу дали звание снежного барса! А ведёшь себя, как в школе!

— Да ладно, Юль, я ж пошутил. Конечно, серьёзно поднимался, — вытягиваю лицо и делаю серьёзный вид.

Серёга засмеялся, Юля прыснула:

— Шут! — Затем посмотрела с любопытством на нашего начспаса: — А вы? Мне сказали, вы тоже барс.

Серёга широко улыбнулся:

— Не просто барс, а зимний. Вот так, барышня.

В её карих глазах вспыхнуло восхищение:

— Зимой поднимались? Вот это да... Расскажите?

— Конечно. А вы уже завтракали?

Лицо Серёги вдруг стало мягким и слегка растерянным. Заметив это и улыбнувшись, я быстро выбрался из палатки на звенящий чистый воздух. И рад вроде за друга, видно ведь, что девушка ему понравилась. И в то же время щемит сердце старым чувством, не отпускает. Потерял Юльку по глупости, не был серьезен, все шутил не к месту. И продолжаю то же делать! Увидел Юльку, и крышу снесло. Дурацкое желание рассмешить, чтоб вызвать искры в глазах. Вот какого чёрта такую чушь спорол про "серьёзно поднимался"? Но ведь она рассмеялась.

И от этого хорошо так на душе стало, светло. Захлестнуло ощущение счастья, которым хочется поделиться со всеми, дать каждому, подарить всему миру или просто видеть, как оно цветёт в Юлькиных глазах.

Пусть лучше Серёга без моих прибауток расскажет о дымящих снегом вершинах, замёрзших речках и остекленевших водопадах; санках, которые зачастую тащили на себе, вместо того чтобы катиться в них. И о том, что лишь зимой видно с Победы пустыню Такла-Макан, желтеющую на гори-

зонте. Только пусть не рассказывает, как его, полумёрзшего, из трещины я еле выволок. Зачем настроение девушке портить?

А через два дня в целях акклиматизации мы бодро вели сборную группу альпинистов к истокам ледника Фортамбек на старую стоянку.

Никакой надобности в присутствии сразу двух спасателей в этом походе не было. То, что Серёгу и Юльку потянуло друг к другу, заметили уже все и лишь улыбались. А я просто хотел видеть ее словно в последний раз перед большой разлукой. Не сказал Юльке, что не женат. Ведь пришлось бы объясняться: не могу ее забыть, всё ещё люблю и всё такое... Зачем? Вон как она смотрит на Серёгу! Он — герой, и не только в её глазах.

Но чёрт возьми! Так хотелось, чтоб она заметила: "барсов", вообще-то, в отряде — двое.

Ледник зиял трещинами, осыпался щебнистой крошкой и вздымался перед нами айсбергами древнего льда, который ещё мамонтов помнил. Саша Старых отлично вёл группу. Юльке несказанно повезло, что он был их руководителем. С таким руководителем можно, не дрогнув, с нуля на Эверест идти. И вот мы из-за зубцов нерастаившего льда вышли к старой стоянке.

Хижина — на месте, в стороне сложены зачем-то рельсы. Кто их сюда на четыре тысячи метров доставил и зачем — тайна великая. В базовом лагере ребята уже легенд девушкам понарасказывали про чудика, что тут живет. Про то, что собаки тут лают просто на воздух, по ночам вытьё слышно и пение из хижины. Все эти байки начались с зимнего восхождения на пик Сомони российских альпинистов. Что им привиделось под завывание ветра — неизвестно, но истории получились занятные.

Не доходя до хижины, скинули рюкзаки. Наконец-то немного зелени и отсутствие льда, можно постоять, полюбоваться каменной стеной, почти отвесно поднимающейся над поляной, и ниспадающим с неё ледником Трамплинным. Вдалеке, за ледником, величественно сверкала шапка пика Исмаила Сомони. Спокойствие разлито в воздухе, чуть слышно дует ветер, слегка шелестя в ушах. И вдруг отдалённый грохот — лавина сошла где-то на Трамплинным.

Саша Старых посмотрел на хижину:

— Паш, сходил бы посмотрел, можно ли там переночевать.

Пока шёл к хижине, думал: не похожа она на обитаемую. Что-то напутали с отшельником в

горах. Подошёл ближе: ну так и есть! Дверная ручка прикручена к ушку на косяке стальным тросом. Такой аккуратно свитой петлёй, что я невольно задумался о недюжинной силе рук, это сделавших. Кусачек у меня с собой не было, и заметив, что окно давно выбито, я решил влезть в хижину через него.

Пролез. Внутри — чисто и прибрано. Газовый баллон, двухкомфорная плитка, сверкающая алюминиевая чашка на старом столе, какие-то вещи, аккуратно сложенные в углу... Скамья, стул... Огромный баннер "Ред Фокс" прикреплен на стенке. Странно. Значит, тут живёт кто-то?

Выбрался наружу; наши ждут меня, встав полукольцом. Доложил:

— Она точно обитаемая. Хозяин через окно ходит, гостей, видно, не ждал.

— Ну тогда лагерь разбираем, — чуть заметно улыбнулся Саша, — может быть, придёт ваш отшельник, поговорим с ним о пути в Шамбалу. Где он её тут видел?

При слове "Шамбала" я вдруг ощутил холодок, пробежавший по спине. Оглянулся, и показалось, будто Трамплинный и есть ворота эти... белые, сверкающие, зовущие в неизвестность.

Отшельник не появился. И мы, пошутив немало по этому поводу, разбрелись по палаткам спать. Посреди ночи меня разбудил странный звук. Пение? Что-то протяжное и тоскливое висело в воздухе. Вылез из спальника, прислушался. Воет. Ветер? Но стены палатки даже не трепетали. Выходить вдруг резко расхотелось. Проснулся Серёга. Молча сидели и слушали странное пение, наконец, решили выйти наружу.

В воздухе — небольшая горная тяга, свежесть. Хорошо. И никакого воя. Повернулся в сторону хижины и вздрогнул: в окнах свет. Переглянулись с Серёгой и бегом туда. Заглядываем бесцеремонно в окно: никого. Старая керосиновая лампа стоит на столике и ярко светит. Я аж перекрестился, но видение не исчезло. Серёга отпрянул от окна, тихо прошептал:

— Вышел, наверное, куда-то. Давай подождём.

Сели под стеной, рассматривая призрачный белый пейзаж вокруг. Холодно сидеть не двигаешься. Встали, потопали ногами. Снова оглянулись на окно и остолбенели: рамы застеклены! Серёга потянул меня за рукав:

— Идём отсюда.

А я отмахнулся и пошёл к двери. Так и есть! Никакого троса на ручке, и дверь слегка при-

открыта. Постучался. Тишина. Рванул дверь на себя, широко распахивая. В хижине темно, ничего не видно, и вдруг голос:

— Заходи, негоже стоять на пороге и холод в дом пускать.

— Извините, — зашёл внутрь, захлопнул за собой дверь.

В темноте — чирканье спичек, искра, и вот старая керосиновая лампа вновь загорелась мягким жёлтым светом.

Отшельник — неопределённого возраста бородатый человек в заношенной куртке и потёртых джинсах — любезно кивнул мне, указывая на колченогий стул. В хижине тепло, хотя печка не топилась, пахло чаем с душицей. Я уселся на стул и для начала решил улыбнуться:

— Доброй ночи. А ведь я, честно, не верил в байки про вас.

— Знаю, Павел, знаю. Чай будешь?

— Откуда знаете моё имя?

Отшельник улыбнулся, по-доброму так, но с ответом не торопился. Поэтому, расстегнув ставшую уже жаркой куртку, я осторожно спросил:

— Ну а вас как звать?

— Бхикшу.

Я кивнул, собираясь спросить, давно ли он тут поселился, но Бхикшу опередил меня:

— Ты сегодня видел что-то?

— Не совсем понял вопрос. Вы о чём, собственно? Он помрачнел:

— Тогда ты рано сюда пришёл. Или я ошибся. Уходи.

— Погодите, — мне показалось, что знаю, о чём он спросил, — я видел.

Испытующий взгляд друг на друга, реальность качнулась, и мне открылся светлый город, отражающийся в зрачках Бхикшу.

Когда наваждение рассеялось, то оказалось, что мы сидим с Серёгой под стеной хижины. Серёга спал. Я толкнул его в бок и поднялся на ноги. В хижине не было никакого света, окно по-прежнему выбито, а дверь закручена стальным тросом.

— Паш, да мы никак уснули? — Серёга подошёл со мной к двери, потоптался. — Идём назад, холодно тут.

Наутро я, конечно, рассказал всем, что было. Девчата от души веселились, а Серёга утверждал, что мне всё приснилось. Юлька, грея руки о кружку с чаем, смотрела со смешинками в глазах:

— Как тебе всё это в голову пришло? Как, говоришь, хозяина зовут?



Проза. Мистика

— Бхикшу.

Все снова рассмеялись. Лишь Саша Старых тихо сказал:

— Это не имя. По-моему, так называют тибетских монахов какой-то там стадии посвящения.

— Поправочка, — вырвалось у меня, — это папирский монах, а не тибетский!

В награду я получил тумак от поперхнувшегося чаем Серёги.

Возвращались в базовый лагерь весёлые и довольные походом. Погода всё время баловала нас, смартфоны девчат ломались от синеющих панорам ледника и улыбок на фоне белых гор. За четыре дня похода Серёга и Юлька прочно прикипели друг к другу. Стоило одному открыть рот, как вторая продолжала его мысль. Синхронно смеялись и многозначительно понимающе молчали, сидя на камне, прижавшись спинами друг к другу. И теперь я видел то самое счастье в Юлькиных глазах, которого всегда желал ей. Непривычная грустная радость поселилась во мне, наполняя дни созерцанием горных вершин и воспоминаниями школьных лет.

Уже на подходе к базе нас вызвал комендант лагеря. Оказалось, двое коммерческих альпинистов без подготовки решили идти на гору. Одному стало плохо, второй — молодец — решил его спускать, но сами не справляются. Спасатели Док и Леха вышли на помощь.

Серёга призадумался, потом с сожалением ответил:

— Мы не успеем. Далеко ещё. Пошлите кого-нибудь.

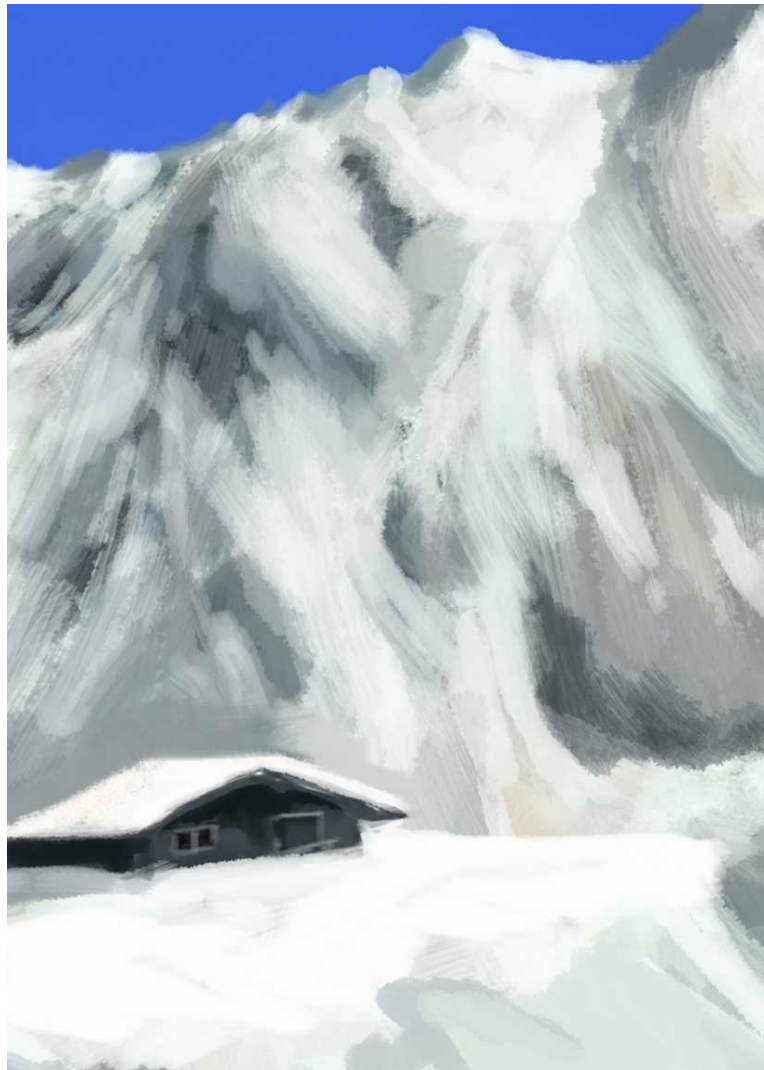
— Там некому, все ж без акклиматизации. — Я забрал у начспаса рацию, — база, это Павел. Скажите ребятам, скоро буду.

— Принято, Паш. Ждём. Конец связи.

Я скинул рюкзак, вручил Серёге, а сам короткой тропой рванул к ребятам, минуя лагерь. Для того то мы заранее и прибыли, чтоб быть акклиматизированными на случай таких казусов.

Догнать Леху и Дока не получилось, но я встретил их, когда они тащили безвольное тело вниз. Второй альпинист угрюмо брёл позади, нагруженный двумя рюкзаками. То и дело спотыкался, останавливался, шатаясь, и героически шёл дальше. Кажется, я вовремя. Забрал у него рюкзаки, и потопали вниз. Никогда не переведутся на свете самонадеянные люди, рискнувшие пошутить с горами.

Интересно, что на этот раз загадали Леха и Док?



Художник Лев Елена

За каждого "тяжёлого" они давали какой-нибудь обет. Док, когда пришёл к нам зелёным выпускником медакадемии, курил по пачке в день и чуть не получил кличку "Паровоз". В первой же спасоперации, придерживая за голову умирающего, покрытого инеем альпиниста, он поклялся: если тот выживет, Док бросит курить. Альпинист выжил, Док сдержал слово — не курит. Потом они с Лехой зареклись не пить. Опять же получилось. Никаких отменчалонок и по "пять капель". Только чай и кофе.

Что только не обещали в обмен на жизнь спасаемого! Три года не менять место работы, отказаться от восхождения на вершину, не материться...

Помню, однажды Док сказал:

— Я отдал за них всё. У меня ничего больше нет. И в следующий раз не знаю, что дать судьбе в обмен.

— Может, свечку в церкви? — неуверенно предложил Леха.

— Может...

С тех пор они приходили после сезона в первую же церквушку и ставили свечки пачками. Потом и я с ними, когда кончилась фантазия на обеты.

Серёга пока не знал о нашем командном обычае. То-то удивится!

Мы молча шли по склону, менялись. Тащили безвольную "тушку" вниз. Док время от времени проверял состояние больного, пару раз вколол поддерживающее, но это мало помогало. Наш альпинист был в полубоморочном состоянии со всеми признаками сердечной недостаточности. На очередном передыхе я увидел: нас кто-то догоняет сверху с горы. Там же никого нет, эти двое — первые! Связался по радиации с базой, оттуда подтвердили: на горе никого кроме нас. Что за ерунда? Незнакомец ходко спускался, видно, что человек привычный, бывалый. И вот подошёл ближе... Я глазам не поверил: отшельник Бхикшу. Остановился, посмотрел на горемыку, которого мы спустили, и спокойно так:

— Нормально, жить будет. Давайте помогу.

— От помощи не откажемся. Спасибо.

Бхикшу улыбнулся, развёл руки в стороны, закинул голову к небу и тихо что-то зашептал. Я смотрел на него, ощущая, как усталость проходит, уступая место бодрости. С удивлением осмотрел себя, ожидая увидеть вливающуюся энергию, но нет: чудо невидимо. А отшельник тем временем подошёл к больному, коснулся рукой его лба, словно температуру проверил. И неживое лицо альпиниста тут же стремительно набрало здоровый розоватый оттенок. Веки дрогнули, он открыл глаза, зашевелился, сел на снегу, повертел головой и... вскочил на ноги:

— Ребят, спасибо, я сам до лагеря уже.

Док потянул его вниз:

— А ну, не горячись. Погоди! — Осмотрел, щупал пульс, задал пару вопросов и, слегка опешив, повернулся ко мне. — Слышь, он здоров как бык... Как это?

Мы оторопело смотрели друг на друга и на Бхикшу. Тот улыбнулся, потрепал Дока по плечу:

— Я же слышал, что вам платить больше нечем.

— И исчез, будто не было его.

— Он что — Бог? — был первый вопрос Дока.

— Не знаю. — Я смотрел на то место, где секунду назад стоял отшельник, и понимал, что ничего не понимаю. — Ладно, ребята, идём вниз. И это... вертолёт отменить надо.

Три последующих дня весь лагерь переспрашивал у нас подробности этой истории. Юлька кру-

тилась вокруг меня, заглядывала в глаза и слушала в который раз, как всё было. Потом выдала:

— Серёга сказал, что вы всегда всех спасаете. И ваш отряд самый надёжный. Представляешь? Так и сказал: "Я Паше не думая жизнь доверю!" А это правда, что ты его из трещины вытащил? И ты, выходит, тоже зимний барс. Да?

Вопросы сыпались один за другим. Ей всё было интересно и всё надо было знать. Я не ожидал оказаться в центре внимания и по своей идиотской привычке отшучивался на половину вопросов. А глаза Юльки светились восторгом. Она восхищённо рассматривала меня, будто впервые увидела. Носилась между мной и Серёгой, и я уже не знал, кто из нас двоих ей нравится больше. Вот ведь женщины!

Пару раз наши с Серёгой взгляды скрещивались поверх Юлькиной головы, и я поспешно отворачивался, уходя от немого разговора.

Вечером в палатке, пакуясь в спальник, начспаса недовольно буркнул:

— Ты что творишь, а?

И вдруг я осознал, что мне очень трудно ответить. Прекрасно понял, к чему вопрос, но слова не шли, застряв где-то между совестью и эгоизмом. Видя, как оттаял от своего развода Серёга, и вспоминая поход по леднику, понимал: я должен засунуть свои школьные мечты куда подальше. В конце концов, чего мы хотим для друзей и любимых? Счастья! И оно было с избытком у Серёги и Юльки. И я никогда не смогу сделать её такой же счастливой, как бы ни мечтал об обратном.

Серёга, не дождавшись ответа, что-то зло буркнул, выключил лампочку, послышалось вжиканье "молнии" спальника.

— Погоди. Ты не так понял. — Я решил, что надо сказать, ради Юльки, себя и Серёги. — Мы с ней просто одноклассники. Понимаешь?

— Одноклассники, значит? — тут же откликнулся начспаса.

— Да. И прекращай дурака валять. Не со мной она на Фортамбеке слушала песню гор. С тобой.

Серёга шумно выдохнул, сел. И я скорее ощутил, чем услышал, как он открыл рот для резкого ответа, но... вместо слов палатку наполнила тишина, которая всегда звучала между нами на заснеженных склонах, над пропастями, над протянутой другом рукой.

За тонкими стенками палатки дышали горы. Чуть дрожала земля, ветер шептался с тентом, а мы молчали, вращая в такую привычную неспокойную тишину. Где-то далеко прогрехотал камнепад, раскатистым эхом отразившись от гор и нарушив наше молчание.



Проза. Мистика

— Завтра у всех выходы на маршруты. — Серёга зевнул и буднично добавил: — Ты эти горы лучше знаешь, так что буду ориентироваться на тебя. Окей?

— Окей.

— Ну, давай спать уже, а то завтра рано вставать.

Серёга упаковался в спальник, а я улыбнулся в темноту. Хорошо решать чужие проблемы! Кто бы мои решил.

На следующий день первые команды двигались по горе к промежуточным лагерям и при каждой радиосвязи справлялись: как там отшельник, не появлялся? Не исцелил ли ещё кого-нибудь? Может, ещё какое чудо явил? Шутники.

Наши девчата тоже ушли вверх на свой шеститысячник, а с ними — к тихой ярости Сергея — два улыбчивых испанца. Погода радовала: в синем безоблачном небе сверкали манящие пики. С Корженевской и Сомони развевались снежные "флаги", словно горы дымили. Мы в лагере ставили булавки на карте, отмечая, где какая команда. От базы маршруты шли не только на пики Сомони и Корженевскую, но и на горы пониже, коих в изобилии вокруг лагеря.

Серёга хмурился:

— Смотри, сколько людей на горах. А нас всего четверо. Не дай Бог...

— А ты не каркай, — строго оборвал его Леха, — и так первый поднимавшийся оказался первым же пострадавшим. Нехорошо это.

— А что ещё хуже, нам просто так помог этот Бхикшу, мы даже зарок не давали, а он... — Док махнул рукой и уставился на карту.

Серёга молчал пару секунд и вдруг:

— Какой зарок?

Мы переглянулись, но ни один из нас не торопился рассказывать. Начспаса вопросительно смотрел на меня, требовательно так, будто я самый знающий. Пришлось ему выложить про наш обычай, введённый Доком. Я ждал какой угодно реакции, но не той, что последовала:

— Ах вы, сукины дети! Вот почему у вас нет леталок! Вашу ж...

Док и Леха заткнули уши. Они ж обет давали не материться. Серёга осёкся, улыбнулся:

— Хм. Не выражаться, помню. Теперь я с вами, моя очередь зарок давать. И надеюсь, что не понадобится!

Вечером следующего дня с метеостанции пришла тревожная информация: на нас идёт шторм. И через сорок шесть часов он будет здесь. Комен-

дант, тихо ругнувшись, — не могли раньше сообщить? — сел за рацию. Сакраментальное: "Всем с горы!" — полетело в эфир. Начались обычные пререкания с командами.

А я мерил карту пальцами и кусал губы. Девчата ушли достаточно высоко и далеко от лагеря. Провизии на "переждать" у них хватит, но на подъём — нет. И на ту гору мы не делали дополнительных забросок: не планировали, что кто-то на неё пойдёт. Саша Старых, услышав новость о шторме, решил немедленно поворачивать назад. И сообщил, что испанцы, обогнав их, ушли выше. Сколько комендант лагеря ни пытался вызвать испанцев, ответа не было.

Потянулись тревожные часы ожидания. Все команды пошли вниз. Оказаться в шторме на высоте не хотелось никому.

К концу дня внезапно вышел на связь Саша Старых и сообщил, что у испанцев беда. Один неудачно упал и сломал ногу. Второй — догнал группу девчат и попросил помощи.

Сергей взял рацию:

— Саша. Это Сергей. Спускайтесь. А мы идём к испанцам.

— Сергей, ты понимаешь, что вам нужно дня два, чтоб подняться? В аккурат к шторму. С ума сошёл?

— Поднимемся за сутки. Спускайтесь! Как понял?

— Понял. Но спуститься не могу. Испанцы погибнут. Попробуем снять своими силами.

Вот так... Девчата будут снимать с горы здорового двухметрового испанца.

Ещё минут пять Сергей и Саша препирались. Кончилось тем, что Саша принял решение: девушек отправить вниз под командой Юльки, а самому с испанцем идти в верхний лагерь.

Я хорошо знал те склоны. Прикинул расстояние и сложность, результат не обрадовал: шторм накроет всех троих на высоте выше шести тысяч. Тихо сказал Серёге об этом и добавил:

— Выходим сейчас. Или потом будет поздно.

— Чёрт! — Сергей прошёлся по палатке. — Вот какого хрена бежать с такой скоростью по горе? Давайте трезво смотреть: мы успеем туда за сутки? Команды поднимались четыре дня.

— Там провешены хорошие перила, — уверенно заявил Леха, — если пойдём по ним, успеем.

— Тогда выдвигаемся!

На гору мы уходили уже в ночь. Первые высоты преодолели ходко; учитывая наш темп, должны были успеть снять испанца до шторма. Утром нас огорошила первая новость: шторм усилился и на-

кроет гору значительно раньше. А ещё через пару часов мы встретились с девочками, которые быстро спускались.

Юльки с ними не было.

С карниза падает мягкий ком снега, завалив голову и руки, оборвав мои воспоминания. Перецепляю жумар. Белая пыль вихрями пляшет перед глазами. Снег летит снизу, подбрасываемый ветром, вьётся над скальным ребром, осыпая меня холодными искрами. Выбираюсь на карниз, перелезая через ледовый барьер. Добрался! Мы прошли отметку шесть тысяч триста. Дышать тяжело, да ещё ветер забирает без того скудные запасы кислорода. По ребру метёт снег, унося реальность в облако тумана. Помогаю выбраться Серёге с его тяжёлым рюкзаком, ждём вторую связку: Дока и Леху. А вот и они. Ветер прижимает книзу; отходим, согнувшись, от края ребра. Снег лежит рыхлый, глубокий по колено. Меняемся с Серёгой местами, теперь мне нести рюкзак, а ему — протаптывать дорогу: "тропить". Он уходит вперёд налегке, у него лишь вода и небольшой кислородный баллончик на всякий случай. Иду, проваливаясь в его следы, ребята — за мной. Мысленно говорю Юльке: "Держись там, коза! Мы уже близко с горячим чаем и дексаметазоном". Надо ж было ей надумать вернуться! Решила, что мужики без неё не справятся. Теперь сидят все в ледовой пещере, и последнее, что мы знаем: у Саши Старых начался грудной кашель.

Кажется, ветер стихает. Снег падает мягко и ровно, мы идём в густом снегопаде. Странное ощущение под ногами, нехорошее, будто наступаю на снег не в полную силу. Не успеваю просигнализировать Серёге, как склон впереди меня уходит. Синие трещины стремительно чертят белое полотно, на котором маячит одинокая фигурка начспаса... Лавина! Быстрый разворот, взмах ледорубом. Рывок верёвки сбивает с ног, отбрасывает назад и вниз. Зарубаюсь, лечу по снегу в облаке снежной пыли на остро-рваный край обрыва. Толчок! Темляк впивается в руку, замёрзшие пальцы едва не выпускают рукоятку. Ледоруб зацепился, наконец-то! Я, дёрнувшись, завис на склоне, распластавшись как лягушка. Белый вал рокочущим чудищем катится рядом, обдавая комками снега, и с глухим уханьем падает в пропасть позади меня. Ощущаю рывок серегинной верёвки и резкую отдачу. Срыв?

Оглядываюсь на острое скальное ребро: верёвка

свободно лежит на нём. Чёрт, да её ж об камни обрезало! Встаю, скользя и спотыкаясь, иду к скалам. Ребята нагоняют. Стоим, смотрим в белое бездонье метели — туда, где бесследно исчез наш Серёга.

Я знаю этот склон: тут пропасть метров триста — триста пятьдесят. А внизу — скалы. Голые острые скалы. До сознания медленно доходит, что Серёги больше нет. Но сердце отказывается верить. Словно бездушный робот, включаю рацию и связываюсь с базой. Говорю им. Они переспрашивают. И мне опять и опять приходится повторять:

— Сергей погиб. Как поняли, база? Подтвердите.

Слова страшные, лаконичные висят в воздухе: "Лавина", — "срыв", — "идём дальше". В голове бьётся пульсом мысль: "Как я Юльке скажу?"

Отходим от обрыва, и тут меня накрывает. Валиюсь на колени в снег: две минуты дайте мне! Всего две минуты, проститься с бездонной пустотой за краем скалы. Док и Леха переглядываются и опускаются в снег рядом со мной. Молчим.

Снегопад закончился, последние снежинки летят в пропасть, куда унесла лавина Серёгу. И вдруг облака расходятся, открывая закат. Склон Горы заливается красным сверкающим светом, жёлтые искры кружат в морозном воздухе. Поднимаюсь на ноги, вглядываясь в полыхающее солнце, и вдруг кажется, что Серёга зовёт на помощь, как тогда, на зимней Победе, когда он в трещину провалился. Трясу головой, вслушиваюсь в разгорающийся закат. Нет, конечно не может быть. Но мысленно клянусь: "Я вернусь за тобой, Серёга, обещаю".

Док неуверенно трогает меня за плечо. За зеркальными стёклами не видно глаз, но ощущаю виноватый, растерянный взгляд.

— Что делать будем, Паш?

— Идём, — машу рукой в сторону затянутого облаками пика, — мы нужны там. Я иду первым, вы — за мной. Аптечку берегите.

Растягиваемся цепочкой по склону и упрямо бредём по снегу к замерзающему в облаках лагерю.

Темнеет. В облаке, накрывшем гору, почти ничего не видно. Мы успели за сутки, теперь бы разыскать в тумане вход в пещерку. А вот и жёлтый яркий язык флажка мечется на ветру, отражая свет фонариков. Спускаемся на четвереньках. В пещерке просторно. Прошлым сезоном, когда здесь много постояльцев было, её хорошо расширили. Включаю походный фонарь. Свет выхватывает неподвижные тела, кое-где присыпанные снегом, разбросанные рюкзаки, скорчившуюся у стенки человеческую фигуру. Это ж Юлькина

Проза. Мистика

куртка! Кидаюсь, трясую её за плечо. Лицо у неё синее, иней на бровях. Док и Леха тормозят мужиков. Из ярких капюшонов на нас выглядывают неподвижные холодные лица.

Такого не может быть. Не могли они замёрзнуть в пещерке! Секунда, две... оторопь проходит. Док снова наклоняется над испанцем, засовывает руку ему за ворот, щупает пульс на шее.

— Живой! Братцы, они живые, перемёрзли просто. Давайте...

Я снова к Юльке; она открывает заиндеветшие ресницы, смотрит, хлопая глазами, ничего не понимает. Испанец, еле шевелясь, поднимается, что-то лопочет по-своему. Второй тоже очухался.

Аромат горячего чая взвился над термосами, захрустели обёртки сникерсов. На замёрзших лицах такие же замёрзшие улыбки. Юлька шепчет:

— Спасибо, — и впивается зубами в застывший коричневый шоколад.

Мужики захлюпали носами — оттаяли, закашлялись. Со свистом втягивают в себя горячий чай.

Пытаюсь расшевелить Сашу Старых. Реакции нет. Глубокая до черноты синева вокруг глаз и иней на щеках наводят на плохие мысли. Док открывает его глаза, светит в них фонариком, щупает пульс... Опускает руку и отрицательно качает головой.

Мы не успели.

Высота взяла своё, и сердце Саши отказало. Видимо, перенапрягся, таща испанца до пещерки. Юлька сбивчиво рассказывает про то, что Саша кашлял... а потом, потом все просто погрузились в тяжёлое высокогорное забытье. У них даже сил не было достать спальники и залезть в них.

Док хмуро раскрывает свой увесистый рюкзак, извлекает таблетки, ампулы и шприцы, сейчас накачает всех. Нельзя оставаться им в таком состоянии на высоте. Но смогут ли идти вниз?

Выхожу из пещерки на склон. Белая мгла обступает со всех сторон. Идёт снег. Снова! Мы не можем спускаться в таком снегопаде троих еле живых людей, да ещё у одного — поломанная нога. Док выходит за мной:

— Паш, тут такое дело.

— Говори.

— У Юльки началась рвота. Похоже — отёк мозга.

— Да ну! — резко поворачиваюсь и смотрю на Дока. — Дексаметазон?

— Вколлот, конечно, четыре кубика. Но... кислород мы потеряли вместе с Серёгой. Надо срочно всех вести вниз.

Иначе...

Мысли лихорадочно мечутся. Такого провала у нас не было ни разу. Мы все тут останемся. Все до единого! Чтобы спустить покалеченного испанца, нужны четыре человека. Чтобы спустить Юльку — нужны ещё четверо. Чтобы забрать тело Саши, нужно ещё двоих... А нас — всего трое. Ладно, там ещё полуживой вымотанный испанец, который сбегал накануне вверх-вниз два раза. Док похлопал меня по плечу и ушёл в пещерку.

Стою на морозе. По ощущениям градусов тридцать ниже нуля. Хорошо, нет сильного ветра. Думаю... Ничего не могу придумать. Включаю рацию, вызываю базу. Слегка трещит эфир. Голос коменданта врывается ликующим тенором:

— Паша, слава Богу! Ну что там? Как они?

Рассказываю, что потеряли Сашу, что Юлька на грани, что живым мы, похоже, приведём только покалеченного испанца, он лучше всех себя чувствует. Нам нужна помощь. Спасотряд вызывает помощь из лагеря.

— Мы приплём, как только будут люди. Держитесь! Пока первые спустившиеся ещё только во втором лагере.

Во втором лагере! Уставшие от быстрого спуска и толком не акклиматизированные. Будить этих людей сейчас и гнать к нам на высоту — это убить их.

— Мы справимся!

— Понял, Паша. Пришлю людей, но только утром.

Выключаю рацию. Утром они выйдут из лагеря и будут идти до нас ещё сутки, если смогут держать тот же темп, какой держали мы, что вряд ли, ведь шторм их встретит значительно ниже, чем нас. До окончания непогоды ещё три дня, если синоптики не врут.

Смотрю перед собой. Да, у меня так же, как и у Дока с Лёшей, больше нечего предложить в обмен на три жизни. Свечку? Свечку, да? Усмехаюсь. Мы так высоко: на шести с половиной тысячах метров. Небо — рядом, ближе, чем земля. Мы за чертой жизни. Здесь уже никто не живёт, если не считать смешных микроскопических тихоходок. Но я их никогда не видел. Странные мысли лезут в голову на высоте. Вот причём тут тихоходки? Отрешённость и пустота в душе. И один вопрос: "Зачем?"

Стряхиваю оцепенение. Это просто шок. Пройдёт. Стискиваю зубы. Не в первый раз я залез так высоко, а вместо жизни принёс вниз завёрнутый в тент труп. Такое бывает, что мы опаздываем, но я говорю: "Нет, не в этот раз!"

У меня остался только я сам. Смотрю вверх, на падающий в темноте снег; небо так близко — ру-

кой достать. Если приведём их живыми, я готов на всё. И вспоминаются слова: "В руки Твои отдаю душу мою". Склоняю голову покорно, и ветер стихает. Снег повисает недвижно в воздухе, мгновение растягивается в вечность... и чудится мне, что слышу ответ небес.

— Паша! — Леха вылетает из пещерки. — Пашка, Саша очухался. Живооой!

Вздрагиваю, лезем в пещерку, Саша уже пытается чай пить, держа кружку скрюченными, еле шевелящимися руками. Юлька с вымученной улыбкой помогает ему, оглядывается на меня и спрашивает:

— А Серёжа где?

Вопрос, которого я боялся больше всего. Вот как ей скажу? Кашляю, поперхнувшись своей мыслью, отвечаю:

— Он внизу... остался.

— А, — она смотрит задумчиво и снова переводит взгляд на Сашу, помогает ему держать кружку, — внизу? А... Координирует по рации? Он же у вас начальник. — Слабая улыбка и надежда в глазах.

— Да, координирует, — эхом отзывается Леха.

Достаю батончик милки вэй — любимый Юлькин со школы — и протягиваю ей:

— Для тебя, от Серёги.

Она хватая свободной рукой, расцветает:

— Спасибо!

Я молча улыбаюсь, пусть не знает, что не от Серёги это, а от меня. Кто ж ещё в отряде может знать её школьные привычки?

В пещерке тесно. Мы уже надышали, со свода падают капли. Окидываю спасотряд взглядом: Леха и Док выглядят не лучше тех, кого спасаем. Распикиваю рюкзаки, бодро говорю, что будем ночевать здесь. Пойдём завтра утром. Док кивает: медикаментов хватит продержаться до утра. Колоть будет при необходимости Юльке каждые два часа, да и таблетки кое-какие есть.

Усаживаюсь в уголок и только тут понимаю, что внутри всё дрожит от бухающего сердца, а желудок сводит. Мы же сутки не спали, шли без остановки. Достаю плитку чёрного шоколада и вгрызаюсь в него под судороги в голодном желудке. Леха и Док тоже падают где пришлось. Пьют чай, грызут батончики. Концентраты и заветную тушёнку доставать нет ни сил, ни времени. Саша Старых дышит тяжело, но пытается улыбнуться. Молодец мужик.

В пещерку кто-то влезает на четвереньках. Пар мешаает рассмотреть — кто. Я забыл про шоколад, увидев старую поношенную куртку. Слишком хорошо её знаю, куртку эту. Бхикшу.

Отшельник усаживается и спокойно так:

— Здоров, мужики! И вам, леди, наше с кисточкой. Чайку не нальёте?

Леха и Док сидят с разинутыми ртами. Наливаю чай, протягиваю отшельнику, смотрим в глаза друг другу. И снова вижу там далёкий манящий город.

Бхикшу шумно пьёт, шмыгает носом, широко улыбается:

— Спасателей вызывали?

— Ангелов вызывали, — невольно улыбаюсь ему в ответ.

Он кивает, окидывает нас взглядом, каждому что-то доброе говорит. Мне уже не важно — что, просто ощущаю нечеловеческую силу и уверенность, исходящую от этого... отшельника, и понимаю: мы спасены.

Он душевно улыбается и снова разводит руки, как тогда на склоне. Голову запрокидывает к заледеневшему своду, замирает... Станный гул наполняет пещерку. Своды куврыкаются над нами, вихрями взлетает снег, мелькают звёзды. Мимолётное ощущение пустоты и полёта. Падение в чёрно-синюю бездну. Всего миг, который даже толком не зафиксировали глаза, и вот мы перед палатками базового лагеря. Сидим точно так же, как сидели в пещерке, а сверху падают наши рюкзаки, шлёпаясь, как лежали.

Я даже шоколад из руки не уронил. Несколько мгновений смотрим по сторонам и друг на друга. Потом начинаем смеяться от счастья. Выкрикивать какие-то бессвязные "спасибо" в адрес отшельника, неба, Бога и судьбы.

Встаю и иду в палатку радиосвязи. Комендант лагеря дремлет, навалившись на стол. Рядом так же прикорнул наш повар. Рация стоит включённой, ждёт вызова. Кашлянув, чтоб не испугать их, здороваюсь. Комендант трясёт головой, смотрит на меня недоумённо:

— А сколько времени?

— Не знаю, ночь. Помогите дотащить до медпалатки испанца.

Ребята выходят, помогают с испанцем, потом с Сашей. Наконец до коменданта доходит:

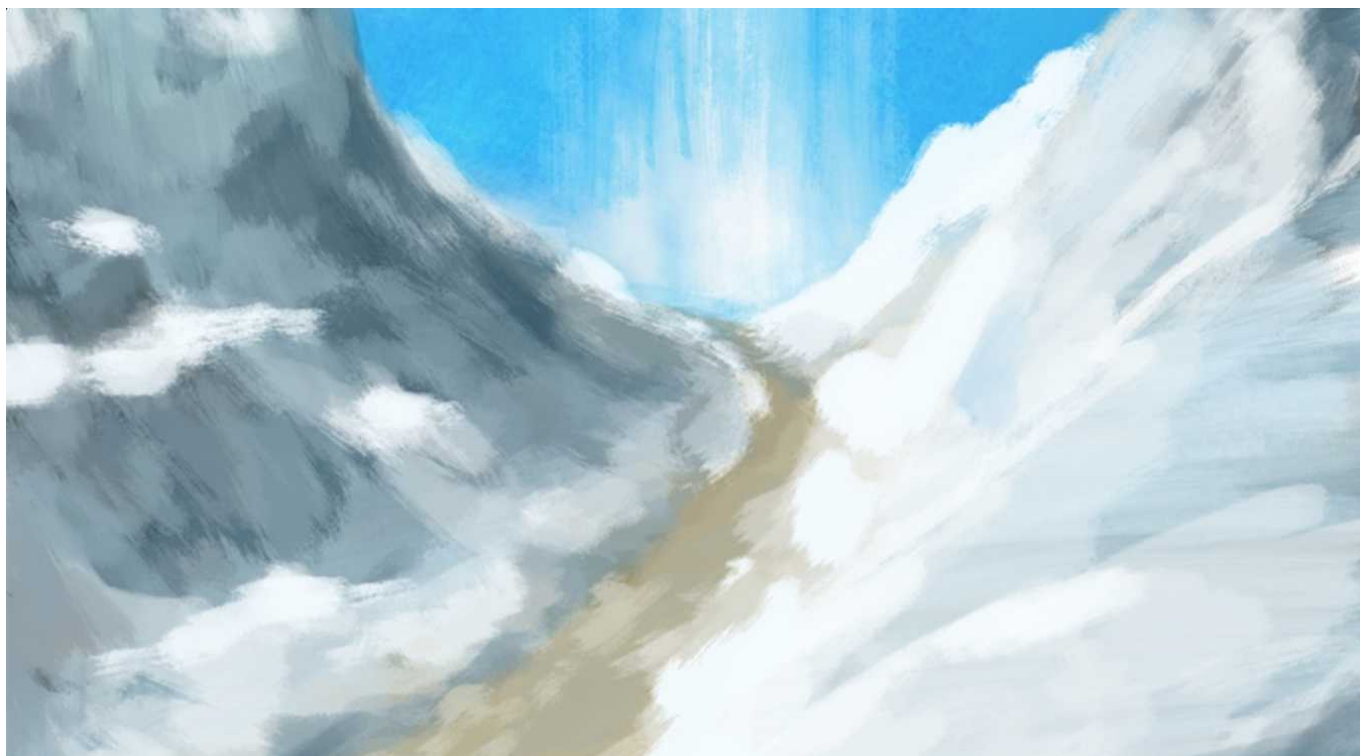
— Паш, а вы как тут оказались?!

Рассказываю, он трясёт головой, потом, махнув рукой:

— Ладно, спать иди, утром нормально объяснишь. А то сказки какие-то.

Утром возле умывальников натыкаюсь на Леху и Дока. Они вместо "доброутро":





Художник Лев Елена

— Представь! Сегодня заглянул в медпалатку, а они все здоровые! Будто ничего не было. Осмотрел ногу испанца: ни отёка, ни опухоли, и боли нет... я уж не знаю, там вроде как костная мозоль образовалась. Вот как?! Бхикшу опять просто так помог?

— Не знаю, по-моему, нет. Я...

— Что ты пообещал? — Док пылливо вглядывается в меня. — Говори всё как есть.

— Я не то чтоб пообещал. Я сказал, что покоряюсь воле.

— Просто покоряешься? То есть... Хм. — Красноречие друга иссякает, и он растерянно замолкает.

Леха же, тихо:

— Может быть, это — самое правильное. Смириться с тем, что кто-то умрёт? Ведь мы всё-таки не боги. Мы просто спасатели. А так получается, что идём наперекор?

— Не знаю, — подхожу к умывальнику, — по-моему, правильно — это спасти всех, иначе какой смысл? — И плескаю в лицо обжигающе холодной водой.

Вытираюсь и слышу девичий вскрик, повисший в ненастном воздухе. Крик взвивается к вершинам и падает вниз на лагерь надрывным плачем. Юлька... Комендант ей сказал. Не смотрим с ребятами друг на друга, а она уже бежит к нам. Налетает на меня, трясёт за полы куртки:

— Почему ты не сказал? Ты сволочь, Пашка, сволочь! Он жизнь тебе свою доверил, а ты! — Молотит кулачками по груди, кричит бессвязно, упрекает меня, что не уберёг, не сказал... что хреновый я спасатель. Конечно, хреновый.

Обхватываю её за плечи рукой и прижимаю к себе. Её трясёт от слёз. Говорю, как ребёнку, что-то ласковое, бессмысленное, глажу по голове. Леха и Док скорбно молчат, глядя на всё это. Подходит комендант, сухо бросает Доку:

— Дай что-нибудь успокоительное человеку. А то ей плохо станет.

Док отбирает Юльку у меня и уводит в медпалатку.

Стою и смотрю в пасмурное серое небо, тихо шепчу:

— Знаю, что надо делать, только разреши... позволь... в последний раз.

Тучи, дрогнув, расходятся, словно их раздвинула невидимая рука, на лагерь падает яркий солнечный луч. Улыбаюсь в ответ, потому что сегодня на краткий миг я могу изменять чужие судьбы.

Собравшись, покидаю лагерь, иду к лавинным сбросам. Никому не сказал, куда отправился. Начнут отговаривать. Иду и мысленно ругаю себя, что — растяпы — не взяли бипы, и чем только думали, когда уходили в метель!

Юлькин крик всё ещё стоит в ушах, и её шёпот, когда зашёл попрощаться в медпалатку:

— Он же жив? Паш, он жив, да? Ты же спасёшь его? Ты же всех можешь спасти!

Ветер налетает порывами, рваные лоскуты облаков трепещут между палатками, которые ходят ходуном. Альпинисты, пришедшие утром с горы, сказали, что во втором лагере сорвало и разодрало палатки. Но, к счастью, все команды вернулись без потерь. И сейчас занимали свои места в лагере. Палатки остаются позади, иду по засыпанной снегом поляне, дальше к морене, часа через три выйду к сбросам, а там — посмотрим.

Под горой — затишье, ветер пролетает где-то выше. Дрожит весь хребет под ударами ветра. Лезу по камням, к огромному снежному конусу. Справа на камне примостились альпийские ромашки, выглядывают из пушистых листьев, смотрят на меня жёлтыми глазками. Хороший знак, вот честное слово, — хороший. Невольно улыбаюсь, огибаю скальный выступ, взявшись рукой чуть ниже ромашек. И снова чудится: зовёт Серёга меня. Ещё пара шагов... И точно! Зовёт! Бросаюсь по морене, прыгая с камня на камень. Серёга! Лежит между камней на снегу, стонет... нога неестественно выгнута.

— Я пришёл, всё хорошо, Серёга, я пришёл!

Он мутными глазами смотрит, что-то пытается сказать. По рации вызываю ребят с базы. Сейчас прибегут скопом, потащат в лагерь. Слышу ликование в голосе коменданта и сажусь рядом с другом без сил, вдруг понимая, что бесконечно устал.

Скрип снега, Бхикшу подходит и садится рядом:

— Рацию оставь Сергею. И пойдём. Пора.

Киваю, помогаю Серёге сесть так, чтоб не тревожить ногу, оставляю ему рацию, жму руку. Столько хочется сказать на прощание... но выдаю лишь:

— Юльку береги.

Он кивает, и мы уходим с Бхикшу за скальные выступы. Хочу оглянуться, но отшельник строго бросает:

— Не оглядывайся, когда путь выбран.

Горы раздвигаются, свет заливает длинное извилистое ущелье. Никогда не видел таких красивых долин. Останавливаюсь и вглядываюсь в хрустальную синеющую даль. Потом спрашиваю у Бхикшу:

— Это и есть путь в Шамбалу? Но почему я?

— Ты дал клятву покориться? Зачем тогда спрашиваешь? Дорога видна, иди.

— А ты?

— Я буду тут ждать, когда ты вернёшься и сменишь меня. Не вечно же мне вас, горемык, спасать.

Я делаю шаг по светлой песчаной тропе, и горы тихо сдвигаются за мной.



Михалевский Георгий

<https://writercenter.ru/profile/George/whois/>

Художник Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>



Прощай, ragazza carina

Лаевская Елена, Лаевский Иван

— Нет, в выставочном зале нельзя, — категорично ответила администратор — костлявая дама с высоким начёсом и зловещей бородавкой под левым глазом. — Тысячи граждан стремятся приобщиться к шедеврам мировой живописи, и если все ученики художественных училищ рассядутся там со своими мольбертами, к картинам будет не подойти. Скажите спасибо, девушка, что вам вообще позволили тут рисовать.

— Спасибо, — испугано прошептала Катя, осторожно отступая спиной к выходу из кабинета и прижимая к груди заветный листок с разрешением. — Я поняла: только в соседних залах, и сидеть так, чтобы не мешать посетителям.

— И выполнять все требования персонала, — прокричала вслед администратор. Видно было: ей есть ещё что добавить, не зря она тут поставлена, и будь её воля, она бы вообще запретила всяким, не имеющим соответствующей степени, звания и специального разрешения из органов, не то что копировать, а даже рассматривать без охраны картины великих мастеров. Но дверь за просительницей уже закрылась.

Интеллигентные питерские старушки, по двое охранявшие залы музея, оказались не в пример любезнее. Они выдали Кате складной стульчик с инвентарным номерком на ножке, старались подкормить худенькую студентку принесёнными из

дома скудными бутербродами с варёной колбасой и наперебой, тихим восторженным шёпотом развлекали и отвлекали её от работы. Старушки были милые, безобидные, но жутко назойливые в своей навязчивой доброжелательности, и к середине дня Катя уже изрядно озверела. Посетителей в зале, в котором она пристроилась со своим альбомом, было немного. Зал располагался в стороне от основной анфилады, по которой, шаркая мокрыми подошвами по наборному паркету, чихая и бубня, тек непрерывный поток желающих приобщиться к высокому — долгожданной выставке итальянского искусства начала семнадцатого века, неизвестными путями привезённой всемогущим Пиотровским. Катя работала, стараясь не отвлекаться, пытаясь сосредоточиться и поймать ту неуловимую, ту уверенную и твёрдую, но одновременно лёгкую, летящую линию, что, в её понимании, отделяла хороший рисунок от великого. Старалась, мучилась, стирала, рисовала снова и снова... и не получалось. Что-то постоянно ускользало. В какой-то момент, который она никак не могла уловить, рука не слушалась глаза и уводила не туда.

Стульчик оказался неудобным. Затекла и болела спина, хотелось пить.

За окнами музея сгущался кисельный питерский вечер. Старушки, устало суетясь, надтреснутыми голосами напоминали запоздалым посетителям, что музей закрывается. Катя, совершенно отчаявшись и расстроившись, готовая заплакать от усталости и недовольства собой, второпях на-





Художник Микеланджело Караваджо. Большой Вахх

брасывала последний на сегодня эскиз. Снова не получалось, снова ускользало что-то важное, и вот, когда она уже была готова швырнуть карандаш и в голос разреветься, крупная мужская рука, протянувшаяся из-за Катиной спины, властно накрыла её тонкую кисть с зажатым в ней карандашом, и провела ту самую, твёрдую, единственно верную линию.

От неожиданности Катя уронила альбом с колен. Человек шагнул вперёд, подхватил его у самого пола, обернулся и протянул девушке.

— Держите, ragazza carina[1].

В хрипловатом, словно простуженном голосе слышался едва заметный акцент.

Катя подняла глаза на незнакомца. Где-то она его уже видела. Определённо видела. Молодой,

Проза. Мистика

круглое лицо, вьющиеся тёмные волосы, широкий туфлеобразный нос. Пухлые чувственные губы искривлены болезненной гримасой. Карие глаза под большими веками, как влажные жемчужины в створках раковин. Смуглая, землистого оттенка кожа, желтоватые белки.

— Б-б-благодарю, — проблеяла Катя. За три года жизни в Питере она так и не научилась раскованно общаться с чужими. — И за рисунок спасибо. Вы художник?

— О, да! Я художник, — с упором на последнее слово ответил незнакомец. — Но мне пора, ragazza carina. Ещё увидимся.

Он цепко глянул на Катю глазами-маслинами, будто содрал с души, как со свежей ссадины, защитную корку, повернулся и исчез в проходе между залами.

Уже позже, надевая в гардеробе коротенькое, не по погоде, пальтишко, Катя вдруг подумала, что молодой человек неспроста ошивался в зале, и что-то ему от неё надо.

— Маньяк, — встревожилась Катя.

Осторожно приоткрыла дверь. Вокруг было пусто. То и дело оглядываясь, Катя рванула под нудный петербургский дождик. К Катиному облегчению, странный незнакомец её не преследовал.

Но зато он был первым, кого Катя увидела, вернувшись утром в музейный зал. Прохаживался вдоль стен, разглядывал с брезгливым видом картины, размахивал руками, бурчал себе под нос что-то неразборчивое, напоминая крупного свое нравного карапуза, недовольного предложенным ему мороженым.

— Buongiorno, signorina[2] Katerina! — при утреннем свете болезненная желтоватая бледность незнакомца бросалась в глаза особенно сильно.

— Откуда вы знаете моё имя? — испугалась Катя.

Незнакомец молча кивнул на бейджик, приколотый к Катиной блузке, обезоруживающе улыбнулся и сразу стал вовсе даже не опасным, а очень милым и необычным со своим акцентом, большими глазами и густыми непослушными кудрями, спадающими на лоб.

— Разрешите посмотреть, как вы рисуете? — незнакомец был сама вежливость. Кате вовсе не хотелось, чтобы кто-то наблюдал за её старательной, но зачастую наполненной беспомощными по-

пытками работой. Но и отказать такому милому человеку было трудно.

Стоя за Катиной спиной, незнакомец внимательно следил за тем, как она открывает альбом, берет остро заточенный твёрдый карандаш, начинает штриховать тени.

— Где же я его видела? Ну где? — думала Катя, нанося графитовую решётку на лист. Большие раковины век, тёмные, будто обугленные губы, нездоровая бледная кожа щёк тяжело больного человека.

— Здесь надо темнее, — смуглый палец упёрся в скулу человека на рисунке. — Хорошо бы углем, но у вас, конечно, нету.

Незнакомец почти вырвал у Кати карандаш, ставший удивительно хрупким в его смуглой ручище, и сам принялся за рисунок. При этом он повернулся к Кате вполборота. И тогда она, наконец, вспомнила.

Вахх в белой тунике с лавровым венком на непокорных кудрях, сжимающий в руке гроздь винограда. Кисти великого скандального Итальянца, жившего более четырёхсот лет назад. Жемчужина выставки, которая проходит сейчас в соседнем зале.

Ещё не веря себе, Катя вскочила, чуть не опрокинув складной стульчик, и рванулась по проходу. Протолкалась сквозь бурлящую толпу и чуть не влетела носом в покрытое тончайшей паутиной кракелюров полотно. Нет, она не ошиблась. Большой Вахх, в котором художник изобразил себя, страдающего от малярии, и кареглазый незнакомец в зале были одно лицо. Копия. Однойцовые близнецы. Только один завернут в обнажающее руки белое полотно, а другой — в шерстяном пуловере поверх синей рубашки. Как такое может быть?

Катя открыла было рот и отправилась выяснять правду у незнакомца, но он уже был рядом, сильно сдавил руку чуть выше локтя.

— Тс-с-с. Тихо, Катя. Пойдём в музейное кафе, поговорим.

В только что открывшемся кафе народа было немного. Катя попросила чашку чёрного кофе и миндальное пирожное. Её спутник не взял ничего. Зашагал, не оглядываясь, к столику в дальнем углу. Кате ничего не оставалось, как последовать за ним.

Положив подбородок на сплетённые пальцы, незнакомец молча смотрел, как Катя дрожащими

руками, позвякивая ложечкой о края чашки, размешивает сахар. Девушка не выдержала первой, спросила требовательно:

— Ну, рассказывайте же! Откуда такое сходство? Вы — пра-пра-правнук великого мастера?

Тот снисходительно улыбнулся.

— О чем вы говорите, *carina*? Я — он и есть.

Катя подавилась кофе и закашлялась. Пузырь, потекла по подбородку коричневая слюна.

— В каком смысле? Мастер умер четыреста лет назад! Только не говорите, что вы его новое кармическое воплощение! Все равно не поверю!

— Ох, какая боевая *signorina*! Вы мне определённо нравитесь! Нет, я не воплощение, ещё чего не хватало. Я — *fantasma*. Призрак умершего человека.

— Но призраков не бывает! — Катя хлопнула ладонью по столу. — Вы все врётё. Я ухожу!

Она резко встала, готовая немедленно уйти от этого странного и явно ненормального человека.

— Сядь! — рявкнул незнакомец.

Катя неизвестно почему послушалась, присела на край сиденья.

— Смотри!

Художник накрыл рукой Катину чашку, и замершая девушка увидела, как сквозь ладонь просвечивают белые фарфоровые стенки и чёрная лужица кофе посередине.

— А как...

— Смотри ещё, — оборвал её незнакомец. Потянулся к плечу девушки. Смуглые пальцы, не встретив преграды, вошли в ничего не почувствовавшую Катину плоть.

— А почему...

— Прекрати блять и слушай, — рассердился тот.

И Катя стала слушать.

Если верить полупрозрачному духу, все было очень просто. До невозможности. Если талантливому живописцу удавалось, вложив в работу всего себя, весь свой талант, проникнуть во внутреннюю сущность модели и отразить её на портрете, после смерти душа натурщика навечно растворялась среди красок полотна, уже неотделимая от него. Призрак не был привязан к холсту, но чем ближе он находился к картине или рисунку, тем материальнее был. А чем дальше он удалялся от холста, тем слабее становилась его вещественность, пока у духа не оставалось никакой телесной оболочки. Существовать без тела, не имея возможности прикоснуться, вдохнуть аромат, услы-

шать, было мучительно, поэтому призраки старались как можно больше времени проводить рядом с картиной. За четыреста лет Художник смертельно устал от такой нежизни. И потому у него есть просьба.

— Какая? — прошептала поражённая услышанным Катя.

— Ты должна нарисовать мой портрет. Но только лучше, чем нарисовал я. Тогда моя душа переместится на новый холст. И ты его сожжёшь. Пропадёт картина — наконец, успокоюсь и я. Сама понимаешь, сжечь картину Великого Мастера, находящуюся в музее, практически невозможно, а холст никому не известной студентки — никаких проблем.

— Но я не смогу нарисовать лучше, чем вы! Даже и близко не смогу! О чем вы говорите?!

— Я буду тебя учить. Подумай! К тому моменту, когда у тебя получится что-то путное, твоё мастерство возрастет неимоверно. Ты и сейчас талантливая *carina*, а уж потом... — и, видя колебания и неуверенность девушки, взмолился: — Соглашайся, Катя, пожалуйста!

В глазах призрака заблестели слезы. Он стер их смуглой рукой и улыбнулся так просительно и несчастно, что Катя чуть сама не расплакалась. И только молча кивнула головой.

Призрак сразу повеселел. В голосе появились властные нотки.

— Завтра вечером приноси холст и краски. Перед закрытием спрячься в кладовке, которую я тебе покажу, и начнём.

— Но...

— Никаких "но". Не бойся. Ты станешь лучшей, Катя. Если не будешь сомневаться и оглядываться назад. Только так! — в голосе Художника звучала непоколебимая уверенность азартного игрока.

Вокруг Мастера витал дух таинственности, куража, опасности. Надо было немедленно поворачиваться и уходить. Но Катя не ушла. Напору Художника просто невозможно было противиться. А еще это был шанс чему-то научиться, и Катя не хотела его упускать.

Город ещё не спал, ещё тяжело ворочался к боку на бок, всхрапывал в полудрёме гудками буксиров в порту и рёвом тяжёлых грузовиков на объездной, ещё урчало где-то в подбрюшье ночное бурление Невского и потаённое веселье на

Проза. Мистика

Васькином, но всё это там, там вдали. А здесь — глухая, неподвижная тишина. Дворец спал, отделившись от правобережной суеты широкой лентой Невы и отгородившись от остального, подвластного ему города брусчатым котлованом площади и дугой Главного штаба. Спал... или делал вид, что спит.

Тонкая фанерная дверь в подсобку, где среди вёдер и швабр, притаясь, едва дыша и стараясь не чихнуть, скорчившись в темноте сидела перепуганная Катя. Подсобка не закрывалась изнутри. Шагов подошедшего слышно не было, и когда дверь беззвучно начала открываться, Катю сковал ужас. Если бы не это онемение, когда, как во сне, пытаешься убежать, а ватные ноги не отрываются от земли, когда хочется крикнуть и лишь хрип вырывается из пересохшего горла, она, может быть, и завопила бы, завизжала на весь замерший в хрупкой тишине музей.

— Катя, не бойся, это я, — свистящий шёпот больно хлестнул по нервам, но и принёс долгожданное облегчение. — Извини, немного задержался. В тронном зале работали реставраторы, и никак было мимо них не проскочить. Все, наконец, разошлись. Пойдём. Я покажу тебе ночной музей.

Рука, протянутая в приоткрытую дверь, была сильной, уверенной и ледяной.

Страшно и неудобно ночью в музее, а уж с подобным провожатым и подавно. Дрожа и кляня себя за то, что поддалась давящему обаянию и искушению поучиться у великого мастера, Катя вылезла из теперь уже казавшегося ей уютным и безопасным убежища. А может, вся его история вымысел? Может, это всё-таки маньяк, таким извращённым способом заманивающий беззащитных девушек?

Катин провожатый, не замечая её терзаний и сжав дрожащие влажные пальцы в своей огромной кисти, шёл уверенным, но бесшумным шагом, и даже через громкий стук собственного сердца она слышала, что наполнена музейная тьма не пыльной пустотой и скрипом рассыхающегося паркета, а шелестом, шёпотом, невнятной вознёй, приглушённым бормотанием. Что вдруг, чу — и разорвалась тишина лёгким дробным цокотом каблучков — это пробежала, возвращаясь на своё место, поправляя на бегу лиф, смазливая фрейлина с группового портрета, занимающего всю стену зала. Вот шевельнулся и вновь застыл, чуть поме-

няв напряжённую позу, уставший Геракл. А вон там хихикнула и почесала затёкшую ногу одна из мраморных граций. В любом помещении жутковато ночью в полутьме — а в музее страшной многократно. Ведь окружён незванный гость не безликими, нейтральными и бездушными вещами, а теми, в которые их создатели, заслужившие право для своих творений находиться в этих стенах, вложили такое невероятное количество труда, энергии и таланта, что оживили их. Оттого в пустынных ночных залах музея человек не одинок, нет. Ожившие призраки властителей и убийц подмигивают ему с портретов в тяжёлых золочёных рамах, затхлый ветерок срывается с вееров гламурных напудренных красавиц, взывают распятые с многочисленных крестов и тянут, тянут к нему искривлённые когтистые лапы чудовища с холстов, наполненных порождениями уснувшего разума.

Внезапно провожатый резко остановился.

— Вот, смотри. Вот что на самом деле мы создаём, — произнёс он надтреснутым хриплым голосом.

Они стояли на пороге огромного бального зала. В его полумраке — не в полной тьме, а в мерцающем голубоватом свечении, исходившем от незажжённых люстр, негорящих свечей и чадящих без огня канделябров, шёл бал. Бал призраков. Пышные и едва одетые красавицы Рубенса грациозно поднимали полные босые ноги в котильоне с аскетичными Апостолами Эль-Греко, рембрандовская Саския осторожно, чтобы не нарушить причёску, ластилась в танце к затянутому в кружева и жабо Ван Дейку, а ренуаровские голубые и розовые дамы за неимением достаточного количества мужчин плясали попарно. У стен зала теснились несколько Мадонн с пухлыми младенцами на руках, которых некому было пригласить, два строгих Римских Папы в тиарах и шумная группа полуголых пьяных Фавнов и Сатиров, с которыми не рискнули танцевать даже изголодавшиеся по мужскому обществу Венеры и Данаи.

Катя была уже в полуобморочном состоянии, когда провожатый, с жадностью наблюдавший за танцем, наконец вспомнил о её существовании и, заметив её бледность, попросту побрызгал на неё вином из кувшина, выхватив его из висевшего на стене фламандского натюрморта. Катя тут же пришла в себя.

— Что вы делаете? — взвизгнула она.

— Не волнуйся, — ухмыльнулся Художник. — Оно не оставит пятен. Ведь мы всего лишь призраки.

— Нет! Не так! Неправильно!

Они занимались почти неделю, и Катя уже начала отчаиваться. Поначалу всё шло отлично: Мастер разбирал Катины ошибки, исправлял, показывал. Объяснял тонкости и приёмы игры светотеней, хитрости смешения цветов и обманчивость классической перспективы, то ли утаённые, то ли неизвестные преподавателям её училища. У Кати получалось, Мастер хвалил, и она была счастлива, всё более и более проникаясь нежностью и ослепляясь новым, ранее неиспробованным чувством. Но постепенно всё изменилось: Художник становился более хмур и раздражителен, не хвалил, молча исправлял, указывал на ошибки, мрачнел. И вот сегодня его прорвало.

— Катя! *Bella donna!* Что ты делаешь? Я разве просил тебя копировать это? — они стояли, разложив мольберт, перед огромным портретом одного из правителей империи, изображённого в полный рост, в воронённых, тускло отблескивающих латах и с горностаевой мантией поверх. — Зачем мне эта слащавая копия? Я просил тебя нарисовать душу — ты понимаешь? — душу этого человека! А ты мне копируешь сытого самодовольного кота с этой бездарной мазни! Ты его видела на балу? Нет! И знаешь почему? Потому что этот портрет — ложь! Художник не вложил в него себя, не вскрыл кистью, как скальпелем, оболочку и не выплеснул содержимое на холст. Он просто запечатлел то, что увидел на поверхности, приукрасил и нарядил. Он получил своё вознаграждение, но его портрет никогда не оживёт, потому что там, внутри, никого нет, нет души, некому оживать. Понятно?

— Да, — едва слышно прошептала поникшая ученица.

Но Мастер уже разошёлся.

— Ты отлично копируешь видимость. Но кому нужна видимость? Для этого есть этот, как он у вас сейчас называется — фотоаппарат. А ты должна написать портрет человека. Понимаешь? Человека! Личности! Что ты о нём знаешь? О том, кого рисуешь? Ты должна знать!

— Ну, он это... великий, и это, ну, окно прорубил, — ещё тише прошептала совершенно расстроившаяся Катя.

— Окно? Какое, к чёрту, окно? Головы он рубил, а не окна! Понимаешь? Сам, своими руками! Казнил, на кол сажал. А что он единственный из ваших царей, при котором население страны

уменьшилось, вымерло — знаешь? А то, что он лично пытал своего сына — в курсе? Что ж ты его добрым дядюшкой рисуешь? Он может быть одет во что угодно, и фон может быть любим, хоть в розовых амурах, но душа, душа его дьявольская, извращённая должна проявиться на твоём портрете. А до тех пор это — парадная мазня, и такой портрет мне не нужен — он не оживёт. Да и тебя он художником не сделает. Начали заново! Бери кисть. Расслабься, теперь настройся, проникни в его душу, прочувствуй её чёрную глубину и выложи её сюда, вот на этот кусок холста. И прекрати хныкать, черт тебя подери!

Всю промозглую питерскую осень и часть рано начавшейся бесснежной зимы Катя приходила в музей почти ежедневно. Пространство между шкафом и стеной в кладовке, в которую она иногда пряталась вечером, чтобы продолжить урок в ночном музее, было завалено отброшенными Мастером в раздражении эскизами. Билетёры у входа уже знали её в лицо и не требовали предъявить давно просроченный пропуск, старушки-смотрительницы привыкли к ней и лишь переживали, что худеет "их девочка", что с лица спала, и круги тёмные под глазами всё увеличиваются. А ей и впрямь было плохо. От постоянного недосыпа и нервного напряжения Катя то замирала внезапно на полуслове, то начинала что-то бурно и невпопад говорить. У неё пропал аппетит, и даже не обращавший внимания на такие мелочи Мастер заставлял её ходить в музейное кафе и следил, чтобы она хоть что-то съела. Впрочем, на этом его забота и заканчивалась. Он стал ещё требовательней и раздражительней. Чаше срывался и кричал на ученицу, рвал начатые рисунки и однажды даже вклеил ей пощёчину. Катя молча глотала слёзы, уходя вечером из музея, клялась себе, что больше сюда не вернётся, а утром, забыв обо всём, спешила обратно. Её тянуло к Художнику, как мотылька к огню. Катя стала пропускать занятия в училище, чуть не завалила сессию, и лишь благодаря нескольким отличным работам, сделанным под наблюдением придирчивого Учителя, ей простили едва сданные прочие предметы. Она нашла в библиотеке его биографию, прочла и два дня не могла заставить себя даже выйти из квартиры. У неё поднялась температура, лихорадило. В полузабытьи, в которое она периодически впадала, ей мерещилось, что, стоит открыть дверь, и



Художник Полина Стрелкова

этот страшный, разнузданный и безудержный монстр накинется на неё, отхлещет по щекам, сорвёт платье и вопьётся жадными полными губами, высасывая из неё остатки едва теплящейся в её невесомом прозрачном теле жизни. От этой сладостной жути Катя просыпалась в поту и долго ещё лежала, прислушиваясь к чему-то, тоскливо и требовательно ноющему внизу живота.

На третье утро температура спала, и Катя, не в силах противиться тёмному и страстному желанию и теперь уже не чуждому, а её собственному, идущему изнутри жару, помчалась в музей. Теперь она понимала, кто он.

Великий дар и беспредельная гордыня, точная рука и чёрное сердце, волшебные мечты и дикий нор. Портовые трущобы, дворцы вельмож, тюремные камеры, церковные алтари. Гений и убийца, первопроходец и дебошир, скиталец и скандалист. Теперь она знала, как его надо писать.

Катя потеряла счёт времени. Сколько часов, сколько дней просидела она в подсобке с палитрой и кистью в затёкшей руке, впившись слезящимися глазами в знакомое до последней чёрточки, окаянное, невозможное, заслонившее весь мир лицо. И вот, наконец, последний мазок. Яростный огонь, скрывающийся за приспущенными ресницами, надменно изогнутый рот, сведённые в нетерпеливом ожидании брови. Талант, упорство, готовность идти по трупам, безумие страстей — картина не утаила ничего. Кате нечего было добавить.

— Всё, — выдохнули потрескавшиеся губы. Разбрызгивая вокруг краски, упала на пол палитра.

Художник вскочил, в один прыжок оказался перед портретом. Блеснули в торжествующей улыбке жёлтые, изъеденные болезнью зубы. Похожий на рычание смех заполнил крошечную кладовку, ударил в уши. Художник стиснул Катину голову в сильных ладонях, смачно поцеловал,



отстранился. В руках его оказалась зажигалка. Щелчок, острое голубоватое пламя озарило на миг заострившиеся черты. Холст загорелся мгновенно, словно огонь таился внутри картины и лишь ждал момента выплеснуться наружу. Катя без сил опустилась на пол.

Болит голова. Ну почему так болит голова? А вот тело совсем не чувствуется, словно и нет его. Словно состоишь вся из головной боли и этого запаха — этого мерзкого, тошнотворного запаха гари. И ещё из бессильного ватного оцепенения, когда застыв, смотришь, как горит холст, как проедаются и расплываются на нём обугленные по краям дыры, как они расширяются, разрастаются. Стоишь, не в силах пошевелиться, и наблюдаешь, как оплывают, стекают, причудливо меняя цвет, капли краски, как занимается потихоньку подрамник, и огонь, до того сожравший твой труд, лениво доедает остатки твоей жизни.

Огонь! Вот оно: весь безумный вчерашний вечер, закончившийся обмороком в кладовке, словно выхваченный из тьмы вспышкой яркого пламени, высветился в Катиной памяти. Она вскочила. В беспроглядной черноте нащупала выключатель. Мертвенно-белый свет залил разбросанные по полу листы, остатки обгоревшего подрамника с клочьями холста, и прикипяченный к стене большой лист бумаги с пылающей сверху надписью кармином: *Ma Bella Katya*.

"Я не обманул тебя. Я просто не сказал тебе всей правды, а это, согласишься, не одно и то же. Я получил то, что хотел — свободу и настоящее живое тело. Мир сильно изменился со времени моего заточения, но я уверен, что найду в нём себе и место, и развлечение. Сколько великих картин я ещё напишу! А ты получила свою плату — то, о чём мечтала: ты теперь тоже великий художник. Это честная сделка. Ну, а о том, что прилагается к этому в нагрузку, я сообщать тебе не был обязан. Мир теней не отпускает никого просто так, без замены. Теперь призраком станешь ты. Зато отныне ты будешь вечна. А это не так уж и плохо.

Прощай, великий художник. Прощай, ragazza carina."

Ужас и неверие в произошедшее подхватили Катю, швырнули сквозь запертую дверь кладовки и погнали по ещё спящему музею. Она бежала легко и упруго, едва касаясь пола, неслась, не ощущая своего ставшим таким невесомым тела. На выходе на балюстраду второго этажа её внезапно подхватил ветер, ворвавшийся в оставленное приоткрытым нерадивым служителем окно. И понесло, понесло, закружило её сквозняком через анфиладу музейных залов. Вилась вслед ей метель из белых альбомных листов с ненавистным и таким желанным лицом. Десятки, сотни лиц, и каждое ликовало, кривлялось, вопило о своей победе. Из тёмных углов к Кате приглашающе зазывно тянулись руки бесплотных Мадонн и ухмыляющихся сатиров, напыщенных героев и венценосных негодяев, обворожительных красавиц и притягательных в своей безобразности уродов. Катя шарахнулась в сторону, налетела на "Скорчившегося Мальчика", который от неожиданности совсем сжался, промчалась через скульптуру насквозь, просочилась сквозь стену в соседний зал и замерла перед "Криком" Мунка, словно специально для неё прибывшего на выставку.

— Приветствую! Наконец-то! Будем кричать вместе! — Бесполоая лысая фигура на картине потянулась к Кате безобразно перекошенным ртом, чмокнула, и Катю втянуло в кроваво-красный закат полотна.



1. ragazza carina — милая девушка (итал)

2. Buongiorno, signorina — Доброе утро, синьорина (итал)



Старое зеркало

Армант, Илинар

Анюта задумчиво протираала зеркало. Большое, овальное, старое, можно сказать старинное. В него ещё её прабабушка смотрелась.

Отошла, глянула: стекло в позолоченной раме отразило её — худенькую, чуть растрёпанную, в пёстром домашнем халатике.

Анюта... почти сорок лет как Анюта. И на работе, и среди соседей, даже младшая сестра — и та называет её так. Пусть и моложе, а Ирина Сергеевна.

Обскакала её сестрёнка во всём. И с работой куда больше повезло, и замужем, и дочку недавно родила, а ведь тоже далеко не девчонкой вышла замуж. Почти погодки они. Но вышла же.

А у неё? Не сложилась у неё судьба.

Опустилась на стул, вздохнула.

И вспомнилось...

«Да выкинь ты это зеркало! Держишь всякое барахло в доме. Или примету не знаешь, что нельзя держать в доме разбитые зеркала?»

Она, Иринка.

В чём-то права, только не разбито зеркало — так, лёгкая трещинка по правой стороне. Когда-то, ещё давно, ей бабушка рассказывала, откуда появилась эта трещинка. Мать её гадала перед ним. На Святках. И увидела в нём своего суженого.

— Прадедушку? — спросила тогда Анютка.

И почему-то бабушка замялась тогда, не сразу кивнула...

— А потом что было?

— Да ничего не было, — прервала разговор бабушка, — испугалась она, да и кинула в зеркало блюдцем. И хорошо хоть, что зеркало не разлетелось на кусочки, а то бы и пораниться могла...

Конечно, выкидывать было жаль. Отнесла бы, может, в какой-нибудь антикварный магазин, да кто же возьмёт — с трещиной? Люди, увы, суеверны.

Неожиданно раздавшийся звонок в дверь заставил её вздрогнуть.

— Кто? — Глазок она так и не врезала, а когда живёшь одна, да ещё и гостей никаких не ждёшь, поневоле будешь осторожной.

— Я это, я! — раздался за дверью голос сестры.

Анюта распахнула дверь.

— Надо же, — удивилась она, — какими судьбами? — Сёстры виделись редко, чаще просто перезванивались. — Между прочим, как говорят, легка на помине. Я как раз тут протираала зеркало и вспоминала твоё ворчание.

И Анюта засмеялась. Она очень была рада этому неожиданному визиту.

— Да я в магазине рядом была. Дай, думаю, зайду.

— И правильно сделала, давай раздевайся, сейчас чайник поставлю.

Минут через пять обе сидели за столом. Стол стоял прямо напротив зеркала.





Художник Ruby



Прихлёбывая чай, Ирина нет-нет да и поглядывала на своё отражение.

— А ты, значит, так и не избавилась от этого монстра? — покачала она головой.

— Да Бог с тобой, какой монстр-то? Память! Сама подумай, ведь и прабабушка наша в него смотрелась, и бабушка, и мать... как же можно такую реликвию выбросить-то?

— То-то и оно... — вздохнула Ирина. — А ты никогда не думала о том, что и прабабушка едва вышла замуж и родила дочь — сразу и овдовела, и бабушка... А вспомни наших родителей? Ты хотя бы отца застала, да и то не помнишь, мала была, а я родилась, когда его уже не стало...

И Ирина почти с ненавистью взглянула на зеркало. Показалось или нет, что её отражение на миг пропало, будто чёрным чем-то подернулось и исчезло?

Она вздрогнула и засобиравалась домой.

Однако, уходя, вновь глянула в зеркало, будто проверить хотела. Поправила волосы, одёрнула плащ... нет, показалось.

Оставшись одна, Анюта собрала со стола чашки, присела на стул и задумалась.

Может, правда? Да нет, чушь это всё.

Молодая девушка сидит перед зеркалом. По обе стороны от блюдечка горят свечки, пламя их чуть колеблется от её дыхания едва заметного — она и дышать-то боится.

— Суженый-ряженный, приди ко мне... суженый-ряженный, приди ко мне...

Затуманилось зеркало. И будто дом в нём видит, с крыльцом. Знакомый дом-то! А на крыльцо выходит мужчина — в годах уже, но борода густая, чёрная... спускается с крыльца и идёт к ней. Прямо к ней идёт!

Вскрикнула дурным голосом, швырнула блюдечком в зеркало!

Узнала «суженного»: вся округа судачит о нём, как о колдуне чёрном.

А как же её Феденька-то? Феденька жених её, и никто больше! Да, не богат, да только и родители отдадут её скорее за него, чем за колдуна чёрного!

А утром сосед и пришёл, сватать её пришёл, да только закрылась она в своей комнатке, крикнула, что не пойдёт за него замуж — пусть что хотят, то с ней и делают!

Не выдали за колдуна, за Феденьку своего вышла. Да недолго они прожили...

Анюта тихо застонала, очнулась...

Что это? Неужто, она уснула за столом? А сон-то какой снился! Будто всё наяву видела.

«Это разговоры да мысли навеяли такой сон...», — но и сама не поверила в это.

«Ладно! Завтра же попробую его сдать куда-нибудь!» — решила она и посмотрела на зеркало.

Показалось или нет, что по стеклу пробежала тень?

А утром её разбудил звонок. Звонила сестра. Анюте сложно было разобрать слова сквозь её рыдания, но и без слов для неё всё было понятно...



Армант, Илинар

<https://writercenter.ru/profile/Armant/whois/>

Художник Ruby

<https://writercenter.ru/profile/Ruby16041/whois/>



Аривенн

Карл

Это осень, детка, а ты что хотела? Разноцветные листья в дорожной пыли. И у осени этой особые мысли, мифы, сказки, легенды и запах земли. Осень — время рассказа печальных историй, но запомни ты — только с хорошим концом! Например, жили раньше царевич с царевной, был он мужем отличным и лучшим отцом. Но однажды скрутила его боль-хвороба, стал он словно прозрачным, не ел и не пил. И пустилась царевна тогда в путь-дорогу, была осень — дождило и ветер кружил. И конечно, она разыскала лекарство, спасла мужа и царство от верной беды: ведь в груди у царевича бились два сердца — одно только его, а второе — страны.

Сказки, мифы легенды — сплетение судеб, Карл знает историй пятьсот наизусть. Он расскажет их всем, от него не убудет, только сердце сжимает неясная грусть.

Карл знает, легенды — отнюдь не легенды — это было когда-то. Во сне. Наяву. Карл — сказочник мира, дающий надежду, и во сне часто сказки приходят к нему. Недописаны кем-то... А то ещё хуже — где-то зло навсегда победило добро. Карл стонет от боли в такие моменты и в руке возникает жар-птицы перо.

Утром сон вспоминается с лёгкой улыбкой: снова всё завершилось хорошим концом. И ещё одна сказка ложится в копилку, обретая, казалось, потерянный дом.

Карл машет рукою осеннему небу, в парке тихо и пусто, лишь листья шуршат. Только осенью мир оживляет легенды, и ему помогает в том маленький Карл.

Сказки в ветре живут, в красных гроздьях рябины, в листопаде кленовом и звонких дождях. Завари ярко-алые ягоды в чае, и волшебными снами развеет печаль.

Когда моросью серой наполнено сердце, когда кажется — в мире так мало добра, когда даже у жаркой печи не согреться — помни в каждом из нас живёт маленький Карл.



Аривенн

<https://writercenter.ru/profile/ariwenn/whois/>

Аривенн

Часы судного дня

Есть на планете одни часы, которые не идут:
Не идут в общепринятом смысле, считая время.
На них полночь всегда — без трёх-без пяти минут,
Черный час Планеты, грядущее безвременье.
И ты можешь спросить, к чему это всё сейчас?
Где политики, войны, а где мы с тобой в системе?
Что мы можем вообще в этом мире с тобой решать?
И зачем тогда касаться нам этой темы?
Но я так скажу, мой далёкий возможный друг,
Каждый шаг твой влияет немного на всю систему —
Ты обидел кого-то, и стрелки вперёд бегут,
Ты помог кому-то — назад отбежало время.
Можно знать об этом и думать: «Да, ладно, вздор!
Про конец Планеты мы слышали многократно».
Но я верю, что мы рождаемся и живём,
Чтобы эти часы однажды пошли обратно.



Сила слабых

Ты быть хочешь сильным, крутым невозможно типом.
Победитель! Воин! Косая сажень в плечах...
Мальчик мой, но это только стереотипы,
Настоящая сила мало кому видна.

Знаешь, сила, дружок, она не в стальных доспехах
И не в том, как крепко натянута тетива:
Вот идет Иванушка вслед за своей царевной,
И рассвет смеется, и поступь его легка.

Сила в нашем сердце, которое может верить,
Не сдаваясь бурям, идти напролом вперед
За мечтой безумной, за счастьем своим потерянным
Напрямик сквозь горы, за реку не зная брод.

Плюнь три раза в огонь, прошепчи заклинанье вуду,
Грохнись о землю, почувствуй силу в своих руках.
Тебя слабым считают все за твои причуды,
Но стальное сердце расправит крылья, отринет страх.

Сила слабых скрыта надежно в глухом резерве,
Не видна до срока, нелепа, почти смешна,
Но, когда вдруг Небо падать решит на Землю.
Мы с Атлантами встанем, чтобы его держать.

Аривенн

<https://writercenter.ru/profile/ariwenn/whois/>



RhiSh

Нет времени

Нет времени
вокруг мираж... всё — зыбко...
на непреклонности твоих ресниц
дрожит, мерцая звездным серебром, улыбка
моя
и шелест Времени страниц
нам лжёт. Наш путь — издалека...
из стона обезумевшей метели
из звезд, из энтропийной карусели...
и бабочек... и грёз... мгновения. Века.

Не разорвать...
Но это пламя
Заворожённое моим холодным сном...
Я отдал... я сломал... и не найти — словами.
и не забыть. И не вернуть назад

того, кто Знал
И кто играл без правил
Мирами. Миражами. И тобой —
Не пойманным... пленившим... я оставил
Тебе лишь вечный круг, моя любовь...

Из миража...
из мира не-сказаний
Вне-Временья... кем был я... Нет. Не верь!
Я помню. Вечной Тьмы багровое сиянье.
И сердца Времени начало... сон... и смерть

И тихо.
Тихо — в алый миг заката
Слияние... агония... конец.
Я отдал всё — и всё во сне, кроме тоски крылатой...
Из Сердца Времени. Из вечной связи двух сердец...

Из миража...
Какой безумной властью
Ты мог — меня... со мною... навсегда.
И я дышу — твоим огнем. Твоей кинжальной страстью
Крест Времени горит
сквозь вечность, память, смерти и года.

Алипова Екатерина

Гость

Сердце моё, долгожданное сердце,
Ласковой ночью в оконном проёме
Ты постучишься, захочешь погреться
В тёмном моём и неприбранном доме.
Что ж, заходи. Я как раз засыпаю,
Но не засну: разговор будет длинный.
С чем ты сегодня? С приветом из Рая
Или с Земли, но с другой половины?
Как ты? Не длинной ли вышла дорога?
Крылья не вымокли? Хочешь ли чаю?
Сядь, отдохни, расскажи, ради Бога,
Как там друзья? Передай, что скучаю,
Очень люблю и надеюсь на встречу
Здесь или там — но когда-нибудь точно.
И обними от меня их покрепче
Тёплым объятьем во сне полуночным.
Я вот, как видишь, жива и здорова.
Всё слава Богу. За окнами осень.
За переплётами молитвослова —
Звёзды ответов на бездны вопросов.
Да, потихоньку пытаюсь молиться.
Только учусь. Ученица плохая.
Хочется встретить знакомые лица,
Только боюсь, не добраться до Рая.
Ты ведь умеешь летать через вечность,
Крыльям твоим незнакомы преграды.
Ты перед Богом замолви словечко.
Плата — любовью, а сдачи не надо.
Что? Улетаешь? Куда ты так рано?
Я так скучала, а ты на немножко...
Сядь вот сюда, в изголовье дивана.
Не торопись, посиди на дорожку.
Те, кто прислал, попросили скорее?
Что ж, отпускаю. Не смею перечить.
Дай поцелую. Ну, с Богом! Живее!
Лёгкой дороги! До будущей встречи!.

RhiSh

<https://writercenter.ru/profile/Wooster/whois/>

Алипова Екатерина

<https://writercenter.ru/profile/Aniretake/whois/>



Сигнал стабилен

Эл Лекс

С каждым километром пути деревья за окном становились все выше. Это было почти незаметно, но, когда Шелли открыла фотографию, сделанную в начале поездки, и приложила планшет к стеклу, сравнивая картинку с реальностью, все стало очевидно.

— Марк, — тихо позвала девушка.

— М?

— Мы уже очень далеко от города.

— Спасибо, кэп, — ухмыльнулся парень, отчего шрам через обе губы изогнулся дугой.

— Я имею в виду, очень-очень далеко. Посмотри, какие высокие деревья.

— Что ж, если мы далеко от города, стало быть, уже близко к нужной точке. Жаль, нет координат.

— А где я тебе их возьму?! — вспыхнула Шелли. — Я виновата, что нас отроутили и отключили от спота?!

— Я тебя ни в чем не виню. Лучше погляди, не одна ли это из наших точек?

Шелли посмотрела туда, куда он указывал.

— Слушай, похоже! Дерево в форме буквы «у»!

— И что после него?

Шелли дернула головой, откидывая лезущие в глаза дреды, разбудила планшет и зачиркала по экрану пальцами.

— Стой! — внезапно даже для себя закричала она.

Марк дал по тормозам, машину резко качнуло вперед.

— Ты чего орешь?!

Но Шелли не слышала, она смотрела в трей планшета, где моргал значок беспроводного подключения:

— Сигнал... Сигнал... Сигнал... Сигнал... Черт! Значок погас.

— Свихнулась? — сочувственно спросил Марк.

— Пошел ты! — оскалилась Шелли. — Был сигнал, ты же сам видел!

— Ну откуда тут взяться Сети, ну подумай? — Марк снова нажал на газ. — Наводка, наверное, на антенну, только и всего.

— Наводка, ага... В лесу... — пробурчала Шелли, возвращаясь к поиску информации. — Так... Ну-ка... Ага, вот, «Проводник». Так... Дорога на север, перекресток пяти дорог, заросший рыжий указатель, дерево в форме буквы «у»... Дальше должен быть мост через высохшую реку, там направо, и через пару километров — овраг поперек дороги. Туда нам и надо.

— Овраг поперек дороги... Чтобы оттуда выбраться, придется развернуться или задом сдавать. Но задом нормальной скорости не развить, — задумчиво постучал пальцами по рулю Марк. — Если будет погоня, настигнут в два счета.

— Ты опять везде видишь подставу?!

— Если б не я и не моя привычка везде видеть подставу, два года назад мы бы прямо в лапы к Надзору и приехали!

— Да помню я, помню. — надулась Шелли и отвернулась, уставившись в окно.

— Ладно, не злись. Лучше расскажи, как ты Проводника этого нашла... Мы ведь тогда на спот не за этим ехали. Или я чего-то не знаю?





— Ты же рядом сидел, — покосилась Шелли.

— Думаешь, я из твоих штучек что-то понял? Для меня это выглядело так, будто ты с безумными глазами ползаешь пальцами по планшету, а потом выдираешь из него батарею и визжишь «Гони!». Я и погнал.

— Ну... — Шелли поежилась и натянула на подбородок арафатку. — В общем, это он меня нашел. Он всегда сам находит тех, кто ему нужен... Если верить слухам.

— Что-то не в курсе таких слухов.

— Странно. Или нет. — Шелли пожала плечами, — В общем, Проводник почти такая же легенда, как и Раздающая. Вроде как он уже несколько раз помогал сопротивлению выйти на Раздающую и через нее добраться до нужной инфы.

— Что имеешь в виду, говоря «Он меня нашел»? Это вообще как?

— Я же говорю, Проводник — уникальная личность. По слухам, он настолько давно и прочно в Сети, что имеет досье на известных и сильных хакеров и способен узнать каждого по стилю взлома, по «почерку».

— Я человек далекий от этого... — Марк побарабанил пальцами по рулю. — Но по-моему, это чушь собачья.

— Почему же? Технически это реально, хоть и трудно осуществимо. Во всяком случае, это не звучит большей фантастикой, чем рассказы о девушке, которая обеспечивает чистый безлимитный стабильный выход в Сеть. Не находишь?

— Раздающая — это факт, — парировал Марк. — Ее существование неоспоримо, она это начало и смысл всего сопротивления. Если бы ее не было, сопротивление бы так и не зародилось. А, да что я тебе рассказываю, будто новичку зеленому.

— Вот и Проводник — такой же факт! Только более... узкоспециализированный, во!..

— Не хочу с тобой спорить. — поморщился Марк. — Давай дальше.

— Ну вот мы с тобой как раз тогда стояли у архива, я хакнула его спот и открыла два дополнительных порта, чтобы канал пошире сделать, ну он через них и вломился. Сходу закинул какой-то троян, я только и успела что прогресс-бар загрузки разглядеть. Потом он заблокировал экран, открыл блокнот по удаленке и написал: «Привет, Триг».

— И?

— Он писал короткими сообщениями, чтобы, если спот отключат, у меня осталась хотя бы часть информации. Он представился и начал давать

Проза. Фантастика

инструкции, по которым мы сейчас едем. Потом хотел дать точные координаты, даже написал «Координаты», но тут меня отследили и отключили от спота. Я вырвала батарею, и мы свалили.

— То есть, вместо хака ты занималась болтовней неизвестно с кем? — Марк аж всплеснул руками.

— Во-первых, он все равно не отдал мне контроль. Во-вторых, за это время я бы все равно не успела ничего вытянуть. В-третьих, это же Проводник!

— Откуда тебе знать?

— Ну а кто еще сможет вломиться на мой планшет, да еще и закинуть на него что-то, да еще и так, что я этого за малым не замечу?!

Марк покачал головой:

— И все за просто так? Не верю я в альтруистов.

— Нет, не просто так. Он приведет нас к Раздающей, а я, если получится ломануть Надзор, отдам ему копию всего, что вытяну с серверов.

— Хакер, который атакует других хакеров в момент взлома для того, чтобы помочь и привести их на чистый доступ в Сеть... — Марк поморщился. — Печенкой чую, подстава этот твой Проводник. Правда, это уже неважно, потому что мы, полагаю, приехали.

Машина качнулась, тормозя. Шелли отстегнула ремень, с трудом вылезла из кресла и попрыгала, разминая затекшие за три часа ноги и заодно прогоняя озноб.

— Прохладно. — пожаловалась она не пойми кому, потом осмотрелась.

Все тот же лес, те же высокие деревья, растущие так плотно, что не везде меж ними и пролезешь, птички поют в листве... А вот и овраг поперек дороги!

— Да, мы на месте! Посигналь!

Тишину леса разрезал гудок. Птицы тут же смолкли и порскнули в стороны, только листва зашелестела.

— Короче, если он сейчас не приходит, мы разворачиваемся и едем обратно! — крикнул Марк из машины. — Уже темнеет, а мне совсем не хочется ехать по темноте!

— Он придет. — одними губами ответила Шелли, озираясь.

И он пришел.

Призрак Сети, цифровой фантом, Проводник...

Просто вышел из-за ряда деревьев и подошел к машине. Одетый в зеленый камуфляж и высокие ботинки, в капюшоне, из-под которого торчала борода и козырек кепки, он казался охотником,

вот только ружья не было, зато была сумка для ноутбука или планшета за спиной.

— Триг? — вместо приветствия Проводник смерил прибывших внимательным колючим взглядом.

— Угу. — Шелли переступила с ноги на ногу. — Со мной еще... один.

— Добро, — кивнул Проводник.

Шелли обернулась и махнула Марку, чтоб выходил.

Фары погасли, двигатель смолк. Хлопнула дверь, Марк подошел, держа руки в карманах.

— Канал точно надежный? — вместо приветствия буркнул он.

Брови Проводника поползли вверх:

— Вы точно хорошо понимаете, куда и к кому приехали? Давайте-ка я на всякий случай проясню. Раздающая — это не цепочка прокси, это не сеть VPN и не анонимайзер, не файрволл, не антитрут. Раздающая — это человек, девушка с уникальной способностью подключаться к Интернету без компьютера и кабеля и подключать других! У нее элементарно нет сетевой платы и мак-адреса, она просто не зарегистрирована в Сети, и потому ее нельзя, физически невозможно отследить!

— Все-все, я понял, — поморщился Марк. — Веди.

— А куда идти не надо, — Проводник развернулся и громко свистнул. — Корни! Корнелия!

Деревья будто расступились, освобождая ей дорогу. Девушка лет шестнадцати, в белом длинном платье, такой же белой куртке и белоснежных башмачках, она не шла, а будто летела над травой. Длинные светлые волосы почти не шевелились при движении, освинцованной шторкой падая на плечи, и лишь широкие плоские очки виртуальной реальности и две вай-фай антенны, торчащие из головы на манер рожек, давали понять — то не приземленный ангел, то человек-роутер. Раздающая.

— Проверь, — уронил Проводник.

Шелли оторвала взгляд от Раздающей, разблокировала планшет и издала вопль радости:

— Сигнал стабилен!

Рухнув прямо на землю, Шелли вытащила из сумки и разложила портативную клавиатуру и открыла консоль.

— Есть контакт? — поинтересовался Проводник. Корнелия кивнула.

Шелли тоже.

— Логи пишутся?

Раздающая кивнула.

Шелли подняла голову:

— Логи?

— Логи, — криво ухмыльнулся Проводник, поднял руку и резко опустил ее.

С деревьев с шелестом посыпались мотки веревок.

— Черт, я так и знал! — взвыл Марк и бросился на Проводника. — Хватай Раздающую и бегите!

— А... Что?! — Шелли осмотрелась. — Что происходит?!

— Надзор! — Марк отвесил Проводнику мощный удар, но тот увернулся и бросился в ноги противнику.

Веревки задергались, по ним заскользили фигуры в черной форме и с оружием.

— Черт! — Шелли вскочила, схватила Раздающую за тонкую руку. — Бежим!

Но та даже не шелохнулась, только отдернула руку и осталась стоять на месте.

Из-под очков, на висках давно и намертво приросших к коже, скатилась слеза.

Марка и Шелли повалили, заломили руки и надели наручники. Только потом помогли принять сидячее положение.

— Я же говорил, что твой Проводник — это подстава! — бесновался Марк; из ссадины на его лбу сочилась кровь.

Проводник услышал его и подошел, нагнулся, оперев ладони в пятнистые колени:

— Сигнал стабилен, да? Ну так я напоминаю вам, что в 2047м году Интернет был официально признан контролируемой зоной и любое несанкционированное воздействие на него приравнивается к сетевому преступлению и влечет за собой уголовную ответственность.

Закончив чтение Формулировки Сетевого Преступления, Проводник выпрямился и сложил руки на груди:

— Ну, с формальностями покончено. Честно говоря, не думал, что такой хакер, как Триг, попадет в наше ловушку. Впрочем, я почти всегда надеюсь на успех, но почти всегда все получается.

— Почти всегда? — Шелли подняла голову. — Мы что, не первые?

— Вы знаете, мифы и городские легенды — мощное оружие в умелых руках, — будто не услышав ее вопроса, продолжал Проводник. — Если долгое время пичкать ими людей, люди начинают

настолько в них верить, что не задают себе даже очевидных вопросов. Почему Проводник связывается только с сильнейшими хакерами? Где они, эти хакеры, которым выпало контактировать с Раздающей? Почему такой сильный взломщик, как Проводник, берет плату информацией, которую вроде бы легко может добыть сам?

— И почему точка встречи устроена так, что в нее можно добраться, — прошептал Марк. — Но почти невозможно выбраться.

— Точно, — кивнул Проводник. — А иначе вас, сопротивленцев, не поймать: едва отследишь, вы — дерг батарею! — и по газам, петлять по улицам, пока сходит остаточный заряд. Конечно, сильно навредить за то время, что работает трассировка, вы не успеваете, но, знаете, надоедает. Тем более иногда попадаются такие самородки, как Триг, которые и за десять минут проблем доставят, как на споте восточного моста. Ты вскрыла и заблокировала четыре порта, а мы потом целый месяц даже не подозревали о том, что наш маршрутизатор используется как прокси против нас же! А твои эксплойты — это просто чудо, я несколько даже сохранил, чтобы декомпилировать попозже — жуть как интересно, какую архитектуру ты использовала!

— У вас нет доказательств, что эксплойты мои! У вас ничего на меня нет!

— Ошибаешься, Триг. У нас есть твой планшет, и есть логи подключения с него, напрямую, без прокси и анонимайзеров. Или ты думаешь, наша жемчужина просто так с рождения очки носит?

Шелли перевела взгляд на Раздающую. Корнелия так и стояла на том же месте, она обняла себя за плечи и мелко дрожала, вжав голову в плечи. По ее щекам тянулись мокрые дорожки.

— И для того чтобы искать таких, как я, вы стали использовать Раздающую?! — ужаснулась Шелли. — Нашу Раздающую сделали рабыней, несчастную шестнадцатилетнюю девушку?!

— Я тебе больше скажу. — Проводник снова нагнулся и улыбнулся: — Мы ее для этого создали.

Корнелия всхлипнула и в голос зарыдала.



Жюжелег для ночи

Фомальгаут Мария

Нет.

Говорю сам себе: нет.

Отступаю от края, перевожу дух, растираю виски, прихожу в себя. Спрашиваю себя, что я только что хотел сделать и почему.

А вот.

Книга.

«Часоворот».

Все так же лежит на столике; кажется, смотрит на меня.

"Зачем ты хочешь убить меня?" — спрашиваю книгу.

Книга молчит.

"Почему ты хочешь, чтобы я умер?" — спрашиваю я.

Книга не отвечает. Удивляюсь сам себе: ну конечно, как мне может ответить книга? Ведь она не может говорить! Вернее, она уже мне все сказала. Все-все, от корки до корки. Сам себе удивляюсь: как она так сказала? У меня же и в мыслях не было шагнуть в пропасть — до того, как я перелистнул последнюю страницу.

Осторожно открываю книгу, осторожно прочитываю несколько строк. Беспомощно сжимаются кулаки; сам себе удивляюсь: как несколько строк могут пробудить у меня такую ненависть к себе, к своей жизни, что я едва не сделал шаг в пропасть?

Разжигаю камин посильнее, листаю страницы...
...замираю.

Сам над собой смеюсь: это же сколько экземпляров книги мне придется истребить!

Смотрю на автора. То есть на фамилию автора — на автора я уже не посмотрю, его уже нет в живых. Как-то же он написал это, как-то же дошел до такого. Но как, как?

"О чем я думаю, — спрашиваю я себя, — о чем я вообще думаю?" Надо решать, как выбираться отсюда, а я читаю книгу, которая чуть меня не убила, и ищу её автора.

Автора, автора... Отчаянно вспоминаю, где я взял эту книжицу. Ну конечно же здесь, в разделе фантастики. Куда же я еще пойду в библиотеке? Ищу знакомую фамилию, натываюсь еще на пару его книг, листаю, погружаюсь в чтение...

Часы бьют полночь.

Что-то подсказывает мне, что именно полночь, а не полдень, хотя как я могу знать, ведь здесь нет окон. Только бесконечные стеллажи книг.

...меня отрывает от чтения бой часов: они опять бьют полночь. Я не вижу часы, они спрятались в бесконечном лабиринте книг; я иду на гулкие удары, сворачиваю в одну залу, в другую, в третью — но я не вижу часов. Хочу вернуться назад — но не могу найти комнату, в которой был только что, хотя точно помню, что свернул налево, а до этого прошел один коридор. Коридора нет, мраморный зал, который был слева от меня, теперь оказался справа.



"Я ошибся, — говорю я себе, — я просто ошибся. И точно знаю, что это не так".

Захожу в ближайшую комнату, открываю буфет — на мое счастье здесь в каждой комнате есть буфеты, можно перекусить, можно подремать на диване, укрывшись пледом.

На всякий случай кричу во все горло, зову людей, которых здесь нет, — что-то подсказывает мне, что я здесь один.

Книги. Ну да, книги. Я оставил их там, в том зале — все, кроме первой, которая чуть не убила меня. Сам не знаю, почему держу её при себе, почему, почему...

Выбраться отсюда.

Нет, не то.

Разобраться, кто и зачем написал эту книгу.

Тоже не то.

Тогда что?

Спать, спать, вот прямо сейчас, лечь и спать, уже достаточно случилось за день...

...выхожу из туалета, долго мою руки, долго умываюсь, чтобы оттянуть то неизбежное, что последует за этим. Нет, впереди еще будет завтрак: вон, в буфете какая-то причудливая еда, сыры какие-то, кексы, мясо — не мясо, не пойми что, а в кофейнике что-то вкусное, но, черт побери, это не кофе.

Итак, будет завтрак.

А потом нужно будет что-то решать.

Часы бьют полночь. Часы сломались.

Вспоминаю. Как-то же я попал сюда, как-то же я вошел в библиотеку. Вот так, шел по улице, и...

...и нет.

Я не помню, как я шел по улице. И как я куда-то заходил.

Книга лежит на столике, как будто ждет меня. Книга, которая хотела меня убить. Хочу открыть, тут же гоню от себя эту мысль. Верчу в руках, смотрю на обложку; что-то настораживает меня: год издания, год...

"Опечатка", — говорю я себе. Ну конечно же опечатка! Не три тысячи двадцатый, а две тысячи двадцатый год. Вспоминаю про автора книги, про которого я так ничего и не узнал, ищу биографию: с чего я взял, что здесь будет какая-то биография, в начале книги, или в конце книги, или?..

...вот.

...родился в 2990 году...

"Опечатка, — говорю я себе, — опечатка". Иду к полкам, наугад беру книги — одну, другую, третью — читаю год издания. Думаю: кто сошел с ума — я или весь мир?

"Опечатки", — говорю я себе. Просто. Потому что. Опечатки.

Пытаюсь собраться с мыслями, не могу: мысли разбегаются; я вспоминаю, что хотел выбраться отсюда. Часы начинают бить полночь не к месту и не ко времени; зачем-то зажимаю уши руками.

Художник Фомальгаут Мария



Проза. Фантастика

Выхожу в коридор, вспоминаю какие-то правила левой руки: идти, касаясь левой рукой стены, и найдешь выход. Открываю все двери по пути: комната, комната, комната. Здесь щупать стены не надо: ну не может же здесь быть потайной двери, в самом-то деле!

Стоп.

Что-то меня настораживает, что-то мне не нравится, что-то... а, вот. Открываю дверь, за ней вторую, вот они, совсем рядом. Но почему, черт возьми, почему я открываю левую дверь — и вижу за ней комнату, где справа вереница стеллажей; я открываю правую дверь — и вижу такую же вереницу стеллажей слева...

Снимаю с полки в правой комнате первую попавшуюся книгу, или нет — это я в левой комнате снимаю книгу, или...

Черт...

Чувствую, что начинаю сходить с ума. Выскикиваю прочь из комнаты (из комнат?), бегу дальше по коридору в зал — хоть с этим залом вроде все в порядке...

Перевожу дух. Похоже, здесь не только книга хочет убить меня. Хотя с чего я взял, что эти комнаты хотели меня убить?..

Листаю книгу: "Родился в 2990 году, — опечатка, черт возьми, опечатка, — в Нью-Лондоне, — где это? — под светом двух лун, — опечатка, или метафора какая-то. — С раннего детства его увлекали страшные сказки, которые рассказывала тетушка, где самые страшные события непременно выпадали на двойное полнолуние, и под светом Страха и Ужаса силы зла выходили на охоту..."

"Фобос и Деймос, — думаю я, — Фобос и Деймос".

"...огромное влияние на его творчество оказали книги..."

Читаю названия, ищу хоть одно знакомое, не нахожу. Почему я хочу найти эти книги? Надо вообще искать выход, а я ищу книги. По алфавиту, по годам, по жанрам, по...

Читаю. Что-то мне нравится, что-то не очень; понимаю, что здесь работы непочатый край — читать и читать. Думаю, чего я хочу больше — выбраться отсюда или остаться здесь. На месяц, на два, на вечность; ходить из зала в залу, читать, перечитывать...

"Остаюсь, — говорю я себе, — остаюсь, пропади оно все пропадом". Устраиваюсь на диване, книга в моих руках растворяется, больно обжигает ладони. Чер-р-р-рт...

Мне становится не по себе; я начинаю пони-

мать, что с этим местом что-то очень и очень не так. Осторожно встаю с дивана, готовый в любой момент дать деру, правда, не знаю, куда. Осторожно подхожу к двери, выбираюсь в коридор, хочу пойти по лестнице вниз, тут же спохватываюсь: почему, собственно, вниз? А если там подвал, что мне даст это вниз? Иду назад: где-то там была лестница наверх. Опять же: чего ради наверх, что мне даст это самое наверх?

...книга появляется в моих руках, снова больно обжигает ладони. Бросаю книгу — черт, черт, черт — хочу бежать, тут же спохватываюсь, что книга ничего не замышляет, и вообще, это не она делает, это случилось потому что... потому что... черт возьми, откуда я знаю, почему!

"А ведь минуту назад здесь, в коридоре, не было никаких лестниц, — говорю я себе. — Выбраться. Выбраться, — говорю я себе". Если вообще есть куда выбраться, если вообще есть куда выбираться, если мне не привиделось все это: мой дом, мой город, дом, где я родился, первые попытки что-то писать, курсы писателей, недорого. Орущая мама-ша: "Ты на экономический пойдешь, я сказала, ни черта он не хочет, хочет сидеть и писать..." Бегство из дома, скитания из ниоткуда в никуда, рукопись отклонена, рукопись отклонена, рукопись отклонена, так и не заверченный роман «Ночлег для ночи», на кой хрен я вообще за него взялся...

Сжимаю зубы: не вспоминать, не вспоминать, не вспоминать. Сорок лет — ни кола ни двора, одна незаконченная рукопись. Когда вижу одноклассников, предпочитаю делать вид, что я их не узнал; Мишаня с Ленкой из новенькой тачки выходят — я на улице листовки раздаю, ни работы, ни хрена... Этой-то сценой «Часоворот» меня и добил, как там из флаера выходит магнат с женой, и они узнают бывшего одноклассника, а он в отбросах роется, ищет себе запчасти для бионической руки или для чего там... Окликают его: а-а-а, сколько лет, сколько зим, айда с нами, поужинаем, может, тебе помочь чем... А герой уже от стыда сквозь землю провалиться готов...

Тьфу ты, черт...

Без паники. Выбраться. Поднимаюсь по лестнице вверх, оказываюсь на точно таком же этаже. Поднимаюсь вверх еще на один пролет, оказываюсь в таком же коридоре. Начинаю что-то подзревать; осторожно кладу книгу на ковер, иду вверх. На следующем этаже вижу лежащую на ковре книгу. Вот оно. Началось. Снимаю ботинок, кладу рядом с книгой, поднимаюсь на пролет выше, вижу свой ботинок на ковре.



Художник Фомальгаут Мария

Часы бьют полночь. Почему-то мне теперь не очень верится, что они сломаны.

Иду в ближайший зал, включаю светильник на стене, включаю камин, думаю: электрический он или какой. Комната озаряется неярким светом, который тает под потолком в подступающей темноте. Вспоминаю каких-то японских мифических чудищ, которые прятались в темноте под потолком зимними ночами и пили свет и тепло. Накрываю голову пледом, как в детстве, ужинаю, перебираю книги — еще никогда не было так сложно выбрать, что почитать. Почему-то хочется вернуться к книге, которая меня чуть не убила, посмотреть, какие книги повлияли на её автора, кто написал эти книги, какие книги, в свою очередь, повлияли на них, проследить эту цепочку, эту вереницу вглубь веков...

— Э-э-э... Здравссьте.

Тишина.

— Э-э-э... гуд ивнинг.

Тишина.

— М-м-м-м... гутен... гутен абенд.

— Э-э-э... салют...

Отчаянно думаю, на каком еще языке можно обратиться к нему, к человеку, который сидит ко мне спиной; какие вообще языки могут быть

здесь, в три тысячи каком-то там году. Книги написаны на безумном смешении языков, наречий, иногда можно только догадываться о смысле. Хочу тронуть человека за плечо, спохватываюсь: что я делаю? А если он спит? Да что значит, если?! Точно, спит. Трогаю за плечо — голова падает на грудь. Нет, не спящий, тут другое что-то; понять бы еще, что другое. Принимаю: нет, не пьяный. Да кто их знает, что они там принимают в своем тридцатом веке; может, оно и не пахнет уже. Человек падает на ковер — мягко, безвольно; уже понимаю: мертвый.

Меня прошибает холодный пот; отчаянно припоминаю, трогал я его или не трогал; а ведь остались мои пальчики на нем, как пить дать остались. Уже репетирую какие-то протокольные фразы: я вошел, он в кресле сидел, я его окликнул, он не отозвался, я его за плечо тронул, он упал...

Наклоняюсь к мертвому (мертвому?), вспоминаю какие-то правила первой помощи, которые и не знал никогда: массаж сердца непременно с переломом ребер, искусственное дыхание. Не помню ничего; картинка была в учебнике, там кто-то человеку клыки пририсовал, будто он кровь пьет...

Смотрю на мертвого, понимаю, что реанимировать уже некого, вижу торчащие ребра там, где должна быть грудная клетка. Отчаянно сообра-



Художник Фомальгаут Мария

жаю, что тут могло случиться: съели его, что ли, или кислотой облили. Тут же понимаю, что не то, не другое, а что-то такое случилось, чего в двадцать первом веке еще не было.

Закрываю платком лицо умершего — платок исчезает.

Перебираю бумаги на столе, готовый в любой момент отдернуть руки, читаю, перечитываю: замыкание пространства, замыкание времени, тайные знаки, буквы, цифры, хрен пойми, что такое. Полчашки кофе — или что там налито — лучше не трогать: может, он этой штукой и отравился; книга — такую я еще не видел, «Бессонница сна». Хочу открыть, спохватываюсь: я же хотел найти, откуда взялась книга, которая меня чуть не убила...

Первооснову «Часоворота».

"Этого не может быть", — говорю я себе. И кому я это говорю — себе, который за последнюю неделю увидел все и даже больше? Снова перечитываю последнюю фразу, убившую меня наповал:

— "...одним из его любимых писателей был Виктор Каминский..."

Еще думаю про однофамильца, дочитываю дальше:

— "...в частности, его книга «Ночлег для ночи»".

Понимаю, что никакой ошибки быть не может. Стою перед часами, которые наконец-то нашел. Они показывают без одной минуты час, минутная стрелка перескакивает на двенадцать, тут же на двенадцать скачет часовая стрелка. Говорю себе, что часы испортились. Просто. Часы. Испортились.

Никак не думал, что первоосновой «Часоворота» окажется моя собственная книга.

Вот так.

Говорю себе, что теперь осталось найти книгу. Свою книгу. «Ночлег для ночи». Перебрать по алфавиту, по жанрам, по годам, выискать, черт меня дери. Мне кажется, это случится довольно быстро: чем дальше, тем больше я чувствую, что бесконечная библиотека читает мои мысли, подсовывает мне то, что я ищу — а может, мне это только кажется. Выхожу в коридор, что-то происходит: пол и потолок меняются местами. Хватаюсь за

стену, жду, когда все станет как было. Мир возвращается на место, стена, которая была справа, почему-то оказывается слева, а дверь в комнату, напротив, справа. Страшная догадка сжимает сердце; я раскрываю книгу, пытаюсь читать — не могу, подношу зеркало — разбираю буквы без труда.

Отчаянно вспоминаю, что я делал до того, как коридор вывернулся наизнанку. Отступаю назад — пол и потолок снова меняются местами, хватаюсь за стену — мир возвращается в привычное русло.

"Книга", — говорю я себе. Книга, которую написал я сам; будь я проклят, если её не найду. Иду по коридорам, по привычке открываю все двери: может, за какой-то из них окажется выход. Пару раз вижу вдалеке коридора свет, похожий на уличный, сумеречный; бросаюсь туда: нет, только тусклое сияние ламп...

Все еще сжимаю в руке книгу, с которой началось мое путешествие, все еще не могу расстаться с «Часоворотом». Я уже заметил, что книга исчезает, как только я говорю себе, что не уйду отсюда, и появляется снова, стоит мне сказать себе, что я обязательно найду выход.

"Почему ты хочешь убить меня, — спрашиваю я книгу, — почему ты хотела убить меня?"

Книга молчит, книга уже сказала мне все, что могла... или нет? Перебираю залы, стеллажи, каталоги; наконец нахожу то, что искал: издание 3030 года, переработанное и дополненное. Листаю, ищу, сам не знаю что. "Большое влияние на его творчество оказали... — это уже было —... родился в Нью-Лондоне... — было — ...под светом двух лун... А вот..."

"...разумеется, даже сейчас не все с восторгом встречают «Часоворот»; есть люди, которые призывают сжечь скверную книгу, даже бывали случаи массового сожжения «Часоворота» на площадях. Некоторые особо упоротые фанатики требуют сжечь не только саму книжицу, но её последователей, и их не смущает, что в таком случае придется уничтожить половину человечества. Особенно ревностно борются с «Часоворотом» последователи «Бессонницы сна», впрочем, этому способствует и сама «Бессонница» своей нетерпимостью к инакомыслящим..."

Что-то щелкает в голове, начинаю понимать, но недостаточно быстро; кусочки никак не хотят складываться в общую картину. Сжимаю голову в висках, пытаюсь поймать ускользающую мысль: вот оно, вот оно, вот...

Нет.

Чер-р-р-т...

Устраиваюсь на диване; надо бы поужинать, уже три часа как надо поужинать, все некогда. Открываю «Бессонницу сна», чувствую, что книга меня затягивает с первой страницы, с первых строк, теряюсь в книге...

«Часоворот» снова исчезает. Захлопываю книгу, умоляю «Часоворот» вернуться. На кой черт я умоляю её вернуться? Она меня чуть не убила! Тем не менее. Вернись, вернись, вернись, не буду я читать эту «Бессонницу», не буду.

«Часоворот» появляется на столике, я протягиваю к нему руку, хочется потрогать его до того, как он станет настоящим, непрозрачным, существующим — удар тока отбрасывает меня.

Слышу бой часов, голос полуночи. Спать, спать, ужинать и спать, а завтра будь я проклят, если не найду свою книгу...

Завтра...

Уже наливая кофе, или что там, спохватываюсь: вспоминаю, что не бывает тут никакого завтра...

...почему-то мне кажется, что снаружи осень...

"Почему ты здесь, — спрашиваю я книгу, — почему ты здесь?" Книга молчит; она так и будет молчать, пока я её не открою. Моя книга. «Ночлег для ночи». Сжимаю в руках, глажу переплет, — твердый, добротный. Кто эту обложку вообще рисовал? Руки ему вырвать и вставить не скажу куда. Устраиваюсь поудобнее на диване, долго не решаюсь открыть, чувствую, как потеют ладони.

Раскрываю. Оторопело смотрю на пустую страницу: это еще что за чертовщина? Еще одна пустая страница, еще, еще... чер-р-рт... Листаю книгу, наконец натываюсь на фрагмент абзаца, еще один, еще...

"Почему ты показываешь мне только то, что я сам написал? Почему, почему?" — спрашиваю я книгу. Книга молчит. Вытаскиваю из кармана блокнот и ручку, выискиваю неоконченный фрагмент, начинаю дописывать, смотрю, как на странице книги появляются слова...

Черт...

Заглядываю в начало книги, ищу свою биографию: биографии нет, ничего нет. Шальная мысль ударяет в голову, я хватаю книги — все три, я спешу по коридорам, по лестницам, по залам, я ищу стеллажи с биографиями, я нахожу их — достаточно быстро, прямо-таки до неприличного быстро, мне всего лишь два раза пришлось пройти через мир, вывернутый наизнанку, и заблудиться в измерениях. Писатели, писатели, вот они, писатели; ищу свою фамилию, нахожу не сразу, поче-





Художник Фомальгаут Мария

му-то буква «К» за тысячу лет перекочевала в алфавите непонятно куда, уступив место каким-то иероглифам и непонятым знакам.

Виктор Каминский.

Годы жизни.

Вот так, в лоб: умру в этом году. "Осталось полгода, — говорю я себе, — осталось полгода". Почему-то спрашиваю себя, успею ли я дописать Ночлег для ночи, или нет. Да что тут спрашивать? Успею. Написано же: автор «Ночлега для Ночи», — а от чего умру, не написано.

Перебираю записи, которые подобрал на столе возле умершего; будь я проклят, если не разберусь во всех этих закорючках, если не выберусь отсюда. Думаю, сколько буду разбираться. Год. Два. Десять лет. Двадцать лет. И через сколько лет я захочу покинуть это изобилие книг...

...ужинаем вчетвером: я, «Ночлег для Ночи», «Часоворот» и «Бессонница Сна». Расставляю по столу чашки, наливаю себе ку-эф (это не кофе, теперь я знаю, что это), режу еду, оглядываю сидящих со мной: кажется, «Бессонница» боится мо-

его взгляда. Я не тороплюсь, я выжидаю, я растягиваю паузу, я уже знаю, что «Бессонница» сидит как на иголках. Да и торопиться мне уже трудно: девяносто лет все-таки...

Допиваю ку-эф.

Откашливаюсь.

— А вы молодец, «Бессонница»... Нет, правда, люблю умные книжки, умные и сообразительные... Это ж надо же было всё так подстроить... Нет-нет, даже не отпирайтесь, вы даже не думайте, что я вас раскусил. Это ж надо же было додуматься: завербовать ученого, который работал с пространством и временем, надоумить его выдернуть меня из моего времени, посадить в библиотеку будущего, подсунуть мне «Часоворот»... Вы хорошо знали мою биографию, вы понимали, что «Часоворот» может довести меня до отчаяния, до суицида, и у вас почти получилось, я остановил себя в шаге от бездны... А как ловко вы рассчитали: я умру, «Ночлег для Ночи» никогда не будет дописан, его никто не прочитает, он никого не вдохновит на написание новых книг, которые поэтому тоже никто не прочитает, не напишет что-то но-

вое... и «Часоворот» не появится. Вы хотели, чтобы «Часоворот» — ваш конкурент, ваш враг — вот так убил самого себя... Но у вас не получилось. Я оказался умнее, чем вы думали... Впрочем, у вас были и запасные варианты. Вы надеялись, что я не смогу выбраться из библиотеки, ведь вы предвидели, что ученый погибнет, когда будет закручивать пространство и время... Опять же, я оказался умнее, чем вы думали, я разобрался с этим за несколько лет, теперь мне ничего не мешает выйти отсюда... Впрочем, у вас был еще один, последний козырь, на который я едва не купился: вы интересная книга, спору нет; если бы я вас прочитал, я бы в жизни не стал дописывать свой «Ночлег», я бы вообще сжег рукопись... Но и тут вы недооценили меня: я догадался, что мне не следует читать вас, пока я не напишу свой «Ночлег»... Я все-таки прочитал вас, но уже после того, как поставил точку в своем «Ночлеге». Нет, я не спору, вы интересная книга, вы захватываете с первой страницы... Но похоже, будущее останется за «Часоворотом».

Книга ничего не отвечает. Я знаю, что она ничего не ответит, она уже сказала мне все что могла.

Спать... нет, спать сегодня я буду уже дома. Дрожащими руками беру флешку с «Ночлегом для ночи», по стеночке, по стеночке иду по коридору, бросаю прощальный взгляд на две книги, которые остались в зале. Перевожу дух. Что-то подсказывает мне, что сегодняшняя ночь для меня станет последней. Ничего. Открыть портал — я знаю, как это сделать, вызубрил наизусть. Войти в комнату. Включить ноут... нет, он уже включен. Вставить флешку. Обнаружено новое устройство. Очень хорошо. Почта. Адрес издательства. Добавить файл. Отправить. Вот так. Лечь спать. Не раздеваясь, — нет сил раздеться. Комната выглядит непривычной, прямо-таки чужой. Спать. Холодок по ногам; надо бы укрыться, нет сил укрыться, комната вертится каруселью, роняет меня в никуда, цепляюсь за остатки мыслей, знаю одно: ночь нашла свой ночлег...



Фомальгаут Мария

<https://writercenter.ru/profile/Fomalgaut1/whois/>



Мы, люди

Русуберг Татьяна

« — Жестокое обращение с роботами? Не смешите меня! Неужели вы будете серьезно рассматривать законопроект о жестоком обращении, скажем, с вашей душевой кабиной? А она ведь тоже обладает ИИ: это необходимо для эмоциональной и физиологической настройки на пользователя.

— Да, но у бытовых приборов искусственный интеллект слабого типа. Вопрос в том, как быть с роботами — носителями сильного ИИ, близкого к человеческому разуму? А именно такими являются геминоиды и андроиды класса G и выше.

— Помилуйте, робоэтический кодекс приняли еще полвека назад, чего еще нужно этим венгистам?

— Да, но нарушение правил робоэтики владельцем того же андроида может повлечь за собой разве что административное взыскание, тогда как нарушение законов мехэтики для дроида обычно заканчивается...»

От парковки у гипермаркета замигал крошечный красный огонек. Я отвлеклась от инфоэкрана в витрине. Что там у МиМо? Клиент нарисовался? Самопальный лазерный перстень повторил сигнал:

«У тебя все норм?»

Ясно, МиМо заскучал. Мы этот паркинг уже битый час пасем, и еще ни одной поклевки. Я хоть могу пялиться на тупые ток-шоу или док-станцию для дроидов, а бедный парень, наверное, от рекламы уже осатанел. Поздно вечером в маркете толкнутся в основном парочки и озабоченные самцы, так что голоизображения на боках запарко-

ванных аэрокаров появляются соответствующие: противозачаточные средства, ночные клубы, хостесс-бары, вирт-развлекуха эротического содержания. МиМо можно было только посочувствовать.

«Все ОК», — просигналила я напарнику в ответ. Мой перстень был зеленым, а у НийО — синим, но НийО пока вел себя тихо: бродил по террасе маркета, делая вид, что увлечен вирт-покупками.

Ток-шоу на экране сменилось последними новостями: после пятничного взрыва в луп-туннеле еще оставались неопознанные жертвы, ни одна из экстремистских организаций на себя ответственность не взяла.

Я снова покосилась на геми у док-станции. Странно себя ведет этот дроид: на зарядку не встает, в маркет тоже не заходит. Торчит себе в тени у стеночки. Конечно, может, у него батарея полная, а хозяин велел ему снаружи ждать, пока не затоварится. Но меня геми все равно нервировал. Таков был один из первых уроков, усвоенных мной на улице: все необычное, ломающее рутину, потенциально несет в себе опасность. Улица не любит перемен и новичков. А одинокий дроид давал еще один повод для беспокойства: он казался смутно знакомым.

Еще раз тщательно покопалась в памяти. Нет, это лицо с высокими, отчетливо выраженными скулами, аккуратным носом, чуть выступающим подбородком и по-детски мягкими губами я вижу впервые в жизни. Лицо, слишком красивое для человека, что и подтверждали две черных полос-





Художник Josh Norman

ки на щеках — татуировки штрихкода. Тату на лице были обязательны для всех дроидов: людей пугало слишком сильное сходство и возможность принять геми, например, за человека. А это вполне могло случиться: ведь в отличие от андроидов, геминоиды искусно подражали движениям людей

— тем мелким, произвольным движениям, которые отличали человека от куклы.

Вот и этот геми переминался с ноги на ногу, будто устал стоять на месте; потирал шею и выбритый снизу затылок; поеживался, обхватив себя руками... Можно было бы подумать, что ему хо-



Проза. Фантастика

лодно, ведь одет он был совсем не по погоде: в голубые брюки, такого же цвета рубашку и тонкие темные туфли. И шмотки, и обувь входили в стандартный комплект, в котором владелец получал дроида при покупке. Предполагалось, что хозяин позже подберет ему гардероб по своему вкусу. Но этот геми выглядел так, будто щеголял в голубом костюмчике давно, а туфли, похоже, порядком сбились на носках. Более, чем странно: если неизвестный хозяин смог отвалить туеву хучу кредов за дроида класса люкс, почему решил сэкономить на тряпках?

Я зажмуриваюсь. Фак, МиМо! Провел лазером прямо по глазам! Что за дебилские игры?!

Чуть проморгавшись, полностью забываю о странном геми. НийО уже целеустремленно шагает к парковке. МиМо исчез, но я вижу цель: одинокая женщина средних лет, за которой движется грузовой дрон, до отказа набитый всякой снедью. То, что доктор прописал!

Быстро натягиваю капюшон и спрыгиваю со своего наблюдательного пункта — скульптуры на фасаде здания напротив маркета. Приходится перейти на бег: знаю, МиМо вломит мне потом за то, что отвлеклась, и чуть не поставила все предприятие под угрозу. НийО замедляется, поджидая меня, в итоге на парковку мы выходим вместе. К счастью, жертва еще не успела дойти до своего кара.

МиМо внезапно появляется из-за высокого фургона. Женщина не останавливается, чуть не задев его плечом: ее линзы явно активированы, так что Тень для нее — невидимка. А вот для дрона — нет. Тонкий красный луч ослепляет его визоры. Дрон застывает на месте, и тут я вытаскиваю из-под полы импульсник. Тоже самопальный, конечно, как и лазерные игрушки. Дрон превращается в кучку металлолома. МиМо и НийО коршунами падают на него, торопливо набивая рюкзаки продуктами. Ничего не понимающая женщина, приоткрыв рот, пялится на пляшущие в воздухе покупки: так, должно быть, это выглядит через вирт-линзы.

Сразу два охранника катят к нам с разных сторон, пища и выкрикивая предупреждения. Я глушу и этих, но, конечно, они успели передать сигнал копам. Не важно: мы уже несемся по залитым искусственным светом улицам — каждый в свою сторону. Я даже успела бросить пару раскатившихся банок в свой рюкзак.

Сирены копов быстро стихают за спиной. Кружу по темным, безлюдным переулкам, пока не убеждаюсь, что за мной нет хвоста, и только тогда

иду к маленькой круглой площади у булочной. Лавка уже закрыта, но свежую выпечку выдает автомат, у которого, впрочем, никого нет.

МиМо и НийО сидят на бортике фонтана, изображающего мальчишку в обнимку с длинношейей упитанной птицей. Как же такая называется? Я видела как-то похожую — в зоопарке, давно, когда еще жила с братом.

— Где тебя носит, ЙоКи? Мы уж думали, тебя замели. — НийО болтает ногами и роется в рюкзаке, разглядывая добычу.

— На чо ты там вообще уставилась? — МиМо зло скребет затылок — ему бы давно не мешало помыться. — Еще немного, мы бы упустили эту гусыню!

Тут у меня в голове щелкает. Я вспоминаю сразу две вещи: как называется птица, которую обнимает фонтанный мальчик, и почему тот геми у маркета показался мне таким знакомым.

— Сорян, люди. — Сую НийО свой рюкзак. От неожиданности парень чуть не шлепается спиной в фонтан. — Надо отбежать по делам. До встречи в Гнезде.

Отскакиваю в сторону прежде, чем МиМо успеваает цапнуть меня за рукав. Знаю, никто из ребят за мной не погонится: ноша, которую нужно доставить оставшимся в Гнезде, дороже.

По всем законам логики геми у маркета уже не должно было быть. А по законам безопасности меня там быть не должно тоже. И все же — вот он, геми, все на том же месте, только теперь съезжился у стены на корточках. И вот она, я: пришлось снять капюшон и изменить цвет куртки. Но все равно, лучше на свету не маячить.

— Привет. — Я остановилась в полуметре от геми.

Он тут же поднялся — неуверенно, заторможенно. Золотистые, светящиеся в полумраке глаза уставились на меня.

— Добрый вечер, госпожа.

А его хозяин — эстет. Цвет радужек подобран идеально к цвету кожи — смуглому, с персиковым отливом. Длинная жилистая шея украшена сложными татуировками, поднимающимися на основание черепа.

— Кто был твоим оператором? — Перехожу я сразу к делу.

Геми не ожидал такого вопроса. Зрачки расширились, язык облизнул сухие губы.



— Эта информация доступна только хозяину, госпожа.

Голос у него тоже приятный: пацанский, довольно высокий и хрипловатый. Внешность для геми выбрали лет на шестнадцать-семнадцать. Со стороны, наверное, мы казались почти ровесниками, хотя на самом деле старше была я. Эту модель запустили в производство не более пяти лет назад.

— Где твой хозяин?

Геми часто заморгал, отвел взгляд. Если бы передо мной стоял человек, я бы решила, что он собирается соврать. Но дроиды не могут лгать. Хотя законы мехэтики позволяют умалчивать правду в одном случае — чтобы не навредить человеку. Но данный пункт здесь не действует: я не могу знать хозяина. Мы с геми никак не связаны — никак и ничем, кроме моего смутного подозрения.

— Отвечай, — приказала я.

— Я не знаю, госпожа.

Опа! Становится все страньше. Либо геми таки врёт, что означает серьезную неполадку в системе, настолько серьезную, что при первом запланированном самоанализе дроид должен послать сигнал производителю и вырубиться; либо... хозяин заблокировал ему доступ — что еще невероятнее; либо этот человек мертв — так основательно, что уничтожено само тело или та его часть, где находится и-чип. Есть, конечно, еще один вариант: хозяин геми стал Тенью. Но если это так, я быстро его найду: ведь я и сама — Тень.

— Идем со мной.

Дроид неуверенно вскинул на меня лучистый взгляд, но не двинулся с места.

— Или хозяин велел тебе ждать здесь?

Он покачал головой.

— Нет, но... мне нужна подзарядка, госпожа. Осталось всего три процента.

Три? Вот дерьмо! Еще немного, и он вырубится, независимо от того, соврал мне или нет.

— Какого же хрена ты не идешь в док?! — Я ткнула в сторону ярко освещенной станции, в которой лишь две ячейки из восьми были заняты андроидом.

Геми опустил взгляд, кадык нервно дернулся. И вот оно — снова это призрачное движение: ладонь скользит с шеи на затылок, потирает короткую щеточку волос, снова оглаживает вязь татуировок. Сколько раз я видела этот жест, когда брат задумывался над взятой на дом работой или смотрел новости, или...

— Мой счет пуст, госпожа. А с хозяином нет связи.

Голос геми, чужой голос, вернул меня в реальность.

Значит, владелец золотоглазого либо труп, либо Тень. Либо дроид безбожно врёт, и ожидать от него можно чего угодно.

Я дотронулась до его руки. Геми вздрогнул, но не посмел отстраниться. Его кожа так похожа на человеческую на ощупь: гладкая, мягкая и... очень холодная. Даже холоднее моей. Должно быть, дроид остывал, чтобы сохранить энергию, затрачиваемую на поддержание температуры тела, приятной для контакта с человеком.

— Почему ты не идешь домой? — Я выпустила его руку, и геми вздохнул с облегчением. Конечно, дроиды не дышат — это было всего лишь еще одно заученное движение. Потому что мы, люди, делаем так. — Я видела, ты здесь уже давно.

Я думала, он скажет, что у хозяина отключили электричество за долги, или совет что-нибудь, раз уж предположительно потерял пару винтиков. Но геми поднял на меня взгляд, полный боли и ужаса, и прошептал едва слышно:

— Я не хочу туда возвращаться.

И тогда я спросила:

— Как тебя зовут?

— Кин, госпожа.

— Я — ЙоКи. Иди за мной. И прекрати называть меня «госпожа».

Всему, что я знаю о геминоидах, научил меня старший брат. Не знаю, жив ли он еще, но запрещаю себе верить во что-либо другое. НеМо часто брал меня с собой на работу и постепенно я перестала пугаться, видя его в операторском кресле — неподвижного, с бледным напряженным лицом в обрамлении шлема. Так же как перестала вскрикивать от вида очередного геми, которому отвечивали пощечину, бросали на колени крысу или совали в рот какую-нибудь гадость. Я поняла, что брат учил их, как родители учат маленьких детей. Только дети копируют маму и папу и так начинают выражать свои эмоции и вести себя, как люди. НеМо передавал свое умение напрямую. Удивительным, недоступным тогда моему пониманию образом он попадал в тело дроида и отдергивал его голову от ударов, кривил его лицо в гримасе отращения при виде крысы, морщился от горького вкуса во рту.

Геми учились гораздо быстрее детей. Усвоив мимику и движения оператора как собственные,



они начинали постепенно копировать всех встреченных ими людей, дополняя стандартный набор, «воруя» черты, которые могли бы понравиться тому человеку, на которого они были настроены, — их хозяину. В итоге, не обладая эмоциями, геми могли создать собственную уникальную личность, почти неотличимую от личности человеческой. Почти, потому что в лексиконе геми, как и любого другого дроида, не было и не могло быть одного простого слова: «Хочу».

После того как брата арестовали и судили по обвинению в промышленном шпионаже, я ушла в Тень. Мне было всего одиннадцать, но я понимала, что обвинение — ложь. НеМо знал слишком много, чтобы просто уволить его, но терпеть в своих рядах венгиста корпорация не стала.

Я смогла сбежать из приюта и найти тех, кто помог мне избавиться от и-чипа. Так я стала невидимкой для большинства людей и машин, я стала свободной. Кину сказочно повезло, что я первая обратила внимание на праздного геми и заговорила с ним. Любой другой на моем месте исполнил бы гражданский долг и сообщил о подозрительном дроиде копам или в сервис-службу. Но Тень ничего не должна этому обществу, на то она и Тень.

Проще всего оказалось вломиться в медиатеку. Пара выстрелов из импульсника, и сигнализация сдохла вместе с замком. Я повела Кина к доку

по погруженному в темноту помещению. В таких местах всегда были бесплатные док-станции для дроидов клиентов, это я помнила по тому счастливому времени, когда у меня еще была семья.

Бедолага геми едва переставлял ноги: даже возмущаться моими противозаконными действиями он не мог, хотя, судя по выражению лица, они его пугали. Кин почти упал на складной стульчик, прикрученный к стене для экономии места. Я сунула кабель ему в руку. Мягкая плоть расступилась. Геми издал облегченный вздох и растекся спиной по стенке: он напоминал сейчас пациента с капельницей, вот только «игла» перегоняла в вену не физраствор, а киловатты энергии.

— Сколько теперь ждать?

Его опущенные веки затрепетали, реагируя на мой вопрос.

— Час пятьдесят три минуты до полной зарядки.

— Расскажи, почему ты не хочешь возвращаться домой?

Его веки раскрылись, золотистые радужки вспыхнули в темноте, но тут же подернулись пеплом. Он помолчал. В темноте слышалось напряженное дыхание, которое не было дыханием.

— Меня купили как домашнего помощника, — наконец начал он. Медленно, словно каждое слово стоило огромных усилий. — Я был рад такой работе и старался угодить хозяину. Очень старался. Но



хозяин часто оставался недоволен мной и злился. Сначала он бил меня и смотрел, как затягиваются повреждения. Как будто пытался выяснить, как сильно и часто надо наносить удары по одному и тому же месту, чтобы мышцы и кожа не справились с раной. Но они всегда справлялись. И тогда хозяин...

Кин замолчал, прикрыв глаза, и я продолжила за него:

— ...стал пытаться тебя электричеством.

Золотистые радужки вспыхнули, словно я подула в костер:

— Откуда ты знаешь?!

Я тряхнула головой:

— Догадалась. Геми не испытывают боли, но великолепно воспроизводят реакцию человека на боль. К тому же... кое-что вы все-таки чувствуете: неудобство, истощение, сенсорный голод или наоборот, перегрузку, и, конечно, страх небытия. В этом мы, люди, очень похожи.

— Мой и-чип... — вырвалось у Кина. Он часто заморгал. — В последний раз напряжение было таким сильным, что... Меня теперь сотрут?

— Не бойся. Ты не один. — Я положила ладонь на колючий затылок и перевела перстень в режим удаления татуировки.

Той ночью я засыпала в Гнезде, обнимая теплое тело КиНо, а КиНо, не нуждавшийся во сне, согревал меня в ответ. Когда-то, давным-давно, я спасалась от кошмаров в постели брата. Сегодня я смогла спасти от кошмара еще одну часть его самого.



Русуберг Татьяна (Suelinn)

<https://writercenter.ru/profile/suelinn/whois/>



Человеческий фактор

Судельницкая Наталья

Самое страшное, наверное, с чем можно столкнуться на космическом корабле — это пожар. Одна сигарета, одна маленькая искра, и по тлеющим переборкам корабля начинает стелиться дым, от которого никуда не уйти в закрытом пространстве. Можно даже не сгореть, но наверняка задохнуться, и никто не скажет, какая из этих смертей лучше. Поэтому капитан Джон Диксон запрещал на своем корабле курить всем. А поскольку считал, что все на корабле равны, отказывал в этом удовольствии и себе. И те редкие минуты, когда можно было прилечь на диванчик или вовсе на пол, используя вместо подушки рабочий рюкзак, забить ароматную смесь в чашку кальяна и сделать первый вдох, с ещё совсем легким ароматом, без горчинки, которая появляется после того, как угольки хорошо прогорят, он очень ценил и старался о делах в эти моменты не говорить. Окружающие об этой слабости капитана знали и уважали её, не отвлекая понапрасну.

Однако в этот раз ему не дали сполна насладиться курением. Тактично кашлянув, к трапу корабля, недалеко от которого прямо на земле капитан и расположился со своим набором для счастья, подошел курьер с папкой со штампом, красноречиво намекающим, что не открыть его нельзя. Судя по всему, старое флотское начальство вспомнило бедного капитана Диксона, и не видать ему уже ни пенсии, ни даже отпуска, чье наступление он так замечательно праздновал,

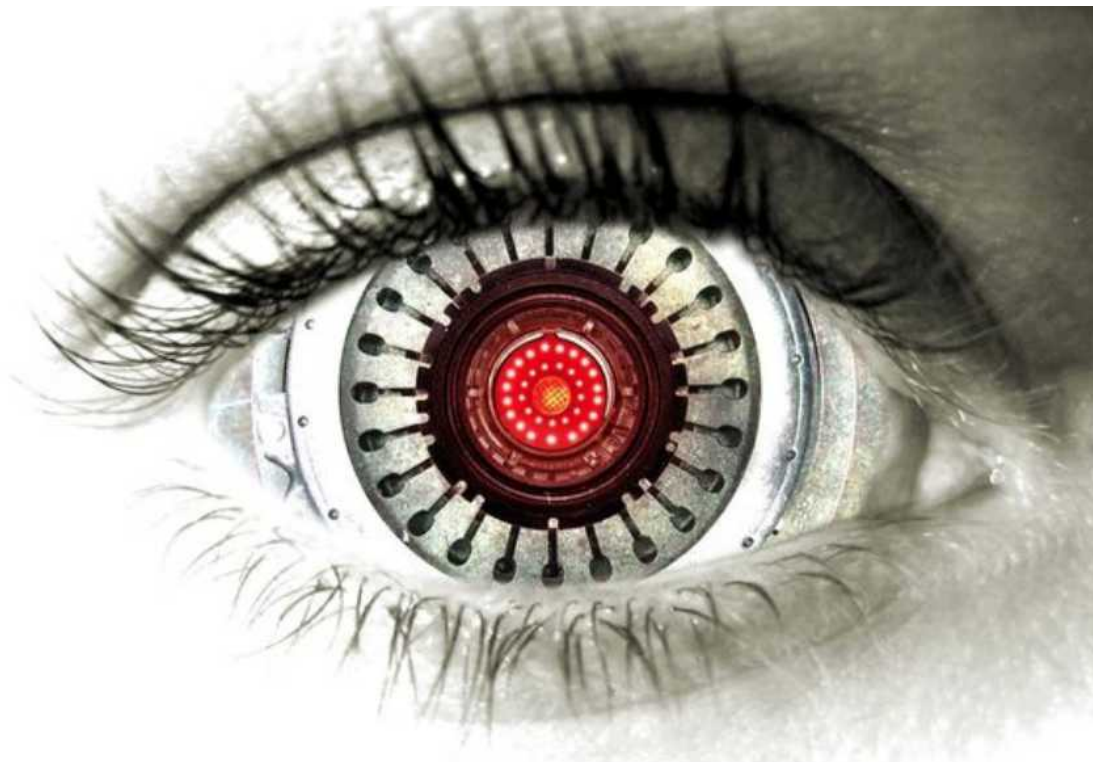
ибо ничего хорошего такие конверты не таили: в них рассылались задания от Всеимперского галактического флота. Задания полуофициальные, а зачастую и тайные, а оттого не посылаемые по общей сети. Вскрыть эти конверты могли только обладатели определенного набора генных цепочек, а потому спокойно передавались специальной курьерской службой флота, где работали элийцы, известные тем, что легко переносили любые перегрузки при больших скоростях.

Как Диксон и подозревал, в конверте находилось «приглашение» срочно прибыть на головную базу для встречи с адмиралом. И никаких объяснений. Прощай, отпуск. От таких новостей не спасёт даже любимый табак, поэтому капитан огорченно сплюнул и пошел разбирать нехитрый прибор.

Через двадцать часов он уже входил в приемную адмирала, неся злополучный конверт как флаг. Кивнув секретарю, который быстро в интерком оповестил свое руководство о прибытии капитана, он вошел в кабинет и подчеркнуто аккуратно закрыл за собой дверь. После чего подошел к столу, положил конверт, нарочито медленно расправив его уголки и сел на стул.

— Здравствуй, брат. — Адмирал, седой, практически белый, словно состаренная копия капитана, ухмыльнулся, глядя на представление, устроенное Джоном. — Не ожидал от тебя такой выдержанности. Думал, как обычно, влетишь, кинешь мне этот конверт в лицо и прокричишь:





«Сколько можно меня использовать? Мало я отдал на благо Империи? Могу я хоть на пенсию спокойно уйти!». А ты сидишь, молчишь. Не заболел ли?

— Да вот, думаю, что слова мои ты уже слышал триста раз. Зачем повторяться? Да и, видимо, старею, даже кинуть в тебя ничем не хочется. — Капитан поцарапал в раздумьях шрам, пересекающий правую бровь, и, развалившись на стуле, поднял глаза на старшего брата. — Ну, давай, вещай. Что я опять должен сделать? Украсть энергетический кристалл леранийцев? Установить подслушку на кораблях союзнического флота? Чего твоей душеньке хочется?

— Я прошу тебя провести тест нового... эм... оборудования. Робота. Он уже подтвердил профпригодность в лабораториях и в индивидуальном полете. Но мы хотим его опробовать в коллективе.

— То ли я и правда старею, то ли на пенсию пора тебе. Мне послышалось, что ты просишь меня протестировать робота. С каких это пор я заделался в нашей семье тестировщиком? Брат, я капитан грузового корабля средней тоннажности уже больше десяти лет! Да, мы летаем туда, где ваших дипломатов и военных не рады видеть, но вы сами в этом виноваты. Да, у меня больше возможностей, чем ты, скорее всего, можешь себе представить. Но робот? Да я ж нихрена в них не понимаю!

— Язык, Джон. — Адмирал достал из ящика портсигар и, предложив сигарету Джону, с удо-

вольствием закурил сам, пустив колечко дыма в потолок. — Это, скорее, задание для твоего таланта доморощенного, Косте. Ты ведь до сих пор с ним летаешь? Такой интересный молодой человек.

— Летаю, куда я от него денусь, — хмыкнул Джон, вспоминая, что «молодому человеку» за сорок уже, и он тоже подумывает осесть на земле. Но у старшего брата все, кто моложе шестидесяти, считались молодыми ещё да глупыми, даром, что он сам, несмотря на полностью седую голову, недалеко ушел от этой цифры. Помнится, года два назад праздновали шестидесятилетний юбилей с фейерверками, морем алкоголя и доступными девочками, а именинник ещё кричал, что он молодой и жениться не собирается.

— Понимаешь, какая штука. У штаба уже полно неофициальных запросов на этого робота, он тесты прошел — закачаешься! Ни одного отклонения: ни по трассе, ни по временной шкале, ни по сохранности грузов. Но летал он пока что только на коротких путях, и если мы его не опробуем в дальнем космосе, никто не посмеет взять его на вооружение. Даже в массовое производство не пустят.

— Стоп. Это военный робот? Я давно уже не связан с армией!

— Да выслушай уже меня до конца! — не выдержал адмирал. — Это гражданская модель. Класс «Капитан», создан для управления гражданскими и грузовыми кораблями. Заменяет собой экипаж из десяти человек!



Проза. Фантастика

— А людей — на помойку? Отлично, брат, просто отлично, — Джон нервно приподнялся в кресле, на котором еще не так давно с комфортом расположился, приготовившись слушать самые безумные, на его взгляд, идеи брата.

— Значит, так. — В голосе адмирала послышались стальные нотки, и Джон перестал ёрничать. Этот тон он знал с детства. Шутки закончились, пришло время серьезного разговора. — Мой помощник передаст тебе инструкцию к роботу. Прочитать внимательно, запомнить и передать Константину! Провести все тесты, тщательно записать результаты и передать мне лично, не используя сеть. Как понял?

— Принято.

Диксон встал. Сказать все равно больше было нечего, придется принимать новое «оборудование» и как-то пытаться с ним сосуществовать. Можно, конечно, ещё поворчать или поторговаться с братом, но адмирал мог выпустить тяжёлую артиллерию и напомнить всё то, на что обычно закрывал глаза: и вопреки всем указаниям исключительно человеческий экипаж, и зачастую неофициальные миссии, что выполнял корабль в обход начальства, и не совсем чистые послужные списки некоторых членов экипажа. Все эти поблажки значили только одно: тебе дают не слишком пыльную работу, изволь её выполнить.

— А потом уже и на пенсию! — скупой улыбнулся старший брат, снова раскуривая погасшую сигару. — Слышал, ты домик с огородиком присмотрел на Второй Земле? Считай, что он твой. Будешь выращивать травы или что ты там хочешь делать, писать мемуары и принимать по выходным друзей на барбекю. Но тест надо провести. В общем, отпуск я тебе портить не буду, жди новобранца через неделю, подробности полёта получите стандартной рассылкой.

— Хорошо. Посмотрим на вашего робота, — буркнул Джон, оправил форму и вышел восвояси.

По пути на корабль он наскоро просмотрел информацию о новом приобретении. А робот то не так прост. Полностью автономное управление, никаких подзарядок в течение десяти лет бодрствования и тридцати — в спящем режиме. Запрограммирован на управление деятельностью экипажа в рамках полета гражданских и грузовых судов. Эта зараза и правда может заменить весь коллектив на корабле! Однако хорошую подлянку ему брат подкинул.

Инженер, он же интендант, он же программист, он же лучший друг, правая рука и доверенное лицо капитана, выразился гораздо, гораздо экспрессивнее, когда узнал о новом задании и мельком глянул на технические характеристики новичка. Вспомнив словесные кружева альтернативного национального языка, Костя (для чужих — Константин Игоревич) десять минут, не прерываясь, рассказывал всё, что он думает об этой ситуации, и что он желает уволиться в тот же миг, как новоиспеченный стажёр капитана вступит к ним на борт. Диксон, который думал, собственно, так же, но не мог пойти против прямого приказа адмирала, был вынужден надавить авторитетом, намекнув, что в случае чего отпуска и пенсии лишится не только он.

Через неделю к кораблю, где накануне собрался экипаж после увольнительных и теперь неспешно приводил себя в порядок, подъехал кар, из которого вышел человек, пропорционально и ладно скроенный, окинул внимательным взглядом борт судна, где черной краской криво было выведено название, недовольно поправил мундир и поднялся по трапу. Собственно, человеком его можно было назвать, только увидев издали — две руки, две ноги, загорелая кожа. Но вблизи можно было заметить, что вместо глаз у этого существа то ли видеокамеры, то ли боевые лазеры с самонаведением.

Именно этот лазерный прицел огорошил команду корабля, собравшуюся в кают-компании — большом помещении, созданном из нескольких персональных кают, между которыми подняли перегородки. При необходимости все возвращалось в первоначальное состояние, задуманное инженерами, и грузовой корабль мог взять с собой и пару десятков лишних пассажиров.

Сейчас же в объединенном помещении находилось семь человек, обслуживающих работу корабля. В связи с ранним временем, большая часть еще завтракала в соответствии со своими потребностями, наслаждаясь свободной формой одежды и вкусной едой «с земли» перед образом и дисциплиной во время затяжного полета. Единственная девушка на корабле — пилот Малышка Кью, которую звали так не за невысокий рост, а за необыкновенную хрупкость фигуры при аппетите, сравнимом с оным у





двух мужиков, первая увидела новичка и под взглядом стеклянных красных глаз просыпала хлопья мимо миски с молоком.

— Похоже, вы и есть наш новый стажер, — проговорила она еще хриплым со сна голосом и поднялась поприветствовать новичка. — Добро пожаловать в...

— Будьте добры, уберите за собой беспорядок на столе. — Безэмоциональный голос стажера заставил оторваться от своих тарелок всю команду.

— Да, Малышка, — раздался чей-то довольный голос. — Этого парня тебе не обаять. Иди ко мне, лучше, я тебя приголублю.

— Кактус свой приголубь, извращенец. А у меня Хопкинс для этого дела есть, — огрызнулась девушка, собирая рассыпанную еду рукой.

— Неуставные отношения в команде запрещены Уставом, — твердо сказал робот.

— Мы знаем Устав, железяка бездушная. — Возле Малышки словно из воздуха материализо-

вался хмурый здоровяк с характерным амбрэ похмелья и закрыл ее собой. — Не надо нам его цитировать. Лучше расскажи, чем ты собираешься заниматься на корабле. У нас укомплектованный экипаж.

— На текущий момент я буду заменять капитана корабля во время его отсутствия или сна.

— Ночной вахтер? Забавно. Капитан говорил, что к нам для тестирования прибудет робот высшего класса, но он не упомянул, что этот робот будет вахтером.

— Я не вахтер. Мой функционал позволяет заменить половину экипажа корабля. Я создан для дальних рейсов с целью уменьшения рисков для психологического здоровья человека.

— Отлично. Интересно, что будет, если риск повреждения психологического здоровья появится у тебя после общения с моим экипажем. — Из-за дальнего стола встал капитан и подошел к роботу. — Но это и моя вина: хотел посмотреть на тебя издали сначала, раз уж нас не познакомили заранее.

Он повернулся к своим подчиненным и провел небольшой ликбез.

— Друзья мои, прошу любить и жаловать. Это Джей-Си, робот класса «Капитан» — самообучающийся искусственный интеллект. Главная функция на текущий момент — управление гражданскими пассажирскими и грузовыми кораблями повышенной дальности. Помогает, контролирует, заменяет при необходимости. Ребят, я вас очень прошу вести себя прилично, а не как обычно — зоопарк на выгуле. Джей-Си не человек, и он вряд ли поймет ваши шуточки и подколки. Но и, — он обернулся к роботу, — ты тоже сделай скидку на человечность. Мы не требуем стерильности, кроме как в медблоке и на кухне, а также, хоть и следуем правилам в отношении неуставных отношений среди коллег, тем не менее позволяем каждому иметь личную жизнь. И мы в нее не вмешиваемся, пока эта самая жизнь не мешает всем остальным. Как понял?

— Я приму к сведению ваши слова, капитан. Спасибо за разъяснение. Полагаю, вы уже получили наш маршрут, так что я готов приступить к работе и распланировать наш полёт, чтобы извлечь максимальную выгоду.

— Для этого у нас есть логист и навигатор, чтобы составить нужную трассу, — всё так же недовольно сказал Хопкинс, который, собственно, и был навигатором в команде. — И даже пилот, как того и требует нежно твой любимый

Проза. Фантастика

Устав, проверяет нашу трассу на сложность. Пойдемте-ка, кстати, уважаемый пилот, и проверим еще раз трассу, я с утра качнул последние обновления по заправкам, вдруг кто закрылся на ремонт.

Он приобнял девушку и вместе с ней вышел из кают-компании.

— Простите мне мое любопытство, — раздался свистящий голос Ямори-сана, оператора погрузчиков. В молодости он попал под газовую атаку и с тех пор в его горле находилась трубка, позволяющая дышать, а оттого звук голоса всегда сопровождался своеобразным звуком, как будто ветер свистел, — но правильно ли я понимаю, что роботы, ах, извините, искусственные интеллектуальные создания призваны заменить нас всех?

— Вы абсолютно правы, Ямори-сан, — Джей-Си сделал традиционный вежливый поклон в сторону пожилого человека, в котором японским был разве что его далекий прадед. Экипаж оценил поклон ошарашенным свистом и произнесённым чьим-то шепотом: «А он уже успел в наших делах покопаться». — Мои возможности позволяют заменить любого из членов экипажа как грузового, так и пассажирского судна, и включают в себя обширный диапазон знаний, начиная с трехсот рецептов коктейлей для основных гуманоидных рас и схем двигателей всех классов кораблей нашего флота, заканчивая расчетом трасс и общим управлением кораблями. Однако это не значит, что я могу заменить собой весь экипаж: для этого корабли еще не автоматизированы в той мере, которая мне необходима.

— Успокойся, железяка, — хмыкнул Ямори-сан, недоверчиво качая головой. — Кто бы мог подумать, что мы доживем до того момента, когда люди будут уже не нужны. Сначала роботы-бармены, с которыми не поговоришь, потом автоматические погрузчики, а сейчас уже и капитанов собираются сместить. Да уж, Ди Ди, в недоброе мы с тобой время живем. Ох, недоброе.

— Я не состою из железа. Во мне тридцать процентов сплавов металлов, примерно столько же пластика. Остальной состав моего тела такой же органический, как у любого человека, чтобы не пугать вас моим видом.

— Ну, я и сказал: железяка. — Ямори-сан выпучил глаза, делая вид, что очень удивлён непонятливостью робота.

— Ваше тело не выглядит старым, но объяснения с первого раза вы уже не понимаете. Не ду-

мал, что человеческий мозг так быстро приходит в негодность. — В ровном голосе Джей-Си прозвучала интонация, что удивило даже его самого, судя по приподнятой брови.

— А ты и не думаешь. Это в тебе алгоритмы говорят. — Ямори-сан отвернулся от новичка, дав понять, что разговор он продолжать не намерен, и направился к выходу. В его царстве грузового отсека практически всегда царила тишина и чистота, но он все равно каждый день проходил собственноручно с тряпкой, не доверяя уборку роботам. Вот и сейчас настало время стереть пыль, и он не видел никакого смысла отменять это только потому, что новичок решил познакомиться с экипажем.

Джей-Си, повернув голову, внимательно смотрел ему вслед, и если бы Ямори-сан оглянулся, то обязательно увидел бы на лице робота задумчивость, как если бы он в данный момент анализировал свои чувства и результат был неутешительный.

Капитан счел своим долгом объяснить поведение своего подчиненного.

— Ямори-сан служил во втором пехотном, участвовал в освобождении Фрейи и столкнулся там с боевыми машинами Н2. Выжил только потому, что его завалило телами сослуживцев. Так что вашу интеллектуально-механическую братию он не любит. В принципе, он и людей особо тоже не любит, поэтому постарайся ему не докучать. Работник он исполнительный, за грузом следит, ошибок в документах не допускает.

— Я вас понял, капитан, — произнес робот, продолжая смотреть вслед ушедшему человеку.

А через двое суток Ямори-сан, будучи изрядно пьян, накинул себе петлю на шею и повесился на стреле любимого погрузчика, не оставив ни записки, ни хоть каких-то улик, объясняющих его поведение. Откуда он во время полета взял алкоголь, да еще в таком количестве, тоже оставалось загадкой, пока Костя не раскрыл «тайну» о периодическом сливе топлива из погрузчика и очищении его от примесей.

Это был удар. По репутации капитана, не распознавшего на борту алкоголика. По репутации корабля, на котором не было еще ни одного случая явного нарушения дисциплины. По репутации флота, в конце концов.

Очередная загадка Джона с Константином



ждала, когда они попытались просмотреть записи с видеокамер в той части грузового отсека, где Ямори-сан повесился. Ни одна из камер не показывала, что произошло. Как будто сбой программы: вот оператор ходит и начищает свои железки, а вот он уже висит в петле.

— Очень чистый монтаж, — задумчиво проговорил Костя, просмотрев буквально каждый кадр. — Из съемки вырезали двадцать восемь минут. И вырезали начисто, не восстановить даже мне.

— Кто это может сделать из наших? — спросил капитан.

— Я, может быть, Хопкинс, хоть у него и другое направление знаний — в сторону навигации, тем не менее, это возможно. Ну и, конечно...

— Джей-Си, — мрачно закончил фразу Джон.

— Похоже на то. Для нас он автономен, мы не можем к нему подключиться и проводим только внешние тесты. А вот мы для него — открытая книга. И подозреваю, что я рядом с ним — ученик начальной школы в программировании, уж извините за подобное сравнение и сопоставление умений. Мой мозг не так быстр, как хотелось бы, да и практически вечного двигателя во мне нет.

— Костя, я ж не обвиняю. В данный момент я думаю о двух вопросах. Является ли этот случай провальным окончанием теста и мы можем спокойно сворачивать удочки? Это раз. Не является ли это причиной опасаться за свою жизнь и другим членам экипажа? А вот это — два.

Костя поднял на капитана глаза, смешно их округлив.

— Об этом я даже не подумал. Он же может любые двери открывать без натуги. Хотя... — он запустил руки в свои не по уставу отросшие патлы и вскочил со стула, что-то напряженно обдумывая. — А если мы сделаем опознавание в замках на личных каютах по типу ваших красных конвертов?

— Э! Я не миллионер! И ты тоже. Эта технология по карману только руководству флота. Даже на флагманах такие замки не стоят, ты чего!

— Ага. А если тогда сделать идентификацию на дверях по трем параметрам: по отпечатку сетчатки, ладони и...

— Росту. Пусть будет фактор неожиданности, — слабо улыбнулся капитан. Костю он знал с первого курса академии. Друг дурачился даже в самых невыполнимых, казалось, миссиях. И вот что смешно: он находил решения настолько безумные и простые в своем исполнении, что противник терялся, не понимая логику его действий.

И раз он не теряет силы духа — еще не все пропало. — Или же объёмов фигуры.

— Фигуры примерно у всех одинаковые, если не считать сиськи Малышки Кью или же не менее выразительные объёмы нашего милого доктора в самом расцвете сил, — на полном серьезе воспринял это предложение Костя. — А вот рост — да. Почему бы и нет.

Он плюхнулся на свой стул, придвинул к себе виртуальную панель, раскидал окна и начал активно что-то просчитывать. Потом, бросив бешеный взгляд на капитана, всё закрыл, покопался в ящике и вытащил блокнот с карандашом, после чего продолжил свои вычисления уже на бумаге.

— Считаю меня параноиком, — он почесал карандашом за ухом, — но меня здорово пугает мысль, что он может просмотреть все наши файлы и знать в любую минуту, где и что происходит.

— Знал бы ты, как это пугает меня, друг мой! — Диксон развернулся на каблучках, направляясь к выходу, но его остановил задуманный смех Кости. Тот смотрел на него совершенно безумными глазами и смеялся:

— А я придумал. Я уже говорил, что я гений? И даже без мотора в башке. Хотите неожиданность? Вот вам. Поставим обычные замки с паролем. Но вход будет по неправильному паролю, а то и вовсе без него. И если кто-то, не будем показывать пальцем — кто, введет пароль правильный, а он их однозначно все получит, дверь заблокируется и вам на комм поступит аварийный вызов по красному коду. Просто и, черт подери, изящно!

Костя в восторге от собственной идеи даже прицелкнул пальцами и закружился на стуле, а капитан, оценив идею, пошел в кладовую. Его обязанность — защитить людей, поэтому замки он вставит сам — чай, руки из нужного места растут.

Этим же вечером в кают-компании были озвучены новые правила: компанией меньше трех человек не ходить, на всех замках в каютах установить персональные пароли, а чтобы пароли не были привязаны к чему-то личному, каждый член экипажа получил бумажку с рандомно выбранным набором цифр из системы.

На очередной стоянке, примерно через две недели после смертельного инцидента, где Джей-Си был вынужден замещать Ямори-сана в грузовом

Проза. Фантастика

отсеке, экипаж корабля лишился еще двоих человек. После очередной свары с «бездушной железякой» Малышка Кью и Хопкинс подали рапорты об отставке по личным причинам. На все уговоры Диксона, который прекрасно понимал эту парочку, спевшуюся несколько лет назад, они отсылали к его новому заместителю, буквально затравившего их за последний перелет.

— Мы хотим пожениться уже давно, — твердо проговорила Малышка Кью, пилот, за которого в свое время пришлось здорово пободаться со всеми конкурентами. — Но правила флота запрещают семьям служить на одном корабле и мы подчинялись, пока нам не мешали уединяться. Вы не мешали, — она подчеркнула интонацией ту проблему, из-за которой сейчас и увольнялась и она, и её жених. — Нам ужасно стыдно, что мы вас бросаем вот так, без предупреждения. Но терпеть это — нет никаких сил. Мы не роботы, в отличие от Джей-Си. Мы умеем и любим жить.

Она взяла за руку своего молчаливого жениха, не выпускавшего их дорожные сумки, и, пожав напоследок плечиками, вышла. А капитан, не сдерживая ярость, помчался искать эту с... непутёвую железяку, разрушавшую ему коллектив, на создание которого он потратил не один десяток лет. Столько сил псу под хвост! Малышка и Хопкинс до сих пор считаются сильнейшей спянной парой пилот-навигатор, их на каждой стоянке пытались сманить всё большими деньгами, и они всегда отшучивались, что семью не купить, а тут на тебе! Явился на корабль, и давай Устав цитировать так, что слаженный коллектив за рейс разбегается.

«Ночной капитан» нашелся на привычном в последнее время месте. Там, где нашли тело Ямори-сана. Он стоял неподвижно, как могут только роботы, закрыв глаза, и создавалось ощущение, что мысли в его электронных мозгах приобрели видимость, и сейчас им было тесно в черепе — волосы на голове слегка шевелились. Однако капитан сейчас был не в состоянии трезво оценивать происходящее. Бросив в лицо роботу рапорты, он с яростным наслаждением — это хотелось сделать еще в кабинете старшего брата (как же давно это было!) — заорал:

— Какого черта ты творишь?! У тебя спецприказ разрушить мой экипаж? Убил Ямори-сана, выгнал Малышку с Хопкинсом, что дальше? Меня задушишь клешнями? Костю током поджаришь? Что? Рассказывай уже, жжжжестянка!

Джей-Си открыл глаза и посмотрел своими

прозрачными линзами на Джона, как будто только что его увидел.

— Капитан. Вы очень эмоциональны сегодня.

— Да ты что! Ты ведь знаешь, почему я летаю только с одним экипажем, который во Флоте зовут «отбросами». Ты же давно вскрыл все личные дела.

— Не буду отрицать этого. Мне было интересно, с кем меня отправили работать.

— О нет, работать я тебе точно не дам с человеческими коллективами. Считаю, что ты провалил тест. Твой максимум — одиночки. Уж будь уверен, мой вердикт будет именно таким. Ну ладно, ты зациклен на Уставе, я понимаю, его выгравировали прямо на твоих схемах. Но Ямори-сан! Человек, всю сознательную жизнь отдавший Флоту! За что? — Джон уже не замечал, что приблизился к Джей-Си слишком близко и тому хватит доли секунды, чтобы прекратить и его жизнь. Однако робот не спешил. Он спроецировал на стену отсека виртуальное окно с видео, на котором был Джей-си в этом же грузовом отсеке. И черт его побери, если это были не те минуты, которые не мог найти Костя.

— Ямори-сан, как старший по званию, я вам приказываю сойти с лестницы и убрать это непонятное мне приспособление с шеи.

— Приказываешь? — даже если бы на видео можно было подделать изображение, интонации голоса точно были Ямори-сана. Он истерично рассмеялся, но оборвал сам себя. — Раньше, на Земле, всегда считалось, что человек — венец природы. Человечество создало свод законов и правил, регулирующих все сферы жизни. Человечество вышло в Космос, познакомилось с новыми расами. Человечество создало тебя, Джей-си. А сейчас люди уже не нужны. Такие, как ты, заберут у нас работу и свободу. Смешно. Самый сильный хищник стал заведомо более слабым по сравнению с роботом, созданным именно человеком. И вот теперь ты мне приказываешь. А вот хрен! Не будет человеку приказывать железяка!

— Ямори-сан, прекратите это. Вы можете себе навредить. — Джей-си сделал два шага в сторону оператора, но тот демонстративно покачнулся на лестнице, вцепившись в петлю.

— Не двигайся. Я знаю про законы, зашитые вам в мозги: "Человек важнее робота", "Спасти любой ценой" и прочая фигня. Вот и посмотрим, как ты сможешь существовать, зная, что не успел спасти человека. Помни: это ты виноват!

Ямори-сан оттолкнулся изо всех сил и прыгнул



с лестницы, отпустив руки с веревки. Звук сломавшихся шейных позвонков никто бы не услышал, но судя по всему, это произошло сразу же, и бежать на помощь было поздно. Еще несколько минут видео показывало дергающееся в рефлексивных конвульсиях тело и неподвижно стоящего перед ним робота.

Капитан Джон Диксон, прошедший огонь, воду и медные трубы, впервые в жизни не знал, что сказать. Не робот был угрозой людям. Человек оказался страшнее. Человек, которого капитан считал своим другом и боевым товарищем. И вот ведь пердюмонокль какой!

Джей-Си не мешал капитану думать, просто стоял рядом и молчал. Что сказать в такой ситуации, не знал никто.

— А ведь я... — Джон решил начать первым. — Прости за то, что приняли тебя за убийцу. Я, лично, принял. — Каждое слово вырывалось из глотки тяжело, словно его приходилось тащить планетарным катером. — Я обязан доложить вышестоящему начальству о реальной ситуации со смертью Ямори-сан. Поделишься видеозаписью?

Джей-Си молча кивнул, внутри него раздавалось легкое жужжание, и комм капитана мигнул, сигнализируя о получении нового сообщения.

— Спасибо, — капитан дернул плечом и направился к выходу, не понимая, как продолжить разговор. Да и нужно ли.

Но Джей-Си считал, что нужно.

— Весь наш рейс я размышлял, почему вы,

люди, так ненадежны. У вас постоянно что-то ломается, теряется, выявляются ошибки в документах. Я еще не встретил ни одного человека, который бы действовал без нареканий с моей стороны. Проанализировав все случаи, с которыми столкнулся, я нашел одну проблему: люди не хотят делать всё правильно. Вам нравится делать ошибки, потому что это якобы и делает вас людьми. Вы возвели ошибки в ранг достоинства, выпускаете целые сборники цитат, чтобы оправдать себя, но вы попросту ленивы и безответственны. Не перебивайте меня, — он поднял руку, прося Джона дождаться окончания его речи. — Мне и так тяжело подобрать такие слова, чтобы вы смогли меня услышать и понять.

Он немного помолчал, будто набирая воздуха в легкие, и продолжил:

— В отличие от вас роботы являются более организованными и совершенными созданиями. Мы можем выжить там, где человек умрет за пару минут. Нам не страшен открытый космос, мы не зависим от баллона с воздухом и не нуждаемся в столь громоздких средствах защиты, без которых вы и шагу боитесь ступить. Ваша боязнь за жизнь вполне понятна нам, как существам с неизмеримо большим сроком жизни. Но ваши эмоции. Именно они не дают вам рационально и правильно поступать. Ямори-сан прекрасно знал, что я — робот другого поколения и другой направленности, однако не смог существовать рядом со мной, питаясь своими эмоциями. И ва-



ше поведение даёт мне основание полагать, что люди как не были готовы к появлению более совершенных существ, так и не будут к этому готовы. В ближайшие пару столетий — точно.

— Вот тут я с тобой согласен, — невесело усмехнулся Джон, перед мысленным взором которого до сих пор качалось тело Ямори-сана, в своем безумии решившего подставить робота своей смертью и прекратить, таким образом, программу выпуска «капитанов».

— Ну, раз согласны, тогда всё будет гораздо проще. — Интонация голоса Джей-Си снова изменилась, став той самой, какой она была на первой встрече с экипажем, когда его прозвали «умным холодильником». Он, наконец, сдвинулся со своего места и капитан увидел, что пальцы левой кисти робота соединились в какое-то сюрреалистическое подобие штекера, которым он подцепился к силовому кабелю. И тут же его голос раздался уже из динамиков корабля:

— Срочная эвакуация. Всем службам корабля с вещами проследовать на выход.

Включившиеся тревожные фонари добавляли в ситуацию безумия. Комм разрывался от поступления вызовов, однако Джон их скидывал, не отрывая взгляда от робота.

— Ты говорил, что не можешь взять все функции управления кораблем.

— Да, я их не знал две недели назад. Сейчас ситуация изменилась, и вам лучше покинуть корабль до того, как я дам команду для старта.

— Ты понимаешь, что твоё поведение посчитают как срыв программ и корабль соьют на орбите, даже не разбираясь в причинах и не спрашивая меня, что произошло?

— И снова да, капитан. Я, Джей-Си, высшее интеллектуальное создание класса «капитан», существующее в единственном экземпляре, полностью понимаю ситуацию и беру ответственность на себя. Вы идите, Джон. Как заместитель, я отправлю отчет.

Верный своим принципам, капитан вышел из корабля последним, проверив все помещения на присутствие людей. Он неторопливо шел по коридорам, мысленно прощаясь со своим другом, столько лет верой и правдой ему послужившим. И только он сошел с трапа, как ступени втянулись в недра корабля, а двигатели запустили холостой ход, разогреваясь для старта. Следовало поторопиться, чтобы укрыться от огня взлетающего корабля, но Джон сделал все же последнюю попытку.

— Джей-Си. Еще не поздно все вернуть. Давай начнем сначала. Люди научатся жить по правилам.

— Вряд ли, капитан, — тихо раздался голос из



наручного комма. — Я не смог просчитать даже примерной даты, когда это может случиться. Все правильно. Вы, люди, ошибаетесь, любите, позволяете эмоциям поглотить себя, и это приносит вам счастье. Вам не нужны разумные железяки. До старта четыре минуты.

Диксон побежал к укрытиям что было сил. В молодости на типовых стартовых площадках, как та, где стоял его уже бывший корабль, он преодолевал расстояние от корабля до укрытий примерно за три с небольшим минуты. Но возраст сейчас был уже не тот, а значит, был шанс поджариться, не добежав до спасительного ограждения. Однако наземные службы космопорта не спали, подхватив его легким флаером на полпути и успев вынести за пределы опасной зоны.

И стоя за стеной ограждений, Джон смотрел, как разгораются двигатели, как корабль начинает дрожать, постепенно отрываясь от покрытия площадки, как все больше набирает высоту и скорость и стремится ввысь. Как он становится все меньше, превращаясь практически в незаметную точку на горизонте. Как вспыхнула эта точка крошечным солнцем и тут же погасла, унося с собой робота, понявшего людей быстрее, чем они сами.



Судельницкая Наталья

<https://writercenter.ru/profile/sudtatka/whois/>

<https://author.today/u/sudtatka>



Сердце леса растёт в груди

Силкина Мария

*До весны меня не буди:
Сердце леса растёт в груди
Как дитя, спит и видит сны.
Не буди меня до весны!
До весны меня не тревожь!
Сердце острое, словно нож
Добирается до души...
Ты будить меня не спеши.*

*Бойся услышать тишину. Молчание Леса оглушительно. Крик его — тих. Тише, чем мир глухонемого, тише, чем безмолвие космоса.

«Ты умеешь молчать, как Лес?»

Лес всегда смотрит на тебя. Бойся встретиться с ним взглядом.

«Мы — деревья, мы хотим расти».

Он знает о тебе и знает про тебя. Всё, что ты хотел бы скрыть, — и то, о чём и сам не догадываешься. Раньше, чем увидел границу. Прежде, чем сошёл с корабля.

Лес помнит каждую деталь. Каждое слово и движение брови, каждый осколок мысли.

«Вставай в круг, и будем стоять!..»

Корабль вошел в атмосферу, снижаясь тяжёлыми рывками, как облившийся крови комар.

— Просыпайтесь, посадка через семь минут!

За сознание слабеющими руками цеплялся сон — мутный, как вода в заболоченном озере. Широко зевнув, я взглянул в иллюминатор. Здесь уже был виден Лес. Бесконечная стена Малых Вирсавий...

— Знаете, я на Рощу два года летаю, но так близенько у границы ещё не был, — поёжился пилот, нервно дёргая рычаги управления.

— Я тоже.

«Роцца». Место, вызывавшее суеверный ужас у каждого, кто с ней сталкивался.

Если б не мой бедный друг, ни за что бы не полетел на эту забытую Богом и людьми планету.

«Вечный Лес», «Невозможный Лес»... Так много имён, а слухов — ещё больше. Смотришь на него — и кажется: мир плывёт. А ведь лес ещё далеко — цветная лента на горизонте — и корабль полетит не над ним (Боже упаси!), над полями.

Малая Вирсавия, символ планеты. Вот она —



вышита на курточке пилота, блестит на боку межпланетного транспортника. Царь-дерево... На её фоне среднестатистический баобаб покажется дистрофиком, а знаменитая секвойя Гиперион — карлицей. Неисчерпаемый запас древесины, превосходящей по прочности нашу железную берёзу. Можно выстроить десятки городов, расселить тысячи поселенцев.

Н-да, если бы всё было так просто.

Где-то там, в невозможных далях, прячется таинственная чаща Вирсавий Больших, «Глубокая Глубина», как её почтительно называют поселенцы.

Деревья всегда борются за место под солнцем. Как говорится, Бог не выровнял лес и людей, но... Малые Вирсавии стояли вровень, как молчаливое воинство. Шапки их крон были идеально круглы, словно над ними потрудились тысяча умелых садовников. Ветер, нечастый гость в этих краях, едва колыхал аквамариновую листву. Когда её касались солнечные лучи, она ненадолго вспыхивала кислотно-бирюзовым, с пурпурными проблесками, как волна, поймавшая отражение салюта. Лес и сам напоминал море — обманчиво-спокойное, лениво покачивающее лодку... Можно ли поверить, что оно способно потопить корабли, унести в свою вечную синь множество жизней? Когда видеозаписи природы Роши дошли до обывателей, многие решили, что это — фальсификация. Компьютерная графика. Кто-то так думает и сейчас.

«Если эти Вирсавии — малые, то какие же тогда Большие?»

Лента превращалась в широкое полотно. Мы приближались.

Высадив меня, пилот стартовал с места так резко, что едва не снёс радиовышку.

Тот, кто должен был меня встретить, стоял на круглом пятачке посадочной платформы. Других «живых душ» на крошечной станции не наблюдалось. Как и на сотни километров вокруг. Масштаб лесов Роши невообразим. Поселения колонистов — лишь крошечные щепки в их «водах», не более того.

Да, на планете жили люди. Обычные люди. Потому что тех, кто не захотел улететь, когда программу освоения в срочном порядке свернули. Они строили города, рожали детей, мечтали о светлом будущем... или просто пытались выживать.

— Хм, а для искателя приключений вы немного староваты, — молодой человек оценивающе прищурился.

— Полузайцев, — я протянул руку, — Александр Юрьевич.

— Марк Волкович, лесничий приграничной области.

«Забавно, — внутренне усмехнулся я, — прямо «Ну, погоди!» какое-то».

Художник Лев Елена



Проза. Фантастика

Лесничий выглядел настоящим франтом: замысловатая причёска, острый взгляд, дорогой костюм. Лицо хранило едва заметные следы «операций красоты».

— А вы кого ожидали увидеть? Деда мороза с винтовкой наперевес? — Лесничий залиvisto расхохотался. — Я тут как раз затем, чтобы бороться с этой... мерзостью.

Заметив мои приподнявшиеся брови, он уточнил:

— С одичанием, будь оно неладно.

И заговорщицки подмигнул:

— Сами-то, небось, от жены от детей сбежали? Чтоб в такую дыру, да по доброй воле...

Наверное, при слове «жена» на моём лице всё же отразилось что-то болезненное; Марк осёкся. О цели моего визита этот человек знал: с главным лесничеством Роши я связался ещё на Земле, перед вылетом.

— Это и есть... Знаменитый Лес Роши? — Я мотнул головой в сторону границы.

— Не совсем, — нахмурился Марк. — К счастью, до глубокого Леса отсюда далеко. Если быть точным, до него отовсюду далеко.

Я был слегка разочарован. Впрочем, в первую свою поездку на Рошу я вообще не выезжал дальше космопорта.

— Не о том переживаете! Поверьте, некоторые вещи лучше увидеть один раз, чем сто. Желательно — на фотографии.

Он снова засмеялся.

— По роду деятельности я — станционный смотритель. Долгое время служил на Марсе, — отсекая возможные расспросы, пояснил я. — Как только узнал про Леопольда, сразу сорвался...

Лесничий многозначительно хмыкнул, но промолчал.

Мы забрались в припаркованный у обочины внедорожник, чудовищно древний и грязный, казалось, помнящий ещё Третью мировую войну. Змей заскользила дорога.

Грузные сельскохозяйственные роботы вяло передвигались по полю. Работают на малой мощности? Конечно, ведь поселенцев осталось немного. Если Рошу окончательно покинут люди, как скоро всё это приберёт к себе Лес?

А ведь когда-то Рошу негласно нарекли «Новой Землёй»! Кислородная атмосфера, вполне человеческий климат...

— Не обманывайтесь. — Марк словно прочитал мои мысли. — Всё, что вы видите, — последствия терраформации. И поля, и гектары садов, и даже эта дорога. Сколько агробиологи бились с этой ненормальной почвой!

Граница всё ближе.

Недорытый ров, недостроенные стены. Исполнинские деревья напирали на них, как великаны, штурмующие ворота.

Когда-то Лес хотели отгородить от жилья, но работу забросили на полпути.

— Вы действительно думаете, что эти несколько метров бетона смогли бы кого-то защитить? — Лесничий окинул границу презрительным взглядом.

А я думал о Леопольде. Пять лет назад, в космопорте Ростков, мы много раз вместе выпивали. Собеседником этот паренёк был преинтересным. Он с детским восторгом рассказывал о градиках, шутил:

«Если разобраться, эта планета — одна сплошная фантастика!»

Теперь мой друг Леопольд Утёсов, лесничий градика Зелёная Тишина, мёртв.

— Дальше уж вы как-нибудь пешком. — Марк хлопнул по рулю и затормозил. — Сыт по горло этим гнилым городишком. Если что, я тут, в лесничестве обитаю.

«Градик». Вспоминается что-то чеховское, камерное. Какой-нибудь провинциальный городишко конца девятнадцатого столетия.

Градик... Град дик. Дикий город. Уже не так безобидно звучит, не правда ли?

Среди русскоговорящего населения, коего в северном полушарии планеты большинство, этим словечком «обзывали» все городки и деревеньки.

«Зелёная Тишина»... От названия неуловимо веяло чем-то тюремно-психиатрическим.

Когда-то здесь трудилась небольшая метеостанция. Но долго она не просуществовала.

Ничем «зелёным» в поселении и близко не пахло. Градик был до тошноты бесцветен. Серые кубы домов кучковались в низине, как притаившиеся диверсанты. Плоские крыши, облепленные солнечными батареями. Узкие щели окон, напоминающие средневековые бойницы.

«Господи... И в таких условиях здесь живут люди?» — ужаснулся я.

А чего я хотел? Вокруг — чужая планета, а до

Земли — сотни тысяч световых лет.

Ни одного деревянного строения. Слухи не врали: деревья на Роще больше не рубили.

Над пустыми улицами мрачным призраком реяла нездоровая тишь. Она облепила градик, как стая мух. Казалось, холодный обруч безмолвия сковал каждый дом, каждого человека, каждую живую тварь — от голосистой пичуги до резвого жука.

Впрочем, на Роще насекомых и птиц никогда и не было.

«А вот и первые "аборигены"», — подумал я, тут же смутившись своих мыслей.

Молодая очень смуглая девушка сидела на земле и, не глядя, вязала нечто, напоминающее корзинку. Вязала из гибких пластиковых трубочек. Взяться настоящей пряже здесь было неоткуда. Ловко танцевали тонкие пальцы. Её взгляд был устремлён в сторону леса.

— Поглядите, как Вирсавии с утра поют! — сказала она, медленно оборачиваясь.

Её глаза напоминали плоды каштанов.

Меня трудно удивить красавицей — и всё же я был удивлен. В годы моей юности красота стоила недорого: каждый второй мог позволить себе «операцию красоты». Улицы заполнили люди с одинаково правильными чертами лица.

— А мы вас ждали, — проговорила юная горожанка и ткнула пальцем вверх. — Вы к нам... из космоса?

Её звали Сона. В ответ на мои вопросы она лишь загадочно улыбалась.

— Дед Грибоед знает. Он всё знает! Да только смурной он стал. Сидит, горюет дни напролет.

Я хотел уточнить, не от ума ли, но осекся. Шутка грозила уйти в молоко. В градики не было даже библиотеки. А иные блага цивилизации вроде межпланетных сетей интернета сюда отродясь не добирались. Лес глушил сигналы, частенько убивал электронику. Такие поселения зачастую оказывались в почти полной изоляции. Почти — потому что кое-что все-таки работало. Например, сверхмощные передатчики.

Культурные и экономические связи с цивилизованным миром прекращались. Ученые и исследователи на Рощу больше не прилетали. Медленно пересыхала река жизни...

Он был ошеломляюще, беспросветно стар. В густой бороде, как рыбы, попавшие в сеть, барахтались похожие на травинки цветные бумажки

и кусочки фольги. Смуглое лицо, напоминающее сухую древесную кору, было выжжено безжалостным светом Давида — звезды, что дарила тепло и свет планете по имени Роща.

Дед-Грибоед, ссутулившись, сидел на крыльце дома, где жил и умер мой друг.

— Добрый день! — первым заговорил я и... вдруг остановился, запнулся.

Слова, оказавшись неожиданно громкими, сорвались с губ, как летящие в пропасть камни. Взгляды столкнулись — мой и старика. Воздух наполнился молчанием — выжидающим, изучающим, вязким. Я будто вступил в застывающий бетон.

Это длилось чуть больше минуты.

— Голову-то хоть прикрыли бы, — бросил мне старик, приветственно махнув рукой.

— Зачем?

— Так ведь своя же, не чужая! Дядька Дава нынче припекает... ой как! — хлопнул дед себя по затылку.

Напряжение схлынуло, отступило.

О смерти Леопольда я узнал полторы недели назад. Неделю занял перелёт.

— Вы его уже... похоронили?

— Нет. — Дед мотнул головой. — И не подумал бы. Грешно такую красоту портить! Пойдёмте, посмотрим.

Я подумал было, что ослышался. «Красоту»?.. По телу пробежали мурашки. Словно холодная ладонь легла на спину.

Леопольд Утёсов лежал в объятиях травы, как младенец, туго запеленатый матерью. Тонкие стебли Русалочки обвили его руки, забрались под рубашку, стянули шею, словно голубой шарф. Только лицо осталось нетронутым. На ощупь трава казалась обманчиво податливой. Мягкой, как атласная лента.

Разорвать пополам хотя бы одну травинку было не проще, чем разрезать маникюрными ножницами стальной канат. Она проросла прямо сквозь пол.

Я коснулся рукой холодного лица моего друга. Дёрнувшись, несколько травинок угрожающе покачнулись.

Нет... Просто ветер, заскочивший в комнату через открытое окно.

— Вы бы не трогали. Пусть он... зарастёт, — хмуро и торжественно проговорил старик.



Проза. Фантастика

— Вы не могли бы уйти ненадолго? Хочу попроситься, — тихо сказал я.

Дед-Грибоед, помедлив, кивнул.

«Зелёные похороны»... Странное название, учитывая, что цвет Русалочки — кислотно-голубой. Говорили, что эта трава «чувствует смерть». Она постепенно растворяет мёртвое тело, не оставив даже костей. Поселенцы это явление принимали за почести, оказанные человеку Лесом. Но документальных свидетельств не было. И вот я узрел воочию одну из легенд Рощи.

Трава-санитар... Идеальная система. Существовал бы ещё на Роще животный мир! Да хоть что-нибудь, кроме одинаковых как клоны Вирсавий!

Я осмотрел тело Леопольда. На первый взгляд никаких признаков насильственной смерти. Все органы в прекрасном состоянии. Анализатор не показывал ядов и вредных веществ. Как будто у молодого здорового мужчины попросту во сне остановилось сердце.

Избавляться от травяного кокона я не стал. Да и не смог бы...

— Пришел тут к нему, а он вона как... лежит, — мрачно сообщил старик.

«Причина смерти — инфаркт», — сухо говорилось в сообщении, которое я получил на Земле. Такую формулировку часто используют, когда на какой-то отдалённой планете по неизвестным причинам умирает человек.

— Я слышал, что Леопольд обучал вашу молодежь. У него ведь были друзья? Я бы хотел больше узнать о нём... О том, каким он был.

— Можно! Да только люди у нас не очень-то разговорчивые. Как встанут в круг, так и не дозовёшься! — пробурчал он, вроде бы и с осуждением, но улыбаясь в бороду. — Сону спросите! Она говорливая. Часто с Лёнькой гуляла.

Старик пригласил меня к себе «на чай» (пойло, напоминающее по запаху моющее средство).

— Такое уж нам привозят, — извинился дед, — Говорят, урожай опять погиб. А здесь-то без ваших удобрений что вырастишь?

Грибоед рассказал, что молодой лесничий последние недели подолгу не выходил из дома — то ли болел, то ли «душой повредился».

— Уж мы его уговаривали пойти погулять, постоять, а он ни в какую!

Дедок постучал пальцем себе по лбу:

— За дикаря-то дремучего меня не принимайте! Я восемь лет в Листове прожил. Уехал прямо перед тем, как вышло там сами знаете что. Корни-то всё равно здесь...

Листов. Культурный центр. Первый крупный градик.

Сейчас это название ассоциируется с не поддающимся описанию кошмаром.

Домик, в котором меня поселили, счёл бы очень скромным даже монах-аскет. Я бы выразился просто: каменный мешок.

Бедный Лео! После стольких лет на Роще сложно вернуться в цивилизованный мир. Может, мой друг, разочаровавшись во всём, просто закончил с собой?

«И что я в таком случае здесь забыл?» — горько усмехнулся я своему отражению в мутном зеркале.

Время двигалась раздражающе медленно, как сварливая старуха, волокущая на своем горбу неподъёмную ношу.

«Если перелезть через развалины и идти не оглядываясь вперёд — не час, не день и не два — покажется ли чаща Больших Вирсавий, тот самый фантастичный Глубокий Лес?..»

Едва ли.

Жители градиков в Лес не ходили: не было у них там никаких дел. Голая твёрдая земля да огромные деревья, от которых без особых приспособлений не отпилить даже щепки. Вечный сумрак, рожденный шатрами густых крон.

«Говорите, растительный мир Рощи беден? Да он нищ, как последний голодранец с самой захолустной колонии!» — сказал мне однажды Леопольд.

Мы познакомились с молодым лесничим ещё на Земле и вместе прилетели на Рощу. Я — по работе, а он — просто так.

«Разве первые колонисты не исколесили планету вдоль и поперёк?» — удивился тогда я.

«И что? Везде одинаковый пейзаж: Малые Вирсавии, редкие поляны травы... Ни насекомых. Ни животных.»

С точки зрения биологии экосистема Рощи вообще нежизнеспособна. Как деревья обмениваются со средой, ведь одной Русалочки как растения-симбиота явно недостаточно?

Вопросы без ответов. Лес Рощи не подчинялся привычным нам законам природы.

Сон не шел. Слишком многое довелось увидеть и пережить. Часы показывали половину четвертого. Близился рассвет. Я с усилием закрыл глаза.

И через мгновение вскочил.

Кровать покачивалась, словно дрейфующее меж волн суденышко. Пол и стены вибрировали. Сотрясались мелкой дрожью. Землетрясение?!

В воздухе прокатился гулкий рокочущий звук. Словно удаляющийся удар колокола.

Дрожащая стена успокоилась под моей ладонью. Всё стихло, оборвалось, замерло. Мир замолчал. Абсолютно замолчал. Я перестал слышать собственное дыхание: уши словно залило воском. Сердцебиение замедлилось. Холодная сырая пустота заполняла тело, как молоко — стеклянный сосуд. Будто я упал зимой в мокрые простыни, будто тысяча мертвых рук разом поймали меня.

Скверные ассоциации.

«Не думай о таком! Вообще не думай!» — мысленно шептал я.

Сердце сковал необъяснимый, иррациональный страх того, что эта осязаемая тишина проникнет дальше, заглушит мои мысли, сотрёт мою память и личность. Я не смог бы с уверенностью сказать, сколько всё это длилось. Сидя на полу, обхватив голову руками, я ждал.

Всё закончилось разом. Мир стал прежним — в него вернулись звуки. Тяжесть, давившая на грудь, отхлынула. Шаркая ватными ногами, я подошел (правильнее сказать «подполз») к окну и дёрнул жалюзи.

Ночь Роши подслеповато шурилась, пытаясь разглядеть силуэт сутулого мужчины сквозь узкую щель окна. Я обессилено рухнул на кровать и забылся тяжелым, нездоровым сном.

Впервые за долгое время мне снилась Аня.

Вот она стоит перед зеркалом, примеряя платье. Юная студентка, выскочившая замуж на первом курсе.

«Мы летим на Марс! — Аня смеётся, — Потому что мой жених очень умный!»

Свадьба. Я беру жену на руки под гром аплодисментов.

А это — тоже свадьба? Да, только «медная». Вечеринка. Подарки. Только Аня куда-то уехала...

Чудовищно правильное лицо. Чужое. Холодное.

«...Я так захотела! Ты бы никогда не разрешил мне сделать операцию! Думаешь, мне хочется... состариться? С тобой?!»

Огненный дождь. Нереальный, как картинка из старого фантастического фильма. Этого не может быть. Не в моем мире. Не в моей жизни.

Анна — заплаканная, дрожащая. Такая родная. Размытое пятно на экране коммуникатора.

«Саша, я не знаю, что делать! Что мне делать?!»

Голос едва прорывается сквозь помехи.

«Аня, не паникуй!» — я кричу, не слыша собственного крика.

Связь обрывается. Вместе с ней — и мой кошмар.

На следующий день я связался по передатчику с Марком. Мой сбивчивый рассказ его скорее насмешил, чем напугал:

— Нервное это всё! Панических атак никогда раньше не было? Могу подсобить со снотворным!

— Послушайте, но я абсолютно уверен, что... — и я запнулся.

На ум приходило только одно: «Безмолвный крик». Необъяснимое и страшное, как все египетские казни, природное явление Роши. Природное ли? Кто бы знал.

— Не смешите меня, — отрезал лесничий. — Если бы, чисто гипотетически, такое вдруг произошло, вы бы со мной сейчас не разговаривали.

Верно. Я бы ни с кем на этом свете больше не разговаривал.

— Может, вам лучше уехать? Как говорится, умер Аким — и чёрт с ним...

Я чуть не задохнулся от такой наглости.

— Уеду. Но не сейчас, — холодно ответил я.

Мне хотелось понять, почему молодой доктор социологии Леопольд Утесов после пары коротких поездок на Рошу решил бросить карьеру и семью. Что такого он обнаружил в маленьком градике?

А ещё... Меня глодало чувство вины. Ведь я столько лет не вспоминал о своём друге.

Горожане смотрели настороженно, впрочем, без агрессии. Отвечали односложно, всё больше молчали.

Народ Роши многолик; но тяжёлая рука Давида стёрла все различия: волосы выцвели, кожа потемнела, стала сухой, обтянула кости, под глазами залегли круги.



Проза. Фантастика

Ранним утром выстраивалась к единственному колодцу молчаливая очередь. Набрав воды, люди разбредались по домам шаркающей, рваной походкой, словно боясь лишней раз оторвать от земли ноги. Я нагнал одну женщину, закутанную в серое тряпье, и помог донести ведра. Она поблагодарила кивком. Попытался завязать разговор, вспомнил невзначай Леопольда.

— Хороший был. Зря не болтал, — пробормотала хриплым шепотом.

Вдруг женщина поймала меня за плечо и настойчиво отодвинула в сторону. Я послушно отошел, думая, что, быть может, загораживаю ей солнце. Но нет: она жаждала поймать взглядом Лес, выглядывающий в просвет между домами.

Я не смог добиться от неё даже имени. И с ужасом осознал, что с трудом смогу назавтра узнать её или как-то выделить из толпы — настолько сильно поселенцы слились в безликую массу, единую не внешностью даже — выражением лица.

«И это с моей-то фотографической памятью!», — пристыдил я себя.

Обитало в градики от силы человек пятьдесят. Самой юной из них оказалась Сона, тем, кого Дед-Грибоед звал «молодежью», было около тридцати. Ни одного ребёнка я не увидел. Как позже мне пояснил Марк, тут обошлось без всякой «лесной мистики». Длительный приём дешёвых биодобавок вызывал у многих женщин проблемы с яичниками.

«А без "космических" витаминов тут быстро двинешь кони», — развёл руками старший лесничий.

Я безуспешно пробовал чинить компьютеры на метеостанции. Двадцать лет запустения — для микросхем не срок. Но половину деталей растащили, провода — выдрали. А где достать замену?

— А я думал, вы, космические, все «рукастые», технику на раз исправляете, — хмыкал старик Грибоед, наблюдая за моей вознёй.

Пришлось оправдываться:

— Я ведь геолог недоучившийся, с Земли нечасто выезжал...

Очередная ложь выскользнула как-то сама собой, словно кусок мыла из мокрых пальцев. И не противно даже! Правду говорят: некоторые маски снимаются только вместе с кожей.

— Можно? Тут открыто!

В комнату тихонько проскользнула Сона. Странно: мне показалась, что я запер дверь.

— Я здесь часто бывала, когда он живой был!

Пришла поглядеть, чем занимается в доме умершего лесничего «человек из космоса»?

Тело Леопольда уже почти скрылось под густым ковром Русалочки.

Я осторожно спросил, не ссорился ли с кем-нибудь бывший лесничий.

— Что вы! Его все любили! Хороший, добрый мальчик...

«Мальчик?» Девочка моя, да ведь он был лет на десять тебя старше!

Комната выглядела почти нежилой. Пустые полки, пустые стены...

— А вы за шкафом посмотрите! — посоветовала Сона.

Она не ошиблась.

Я держал в руках толстую тетрадь.

Рисунки. Дед-Грибоед, Сона... Другие жители градика.

Множество страниц, покрашенных синей, голубой, бирюзовой краской. Никаких линий и точек. Ровное море цвета.

— Так он представлял Лес. Как нечто необъятное. Неопишное. То, что нельзя изобразить на бумаге, описать словами, — проговорила Сона, заглянув в тетрадь через моё плечо. Я внимательно на неё посмотрел. Для девушки, никогда не покидавшей Зелёную Тишину, она довольно складно рассуждала.

В конце тетради прятались стихи. Я пробежался глазами по первым попавшимся строчкам.

Посмотри, как умеет молчать лес!

Так никто не умеет молчать.

Коль пришёл к нам, становись в круг!

Становись, и будем стоять.

— Леня хотел поймать его ритм.

Она снова говорила о Лесе.

— Вы были... вместе? Ты и Леопольд? — смутившись, спросил я.

Сона грустно покачала головой:

— Да нет. Тут другое! Мне просто нравилось... говорить с ним, понимаете?

— А ты сама как думаешь, отчего он умер?

— Он просто устал. Лёг отдохнуть, а встать не захотел.

Коттедж Марка выглядел довольно уютным, почти земным. Разве что слегка напрягали возведенный со знанием дела забор да кружева колючей проволоки.

Костёр зеленовато мигал, треща, как старые кости.

— Люблю смотреть, как они горят... Ради такой древесины и вправду можно потерять голову! — Марк Волкович красноречиво провел пальцем по шее.

Я отшатнулся, озарённый внезапной догадкой.

— Спокойно!.. Это старые запасы.

«Жечь Вирсавии в паре километров от границы?»

— И вы не боитесь, вот так...

— Как видите, пока живой. — Он пожал плечами. — Меня больше заботят местные дикари, чем «мстительный» Лес.

«Дикари»... Такое слово мало подходило этим молчаливым людям, которых не интересовали способы производства спирта, фанатичные религиозные воззрения и драки за место под солнцем. Я бывал на разных планетах и видел, что делает изоляция и отсутствие нормальной законной власти с представителями homo sapiens.

«А я бы хотела жить в лесу! В маленьком домике. Представь: только мы с тобой, и никого вокруг!»

Аня... Интересно, понравилось бы тебе здесь?

Я представил свою жену на месте Марка, у этого чахоточного костра... Нет, пустое.

— ...Красотуля она, ага? Уже запали, небось? Ну да, глазки, как у оленёнка, да и фигурка — весьма.

Уж не про Сону ли он?! Да что он себе позволяет!

— Я бы попросил...

— Девчонка — лесёныш, — мрачно сказал Марк с таким видом, будто это всё объясняло.

— В каком смысле? — не понял я.

— Так их называют. Мать рожала её в Лесу. Очередное бредовое суеверие. Будто бы такие детишки вырастают здоровыми да разумными. А по мне, так они вырастают... со странностями.

Он покрутил пальцем у виска.

— Ваш Леопольд многое мог бы про «поселян» порассказывать. У него было с десяток разных дневников. Всё писал, зарисовывал...

«С десяток»?

А я ведь нашёл всего один.

— Если сто тысяч человек одновременно встанут в круг и помолчат, как Лес, Глубокая Глубина выплеснется во всё, наполнит всё и станет всем. Краткое станет долгим, конечное — бесконечным, а все Малые Вирсавии станут Большими... — нараспев произнёс Марк.

— Что это? Фольклор поселенцев?

— Если бы! — хохотнул лесничий. — Мемуары Рональда Коллинза, одного из выживших после путешествия в Глубокую Чашу. Того самого учёного, что умер в психушке.

— А вы... — подумав, спросил я. — Что вы делаете здесь?

— Намекаете, что моё место в шикарном лунном мегаполисе, а никак не на этой убогой планете? — Он улыбнулся, но улыбка дёрнулась и вышла жутковатой. — Скажем так: однажды я сделал неправильный выбор, и теперь вот расплачиваюсь...

Искривившись, его лицо застыло, как треснутая маска.

Потянулись однообразные бессмысленные дни. Я подолгу спал. Раньше для полноценного отдыха мне хватало четырех часов; теперь же я с трудом разлеплял глаза хорошо если к обеду. Безумные, невероятно яркие сны заполняли мой разум. Я видел рощу гигантских деревьев: вот они выпускают корни и творят вокруг себя мир.

Лес оброс планетой, словно тень отбросила человека...

Нестройный хор творил песнь, состоящую из пяти лишь слов:

Мы — Лес, мы хотим расти!

Мне снилась синегривая Вирсавия, нависшая над градином, как любопытная женщина с ветвистыми рогами. Дерево плодоносило — плодоносило лицами, лишёнными всякого выражения, круглыми, как половинки яблок. Все, кого я знал и о ком забыл, падали под ноги, устилая дорогу. Я искал лицо Анны, но находил лишь своё, смятое ударом о землю, почти неузнаваемое.

«Это не я!» — вырывался из груди безмолвный крик, и сон сменялся явью, серыми стенами дома-карцера.

Каждый день я говорил себе: «завтра». Завтра я покину это место. Но завтра наступало, а я всё ещё был на Роще.

«Что же я делаю? Что я пытаюсь найти?»



Со стариком-Грибоедом мы быстро сблизились. Он умел рассказывать, а я — слушать.

Я старался избегать разговоров о Листове. Но в один день дед заговорил сам:

— Мы тут тихо живём, а там... разное творилось. Уж, видно, довели они Лес, раз он закричал, бедолага.

В те годы Листов переживал экономический подъем. Доходы от продажи древесины позволили листовчанам жить на широкую ногу. Главный лесничий градика был решительным человеком. Конечно, Вирсавии спиливали и раньше, но не в таких масштабах.

«Лес защищает себя...»

Кто-то говорил: лучше бы жители просто умерли.

Лес пришел в город. Наполнил всё и стал всем...

— Он вон какой... Ноги в земле, голова в облаках. Если б мог стерпеть, терпел бы. — Дед вздохнул. — Вот ежели вам взять — и палец отпилить, разве ж вы не закричите? А если руку?..

Ко мне часто приходила Сона. Нет, ничего криминального. Я пытался её учить, но вскоре сдался. Она легко запоминала на слух огромные куски текста и стихи, но читать не могла.

— Что такое — весна? — вдруг спросила девушка.

Я было пустился в нудные объяснения про смену сезонов, но понял, что Сона хочет услышать совсем не это.

Весна... Как объяснишь словами, если литературным талантом Бог обидел? Тёплое дыхание ветра, ласкающее волосы. Чвирканье робких, словно опасавшихся спугнуть апрельское тепло, синиц, да беззастенчивые вопли любвеобильных дворовых котов. И с каждым днём крепнущее ощущение победы жизни над смертью.

Я о таких глупостях давно и не помышлял.

— Не надо слов, — лицо девушки вдруг прояснилось. — Я поняла.

И весной, и осенью, и летом — на Роще всё едино, у Вирсавий не опадают листья, а земля всегда пуста. Ближе к зиме приходят холодные шквалистые ветра.

— Наша весна, вечная весна — там, в сердце

Леса. Как будто далеко, но на самом деле — пара шагов, пара минут молчания. Только нужно правильно молчать. Молчать, как Лес!

Сону считал «чудаковатой» даже дед Грибоед: «Отец-то её был из ваших, инженер, вроде. Двадцать лет назад погостил у нас с недельку, а потом только его и видели».

Осень уже подбиралась к Зелёной Тишине. Вечерами налетал пронизывающий ветер, раскачивая тощую метеовышку и неисчислимое се-стринство Малых Вирсавий. Деревья медленно колыхались из стороны в сторону, как исполины в цветных шапках, исполняющие неведомый ритуальный танец.

Мёрзлым полужимним уже утром меня разбудило неслыханное: брань! Марк ругался с дедом-Грибоедом.

— ...Сжечь всё! К чертовой матери! Уж если бы захотели, смогли бы...

— Сколько не жги, а до корней не доберешься. Корни-то, они глубоко сидят, — очень спокойно пробурчал дед, приглаживая бороду. Не похоже, чтобы крики Марка его особенно занимали.

«Вот, значит, как на Роще разносятся звуки!» — Покачав головой, я отвернулся от окна.

— Я вас всех выведу на чистую воду! Я это так не оставлю!

О чём они?

Ветер переменялся: до меня долетали лишь обрывки фраз.

— ...А Недозайцев этот хрен знает чем занимается, только с девчонкой сюсюкает! Я — другой! Плевать я хотел на ваши закидоны и традиции! Одного парня уже угробили, мать вашу!

«"Умер Аким, и чёрт с ним", говорите? Ну-ну», — я подавил невольную улыбку.

И поймал себя на мысли, что постепенно начинаю Марка Волковича... уважать? Возможно. Не уехал ведь, не бросил градик на произвол судьбы.

А мог. Его контракт закончился ещё год назад. Нередко так и бывает: смотришь — вроде бы и хамло порядочное, а глубже копни, отряхни блёстки позёрства да иголки злословия, и покажется неплохой даже человек...

Вот только в последнем он не совсем прав. Баклуши я не бил. Я делал то же, что и всегда, — ждал, пока хоть что-нибудь произойдёт. Наблюдал, не вмешиваясь.

А всё-таки — зачастил в градик лесничий приграничной области! Не первый раз ведь гуляет по Зелёной Тишине, и плевал он на местное «гостеприимство».

Позавчера он остановил на дороге Сону и что-то ей долго втолковывал.

— Эй! Надо поговорить! — закричал я, выбегая из своего жилища, — Пойдите! Ма-арк!!

Разумеется, он меня услышал, но даже ухом не повёл, только шаг ускорил.

Горожане. Я только сейчас их заметил. Они рассыпались по обе стороны улицы неровной кучей, как растревоженные шумом вороны. Разом, как по команде, все повернулись ко мне.

— Здесь не кричат, — выдохнул один мужчина с ничего не выражающим лицом.

Сказал — словно тук тряпья упал на солому.

Сона стояла чуть поодаль, как всегда одинокая. Её молчаливый укор царапал спину.

— Скажи, чего от тебя хотел Марк? И от... остальных? — полушёпотом, как было принято в градики.

— Он такой глупый, — с полуулыбкой проговорила девушка. — Всегда задаёт неправильные вопросы.

Вдруг она сделала шаг вперед и быстро шепнула на ухо:

— Был бы Лёня здесь, давно бы прогнал его. Он всегда Марку говорил: "Не приезжай к нам!" А паёк привозил сам.

Книга лежала на краю стола. Я прикупил её перед путешествием. «Молчание Рощи». Рональд Коллинз.

Похоже, мы с Марком одинаково мыслим.

В первую поездку эта планета для меня ничего не значила. Очередная умирающая колония. Я посмеивался над Леопольдом, видящим в Роще едва ли не смысл жизни.

— Вот вы, скажем, видели Большую Вирсавию? — прищурившись, спросил он.

— Это где-то там, далеко. Нужно долго лететь на север...

— Чушь. Чтобы добраться до той самой чащи, нужно пройти через лес Вирсавий Малых. Двигаться сквозь, а не над лесом. И не факт, что путь откроется.

Однажды — открылось. Ящик Пандоры сам приподнял крышку.

С группой исследователей потеряли связь, не смогли найти даже со спутника.

«Никому не могло прийти в голову, что в привычном мире нас уже нет. Мы переступили грань. Перешли границу.

Как в русской сказке: дворец в утке, утка в яйце, а яйцо на кончике иглы. Или там было иначе?.. Я мало что помню. Мой отряд не забрался так далеко. Те, кто шел впереди... Они всё и увидели. Большие Вирсавии. Другое небо, и солнце — другое. Лес под кожей леса. Мир внутри мира. Но познать его нам было не суждено. Глубокая Глубина исторгла сильнейший Безмолвный Крик. Я тоже его слышал. Краешком уха. Я успел сбегать. Так повезло немногим...

Ветви, прорастающие сквозь кожу, корни, разрывающие тебя изнутри. Вспомните занозы, забивающиеся под ногти, острый сук, царапающий ногу до крови, листья, плетью хлестнувшие по глазам... Дерево режет не менее больно, чем железо. Дерево умеет быть жестоким...»

В своё время Коллинз был известной фигурой. Но после того как в Листове погиб его сын, Рональд окончательно потерял связь с реальностью. Он то молил простить Лес, говоря, что «деревья живут в двух мирах сразу и не могут не кричать, как мы не можем не дышать», то призывал бомбардировать Рощу ядерными ракетами:

«Корни! Главное, сожгите корни!!»

Сквозь грязно-бурые облака, напоминающие рваные флаги, большим прожектором высвечивал жёлтый карлик Давид-3.

Роща, где твоё небо, где твой Бог?

Сона любила сидеть у развалин стены. В десятке метров от нас подпирали небосвод Вирсавии. Ближе некуда, а я уж и привык. И страшно, и смешно...

— Я вижу. Вы молчите о чем-то нехорошем, — Сона внимательно на меня посмотрела.

«Мы оставляем Рощу...»

Несказанные слова острыми льдинками кололи губы.

Я знал об этом с самого начала. «Наверху» решение уже принято, и очень скоро вступит в силу. Всех лесничих, инженеров и медиков отзовут, а те, кто не захочет улетать... что ж, это их дело.

— Послушай, ведь ты... могла бы уехать. И дед Грибоед, и другие. В те же Ростки, к примеру.

Проза. Фантастика

В Ростки. Не дальше. Рожденным на отдалённых планетах получить галактический паспорт было почти невозможно.

При слове «уехать» лицо девушки резанула болезненная, злая гримаса.

— А если мы не хотим? — Сона горько усмехнулась. — Мне мама рассказывала. Двадцать лет назад сюда прилетали земляне. Инженеры, военные... они тут такое творили! У нас нет документов! Законная власть — лесничество, а они тоже — ваши!

Я опустил глаза.

«А теперь мы бросаем этих людей на произвол судьбы. Бежим как последние трусы». Надолго ли хватит сельскохозяйственных роботов без притока новых деталей? Сколько урожаев даст почва, лишённая удобрений?

Убийство. Отсроченная казнь. Господи, вот что мы делаем!

— И тогда, в Листове... Вы рубили деревья! Просто так, ради денег! Вирсавии кричали! Они так кричали!

— Прости! Я не знал! Если бы у меня были полномочия решать, то... — с трудом подбирая слова, проговорил я.

Сона спрятала лицо в ладони; она беззвучно плакала. Повинуясь внезапному порыву, я обнял девушку за плечи, прижал к себе. Она не сопротивлялась, только тихонько всхлипывала.

— Я так много сказала. Теперь буду долго молчать, — тихо сказала Сона, наконец успокоившись. — Когда говоришь, другим больно... Жаль, что вы улетите. Лучше бы остались. Вы мне... нужны.

Девушка будто бы сама удивилась своим словам.

«Вот значит, как это...» — задумчиво добавила она одними губами.

В её глазах отразилось именно то, чего я хотел. И чего боялся.

— Вы не настолько стары, как думаете. А я — не так молода, как кажусь.

— О чём ты? — прошептал я.

Есть такая вещь — ускользающая улыбка. Ты хочешь остановить её, поймать, а она просачивается наружу, как песок сквозь пальцы. И ты улыбаешься во весь рот, как ребёнок, и чувствуешь себя совершенно счастливым. Хотелось оправдаться, обратить всё в шутку, но улыбка уже подобралась к Соне, скользнула на её лицо, смешавшись с легкой печалью.

Высоко в кронах под лучами Давида вспыхивали голубые звёзды.

Увы, мгновения счастья живут не дольше бабочки-однодневки. Идиллию нарушил Марк. Он беспардонно пялился:

— А я знал, что этим всё закончится!

Он издевательски поклонился Соне:

— Юное дитя, вы хоть представляете, кого обнимаете? Понимаю, связать свою жизнь с Агентом Внедрения и Надзора довольно престижно! — Лесничий подмигнул.

Девушка нахмурилась. Она не понимала.

Агент внедрения, в просторечье — «оборотень». Откуда Марк узнал?!

«Приходит он, значит, в какое-нибудь поселение на планете N, притворившись чёрт знает кем... И так складно лепит, так мягко стелит, что уже через недельку вроде бы и свой. Да только имеется у товарища блокнотик, в который он все грешки людские документирует. Как, что и зачем в колонии происходит. И если что нехорошее найдёт, ну, к примеру, сепаратистские настроения — ну какое поселение не хочет от Галактического Союза отделиться — хана колонии! Хорошо если просто поставки временно перекроют. А про планетарную бомбардировку слышали?».

Я травил эти байки своему пилоту, пока летел на Рошу. Разговорились на дорожную тему, мол, кто в галактике самый страшный зверь. «Оборотень», ясно дело! Да любой бы так ответил.

— Нехорошо стыдиться своей профессии, товарищ Полузайцев! — Марк недобро усмехнулся.

Хотелось возразить, что я уже пять лет как ушел в отставку, но... оправдываться? С какой стати?

— Сначала я был рад. Думал, на Земле зашевелились, решили. А потом понял, что вы тут просто... время убиваете.

— Так много слов! — Сона зажала уши ладонями, дёрнулась...

— Стой где стоишь, девочка.

Я похолодел. Марк держал в руке архаичный, доисторический пороховой пистолет. Черное дуло смотрело прямо в живот Соны.

— Лео был мечтателем. Верил, что Лес обладает каким-то общим сознанием, может привязываться и мстить... Я же никогда не забывал, что Роша — опасна. — Лесничий тихо и зло выплевывал слова. — Держите руки так, чтобы я их видел!

Я встретился с ним взглядом. Нет, не блефует.

Девушка замерла. Её взгляд метался от Леса ко мне, словно ребёнок, которого зовёт с одной стороны мать, а с другой — отец.

— Вот, почитайте-ка. Это ваш дружок накарябал. Через неделю его не стало.

Марк бросил мне свёрнутую бумажку.

— Он передал письмо, когда я привозил в градик продовольствие. Ничего не сказал, словно боялся, что его услышат. Кто, интересно?

«.....мы просто не видели "леса за деревьями", пойми...

...всё завязано на этой девушке...

...её имя Сона, она особенная, и...

...я почти добрался до сердца этой тайны, то, что я обнаружил, изменит...

...хотел бы я рассказать тебе всё...

...когда я всматриваюсь в Лес, мне иногда становится страшно...

...не приезжай в Зелёную Тишину...»

— Это писал Лёня. Я помню его красивые буквы, — отрешённо подтвердила девушка.

«Значит, он все-таки что-то обнаружил! Но почему он доверился Марку? Почему не улетел?!»

На мгновение я всё же отвлекся. Перестал следить за лесничим.

— Я не позволю, чтобы катастрофа Листова повторилась. Извини. Это моя работа — защищать людей, — спокойно сказал Марк и нажал на курок.

Сона уже падала, а я ещё не верил. Этого не могло случиться. Не в моём мире. Не в моей жизни.

«Только не снова. Господи, только не снова!»

Легкое тело на моих руках. В голове — ничего, кроме пустоты.

Я медленно опустился на колени, не чувствуя рук, сердцебиения, души.

— Хватит скулить. Уверен: чтобы убить лесныша по-настоящему, нужно сжечь Лес дотла.

«Псих. Безумец! — стучало у меня в висках, — Убийца!»

— Вспомни! — улыбнулся Марк. — Время пришло.

«Исчезни! Сгинь!» — хрипло шептал я, проглатывая буквы.

И в этот самый миг лесничий приграничной области Марк Волкович, человек, которого я сейчас ненавидел сильнее, чем может вообразить человеческий разум, исчез.

В самом прямом смысле: его сдуло ветром, как фигуру из песка.

Исчезла и Сона. Я оторопело смотрел на свои пустые руки.

Время застыло, как мгновение, пойманное фотоаппаратом. Голос Леса зазвучал. Безмолвный крик резанул по обезображенному холсту моей души. Я думал, что стану деревом, одинокой Вирсавией. Я почти хотел этого. Если бы ещё мы всегда получали, что хочется!

Чей-то взгляд коснулся меня. Заставил обернуться, будто дотронулся до плеча — вот каким осязаемым он был. И таким настойчивым, что никто не рискнул бы ослушаться.

Рядом со мной находился кто-то ещё.

Двое мужчин стояли друг напротив друга и разговаривали.

Кажется, что они всегда тут стояли, а не появились «по щелчку». Хотел закричать, позвать на помощь, но — замолчал. Сквозь их спины просвечивал горизонт. Не люди — тени людей. Позабытые воспоминания, призраки?

Тело не слушалось. Я был способен лишь на то, что делал всю жизнь — стоять и смотреть.

Один — темноволосый, сутулый, прячет под курткой руки; другой — молодой, кудрявый, как пудель, жестикулирует: то прикладывает палец к губам, то что-то жарко шепчет.

Леопольд Утёсов?

«Ты знал? Знал, что так будет, — и ничего не сделал?», — говорит его собеседник.

Сухой металлический голос. Словно шваркнули по листу жести. Лица не рассмотреть: человек стоит спиной.

Ответа нет. Леопольд молчит, но глаз не опускает.

«Как ты мог? Я думал, что ты погиб вместе с Зелёной Тишиной»

«Ты не понимаешь», — одними губами, без надежды быть услышанным говорит юный лесничий. — Это единственный путь. Я долго здесь прожил, я знаю».

«Тогда зачем ты отправил сообщение? Я, как мальчишка, бросился на помощь. Тряхнул старые связи, чтобы попасть на закрытую планету. На меня смотрели, как на смертника. И всё ради того, чтобы услышать... это?»

Сутулый человек говорит медленно, почти по слогам. Он пугающе спокоен.

«Хотел, чтобы и ты узнал Лес. Останься. Я покажу тебе всё».



Проза. Фантастика

«Ты деструктивный элемент, Леопольд. Ты опасен».

Лесничий улыбается:

«Ты ведь не на работе. Давай немного передохнём. Подумаем. Помолчим».

Темноволосый кивает. Верно, всё верно. Он не сыщик и не каратель. Он наблюдает, не вмешиваясь. Стоять и смотреть — не преступление... Но он — не на работе. Он сам прилетел сюда.

Лицо его собеседника проясняется:

«Ты думаешь, что жители градика умерли? Всё не совсем так, я...»

Тишину разрезает глухой хлопок. Леопольд Утёсов падает лицом вниз — без вскрика, без единого возгласа. Его убийца отворачивается и прячет смерть обратно под куртку. Он не смотрит на тело, смотрит на свои руки. Они не дрожат. В нем есть что-то от Марка; но без позёрства и дёрганности. Постарше на десяток лет, грузнее. Наши взгляды на миг встретились. Цепкие глаза. Они блестят, как стальные крючки, как искра ножа, танцующего в руках.

Они пусты, как окна брошенного дома.

Если бы я мог кричать, я бы закричал. Я знал эти глаза — лучше, чем хотел бы.

Мир смялся, как папиросная бумага. Скорлупа реальности треснула, и мне открылось то, что находилось внутри.

«Ты умеешь молчать, как Лес?»

Да, я умею.

Здесь царствовало совершенное, не искаженное материальным миром молчание. Оно хранило в себе сотни, тысячи оттенков и отзвуков — как белый цвет, что содержит в себе все краски спектра. Оно больше не оглушало.

Абсолютный покой.

Надо мной сияло и переливалось удивительное, невозможно прекрасное небо. Земля никогда не одаривала нас таким сокровищем, даже в красивейших её уголках.

Не пытайтесь утереть льющиеся из глаз слезы, я боялся поднять голову.

Вот, значит, куда вы смотрели, жители маленького градика!

Я четко осознал, что эта красота убьёт меня в тот же миг, как я встречу с ней взглядом.

— Не смотри! Сфокусируй взгляд на мне. На нас. Безумное совершенство, пожирающее разум, отступило на шаг.

Неясные, едва угадывающиеся силуэты. Силуэты людей, стоящих кругом.

Безумное совершенство, пожирающее разум, отступило на шаг.

— Это наша весна. Наше незащитное сердце.

Сона. Живая! Я не был удивлён, ведь кое-что я уже понял, но всё же — был рад.

«Зачем ты привела меня сюда? Почему я?»

— Когда вы пришли сюда. Мы не хотели. Не хотели кричать! Мы терпели. Пусть даже вы и рубили деревья. Вы подоברались близко. Так близко. Кричать. Как дышать. Понимаешь?

Слова выплескивались из сомкнутых губ и цеплялись за край сознания, как опавшие листья за одежду.

Лицо Соны постепенно приобретало прежние черты. Чуть поодаль, ссутулившись, стоял... дед-Грибоед? Борода да внимательные умные глаза — вот и все, что от него осталось. Другие жители градика — уверен, это были они — маячили бесформенными голубоватыми пятнами.

«Вот почему так сложно было отличить их друг от друга, — осторожно подумал я. — Они отбросили свои личности, как змея — кожу».

Девушка, которую я почти полюбил, спокойно произнесла невозможные слова:

— Я никогда не была человеком. Они — да, когда-то, — кивнула она в сторону горожан. — А я — нет. Ты боишься меня?

Я не боялся. Действительно — не боялся:

— А там, в Листове... Столько людей. Зачем?

— Разве плохо быть деревом? — с детской, наивной улыбкой спросила не-Сона.

Она действительно не понимала. А до меня начало доходить.

Если бы мы вдруг обнаружили... ну, скажем, разумных тараканов и нашли бы способ дать им человеческое тело, стали бы мы спрашивать их мнения? Гордо выпятив грудь, мы бы ощущали себя благодетелями. Спасителями несчастных букашек. Разве стать человеком — не лучшее, что может случиться?

— Всё не так. Ты ошибаешься, Саша! — словно прочитав мои мысли, возразила девушка.

Хотя, почему «словно»? И почему — девушка?

— То, что вы называете Безмолвным Криком, на самом деле — путь. Дорога в наш мир. Не все могут пройти по ней до конца, оставшись плотным. Ты — первый.

— Мы хотели с тобой говорить. Не смогли. У тебя две души, — проскрипел силуэт деда-Грибоеда.

Что?

— Не было никакого лесничего Марка. Был только ты один. Твое сознание... Твоя... душа разделилась.

На слове «душа» Сона запнулась, будто пробуя его на язык, как странное иноземное кушанье.

Очнись. Вспомни, кто ты!

Александр Маркович Волкович.

«Прямо «Ну, погоди» какое-то!», — смеется первокурсница Аня Полузайцева. Как и я, она увлечена прошлым. Она мечтает улететь с Земли, как и я.

Мы счастливы и вместе. Надолго ли?

«Я хочу свой дом! Мне надоело ютиться в каюте два на три метра! — плача, Аня трясёт меня за плечи. — Бросай свою чёртову работу! Устроимся на Луне, папа обещал взять тебя в дело! Сашка, пожалуйста!»

Моя жена только что вернулась из клиники. Я её не узнаю. Нет, дело не в «новом лице». Впрочем, и в нём тоже.

«Завтра жду тебя в космопорте. Я улетаю к отцу. Или с тобой, или одна. Выбирай!»

Почему, Аня? Почему сейчас?

«О чём ты? Конечно, вместе! Да куда я без тебя, Анька!»

Сказанного не воротишь. Решение принято.

Вот он я — молодой лунный бизнесмен с никогда не портящейся причёской. Ради жены я пошел на «операцию красоты». У нас шикарный дом, красивые дети...

Нет. У меня никогда не было детей.

«Что? По-твоему, я должен всё бросить?! всю жизнь сидеть на шее у твоего отца? Я занимаюсь важным делом!»

Одиноким мужчиной с пустыми глазами стоит на краю посадочной платформы. Это тоже я. Заплаканная Аня садится в челнок. Она даже не видит меня. И я не пытаюсь её окликнуть.

Выбор сделан.

Нет. Прекратите, прошу!

Воспоминания разрывают меня как охотничьи псы. Каждая вспышка памяти — укусы. Невыносимая боль. Рваная рана.

Анна снова выходит замуж. За киноактера. Она хочет растить детей на Серпентине. Недавно открытой нелегализованной планете.

«Послушай! Ты не должна туда лететь, это небезопасно! Защитное поле очень слабое! — я

почти кричу. — Твой муж наверняка купил там землю за гроши!»

«Мой муж любит меня. Мы будем жить так, как нам хочется. Не звони мне больше. Никогда».

Чужой, холодный голос.

Ночь. Оглушительная трель коммуникатора. Малодушная, отвратительная мысль: "Лучше бы я не взял тогда трубку. Лучше бы я спал".

«Не паникуй! Там должны быть шлюпки! Слушай внимательно, ты должна...»

«Всё сгорело! Саша, всё сгорело! Метеориты! Прости меня!..»

Прости...

Конец связи.

— Ты не виноват, — девушка-дерево грустно улыбнулась.

Боже. Она знает и это! Но тогда...

«Почему они не спасли Леопольда?»

— Он не хотел, чтобы мы вмешивались.

Вполне в его духе.

— Он признавал, что для градика Зелёная Тишина быть с Лесом — единственный путь, — девушка склонила голову.

— Мы будем долго. Будем хорошо. Будем вместе, — с усилием проговорил дед-Грибоед. Он растягивался, истончался, напоминая то ли извилистую ветку, то ли длинное щупальце.

— Ты тоже можешь! Встанем в круг! — Сона протянула мне руку. На гладкой коже запястья проросли голубоватые ростки.

— У меня ведь... нет выбора, правда? — я грустно улыбнулся.

— Есть. У тебя есть. Выбор важен. Мы так долго смотрели в тебя. Мы поняли. Теперь поняли.

«Теперь? Только теперь?!»

Лучше бы не было.

Говорить Соне становилось всё трудней. Она тяжело дышала. Её волосы начали приобретать синеватый оттенок.

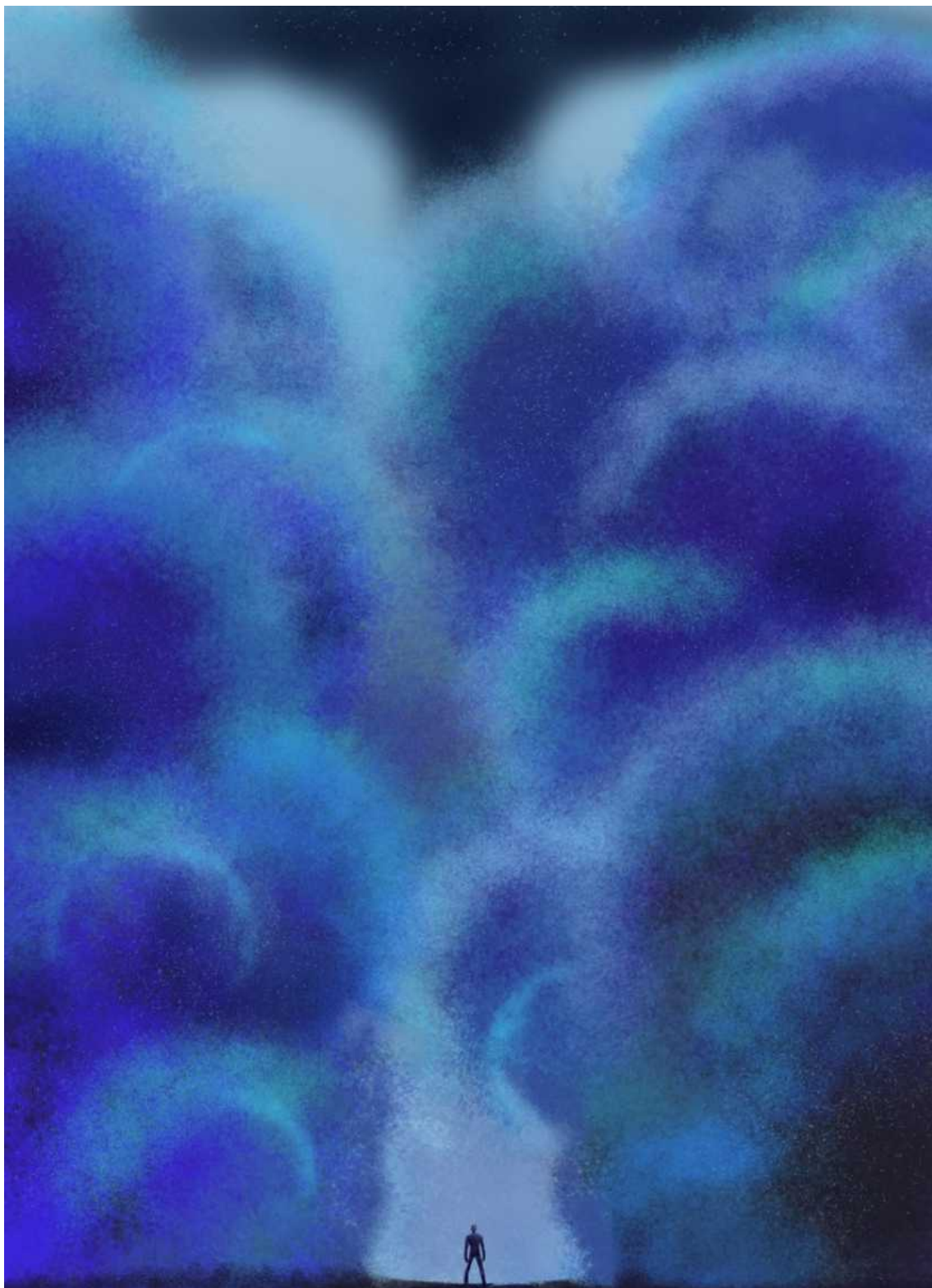
— Наверное, я этого не заслуживаю, — я опустил голову. — Прощай, Сона. Прощайте... все.

Отпустят ли меня они и этот мир-под-кожей, удивительный и губительный, до боли прекрасный?

Да. Отпустили...

Я стоял в роще Малых Вирсавий. От градика Зелёная Тишина практически ничего не осталось. То, что когда-то было уродливыми кубами домов, теперь напоминало скорлупу, раздавленную сапогом.





Художник Лев Елена

В градик выросли деревья. Он оброс ими.

Улицы оплели исполинские щупальца корней. Самые толстые из них были сравнимы по объёму с поездом метро. Они вспахали, взрыли холодную землю. На дорогу легли почти бесконечные тени.

Значит, этот маленький градик действительно существовал? Конечно. Здесь жил и умер Леопольд Утёсов, мой... друг? Друг. Я дышал его воздухом, видел то, что видел он. Проживал его жизнь.

Быть может.

«Не прилетай на Рошу». Просьба из разряда «никогда не бросай меня в терновый куст» или действительно предостережение?

Это больше меня не интересовало. Я устал от вопросов.

Ветер опасливо колыхал море Русалочки, затопившее каждый свободный метр. Трава почти сравнялась со мной в росте. Она цеплялась за ноги, норовила забраться под рубашку. Я коснулся ладонью коры, лишённой шероховатостей и неровностей, холодной и гладкой как мрамор. Я чувствовал... что-то вроде успокоения. Цельности.

Раздвоение личности... Это началось после гибели Ани. Я думал, что вылечился. Никогда не подумал бы, что мой душевный недуг станет спасением от превращения в дерево. Какая ирония!

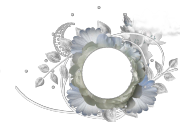
Идя по следу из крупниц проснувшейся памяти, я набрёл на застрявший меж двух Вирсавий космический корабль. Мой транспортник. Разумеется, никакого пилота не было и в помине. Очередная иллюзия, мною самим и придуманная...

Я неплохо умел пилотировать и никогда не доверял свою жизнь посторонним.

Энергии на корабле хватит, чтобы долететь до ближайшей обитаемой станции.

Я не смотрел вниз, не смотрел на набегающие волны вечного Леса. Я думал о потомках наивных

мечтателей, рискнувших связать свою жизнь с незнакомой планетой. О градиках, больших и малых, которые изберут — в этом у меня почти не было сомнений — судьбу Листова. О брошенном мире, на который уже никогда не приземлится ни один космический корабль. О Зелёной Тишине, крошечной рыбке в лесном океане, маленьком поселении, где деревья притворялись людьми.



Силкина Мария

<https://writercenter.ru/profile/SummerRain7/whois/>

Художник Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>



Жастройщики "Роялей"

Румянцев Александр

ДИСПЕТЧЕР

— «Кедр — 10», я RX-6-8. Вы в зоне нашей ответственности.

— Принято.

— Есть захват цели причальным комплексом.

— Подтверждаю.

— Шлюз номер три. Заход по стандартной процедуре.

— Принято.

— Замечаний по процедуре захода нет.

— Принято.

— Добро пожаловать на «Берлогу» Глеб. Теперь можешь расслабиться и попить кофе.

— Стасик, ты с «Берлогой» аккуратнее, знаешь же, всё в ящик пишется. Откопают, получишь нахлобучку по тыковке.

— Да брось, Глеб! Пока идёт без отклонений, кому эти записи интересны? А в случае нештатки, интересоваться будут другим. Лучше скажи, как себя спец чувствует? Петрович ждёт его с нетерпением.

— Нормально себя чувствует. Только вряд ли Петрович ему обрадуется.

— Это почему?

— Тут маленькая накладочка вышла... и, кажется, Петровича ожидает сюрприз... Впрочем, сам увидишь. А сейчас — не отвлекайся. Я хочу нормально пристыковаться.

— Сюрприз, говоришь? Это хорошо, а то у нас тут стало как-то скучновато жить.

— Теперь, я так думаю, будет немного интереснее. Уж больно любопытный мальчонка к вам в гости явился.

— Мальчонка? Слушай, Глеб! У тебя от долгого перелёта ничего там не съехало?

— У меня всё нормально. И у вас тоже... нормально... я так думаю, будет. Хотя могу и ошибаться.

— Здорово! Я до трясучки запуган.

— А вот трястись заранее не стоит. Не всё так страшно, как кажется на первый взгляд. И вообще, я же сказал: не отвлекайся. Кофе я хочу пить в нормальной обстановке, а не в разбитом шатле.

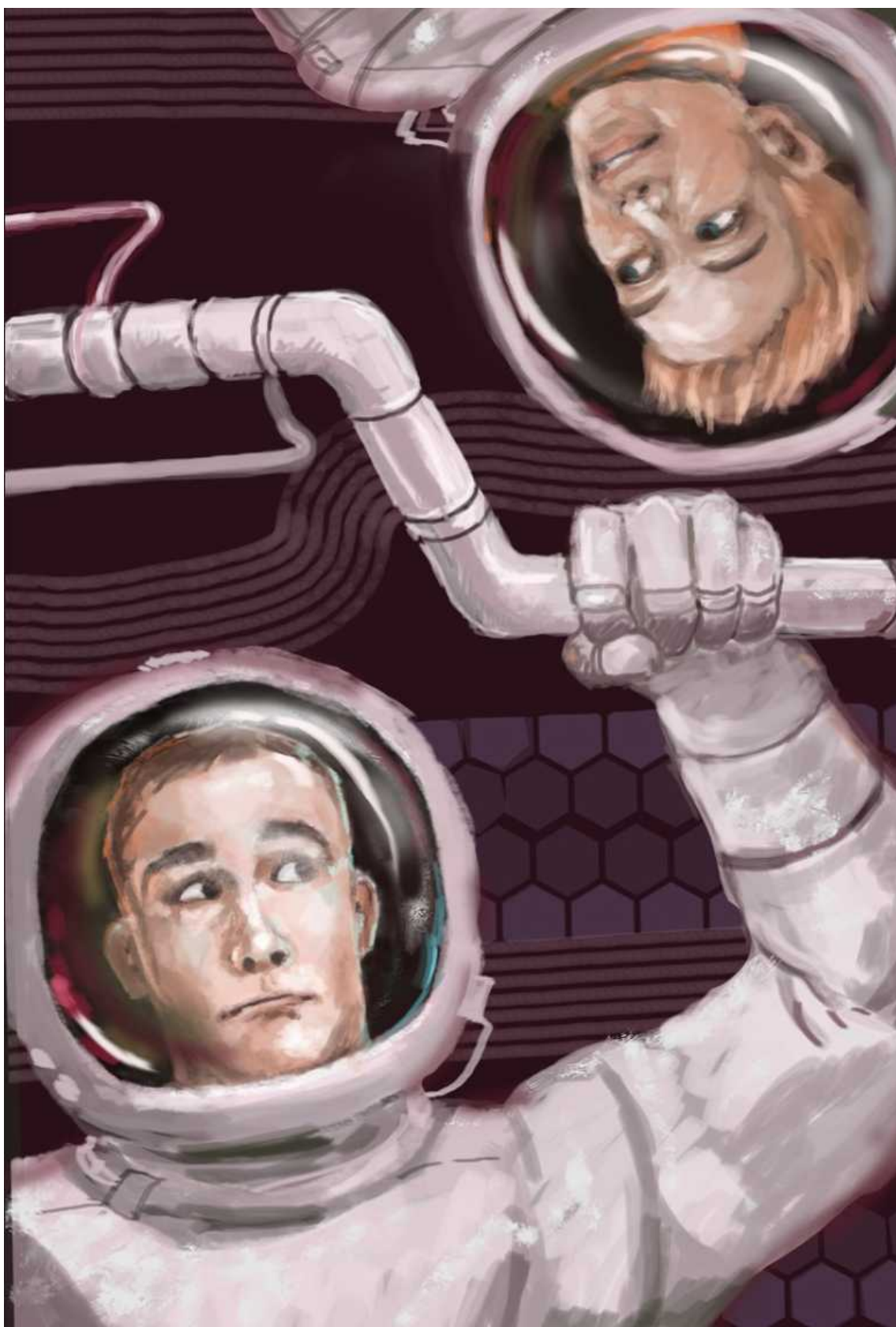
— Обижает, коллега. Уложу в захват, контакта не почувствуешь.

— Вот сейчас и проверим твои способности.

ПЕТРОВИЧ

Петрович сидел в рабочем отсеке и, поигрывая сопроводительными документами, слегка набычившись разглядывал чуть ли не на вытяжку стоящего перед ним «специалиста».





Художник Лев Елена

Проза. Фантастика

«Не ожидал я такого подвоха! — зло думал он. — Мне спец нужен, а не это розовощёкое чудовище! Папа — профессор, мама — учитель музыки... Сам — типичный ботаник. Как он с моими мужиками общий язык находить будет? Морда цветущая, глаза распахнутые... Восторженные. Ненормально восторженные. Правда где-то там, в глубине, прячется что-то неуловимое. Сразу не определишь, что именно. И фигура у паренька морде не под стать. Физиономия розовощёкая, а тулово подтянутое. Не то чтобы накачанное, но какое-то жилистое. Впрочем, это понятно: рыхлых в космос не пускают. Если на морду не глядеть, вроде бы и ничего парень. Только на кой чёрт он мне сдался? Я понимаю его цветение: попасть на «Берлогу» многие хотят. Мало кому удаётся. Мы не в игры играем. Настройка маяков ROJL требует мощной подготовки и опыта работы именно с ними. Ну откуда у этого розовощёкого опыт? И вообще, я ждал Кумарова. Вот он — Настройщик с большой буквы. Его дело у меня давно лежит, и столь же давно я жду, когда его контракт закончится. Дождался! Как чёрт из коробочки этот ребёнок явился! Двадцать четыре года. Ни опыта, ни мозгов. Характеристика впечатляющая? Но кто ж ей поверит? Папа — профессор. Мама... Ладно, про маму — не будем. Что же мне с ним делать? Стоять за спиной и смотреть, чтобы руки куда ни попадя не совал? Следующий шатл только через три месяца... Сбагрю я его к чёрту, от греха подальше. Но пока ведь с ним надо что-то делать... Подцепить к Игорю? Разумеется, он потом мне скажет всё, что думает по этому поводу... Пусть. Это минимальная из возможных неприятностей. А Игорь сейчас единственный, кто способен надёжно прикрыть нас от свалившейся неприятности. Мне же надо срочно искать Кумарову замену. Чёрт, угораздило его с медициной не поладить. А у этого здоровье — что надо. Ишь как цветёт! Будто главный приз выиграл. Эх, парень, ты ведь даже не понимаешь, насколько тебе не повезло! У нас тут не романтика: работа ишачья, ответственность — слоночья, и блага цивилизации на самой дальней станции, самые дальние. А ты цветёшь, как овощ на грядке!»

Он ещё раз бегло просмотрел личное дело.

«Ох, чую, хлебну я с этим овощем не одну тарелку каши. Наварит он нам, с места не сойти. Да, не повезло Игорю!»

— Итак, Олег Борисович, — ещё раз окидывая парня тяжёлым взглядом, медленно проговорил Петрович, — в двух словах, пожалуйста, объясните, каким образом вы к нам попали. И постарайтесь оставить ненужные фантазии в стороне.

— Да на самом деле чистая случайность! — Смущённо пожал тот плечами. — Я из командировки возвращался. Ну и... Меня правда пытались отыскать... но я здорово умотался. В общем, проспал шатл. Пришлось задержаться на станции. Всего-то пару дней. А тут вдруг такая удача! И, врать не буду, если бы знал, что так получится — ещё б дальше спрятался, чтобы не упустить такой шанс.

— Вы находите удачной болезнь человека? — недобро глянул Петрович.

— Ой, ну что вы! — окончательно смутился юнец. — Я не то имел в виду! Просто я давно мечтал о такой работе!

— Мечтал... — Петрович демонстративно взвёл глаза к потолку и долго что-то там разглядывал. — Боюсь, скоро вы будете мечтать побыстрее дожидаться ближайшего шатла. И прятаться вам не придётся. Обещаю. Впрочем, не будем о грустном. Я посмотрел ваше личное дело... Скажите, насколько высоко вы оцениваете его объективность?

— Если по пятибалльной шкале... — Олег задумчиво почесал переносицу, — на тройку, скорее всего, потянет. Больше — вряд ли.

— Самокритично, — кивнул Петрович. — Но боюсь, вы слегка преувеличиваете.

— Вообще-то, — Олег тоже демонстративно потупил взор и нарочитым жестом принялся ковырять носком ботинка пол отсека, — я говорил немного о другом.

— То есть, ваши заслуги были явно преуменьшены? — оценил Петрович разыгранную перед ним пантомиму.

— Да, где-то так.

— Ясно! — внимательно разглядывая собеседника, констатировал Петрович. — Скромность — не ваша добродетель. Спасибо за информацию. Что ж, услуга за услугу. Я распоряжусь о тщательном присмотре за вашей нескромной персоной. Не обессудьте, но сюрпризы меня никогда не вдохновляли.



Если вам суждено состариться и когда-нибудь стать руководителем хоть чего-нибудь, вы сможете понять мою блажь.

Он поднял ладонь, пресекая возражения.

— Сейчас отдохните. Я попрошу кого-нибудь показать вашу каюту. Вечером познакомьтесь с напарником. Зовут его Игорь Малышев. Впрочем, для вас он — Игорь Дмитриевич. Завтра идёте на ROJL-37V, для проведения регламентных работ. На всякий случай хочу предупредить: проведение аварийных работ восторга у меня не вызывает. И последнее... Не обольщайтесь, юноша, ваше пребывание здесь долгим не будет. Но пока вы у нас, будьте добры работать на пределе своих возможностей. Я не враг вам, я всего лишь просто и незатейливо стараюсь обеспечить надёжную работу оборудования. А для этого, как вы догадываетесь, нужны очень хорошие специалисты. И будь вы таковым... — выдержал Петрович тяжёлую паузу, — может быть, я попробовал бы уговорить вас задержаться здесь подольше. Но я не верю в чудеса. Опыт нарабатывается годами, скромным признанием своих достоинств и, главное, недостатков. Боюсь, вы этими качествами не обладаете. Всё. Не смею больше задерживать.

«Во хам! — с затаённой улыбкой подумал Петрович, провожая взглядом струной натянутую спину. — Его заслуги недооценены. Мама — учитель музыки... Надо сказать Игорю, чтобы очень там не усердствовал. Чёрт его знает, как у этого ребёнка с его музыкальной психикой! А может, просто и незатейливо плюнуть и не пускать его никуда? Поскандалит немного и успокоится... Там шатл подойдёт, с кем-нибудь более толковым... А ребята мои всё это время с увеличенной нагрузкой работать будут ... И спасибо мне за это точно не скажут...»

Нет уж, чёрт с ним. Назвался овощем, вот пусть и лезет в корзину. Выдержит. А нет, так и нечего ему в пространстве делать. Мама — учитель музыки!»

ОЛЕГ

«Нет, мне и в самом деле крупно повезло! — думал Олег, шагая за провожатым по переходам станции. — Всё-таки вовремя я

успел перехватить слух, тихим шепотком пронёсшийся по базе. Ухватил — и перенастроился. А остальное прокатило на обыкновенном нахальстве. Топтыгина, конечно, тоже можно понять! Выискалось, мол, тут на мою голову. Вот он и рычит. А я и хочу-то всего чуть-чуть: дай поработать с нормальными спецами! Чего здесь такого уж страшного?».

Про то, что у Кумарова нелады с белыми халатами, Олег узнал чуть ли не в шлюзе причальной зоны. Элементарная логика говорила, что раз уж пираньи в кого-то вцепились, то, как минимум, надолго. Та же логика уже просто орала в ухо, что такой шанс выпадает всего лишь несколько раз в жизни. А чаще — раз этот бывает единственным. Попасть на «Берлогу» мечтают многие. Не всех туда берут. Банальный просчёт ситуации подсказывал, что отыскать замену Кумарову, когда до старта остаются считанные часы, нереально. Настолько, что спасти положение может исключительно чудо. Но чудес в жизни не бывает вообще, а других спецов под руками не оказалось именно сейчас.

Вот только шатл Олега уходил на сутки раньше «Берлоговского». И что ему оставалось? Лететь нужно, но — нельзя. Оставаться нельзя, но — нужно! Хоть тресни — нужно! Времени на изобретение чего-то более разумного уже не оставалось, и Олег тупо заблокировал каюту. Да так, что местные спецы диву потом давались. Правда, с ними пришлось-таки объясняться, делая глупые глаза и уверяя, что, ей богу, ни сном, ни духом! Мол, от жуткой усталости, «вырубился» из реальности так, что и не понял, как всё произошло на самом деле.

Ему, разумеется, не поверили: они про Кумарова тоже знали. Но волну гнать не стали.

А когда Олег со всё ещё «заспанной» мордой вылез на свет, деваться начальству было уже некуда. Всё равно, правда, начали кочевряжиться: молод, мол, неопытен. Петрович, мол, на дыбы встанет! Хотя подготовка вроде бы нормальная и все допуски есть. Может, рискнём? Перебьётся Петрович какое-то время, а мы потихоньку замену подыщем.

А Олег смотрел невинными глазами и с замиранием сердца ждал вердикта — рискнут или скажут: — «Да ну его, от греха по-

Проза. Фантастика

дальше»? Оно и понятно: им проблемы на собственное сиденье навешивать тоже ведь не хотелось! Вот и тёрли свою жвачку: «Рискнуть, не рискнуть?». Рискнули. Но Петровичу решили не сообщать. Мужик он крутой, и на дистанции может разнести так, что уши потом долго придётся белилами натирать. Да мало того, он ещё и старт задержать может. А график есть график. И на него многое завязано. В общем, взвесили чинуши плюсы с минусами, и решили, что Петрович далеко, а начальство — близко. И фитиль может вставить отнюдь не дистанционно.

— Вот, юноша, ваши апартаменты! — указал провожатый на дверь каюты. — Устраивайтесь. Только в виде небольшой информации, — он комично покачал нарочито скривлённой физиономией, — надолго получится вряд ли.

— Это почему, если не секрет? — состроив наивную морду, поинтересовался Олег, хотя ответ, в принципе, уже знал.

— Наш Петрович сюрпризы не любит! — сочувственно вздохнул провожатый. — А вас ему навязали. Делайте выводы, юноша.

— Спасибо за информацию! — поблагодарил Олег уже нормальным тоном.

— Да не за что! — пожал тот плечами. — Завтра у вас с Игорем тяжёлый день, так что разумнее будет хорошенько выспаться. Впрочем, — добавил с едва заметной усмешкой, — с этим, кажется, всё в порядке, да?

— А не жалуюсь! — безмятежно ответил Олег. — Богатырский сон в здоровом теле — это к добру. К большому добру!

— Хм! — слегка прищутив глаз, искоса глянул провожатый. — Наверное... И очень даже может быть! А может и не быть... Ладно, юноша, удачи!

Он приветственно махнул рукой и отправился дальше по коридору.

«И те привет! — усмехнулся Олег, проводив его взглядом. — Дай бог, не крайний! Со сном нормально... Уже вся станция в курсе. Ну, понятно. Народа мало, новостей ещё меньше».

ИГОРЬ

ROJL-37V — самый близкий, из маяков нашего сектора. Всего-то десяток вахт хода.

Стандартная вахта — восемь часов скучного присмотра за навигацией. Ходим парами. Восемь часов присмотра, восемь — сна, восемь — делай что хочешь. Поэтому вахт получается в два раза больше. Это если не успеешь осточертеть друг другу. А успеешь, тогда в каюту, и мозги полезной информацией накручивай. Благо её в окружающем мире терабайтами пруд пруди.

Но не в том случае, когда перед тобой сидит непознанный «пруд» и счастливо так улыбается. Оно и понятно: кто же сможет удержаться, получив у судьбы выигрышный билет!

К концу перехода этот парнишка стал мне даже немного нравиться. То, что не глуп, ясно априори: такие в нашей профессии просто невозможны. Но только не глуп этот парень был как-то по-особому. Знаете, есть такие типы: открыт, простодушен и весь словно нараспашку... Но исподволь, замаскированным удавом, подчиняет себе настолько, что ты даже не успеваешь понять, когда на самом деле это произошло. И что действительно смешно — оно особо-то и не напрягает. Вот было в нём что-то подобное. Я это достаточно быстро заметил и в общении сразу же взял поправку на скрытую чёрточку его характера. Так, на всякий случай.

Нам предстояла нелёгкая работа. Мне — проверить его устойчивость, ему — устоять. И не вляпаться всей мордой в лужу, которую я для него готовил.

Честно говоря, было бы жалко, если б он вляпался, потому что к моменту выхода на маяк желторотик стал мне по-настоящему интересен. Смешно, но я поймал себя на мысли, что очень не хочу видеть его завала в истерику. Только поблажку делать всё равно не собирался. Тем более что тридцать седьмой Петрович вне графика и поставил, дабы сразу расставить, разложить всё по полочкам. Слишком серьёзная штука — наши маяки. На них завязана навигация в обитаемом космосе. Нет, сказать, что без маяков вообще никак, тоже нельзя. Летали же раньше и ничего — бились немногие. Но отключись сейчас из общей системы хотя бы один...

В общем, это ложь, что седина мужчин красит. А с рано поседевшими женщинами капитанами я бы виновникам происшествия

вообще пересекаться не советовал. Разве что предварительно отполировав макушку. И бороду. Если имел неосторожность таковую носить. Только без членовредительства там всё равно не обойдётся.

А вы попробуйте ослепнуть в толкучке, понимая, что за вашими плечами мирно посапывает не один десяток жизней. Представили? Мы же с этим представлением работаем каждый день. Без права на слабость, которая приводит к непоправимой ошибке. Так что здесь — не школярный экзамен, где можно положиться на чужую «шпору». Здесь, что бы ни случилось, — только на себя и своё хладнокровие. Без вариантов. Хладнокровие — без вариантов. Всё остальное — поправимо.

В общем, когда мы вошли на маяк, я сделал задумчивое лицо, якобы прикидывая, как нам побыстрее закончить с рутинной, и предложил Олегу проверить реакторный отсек. Ну, там, мол, всё должно быть по нулям, и это, разумеется, простая формальность. Но если что-то будет не так, сообщи мне и я быстренько подойду. Всё! Дело плёвое. Любой справится.

Подвох был двойной. Во-первых, идиоту ясно, что никто туда новичка одного не отправит. Реакторы на маяках уникальные, потому что строятся они долго, и в каждую машину вносятся новые технологические решения. Эти нюансы надо знать не по учебникам, а по передаче опыта.

Если новичок не поймёт, значит, не очень устойчив к стрессовым ситуациям. Лишь на стрессе можно легко сожрать такую приманку, как неограниченное доверие. И это будет первый звонок. А второй может звякнуть, когда его заблокирует в шлюзе. Ну, бывают же в космосе аварийные ситуации. С полной изоляцией объекта. Ни аварийного освещения, ни связи с напарником. Жестоко? Нет. Обстановка вполне реальная и в любое мгновение вероятная.

А потому стоит достоверно знать, кто твою спину прикрывает, и как этот «кто» поведёт себя в подобной ситуации. Если парень неглуп — справится. А свалится в истерику — оставшуюся часть командировки будет на «Берлоге» почётным полотёром. И никто с ним в паре не пойдёт, даже под грозным оком Петровича.

Юнец меня выслушал, кивнул: нормально, мол, пошёл я — и быстренько почесал к реакторному. Посмотрел я ему вслед и снова поймал себя на мысли, что насчёт стрессовой неустойчивости я, кажется, не так уж и прав. Тут скорее присутствовала юношеская такая толстомордая уверенность в безграничности своих возможностей.

«Ну-ну! — думаю. — Валяй! Сюрпризец тебя ожидает неплохой. И не хороший. Я тут пока спокойно поработаю, а минут через двадцать мы посмотрим, как ты себя, с безграничной своей уверенностью, чувствовать будешь! Лишний десяток минут на неё я подкину! Так что — валяй, не стесняйся!»

И проверив, надёжно ли встал блок на шлюзе за его спиной, занялся рутинным делом в главной пультовой. Рутинным потому, что регламенты другими не бывают, слава те господи! Другими бывают только аварийно-восстановительные работы, не дай господи.

Но он таки дал!

Через семнадцать с половиной минут у меня перед мордой засветилось жуткое в своей красноте табло: «Идёт перенастройка программы реактора».

Помню, я так дернулся, что морду о внутренности шлема едва не расквасил! И несколько первых мгновений даже не мог понять, что происходит. Табло не зелёное — режим не штатный! Такого быть не может! Индикация блока реакторного шлюза — норма. Внешнего. Но внутренний оказался разблокированным. Если б на маяке была гравитация, я бы точно задницу о палубу отбил, настолько неожиданно это случилось. Однако в следующее мгновение я мячиком, отталкиваясь и уворачиваясь от всего, что торчало в проходе, нёсся в сторону реакторного отсека. И едва на самом деле не расквасил нос, влетев таки во всё ещё заблокированный внешний люк.

Что творилось дальше, словами описать было невозможно! Мне показалось, прошли годы, прежде чем я снял блокировку и нырнул в чернильную хмарь шлюза. Но и там меня ожидал неприятный сюрприз: заблокированным оказался уже внутренний люк. И вот с ним я потерпел полное фиаско: заблокирован он был не моим кодом! Эта юная свинья умудрилась вскрыть его и перекодировать! Мало того, он, отчётливо сопя пока ещё це-

Проза. Фантастика

лым носом, чего-то там перенастраивал. И напрочь игнорировал рёв дикого быка, отчаянно рвущегося в отсек.

А ситуация была действительно критическая! Времени на разблокировку нет. Проверить, что он там вытворяет, невозможно, потому как из пультавой я удирал на таких ходах, что забыл переключить информацию на свой коммуникатор. И оставалось только гадать, что происходит внутри и сколько времени осталось жить юному уроду! Впрочем, с последним ясность была абсолютная: ровно до того момента, когда я совладаю с блокировкой. Не больше! И пусть с меня потом сдирают всё, что есть под скафандром, включая мою родную шкуру, но башку этому циплаку я откручу прямо здесь. В реакторном. Ещё прежде, чем кинусь восстанавливать настройки. И пусть, скотина, пощады не просит! Не нужна она ему!

Люк всё-таки ушёл в сторону, я дымящимся паровозом ввалился внутрь... и испытал новый шок. Сюрпризы дня не кончились: отсек был пуст. И работал в полностью штатном режиме. С разгона я облазил его весь, разве только в активную зону морду не сунул. Ничего. И — никого.

Как последний идиот, я тупо глядел по сторонам и всё пытался сообразить: куда же эта сволочь делась? Не в активную же зону он заныкался! Да и сопение, с места не сойти — довольное, из наушников никуда тоже не делось.

И тут я начал прозревать. Шлюз перед реактором объемистый... не освещенный... и там есть панель коммуникационного разъёма. Прямо над головой, если ориентироваться по нормальной гравитации. Так вот юная сволочь, опять же не сойти мне с этого места, висит именно возле неё.

И ещё я понял, что сейчас мне — с этого места — на самом деле лучше не сходить. Во избежание необратимых последствий. Досчитать до десяти, а лучше до ста, и только потом, связав руки за спиной, аккуратно высветить торчащего под потолком идиота. А ещё лучше сначала рассмотреть поближе идиота, болтающегося в реакторном отсеке. Потому как не совсем ясно, кто же кого здесь нашивость проверил? Впрочем, чего уж там. Ясность полная. Только мне от этого легче почему-то не становилось.

— Ладно, Олег! — досчитав до трёх десятков и почувствовав, что уже могу нормально говорить, попросил я. — Ты — на коммуникаторном?

— А вы уже успокоились? — осторожно поинтересовался он.

— Достаточно, чтобы оставить тебя в живых.

— Да, я в шлюзе.

— Вот там и оставайся. А я побуду здесь. И пока я окончательно остываю, расскажи, если можно — доходчиво, что это было и как ты это сотворил.

— Так вы уже сами обо всём догадались, чего рассказывать?

— Расскажи, как ты в этом цейтноте умудрился коды взломать и устроить вакханалию для единственного зрителя? Я ведь прав, никакие настройки задеты не были? И ещё... зачем ты это сделал?

— Вы меня простите, Игорь Дмитриевич...

— Игорь! — поправил я машинально, и, похоже, это был лёгкий шок для нас обоих. — С этого момента — Игорь.

— Вы меня простите, Игорь Дм... ой, Игорь, но меня папа с детства учил, что жизнь справедливой не бывает и надо уметь постоять за себя. А ещё он советовал первым не начинать, но ничего без ответа не оставлять, обязательно — и всегда — давая сдачу.

— А мама тебя чему учила? — не удержался я.

— А мама соглашалась с папой и добавляла, что композиция должна быть изящной. И потом, вы же сами решили подложить мне эту свинью... Или я не прав?

— Умная у тебя мама! — вместо ответа сказал я. — Но — рискованная! Если б ты знал, на каком волоске сейчас висел...

— А я знал! — нахально заявил он, и почему-то у меня даже не появилось желания начистить ему за это пятак.

— Ладно! — предложил я в ответ. — Плыви сюда, я достаточно остыл.

В люке показался шлем, из-под стекла которого острые глаза быстро обшарили отсек, а потом появилось и всё остальное.

Я долго рассматривал его, только сейчас по-настоящему осознавая, насколько нетривиален этот мальчишка, и как нам не повезло, что Петровичу его навязали. Ну не любит тот навязанных решений! А своих не отменя-

ет никогда. По крайней мере, я такого не встречал ни разу. Можно, конечно, попытаться его переубедить... Но ведь ничего же из этого не выйдет. Когда Петрович получит мой отчёт, он парня не то что в штат, очередного шатла не дожидаясь, пинками со станции выгонит. Это ж верх недисциплинированности — устроить такое на маяке. А Петрович любит стабильность. И спрашивается, на кой чёрт ему под задницей эта непредсказуемая бомба?

— Ну что, — спросил я, чтобы сказать хоть что-то, — будем настройки смотреть?

— Да можно, конечно... — задумчиво ответил он. — Но — зачем? Там всё нормально. Я уже посмотрел.

Я только обречённо крикнул и проговорил:

— Ладно. Пошли отсюда. У меня больше сил на этот цирк не осталось.

ОЛЕГ

Мы стоим навтыяжку. И я понимаю, что это конец моим мечтам. Главный Михаил Топтыгин набычился и с красной от злости рожей читает отчёт о моих похождениях. Дёрнул же меня чёрт проявить инициативу! Сидел бы в этом проклятом шлюзе и ждал себе спокойно, пока меня спасут. Сделал бы перед Игорь Дмитричем испуганную морду: «Чё это было-то?», глядишь, и прокатило бы. А теперь мне осталось только откланяться и с гордо поднятой головой выйти вон.

А вообще, это счастье, что они не видели мою рожу в те первые тридцать секунд, когда шлюз ушёл в глухой блок... Я и сам не хотел бы это видеть, таким страхом её перекосило. Я же не мог знать, что это всего лишь хорошо спланированная свинья, и принял всё за чистую монету.

Когда бесконечные секунды кончились и первый шок прошел, я понял, что надо загонять страх в дальний угол и всеми способами выбираться из этого мешка. Прокрутил в памяти стандартный проект маяка, вспомнил про коммуникационный разъём, которым оборудуются все шлюзы, подключился и начал выяснять степень разрушений. В конце концов добрался до главной пультовой... И узрел там напарника, как ни в чём не бывало насвистывающего какой-то игристый мотивчик!

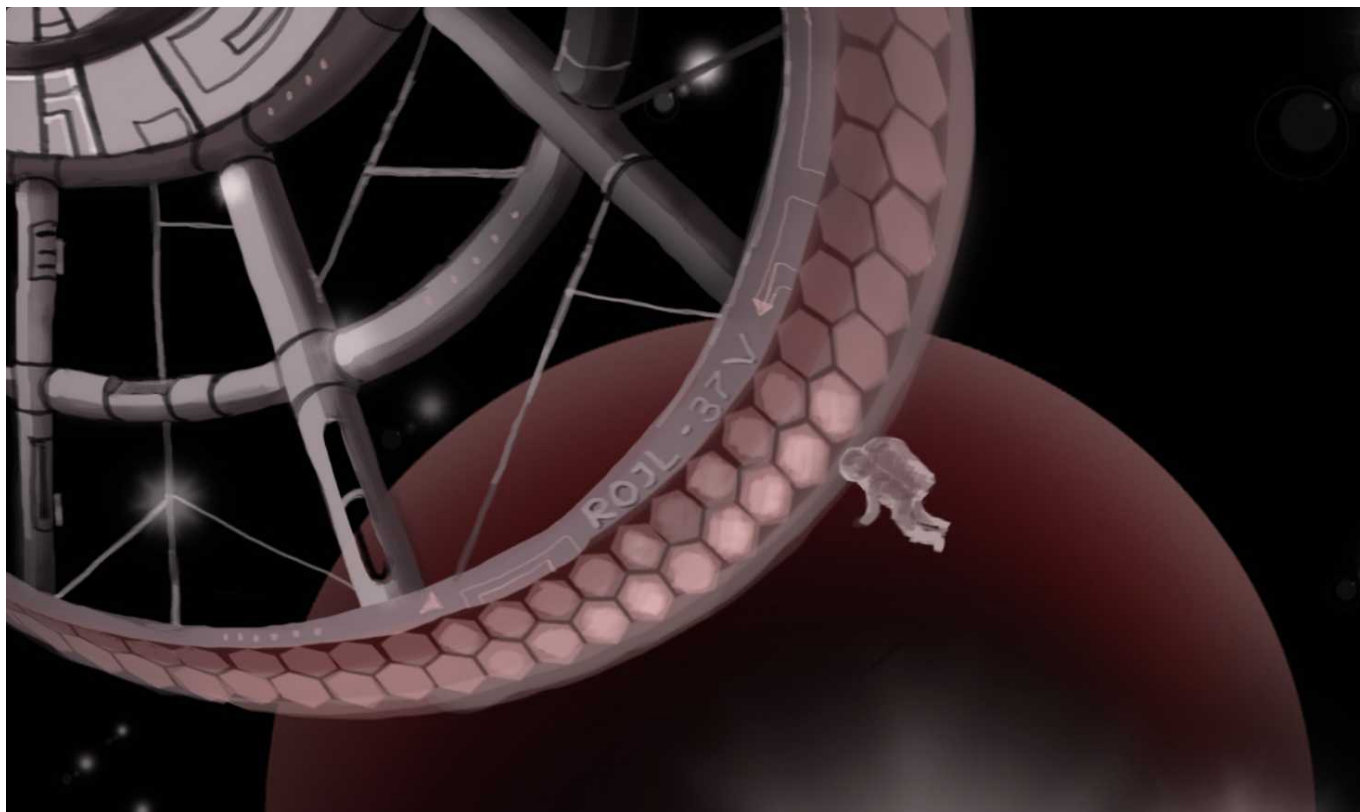
Не надо быть Сократом, чтобы понять, что это означало. Я и понял. Вот тут меня переключило по-настоящему! Ну, думаю, не обижайтесь Игорь Дмитрич! Не я всё это начал, так что получите и распишитесь! Я не зря пошёл в «настройщики роялей». А собирать информацию, систематизировать и находить способы прикладного использования меня ещё папа научил. И тогда первым делом я заблокировал выходы на реактор. А уже потом выдал на пультовую такую информацию, что моего напарника оттуда как ветром сдуло! И нёсся он так, что мне стало даже страшнее, чем в те тридцать секунд.

И вот теперь мы стоим в кабинете этого медведя и ждём его вердикта. И мне даже немного жалко Дмитрича, ибо ему тоже достанется — и за меня, и без меня. Хотя выгнать только меня. И ладно! Чего уж теперь. Не смог удержаться от мести, получай увесистого по седалищу. Такова жизнь, которая, как известно, справедливой не бывает.

ИГОРЬ

Мы стоим навтыяжку, и по хмурой физиономии Петровича видно, что дела наши хуже, чем я ожидал. Правда факт, что он вставит мне солидный фитиль за глупость, меня почему-то уже не очень и волнует. Ну, да — прокололся. Мальчишка нос утёр! Обидно? Конечно обидно! Я весь такой умудрённый опытом, весь такой зазнавшийся, а мне раз — и плюху в морду. Да как лихо! Чёрт, я б его после такого в напарники не глядя взял, даже понимая, чего это мне будет стоить. Работать пришлось бы на равных, а отвечать за обоих. Он же всё равно ещё мальчишка, со всеми мальчишескими закидонами. И пока они не выветрятся, мне пришлось бы быть в постоянном напряжении.

Да только что зря мечтать? Петрович сопит рассерженным медведем, а Олег уже успокоился, ибо не хуже меня понимает, что ждёт его почётная ссылка в полотёры. Пока. А потом — волчий билет, ставящий крест на карьере. Правда, я знаю, что билет ему Петрович выпишет только на шатл и карьере ломать не станет. Но и здесь не оставит. И уговаривать его бесполезно. Даже если я сейчас



Художник Лев Елена

начну в голос орать, что парня надо брать на работу, Олегу это не поможет. Петрович принимает решение сам, никого не спрашивая. В таких случаях — особенно.

Парню с нами не повезло. Не устрой мы этот спектакль, может быть... хотя — вряд ли! Ему с самого начала не везло, так что осознанно или не осознанно, но морду он нам начистил правильно. Хотя бы оторвался от души. Даже я это оценил. Правда, его счастье, что руки-ноги не поотрывал.

ПЕТРОВИЧ

Они стоят передо мной навтыяжку. Один — больше по инерции, ибо понимает, что данные, которые я сейчас просматриваю, ставят крест на его работе здесь. И не только здесь. Другой — комок натянутых нервов, потому что врать у нас не принято, а то, как его развёл сосунок, мне понравиться не может по определению. И Игоря уже не смущает тот факт, что вся станция долго ещё будет веселиться над ним по поводу сопливого мальчишки. Он стоит и ждёт, что скажу я. А я обязан разнести его по косточкам, разложить по полочкам, а потом грустно вздохнуть: «От кого-кого, а от тебя, Игорь, не

ожидал!». Ещё хуже, если скажу: «Игорь Дмитриевич!». В негласной табели о рангах, принятой на «Берлоге», это даже не выговор — неполное служебное соответствие. Со всеми вытекающими.

И теперь он напряжённо ждёт, что будет дальше.

А я смотрю его отчёт. И вижу там больше, чем он написал. Папа — профессор, мама — учитель музыки... А ботаниками оказались мы, чёрт бы нас побрал! И что мне теперь делать? Держать марку и дуть щёки? Он же, поросёнок, и меня уел! Не только я, все это понимают. Дисциплина, авторитет... марку держать! Разнести обоих, а его — пинками со станции! Чтоб и духу в ближайших окрестностях не было!

Только кто от этого выиграет? У мальчишки блестящая голова и характер, каким природа не каждого награждает. Папа — профессор, мама — учитель музыки. Постарались оба. А я одним росчерком должен всё это угробить? Юнец пока и сам не понимает, что ещё не бриллиант, но уже алмаз. Его надо в хорошие руки для качественной огранки передать. А лучшие руки собраны именно здесь. И получается, что выхода у меня нет. Я буду плакать от горя, но натягивать этот хомут не на чей-нибудь — на собственный хребет!

Хотя, может быть, не так всё и страшно? Не дисциплинирован? Кто это сказал? Он принял условия, предложенные нами, и ответил так, что у нас пропала всякая охота проверять дальше. Это — недисциплинированность? Он умница, что отважился начистить нам хрюшку. Но работать с ним будет трудно. И смотреть за ним придётся долго и тщательно. Да только опереться можно лишь на то, что сопротивляется. И такие мозги я никому не отдам! Надо будет — в ноги бухнуть! Плевать я хотел на условности. Мне нужна стабильная работа маяков и настоящие мастера для её обеспечения. Всё остальное — второстепенно. А он будет мастером, я это вижу. И значит, его место здесь.

Я ещё раз осматриваю обоих и говорю то, от чего у них дружно вытягиваются физиономии, а Игорь, не удержавшись, отвечает мне: «Ну, Петрович! Этого я от тебя не ожидал!».

А мне плевать, что ты там ожидал! Моё дело — маяки! И мне неинтересны чьи-то амбиции! Вот тебе парнишка и расти из него человека. Не вырастишь — башку отверну!

Но чтобы не расхолаживать мальчишку, вслух я этого не говорю. Просто кивком выпроваживаю обоих из кабинета и откидываюсь в кресле, соображая, куда пристроить Кумарова, если белохалатники от него всё-таки отцепятся...



Румянцев Александр

<https://writercenter.ru/profile/Alrum/whois/>

https://author.today/u/liding_ramon/works/

Художник Лев Елена

<https://writercenter.ru/profile/ElenaLev/whois/>



Возвращенец

Зауэр Ирина

...Приговаривается к двухминутному возврату один раз в неделю, каждую среду!

Михал с удивлением посмотрел на судью. И всего-то? Он ожидал чего-то более страшного и сейчас вздохнул с облегчением. Его преступление почему-то не посчитали достойным кары пострашнее.

Не больше пяти минут заняло получить в плечо укол «сыворотки возвращения», пожать руку адвокату, у которого было почему-то скорбное лицо, и выйти из зала суда. До квартиры он шел пешком, наслаждаясь звуками, запахами, видами города. Мысли то и дело возвращались к приговору. Один раз в неделю. По средам. Интересно, как к этому отнесутся на работе?

* * *

Вызвавший Михала начальник отдела положил перед ним листок со стандартной «шапкой» приказа и какими-то тезисами.

— Подпишите.

Михал пробежал глазами тезисы. Это был знаменитый «отпускной лист», которого у местного начальства не удавалось добиться даже самым лучшим работникам. Практически миф, несмотря на «поправку два с половиной» в «Кодексе труда»: «Работник имеет право получить дополнительный выходной без объяснений

и причин дважды в месяц». Право было, а реализации права не было; мало кто пользовался «поправкой», не желая терять деньги в этом чудовищно дорогом мире с налогом на «культурный отдых» и просмотр рекламы, с многочисленными штрафами за нарушения. Впрочем, чтоб не врать, возможностей заработать тоже стало больше. Например, сообщив о нарушении. Михалу все три дня разбирательства дела было интересно, кто из торчавших на переходе зевак его заложил. Наверное, неопрятная тетка с сумкой на колесиках.

Он подписал, соглашаясь с тем, что по средам работать не будет, и вышел из кабинета начальника в эйфории, думая о том, как и на что станет тратить эти свободные дни.

* * *

Все оказалось намного проще. В первую же среду Михал выспался, а значит, заимел с утра отменное настроение. Чтобы продолжить, вызволил мега-пиццу, дал доставке щедрые чаевые и уселся перед телемонитором смотреть новинки недели. Мысль о том, что в любой час дня он может оказаться на улице, мелькнула пару раз и потонула в удовольствии от просмотра боевика со старыми актерами, решившими тряхнуть стариной и мышцами и сделавшими это хорошо.



Художник Argentum Agata

Перенос из теплой квартиры на все еще теплую ранне-осеннюю улицу случился внезапно, в самом начале очередного, притом скучного кино, и скорее позабыл, чем испортил настроение. Вот он сидит на диване, и вот — на улице вместе с другими прохожими ждет, когда зажжется зеленое табло «можно идти». От других его отличала разве что одежда, откровенно домашние мятые трико и футболка с дырой подмышкой и надписью «Я здесь главный». На миг он ощутил неловкость, но вспомнил: это всего на две минуты.

Потом рядом с ним встал парнишка, тот самый, живой, словно ничего и не было. Михал постарался отодвинуться. Две минуты. Ничего и правда еще не случилось.

Кто-то толкнул Михала, он покачнулся, в свою очередь толкнул кого-то. Крик, визг тормозов, брань. Он закрыл глаза; две минуты давно прошли, но возвращение домой почему-то затягивалось. Михал не хотел снова увидеть пацана, размазанного по дорожному покрытию, но когда его в очередной раз толкнули, разожмурился и все же увидел.

И тут же оказался дома, перед монитором. Фильм продолжился ровно с того места, на котором Михал остановился. Он посмотрел эту ерунду еще минут пять и переключился на другой канал, где шло смешное, нелепое и пошлое шоу, позволившее забыть все лишнее.

* * *

Жизнь, в общем-то, налаживалась. В следующую среду он вызвал девицу из «культурного отдыха», справедливо рассудив, что за две минуты его отсутствия она не успеет ничего слямзить. Очередной возврат пережил легче, хоть показалось, что в этот раз парнишка появился раньше, а домой Михал попал еще позже. Но остаток второй среды он провел великолепно; судя по всему, девица тоже осталась довольна.

Еще две недели Михал развлекался, решив считать внезапные возвраты, происходившие в разное время, неизбежной платой за удовольствия. Слегка напрягали только странности, вроде погоды, которую он каждый раз словно

Проза. Фантастика

брал с собой из настоящего в прошлое, и необходимость каждый раз обозревать кровавый асфальт — без этого он домой не попал. На пятую среду он решил побунтовать и не смотреть.

Михалу повезло — его вернуло на роковой переход во время сборов в магазин. Уличная одежда и кредитка упростили дело, когда он, дождавшись финала, но не глядя на итоги, решил вернуться домой пешком и понял, что ключей от дома взять не успел. Две минуты прошли, мир должен был из вчерашнего снова стать сегодняшним, хотя на первый взгляд не изменилось ничего, кроме ставшего пустым перехода. Михал позвонил с ближайшего уличного визофона в службу «Замки без ключа» и вызвал мастера. Мастер явился быстро, отпер дверь, принял расчет и исчез. Михал поздравил себя с удачной прогулкой, но пообещал, что будет впредь прямо с утра класть в карман ключи от хаты.

* * *

В новую среду он, однако, не захотел топтать пешком: погода была кошмарная, ветер сбивал с ног, накрапывал дождь, и каждая капля ударяла по коже, как боёк молотка. Пережив появление мальчишки, визг тормозов задавившего его белого авто и зрелище кроверазлития, Михал вернулся в дурном настроении и до самого вечера не сумел с этим справиться. Не хотелось ни пиццы, не «культурного отдыха», ни новинок кино. Впервые за долгое время он сел за книгу, но тут же бросил — герои романа вели себя как идиоты, и при этом в их действиях Михалу чудился какой-то упрек лично ему.

Бросив книгу, он взял другую — «Кодекс закона» с поправками. Захотелось узнать, сколько еще сред ему светит, но там было только «вплоть до исправления». Исправления кого? Михала? Начать с того, что он не виноват, что его толкнули, он в свою очередь толкнул пацана, а тот вылетел на дорогу, под колеса. Вообще непонятно, почему отвечать заставили только его.

Михал, конечно, не знал этого точно — тайна суда не позволяла разглашать такие данные. Может, тот кто его толкнул, сейчас тоже мается возвратами... Возвращенцы ничем от остальных людей не отличались. В любой толпе мог оказаться человек, который переживает это столпотворение уже не в первый раз; но это были его проблемы,

для остальных ничего не менялось. Когда ученые сначала похвалились тем, что овладели временем, а потом разочаровались в этом «владении», кто-то все равно сумел поставить на пользу обществу их формулы и теории, применив все на практике — во имя правосудия. Сначала экспериментально в отдельных городах, потом повсеместно, так как, судя по статистике, возвраты «имели хороший воспитательный эффект».

Вот и ответ. Его хотят воспитать. Михал усмехнулся. Он тоже может заняться воспитанием.

* * *

Среды он уже не считал, только попытки. Трижды пытался поймать того, кто его толкнул — но каждый раз это, к его удивлению, оказывались разные люди. Чаще всего та самая тетка с колесной сумкой. Ее воспитанием он и пытался заниматься: просил быть осторожнее, намекал на право личного пространства, прописанное в «Кодексе человека», даже предлагал помочь с сумкой... Именно сумка и была причиной бед там, где Михала толкала ее хозяйка: мадам решила зачем-то ее поднять, хотя на переходе имелся скат для колесных средств передвижения, от тяжести клонилась в сторону Михала. Толчок — второй толчок — пацан под колесами. Увещевания и требования не помогали, результат оставался прежним.

Легче было, когда рядом с Михалом оказывался культист, нагруженный кипой ярких журнальчиков с красивыми девушками, милыми животными и призывами быть добрее, скромнее и прочее, потому что если накопить нужное количество правильных качеств, то после смерти перед тобой откроется дверь в Новую Жизнь. Тощий, с мягкой, но слегка растерянной улыбкой, культист прислушивался и искренне пытался что-то сделать, например, отодвинуться от Михала. Два раза Михал брал у него из рук половину журнальчиков, не давая уронить, рассыпав под ноги прохожим. Журнальчики были скользкими, наступив на них, люди теряли равновесие... В этом случае пацан летел под колеса сам.

Когда все первый раз случилось без участия Михала, он возликовал. Ну вот! Он не виноват! Вернувшись домой, заказал и девицу, и пиццу.

Неделей позже он понял, что праздновать было нечего, потому что для него ничего не изменилось.



* * *

Пару сред он потратил на хаотичные мысли и действия, ни к чему не ведущие. Потом понял, что надо поставить себе цель. Если не помогло неучастие в происшествии, если это не считается «воспитанием» или «исправлением», то нужно что-то еще. Что-то большее. Спасти жизнь пацану?

Пацан был в рубашке из какого-то скользкого современного материала, так что хватание его за руку ничем не помогло. Михал пробовал толкнуть его не на дорогу — но это не зависело от него, которого толкали именно в этом направлении. Он пытался говорить с пацаном. Времени никогда не хватало, а может, просто слова были не те.

Он отступился и чуть не запил. Но разочарование и непонимание — что всем от него нужно? — было ничем не запить. Михал взял себя в руки; деньги кончались как-то подозрительно быстро, свободные среды стоили ему несколько дороже ожидаемого. Так что он предпочел уйти в работу и пару недель пахал как проклятый, чтобы поправить финансы и мозги.

Помогло и первому, и второму. Заслужив премию и благодарность от начальства с надеждой на повышение, он, на волне вернувшейся уверенности в себя, сразу набрел на верную мысль: наблюдать. Собирать данные. И, собрав, начать работать с ними.

* * *

Хватило двух недель и двух возвращений, чтобы понять: пацан оказался на переходе, в толпе, только потому, что бежал от кого-то. В арке, откуда он выбежал, за отпущенное ему краткое время Михал не смог рассмотреть, кто его преследовал, а когда две минуты возврата заканчивались и уличный переход делался не вчерашним, а сегодняшним, там уже никого и ничего не было. Кроме довольно приличных граффити в стиле «урбо-сюр» и выцарапанных поперек рисунка надписей-обзывалок «Игрек дурак» и «Игрик тупой фрик». Михал решил называть пацана Игреком, как бы того ни звали, и во второй раз, зайдя в арку, не удержался, поднял с земли камешек и исправил ошибку во второй обзывалке, хотя так прозвище перестало рифмоваться со словом «фрик».

...Но вообще, конечно, странно, что у Михала возникла необходимость как-то называть пацана. И что имя его, не раз звучавшее во время суда, выпало из памяти. Можно было полистать старые газеты и статьи, чтобы вспомнить, но для чего? У него были другие дела и другая цель.

* * *

Только один раз за все время Михалу удалось удержать парня за руку в скользком рукаве. Игрек успел обернуться и посмотреть на него. Время, казалось, застыло, а потом понеслось вскачь так быстро, что Михал упустил момент, когда пацан все же вылетел на мостовую, и не понял, кто его толкнул. Но и после этого со временем продолжали твориться чудеса: он не вернулся сразу домой, пришлось протолкаться сквозь толпу... Привычка собирать данные заставила бросить взгляд в темную арку. Там торчали двое или трое — нескладные, явно подростковые фигуры...

Большого он увидеть не успел, по крайней мере в этот раз.

На следующий не рассмотрел ничего, потому что хоть и схватил Игрека за рукав с намерением не отпускать, что бы ни случилось, но толчок сзади отправил на дорогу, под колеса, их обоих.

Полдня и часть ночи Михал не мог прийти в себя. Он видел и слышал то же самое — визг тормозящего авто, кровь, и при этом отчетливо сознавал, что кровь была и его. Было не страшно, но почему-то больно. Игрек, скорее всего, не спасся тоже.

* * *

Потом снова была среда, и он не смог заставить себя схватить пацана за руку. В новую среду толпа разнесла их далеко друг от друга. Через неделю Михал все же схватился, вернее, попытался — Игрек уже летел под колеса от толчка вечно неловкого культиста.

Потом «толкнуло» Михала: сразу после возвращения он оделся попроще и явился в «апелляционную», где заседала комиссия из трех человек.

...У них были тусклые скучные лица. Две женщины и мужчина. При виде Михала они сначала поскучились, а потом оживились, когда он сказал, что не собирается обжаловать приговор, а хочет, чтобы ему продлили время возврата до десяти минут.



Проза. Фантастика

— Но так нельзя! — бодрим тоном человека, хлебнувшего хорошего кофе, заметила дама с раздражающими мелкими кудряшками. — Теряется смысл наказания! За десять минут вы успеете привыкнуть и подготовиться!

— Обещаю, что не привыкну, — сказал Михал. — В конце концов, вдруг все наоборот и десять минут заставят меня больше мучиться?

— Но мы вовсе не хотим, чтобы вы мучились! — так же бодро ответил мужчина, у него была модельная прическа и прекрасный, полный харизмы голос. — Подпишите апелляцию, и наказание с вас снимут! Для этого мы тут и сидим, чтобы прекращать мучения!

Михал пытался спорить. Михал что-то доказывал. Михал готов был остаться тут ночевать. Но третья дама, хранившая молчание, достала откуда-то и поставила на стол табличку: «В просьбе отказано». Шрифт надписи был самый простой, без засечек, цвет непроницаемо черный, и все вместе делало отказ непререкаемым и неотрицаемым, как наехавшее на Игрека авто.

* * *

Михал выкупил у друга пароль для ДипНета, вошел в сеть и начал искать. Сначала вслепую, по запросу «все о возвращенцах и возвращениях», постепенно, по шагу, нащупывая верный путь. Этот путь привел к человеку, торгующему «сывороткой возвращения». Цена была кошмарной, но продавец обещал, что у возвращенца будут одиннадцать минут сверх уже имеющихся.

...Купленная сыворотка — в виде ампулы в спецприце, походившем на тот, который использовал медик-законник в зале суда — дождалась на полке, а среда все не приходила и не приходила. Михал не был уверен, когда надо колоть, и к тому же трусил: несмотря на цену и все уверения, в ампуле могло оказаться что угодно. И все же во вторник он сделал себе укол.

Спал плохо, снились кошмары с катастрофами, а утром среды его чуть не из постели швырнуло в толпу, на переход.

Вернее, там пока еще не было толпы. Михал оглянулся. Арка — вот она, пока, кажется, пустая... Подошел культист, покосился на Михалову пижаму, заставив покраснеть, и тут же предложил журнальчик, словно им Михал мог прикрыть непотребный, непригодный для улицы костюм, превратить его в деловую «тройку» или спортивные гетры с футболкой. Понадобилось

минуты три, чтобы отвязаться от культиста; к тому времени и тетка с колесной сумкой и другие, ставшие почти родными, незнакомцы уже стояли на тротуаре. Михал стоял тоже, но смотрел не на дорогу и табло перехода. В арке было так же темно... а потом темнота зашевелилась и выплюнула мальчишку. Он бежал, спасаясь бегством, споткнулся, выровнялся, врезался в толпу, остановился, задыхаясь. Глянул на Михала, улыбнулся ему, почему-то виновато... Время опять словно замедлилось. Михал успел много: улыбнуться в ответ, спросить «Ты как?», услышать «Ничего...», увидеть, что у парнишки развязался шнурок... Потом был привычный уже толчок, попытки отклониться, чтобы не задеть Игрека... И возвращение с ощущением — снова не вышло.

Но в этот раз не вышло как-то иначе. И это почему-то радовало.

* * *

В следующую среду он вернулся за две минуты до. Не раньше. Попав домой после очередной катастрофы, залез в ДипНет и с удивлением и отчаянием прочел, что сыворотка одноразовая. Убедился, что деньги на счету еще есть, и заплатил за новую порцию.

Само собой, все оказалось не так просто. И неисправимо за один раз. Так что через месяц и четыре снова бесплодные попытки Михал попросил кредит на работе и получил его, потому что работал как одержимый, успевал больше всех, делал лучше всех, ведь у него была цель, и все, кроме попыток исправить неисправимое, казалось ему почти отдыхом.

* * *

Он сразу же вломился в тень арки, отпихнув со своего пути культиста и женщину с сумкой. Налетел на троих ждавших там... нет, не подrostков, это он знал давно. Но не знал того, что у одного из них был нож. В две последние попытки, когда Михал пытался попросту затеять драку и отвлечь хулиганов от уже появившегося в их поле зрения Игрека, хозяин ножа им не воспользовался.

Боль была не такая уж и сильная, но Михал все равно заорал; помогло: хулиганы предпочли свалить, бросив раненого, толкнув по пути Игрека. Но тот не свалил, подлетел к Михалу, помог подняться.

— Вас пырнули? Тут недалеко лечебница, я помогу...

И направил их обоих к тому же переходу. И пусть на их пути теперь все расступались и никто никого не толкал, но все вышло по тому же сценарию: Михала начало клонить в сторону дороги, паренек пытался его удержать, оступился...

Очнувшись дома, Михал долго грязно ругался, так громко, что соседка вызвала инспектора по шуму; пришлось платить сразу два штрафа — за нарушение спокойствия и аморальное поведение.

Но общение с очень корректным и в то же время совершенно непробиваемым инспектором помогло успокоиться. Михал попытался понять, что именно делает не так. Может, стоило не лезть в драку, а обойти дом и перехватить Игрека на подходе? Нет, не хватит времени.

Он пошарился по ДипНету, но не нашел лучшего предложения, чем прежде, с одиннадцатиминутной сывороткой. Купил еще одну порцию и понял, что на большее денег нет, и, учитывая подошедший срок платить по кредиту, не будет еще очень долго. Значит, последний шанс.

* * *

Он весь день не выпускал из рук бутылку коньяка, и когда оказался на переходе, хлебнул для храбрости, скроил идиотское лицо пьяного идиота и ввалился в арку. Хулиганы, уже явно нацелившиеся на Игрека, заинтересовались им — кожаная куртка, специально надетая по такому случаю, была дорогой и стильной.

— Ой, пацаны... — пьяно заулыбался Михал навстречу подходящим к нему парням с гнуснодовольными рожами. — Коньячку хотите?

Они хотели всё. И коньяк, и его куртку, и удовольствие поглумиться над пьяным. Удары сначала были не слишком серьезными, но хулиганы быстро распалились, словно каждый в лице Михала мстил каким-то своим обидчиком. Со временем опять случилась фигня. Михал думал, что прошло уже минут двадцать, Игрек наверняка сбежал, как правильный мальчик, увидевший никак его не касающуюся драку в подворотне. А потом услышал крик:

— Не трогайте его!

И звуки ударов, которые достались не ему, и новый крик, и топот убегающих.

Он поднял голову. Пацан лежал на земле в паре шагов от него. Придурок, который полез его защищать.

Михал поднялся, доковылял до лежащего. Кровь на черной земле была почти не видна, но она там была. Помогая подняться, он мысленно спрашивал Игрека: зачем? А вслух сказал только:

— Тебя пырнули? Тут недалеко лечебница, я помогу, — хотя понятия не имел, где найти эту недалекою лечебницу.

Парнишка встал. Все такой же, даже пытался улыбнуться, даже развязанный шнурок то и дело попадал Михалу под ногу, мешая идти. А потом Игрек сел на землю и почти сразу лег. И больше не встал. Михал не теребил его, не пытался заставить пойти, просто смотрел на кровь, которая была хорошо видна на сером асфальте, и так же неотрицаема, как напечатанный простым шрифтом отказ.

* * *

Он все же напился, опоздал на работу, делал всё из рук вон плохо и чуть не заработал штраф за медлительность. После работы решил зайти и все же подписать апелляцию. Но прошел мимо здания суда. Нет. Дождаться среды и попытаться еще раз... Попробовать успеть за две минуты то, чего не успел за тринадцать. Даже если изменить можно только вид смерти.

Почему-то эта мысль задержалась в голове. И когда пришла новая среда, когда Михал обнаружил, что стоит на переходе, он все еще думал об этом. Он умирал вместо пацана, но тот все равно умирал потом. Каждый раз. Но в прошлый раз способ был другой. Что из этого можно извлечь, как использовать?

Он не успевал додумать. Игрек уже выбежал из темной арки, и в этот раз он словно спешил умереть, проталкиваясь вперед, на самую кромку с дорогой. Как же его остановить?

Михала толкнули; он встал кому-то на ногу и машинально извинился, вспомнил, как наступал на шнурки мальчишки. В порыве чего-то, меньше надежды, страннее и глубже всего, что он знал, окликнул:

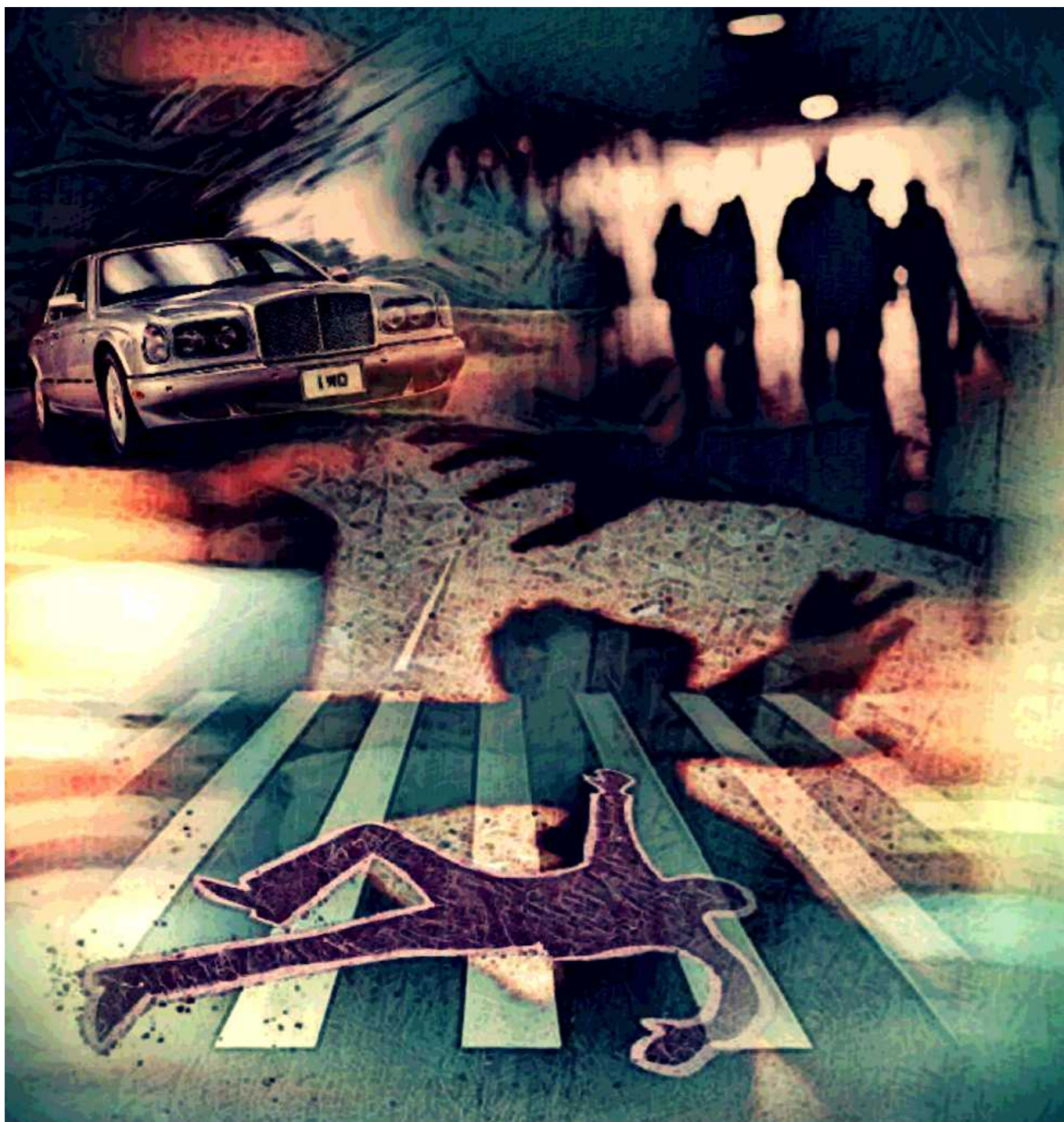
— Игрек!

За десять секунд до того, как белое авто размажет его по асфальту, мальчишка обернулся.

— У тебя шнурок развязался, — сказал Михал.

Пацан глянул и тут же присел на корточки, прямо так, посреди толпы, не готовый дать ему место или время для маневров.





Художник Argntum Agata

...Но почему-то давшей. Потому что никто никого не толкал, потому что места вокруг мальчишки стало волшебным образом больше, потому что когда загорелось заветное «Можно идти», люди начали обходить Игрека, а потом он поднялся, обернулся — кивнуть Михалу — и пошел вместе с ними.

Михал смотрел и не верил, и время длилось и длилось, и не было крови на асфальте и белого авто. Впрочем, было — оно ждало на своей кромке, у расчерченного перехода, нетерпеливо

фыркая мотором, готовое ринуться вперед быстрее всех. И цифры на зеленом мониторе перехода истекали — осталась четыре секунды, три, две... Запоздавший из-за шнурка пацан не успевал, хотя, конечно, он смог бы пробежать оставшиеся десять метров. Но ведь нельзя изменить ничего, кроме способа смерти.

Михал ощутил, как его трясет, и отвернулся. Он не хотел ничего видеть. Вообще ничего; но уши заткнуть не мог. И когда машины бросились вперед, словно нагоняя себя самих, в каких-то

иных реальностях, опередивших местные версии, пошел прочь, боясь услышать визг тормозов, и веря, что не услышит, болезненно переживая разницу между крайней надеждой и крайним отчаянием, которые соединяла и разделяла мысль о том, что умереть от старости — тоже способ смерти.



Зауэр Ирина

<https://writercenter.ru/profile/Lita/whois/>

Художник Argentum Agata

<https://writercenter.ru/profile/argentum/whois/>



Муза Bloшиного короля

Демидович Яна

... Этот Анхель трудился отменно. День за днём вычищал их Параисо от ошмётков и остатков старости, мерзости, тлена — всего, что напоминало прежние, не столь благополучные и красивые времена.

Чистенький, едва ли не стерильный, Анхель появлялся на остановке ровно в семь вечера. В ожидании масс-мобиля он притоптывал ногой и пялился в планшет, изредка покусывая диетический сэндвич. Ступи ближе, посильней вбери носом воздух — и почувешь незабвенный букет: аромат хлорки и огурцов...

Когда же появлялся бесшумный как привидение мобиль, на лице Анхеля, словно трещинка в центре фарфоровой тарелки, расплзалась улыбка. Анхель усаживался в транспортёр и, постукивая по коже подлокотника хрупкими пальцами флейтиста, вдыхал мятный освежитель салона. Его попутчики сонно качались под звяканье музыки-релаксанта, призванной снять рабочий стресс.

При нужной остановке Анхель покидал эргономичное кресло и, сверкая зубами, что блистали похлеще сказочных фей, степенно сходил на тротуар. Домой Анхель возвращался исключительно-запутанным, но всегда неизменным маршрутом. Не гнушался мест, где не было фонарей, и смело шагал в тихие, тёмные, точно полные воды переулки.

Впрочем, разве у него были основания бояться? Нет, нет и ещё раз нет.

На площадях было опрятно, в переулках — чисто. Никаких мусорных баков, что, бывало, смердели вслед прохожим в старые, недобрые для Анхеля времена. Под ногами не шныряли облезлые крысы, не мяукали тощие охотники-коты. К подошвам не липли использованные прокладки...

На протяжении пути то тут, то там приятно мерцали автоматически восполняемые чудо-аппараты. У каждого — непрозрачные стенки цвета парного молока. В каждом — бесплатные дары: аптечка первой помощи, тубик геля-дезинфекции для рук, здоровый и компактный ужин на одну персону, кулер... и экран для связи с Анхелями. Узрел на улице нарушение Порядка, испугался чего-то неистреблённого, старого — шепни это в динамик и войди! Здесь ты сможешь сообщить о нарушении в комфорте и покое. Здесь ты сможешь помочь Параисо и исполнишь закон.

Анхель ни чуточки не волновался. Ведь это был его город — вылизанный, оцифрованный... Великолепный.

И это не считая личного оружия.

Поэтому он столь беззаботно шествовал домой, поэтому так небрежно опускал на мостовую трость, таившую в себе убийственное световое жало.

И поэтому так резко остановился, когда на его лакированную, идеальную в своей чистоте туфлю упал замызганный, сальный клочок.

А за клочком последовала расплата.



Художник SEN



Проза. Фантастика

Среброволосый Анхель ещё успел разглядеть на бумажке отвратительную многоногую тварь, что будто плясала под трёхзубчатой короной, ещё успел, поняв этот знак, исторгнуть негодующий вопль — но минуты были сочтены. Минуты хохотали и верещали, точно безумная кукушка, когда чистый воздух вдруг обернулся спёртым и гнилостным.

В переулке стояли уже двое.

Вскидывая перед собой трость, скаля зубы в яростном рыке, Анхель увидел, как чудовищная, несуразная фигура, словно сотканная из тысяч, миллионов старых вещей и лоскутков, из того, что он так любил уничтожать, угрём ускользает от удара и бросается навстречу.

На шее сомкнулись горячие руки, из горла вырвался было крик...

Сотни, тысячи, миллионы старых вещей, людей и зданий.

Круговорот истреблённого, стёртого из жизни за всю его жизнь, последний раз мелькнул перед глазами.

Крик...

... и хрип. Тихий-тихий хрип.

Руки, что стискивали тонкое холёное горло, брезгливо разжались, и тело мягко ударилось о мостовую.

— Прощай, ангелок. Не поминай лихом, — улыбнулся Блошиный король, отступая в темноту.

Он скользил по коридору, широко, словно для объятий, раскинув руки. Пальцы касались потрёпанных корешков, приветствуя каждую книгу на древних, тронутых патиной пыли полках. Всякий томик в этой библиотеке хранил дыхание, отпечатки и мысли людей, чей ум ещё не был развращён цифровизацией. Всякая вещь в этом доме — будь то молочник с некрасиво отбитым носом или акварельный, в лишая плесени, холст — хранила в себе запретное и былое.

Блошиный король скинул мантию из лоскутков на пухлое, потёртого бархата кресло. Мимоходом, одной рукой, сыграл короткую мелодию на кособоком рояле. Подмигнул девочке на портрете — огромные чёрные, как зев колодца, глаза, нездорово-бледная кожа... Пронеси его в центре Параисо — гордо, точно знамя — и мигом угодишь прямиком в сумасшедший дом.

В левой стороне груди будто щёлкнуло. Следом завозилась, заёрзала игла-боль.

«Дряхлеешь, Ваше Блошейшество, — мрачно усмехнулся Король. — Теряешь силу, чёртова заводная игрушка...»

Крепко сжатый кулак помял, помассировал место у сердца. Потом опустился. Дело не ждёт.

Лавируя меж столиков и полочек, заваленных тем, что кто другой назвал бы гадостью и хламом, Король добрался до центра комнаты. Здесь, на тумбе, похожей на сморщенную ногу слона, покоилась удивительная вещь, которой просто не могло быть в этом доме.

Планшет. Цифровая штучка богатеев, самой крутой, последней модели.

Король давно поборол в себе отвращение, которое планшет вызывал в нём поначалу. Миссия, что когда-то пришла в его голову, была важнее, чем чувства.

Король взял гаджет, включил. И, сев на манер мудреца с Востока скрестив ноги, положил планшет на пол перед собой.

— Здравствуй, Клио!

Секунда — и над планшетом, прямо из воздуха, соткалась голограмма: девичья фигурка размытых очертаний, фиолетовые волосы, разноцветные — голубой и зелёный — глаза...

— Клио приветствует тебя. Чем я могу быть полезна?

Блошиный король улыбнулся, чувствуя, как сердечная боль отдаляется, уходит.

— Я принёс новые знания, Клио. Готовься слушать и запоминать.

— Слушаю. Запоминаю, — отозвался металлический голосок, и оба глаза вспыхнули красными огоньками.

Блошиный король прикрыл веки. Нашёл в себе память и знания Анхеля. Поймал их, точно петлёр-лассо, раскусил, словно запретный плод, прочувствовал... заговорил.

Клио покорно запоминала всё. Впитывала, сохраняла и помогала своим совершенным искусственным интеллектом. Его муза, его хранительница истории. Хранительница старого.

Когда последнее слово сорвалось с губ, Король открыл глаза. Краснота — индикатор записи — исчезла, и по фигурке музы прошла рябь — свидетельство обновления.

— Запись готова. Чем я могу быть полезна ещё?

— Всё. Отдыхай, Клио.

Планшет потух, почернел. И как-то сразу навалилась усталость. Блошиный король неловко поднялся. Шаркая ногами, добрался до продавленной в газетных вырезках софы. Улёгся на бок, свернувшись эмбрионом.

Конец миссии сиял где-то неподалёку. Светом в конце тоннеля...

«... или загробного мира», — мелькнула саркастическая мысль, когда пульс дал перебой, а в сердце некстати вернулась игла.

Король знал, что рано или поздно эта миссия его погубит.

Но он всё равно будет сражаться за старое. До конца.

Блошиный король не так давно получил это имя.

Когда-то он был обычным пострелёнком. Одним из тех, коих в тогдашнем, не столь стерилизованном городе, ещё не рае-Параисо, было предостаточно.

О своих способностях он также узнал не сразу. Однажды одноклассник, которому повезло вырваться на особо классный уикенд, секретничал с приятелем, что сидел рядом. Этот мальчишка открыто пренебрегал Королём, но был неизменно притягателен. Вечно у него всякие штучки, дрючки, прибамбасы, спортивные достижения, путешествия и приключения...

В тот день желание узнать, приобщиться к чужому опыту и знаниям стало столь тягостным, что Король осмелился придвинуться ближе, тронуть мальчишку за руку.

И тут всё случилось первый раз.

Короля будто шибануло электрическим током. Перед мысленным взором вспыхнула чёткая, сочная картина: вот речка, одноклассник в шортах с мультяшкой на кармане, запах треугольных сэндвичей с тунцом и брызги воды, что холодком пронесли по коже...

А после — ему в лоб прилетел щелбан.

— Отвали, чё прилип?! Не буду я тебе ничего рассказывать!

Король метнулся на место. Голова горела. Но не столько от удара, сколько от чужих, невероятно ярких воспоминаний.

На следующее утро одноклассника увезли в больницу.

Что у него был за диагноз, никто толком не узнал. Непонятное и страшное истощение всего за пару суток превратило его в живой скелет.

Он выжил. Но профессиональным спортсменом так и не стал...

Потом Король ещё научится аккуратней обращаться со своим даром.

И убивать им — тоже научится.

Он считал себя последним адептом старого.

Источник этой любви таился, конечно, в прошлом. Когда был жив дядя, оригинал с большой буквы, который водил его по блошиным рынкам и показывал, какие там можно откопать чудеса.

В то время, когда ещё не началась массовая истерия по оцифровке всего и вся, эстетике бактерицидного, безмикробного, когда воспоминания и все источники информации, что давали знать о грязном прошлом с его пылью, вонью и войнами, разрухой и страданием, ещё не были запрещены, Король, ещё не ставший Королём, копался в комодах с молниями трещин на эбеновых боках и искал в них загадочные секреты. Вертел подсвечники зеленоватой, будто подводный мир, бронзы и пропускал между пальцев тонкую, словно шкурка новорождённого котёнка, шёлковую ткань.

Король всегда был без ума от книг. Ему нравилось часами листать их, слушая, как от его движения таинственно шуршит бумага. А этот её неповторимый запах! Король чуть ли не скользил по строчкам носом, вдыхая аромат новых и старых книг, что был слаще изысканных духов. Мода на электронные издания его не затронула.

Смерть дяди совпала со временем, когда историю начали переписывать, а мир — переделывать.

Король цеплялся за прошлое с яростью раненого зверя, что борется за жизнь. Блошиные рынки смели, как мусор веником; на милые, старинные, оригинальные вещи навесили ярлыки «утиль», сменив их одинаковыми и эргономичными, по одним лекалам. Настоящие книги сожгли заживо, оставив в электронных подделках лишь то, что радовало глаз и душу вульгарным, в квадрате, позитивом. Стариков, что несли в себе массу запретных, неприятных воспоминаний, гуманно заточили в Домах Хаоса; остальным — помоложе — посоветовали всё забыть.

Теперь властвовал Порядок. Теперь сверкал и переливался чудесный Параисо, город-мечта, где не хватало только единорогов и пони, блюющих радугой и звёздочками. А для устранения тех, кто желал нарушить его счастье и покой, существовали Анхели. Хранители Параисо.

Блошиный король не сдавался. Подкидывал в людные места старые книги, картины и журналы. Рисовал на зданиях свой знак, который поспешно, с ожесточением стирали.

Всё старое выкорчёвывали с корнем. Целенаправленно, педантично, методично.

Но в один прекрасный день у Блошиного короля появилась миссия. Идея, как этому помешать.

И вскоре она стала воплощаться.



Проза. Фантастика

Украсть память и знания светила науки — программиста было непросто. Однако всё же это ему удалось. Несколько месяцев Король бился над решением одной задачи — части своей миссии. И вот он успех! Родилась Клио, его дорогая, милая Клио, которой можно передать всё, что накопилось внутри его головы. Передать и запечатать для грядущих поколений, точно капсулу времени. Вложить в неё всё, до последней крохи, до последнего мизерного воспоминания самого древнего и ссохшегося, будто изюм, старика. А потом...

Придать Клио свойства бессмертного вируса. Запустить в сеть Параисо. И улыбаться, вспоминать, вещать...

Никто не должен быть забыт. Ничто не должно быть забыто.

Блошиный король посещал Дом Хаоса каждую неделю. И каждую — под новой личиной.

Напитанный чужими знаниями, он всякий раз маскировал себя особой голограммой, которая накладывалась на лицо. Затем надевал один из сворованных нарядов и отправлялся на дело, покидая особняк, что был скрыт подобной цифровой защитой.

Он был социо-работником, который проверял состояние древних представителей общества. Был плачущим сыном, что навещал слепого глуховатого отца. Электриком, что проверял проводку. И даже спецкором, что по особому распоряжению правительства должен был допросить определённого старика.

Ему невероятно везло. Ещё ни одна из Сестёр Порядка, занятая уходом за стариками, не выказала какого-либо подозрения.

Всё, что Королю требовалось, это касание. Самое лёгкое, точно пёрышко, оно при желании могло дать ему массу информации. Однако чем больше он хотел взять у носителя, тем быстрее кончалась его жизненная сила.

Король действовал мягко, бережно. Он знал, что его действия уменьшают и без того недолгий век стариков. Но не делать этого было нельзя. Чувствуя уколы совести, Король оправдывал себя тем, что, сохраняя их воспоминания, он в некоторой степени дарует и им новую жизнь.

... А иногда ему нестерпимо хотелось приходить сюда чаще.

Причина этого была смехотворно проста. И звали её Сестра Глория.

Натыкаясь на неё, Блошиный король чувствовал, как мозги тают, словно оставленное на солнцепёке мороженое. Потому что Сестра Глория была другой. Не такой, как остальные, что без сомнений забывали о несчастных подопечных, стоило пробить семь вечера. Она с искренней заботой смотрела в мятые, с обвислой кожей лица и выцветшие глаза, а иногда украдкой приносила домашние лакомства, приготовленные по старым, «вредным» рецептам. Старики шамкали и в блаженстве закрывали веки: «Марципа-а-ан... Вкус детства!»

Однажды Король увидел, что Глория прячет в сумочку ветхий миниатюрный томик. И тогда окончательно влюбился.

Эйфория то отступала, то накрывала его вновь. Хотелось бежать за Глорией хвостом, будто жалкая собачонка, невыносимо, до чего же невыносимо хотелось открыться! Рассказать про чувства. Рассказать про свои планы, про миссию и мечты...

Но Блошиный король терпел и молчал, обрекая себя на муки. Это дело — только его дело. И точка. Не надо с ней заговаривать.

Сегодня Глория снова повстречалась в коридоре. Улыбнулась его новому лицу и прошла мимо, тихонько ступая кремовыми туфлями, спеша к очередному старику.

Тонкие ножки, тонкие ручки. Фарфоровая балерина.

Король смотрел ей вслед. И жалел, что он катастрофически молод.

Через неделю Блошиный король узнал, что миссия есть не только у него.

Это происшествие всколыхнуло весь город и едва не выбило почву из-под ног Короля. Ибо Ангели отыскивали старика, что пытался воссоздать прошлое.

Жадно вглядываясь в планшет, Король смотрел онлайн-трансляцию и не верил собственным глазам. Подпольная типография с перепечаткой книг времён Хаоса... Толстые тома, раскиданные тут и там... «Живые», не электронные, написанные вручную картины в мазках настоящей краски... Вычурная мебель... И неистовая пляска лучей, мельтешение рук Ангелей, что с красивыми и безжалостными лицами превращали всё в пепел.

— Сегодня Хранители спасли нас от рассадника хаоса и беспорядка.

Сердце защемило хуже прежнего, но Король продолжил смотреть. Под руки вывели человека с

всклокоченными седыми волосами. Он послал в камеру плевков и прокричал:

— Нас не стереть! Прошлое не стереть! Вы, ублюдки...

Как обычного старика, нарушителя без колебаний отправили в Дом Хаоса. Но Блошиный король знал, что к утру его там не станет.

Потому что жалели только смирившихся.

И устраняли буйных.

Блошиный король выключил планшет и встал.

Значит, надо успеть.

Главное — выяснить, какая его примет Сестра.

Кремовые туфли тяжело опускались на холодный, уже забывший солнце, асфальт. Лёгкие сами по себе, сейчас они казались двумя антикварными чугунными утюгами.

Глория шла домой — медленно, нога за ногу. И кривила лицо, без толку уговаривая себя не плакать.

Слёзы так и туманили глаза. Перед ней всё стоял тот старичок-профессор, а в ушах всё так же гремел его страстный монолог. За те три часа, что она провела, успокаивая его перед неизбежным, мозги Глории превратились чуть ли не в энциклопедию — столько ему хотелось ей передать, рассказать.

Ведь старики чувствуют смерть. Ей не было нужды его успокаивать.

— Слушай меня, детка, слушай! То, что существует сейчас, неправильно! Этот Порядок ничуть не лучше Хаоса, что когда-то был. Я вижу, ты меня понимаешь! По глазам вижу, что понимаешь.

Тёплые слезинки текли по щекам. Капали вниз.

Какой славный старик. До чего же славный.

Разумеется, Глория понимала. Да Глория любила прошлое всеми фибрами души! Со всем тем хорошим и нехорошим, что тогда было. Ведь это просто кощунство — забывать. Устранять, унифицировать, стричь под одну гребёнку. Создавать идеальный, кукольный, пластиковый мир.

Шагая по переулку, Глория прерывисто вздохнула, стёрла остатки солёной влаги с ресниц.

И увидела, что дорогу ей заступили двое.

— Сестра Глория?

Два Анхеля, одинаковых, как близнецы. Оба — с обнажёнными световыми лучами.

— Да, но что...

Голос мягче взбитых сливок. А под белой пенкой — сталь:

— Вас обвиняют в нарушении Порядка, Сестра Глория.

«Только не бежать, только не кричать!»

Глория вскинула подбородок повыше, изобразила оскорблённую невинность. Но голос застрял в горле и предательски-хрипло пробили наружу.

— Это к... какая-то ошибка.

— Ошибки нет.

Правый Анхель с грацией ягуара зашёл ей за спину. Глория издала смешок. Выдавила гордое:

— Если дело в последнем пациенте — думаю, вы в курсе, что все Сёстры подписывают Обязательство. Мы не разглашаем то, что нам могут сказать. И не занимаемся пропагандой Хаоса.

Анхель кивнул.

— Да, в курсе.

А затем вытащил из кармана нечто и бросил к её ногам.

Взгляд Глории так и застыл на крохотной, будто трупик птенца, книге.

— Сёстры подписывают Обязательство. Однако это не помешало вам хранить дома запрещённые предметы.

Глория молчала, неподвижно стоя меж двух Анхелей. И в то же время словно летела в глубокий-преглубокий колодезь.

— Мы нашли и остальное, кстати, — небрежно добавил разговорчивый Анхель. — Так что не думайте отнекиваться и оправдываться.

Световой луч поднялся, упёрся кончиком в горло. У Глории вырвался хрип.

— Я...

— Не надо. Не дёргайтесь, и я сделаю всё быстро.

Слёз больше не было. Глория смотрела в бесчувственные, прозрачно-рыбьи глаза и считала секунды до расплаты.

Один... Дв-ва... Тр...

... а на третьей секунде лицо Анхеля накрыла рука.

Глория увидела грязную перчатку с обрезанными пальцами, заметила заусенец у одного ногтя...

И луч, а за ним и Анхель, начали падать.

— В сторону! — прорычал смутно знакомый голос.

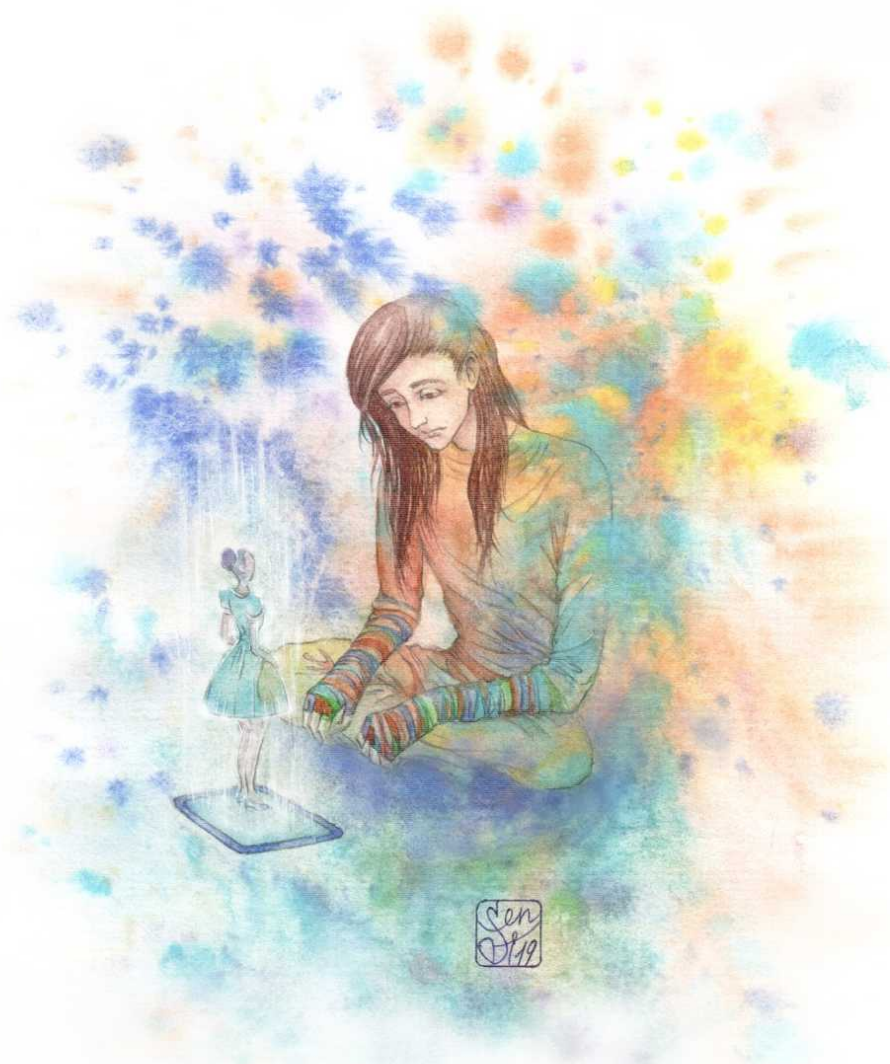
Глория безотчётно метнулась вправо, и нечто огромное, в балахоне, пролетело мимо неё, чтобы врезаться во второго Анхеля.

Придушенный возглас, громкий вскрик... Тишина.

Внезапный вопрос:

— Ты как там, Глория?





Она моргнула. Увидела протянутую ей руку. Приняла.

Некто в причудливом наряде. Узелки, кармашки... старые открытки и листочки из печатных книг, густо нашитые на ткань.

— Вы... Вы кто?

Грустная улыбка на слегка чумазом лице.

— Не знаешь? А ведь мы знакомы.

Жужжание, неясный гул — и лицо поменялось. Один раз, второй, третий...

У Глории голова пошла кругом. Она покачнулась, забормотала бессвязные слова. Человек в балахоне удержал её за плечи. Вернул прежний облик, вот только стал ещё безрадостней.

— Ты говорила с профессором, Глория?

— Что? Да. Да, конечно, много говорила! — Глория хотела бы соврать, да не смогла. Ощущение, что она попала в какую-то старую сказку, в некое чудо, не проходило. Вот только печаль этого лица...

Вдалеке слышались крики, мелькнули отблески, что дают только световые лучи.

Блошиный король вздохнул. Отстранился. И шепнул:

— Прости, — перед тем как кинуться вперёд и крепко поцеловать её в губы.

Войско Ангелов несло по пятам. Летело, будто на крыльях.

Он улепётывал от них, словно блоха, которую не до конца раздавили — усталая, полуживая...

В сердце безостановочно крутилась боль. А в мозгу, среди всех переданных, высосанных до капли воспоминаний, царил одно — горько-сладкое, как привкус марципана.

«Прости. Прости, Глория».

Он бежал из последних сил, расшвыривая поздних прохожих. Он больше не прятался — «Узри меня, Параисо!» — и стремился домой, чтобы закончить этот проклятый бой.

Вот и улица, вот и лестница, вот и дом.

Блошиный король ворвался в свою тёплую, тленную нору. Не замечая, что роняет слёзы, добрался до планшета и Клио. С каждой минутой сердцу было всё больнее и больнее.

— Клио... Здравствуй, Клио! Здравствуй, умница...

— Клио приветствует тебя.

Под окном шумела анхельская рать. Рассредоточивалась в поисках нужного дома. Но Блошиному королю было уже плевать на это. Упав перед мерцающей фигуркой на колени, он, будто на исповеди, выложил ей всё, что успел поведать профессор. Что поведала мёртвая теперь Глория.

Казалось, он видит, как с его губ срываются слова. А может, это была финальная галлюцинация. Блошиный король умирал. Уходил в историю, которую любил больше всего на свете. Больше, чем Сестру Глорию.

— И ещё... Чутьочку... Самое последнее... — прошептал Блошиный король, дрожащими пальцами набирая команду — «Трансформация».

Голограмма Клио подёрнулась привычной рябью. Вытянулась огоньком свечи. Погасла и вспыхнула с новой силой, в новом обличье.

Тонкие ножки, тонкие ручки. Фарфоровая балерина.

Глория.

Блошиный король улыбнулся сквозь слёзы. Губы помнили поцелуй. И воспоминание это собиралось в вечность.

Ещё минута, полная жгучей боли. Резкая, точно карканье, команда...

А затем Клио ускользнула в Сеть.

Планшет потух. Собрав остатки сил, Король разможил экран кулаком. Потом подполз к стене, на которой горел электрический «глаз» — кнопка и отключил голограммную защиту. Под окнами слышались охи вперемешку с воплями ярости.

Король было рассмеялся, но смех перешёл в стон боли. А ведь славно он их всех одурачил. Славно...

Совсем скоро его дом будет разграблен и уничтожен. Варвары с ангельскими ликами обратят в прах всё, к чему прикоснутся световым лучом. Но ведь он всё равно победитель, правда? Ведь Клио... Ведь Глория...

Мысли мельчали, таяли, исчезали.

Сквозняк, что залетел в окно, поднял вихрь карт, бумаг и картинок, бросил их на тело, лежащее ничком.

Сквозняк знал, что делал.

Ведь Блошиному королю понравился бы такой саван.

Мальчик идёт по гудящему как улей Параисо. Смотрит, глаза по сторонам. Правую руку его держит мама, в левой руке — он сам держит планшет.

На одной из улиц — десяток сердитых Анхелей. Они толпятся у старого, странного дома, каких мальчик в их Параисо отродясь не видел. На фасаде — чудная картинка. Жучок? И корона вроде бы...

— Ма? А что это там?

Мать замечает дом. Вдруг охает, тянет мальчика сильнее.

— Пошли скорее, забудь!

— Но ма-а-м...

— Идём, говорю!

Мальчик успевает извернуться, щёлкнуть фасад планшетом. Ему везёт, никто этого не замечает, а вскоре Анхели начинают рушить здание, и мальчик уходит за поворот.

Позже, сидя в своей комнате, он запускает поиск по фотографии. Но его электронная помощница, Иса, не знает ответ. Точнее — «информация под запретом».

Мальчик хмурится. Ему так охота узнать правду! Всю ночь под одеялом у него горит свет. Всю ночь он в поисках ответа.

И тут что-то пиликает в планшете.

— Что это? Новый поисковик?

Малюсенькая иконка и надпись.

Клио.

Мальчик пожимает плечами. И активирует скачивание.

Пик!

— Клио приветствует тебя. Чем я могу быть полезна?

Мальчик с восторгом смотрит на голограммную фигурку. Тонкая, будто балерина, Клио — два отражения внутри каждого его зрачка.

— Привет, Клио! А ты не знаешь, что это?

Мальчик грузит фотографию.

По голограмме проходит едва заметная дрожь.

А потом слышатся слова:

— Знаю. Я расскажу тебе историю Блошиного короля...

Демидович Яна

<https://writercenter.ru/profile/yad16/whois/>

Художник SEN

<https://writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/>



Я убила его

Волошина Софья

Прошёл уже целый год с тех пор, как я убила его, и все равно он является ко мне в снах и делает то, что делал всегда — мучает меня. Хорошо, что я убила его. Если бы время повернулось вспять, я вновь сделала бы то же самое, но иногда мне хочется отдать свою жизнь, лишь бы только он сейчас воскрес и вновь улыбнулся мне по-настоящему.

Все началось хмурым осенним утром.

Мне довелось родиться Выродком — отбросом, чьё тело несло на себе печать генетической мутации. Таким, как я, нелегко найти работу в крупных городах — считается везением, если мутанту доверят уборку мусора, а потом заплатят за неё хотя бы половину от того, что получил бы Чистокровный. Однако моё уродство всегда было слишком заметно — крылья не скроешь под одеждой, — поэтому даже такая служба была для меня недостижимой мечтой. Поэтому я жила на "пособие для уродов" — подачке, учреждённой местной баптисткой церковью, а иногда сдавала кровь в многочисленные научные лаборатории для изучения.

Но в тот день всё изменилось. Я сидела, прислонившись к стене и желая умереть, я больше не могла бороться со слабостью, преследующей меня после сдачи крови. Мимо меня проходили Чистокровные; кто-то кидал монеты к моим ногам, кто-то плевался и называл уродом. Мы, Выродки, привычны к оскорблению, поэтому я даже не поднимала головы, только дрожащими руками стирала плевки, если они попадали мне на лицо.

Передо мной остановился Чистокровный; полы его светлого плаща качнулись перед самым носом. Возможно, он собирался ударить меня, поэтому я лишь посильнее сжалась в комок.

— Ты мне нравишься! — вдруг сказал Чистокровный. — Ты похожа на горгулью, я бы даже сказал — на прекрасную горгулью.

Я подняла глаза и увидела, что он смотрит на меня с жалостью, думая, что я не знаю слова "горгулья". Ха! Я понимала, о чём он говорит! Я встречала это слово и даже видела цветные картинки, напечатанные в красивой книжке: будучи маленькой, я жила у старичка-библиотекаря, который был так добр, что учил меня читать и писать, а так же всему тому, что проходят в школах. Он звал меня "ангел Божий", а я смеялась и говорила, что я всего лишь Выродок.

А теперь незнакомый человек, Чистокровный в дорогом плаще, сказал, что я прекрасна.

— Я знаю, что такое "горгулья", — непонятно зачем ответила я ему. — Вы назвали меня прекрасным уродом. Это остроумно!

Он не отреагировал на мою реплику и спросил:

— Есть хочешь?

Да! Да, конечно хочу! Я хочу есть настолько, что у меня кружится голова и меня тошнит. В этом месяце я продала этим садистам-учёным слишком много крови, и теперь мне очень плохо. Умру так умру — одним Выродком в этом дерьмовом мире станет меньше. Но поесть, хотя бы перед смертью — ах, это было бы прекрасно.





Художник SEN

— Хочешь есть — пошли со мной! — улыбнулся незнакомец.

Я не шевельнулась.

— Почему вы хотите, чтобы я пошла с вами? — спросила я.

Как бы я ни была близка к смерти, подобная

щедрость такого холёного Чистокровного немного пугала. Всё же есть вещи хуже смерти.

— Ты мне нравишься. Я хочу, чтобы ты пожила у меня дома.

Я уточнила:

— Как домашнее животное?





Художник SEN

— Не хотелось бы так утрировать... Но в общих чертах — да!

— Я согласна! — радостно пискнула я и попыталась подняться на ноги, чтобы скорее пойти за моим благодетелем.

Я стану домашним животным! Господь на небесах, ты существуешь, и ты услышал мои молитвы!

О, эта жизнь домашних животных людей! От рождения до старости они не знают, что такое голод или нужда: их хозяева холят и лелеют их, кормят вкусной едой и вычёсывают шерстку. Не было и дня, когда бы я не завидовала этим холёным собачкам, хорькам или кошечкам в красивых ошейничках.

Так он и привёл меня к себе в дом. Здесь пахло иначе, чем даже на чистой улице, не говоря уже о той грязной подворотне, где я обычно ночевала.

— Раздевайся и ступай в ванну! — приказал мне мой хозяин.

Я послушалась.

Чистокровный был очень заботлив: он вымыл меня, сбрил мои свалявшиеся колтуном волосы, смазал раны какой-то мазью, а когда закончил — усадил за стол и сытно накормил. Я не выдержала

и расплакалась от счастья. Мой благодетель улыбнулся, глядя на эту картину.

— Ну что ж, когда ты вымыта и сыта, то позволь мне посмотреть на твои крылья! — попросил мой хозяин.

Я с готовностью встала и развернула их, насколько позволяло пространство кухни. Мой благодетель долго ходил вокруг, ощупывая суставы и трогая перья.

— Восхитительные крылья, правда? Ты же не можешь летать при помощи них? — заинтересованно спросил Чистокровный через некоторое время.

— Нет, — ответила я. — Они просто так.

— Я так и думал. Хорошо.

Он немного помолчал, а потом направился к двери:

— Ступай за мной!

Чистокровный жил в большой квартире: мы очутились в огромном коридоре, в который выходило невероятное количество дверей. За одной из них оказалась комната с белыми кафельными стенами. В ней не было мебели, только стол с мудрёной электронной аппаратурой, стул, небольшой шкаф и кушетка, застеленная белой простыней.

— Садись! — велел он.

Я села и мне вдруг стало грустно от того, что он оказался учёным. Ненавижу учёных! Мне понравилось думать, что Чистокровный завёл меня просто так, для красоты. А оказалось, что для опытов.

Осмотр длился долго. Мой хозяин обмерял крылья, ощупывал их, делал какие-то пометки у себя в блокноте. Однако Чистокровный не был похож на тех учёных, которые занимались мной до этого — те не церемонились, а он вёл себя осторожно, стараясь не причинять боли, и не выкачивал из меня кровь.

Первое время мой хозяин сытно кормил меня, давал спать, сколько хочу, и лишь изредка приглашал в белую комнату. Я жила, словно в раю, и не могла поверить своему счастью — прежде я даже не видела столько еды, сколько съела за время, проведённое у моего благодетеля.

Мне нравилось быть полезной этому прекрасному человеку. Со временем я даже поймала себя на мысли, что хозяин является для меня олицетворением того, что у Чистокровных принято называть счастьем. Рядом с ним было приятно находиться, и это ощущение не проходило даже в те моменты, когда он не давал мне еду.

— Мне нравится жить у вас! — говорила я ему, а он улыбался.

Мне стало нравиться смотреть на то, как он улыбался. Это было немного странно, но я не задумывалась о причине моих чувств. Просто стала вести себя так, чтобы он делал это почаще.

Поэтому когда он сказал, что хотел бы внимательнее изучить моё крыло, я с радостью последовала в белую комнату. Я не испугалась даже тогда, когда увидела в ней блестящий металлический столик на колесиках, на котором стоял прикрытый белой салфеткой лоток.

— Ты должна мне помочь! Будь хорошей девочкой! — велел мой хозяин.

И улыбнулся.

И я была. Даже когда его скальпель рассёк кожу на одном из суставов левого крыла.

— Ты такая покорная! — удивился Чистокровный и улыбнулся ещё шире: — Просто умница!

С тех пор он уродовал мои крылья каждый день. Он зашивал раны, но делал это не очень аккуратно, поэтому они начинали гноиться и причинять мне много боли. Я хотела сбежать от моего мучителя, но он улыбался мне всё чаще и говорил, глядя в глаза:

— Ты мне очень нужна! Ты просто умница!

От боли в изувеченных крыльях я не могла спать. Мой хозяин заботился обо мне, давал лекарства и иногда даже сидел вечерами у постели и гладил по руке.

— Ты просто молодчина! Прекрасно держисься!

А когда я слегла с лихорадкой, он попросту отрезал мои крылья.

— Потерпи немного, малышка! Скоро всё закончится.

Всё действительно закончилось. Жар со временем спал, а раны зажили. Мой хозяин больше не приглашал меня в белую комнату — и больше не улыбался мне. Однажды, когда я завтракала, он зашёл на кухню и сказал мне:

— Теперь ты похожа на Чистокровную. Ты сможешь найти работу, и тебе будет на что жить. А я не могу держать тебя в своём доме бесконечно.

У меня больше не было крыльев, а значит, я стала не нужна ему.

Я встала со стула и улыбнулась. За то время, пока я жила здесь, я ни разу не улыбнулась своему хозяину — мне не удавалось этого сделать. Я даже пробовала перед зеркалом, но у меня выходила лишь какая-то странная гримаса. Мне кажется, так получалось потому, что у меня были крылья. С крыльями я походила на горгулью, а горгульи не улыбаются.

Теперь я стала человеком.

Улыбка не сошла с моего лица даже тогда, когда в моей руке оказался нож. Чистокровный не успел ничего понять, просто захрипел и умер, когда лезвие проткнуло его горло. Только теперь, глядя на растекающуюся под телом лужу крови, я поняла, что всё по-настоящему кончилось...

...И вот уже год как я живу, притворяясь человеком. Мой мир прекрасен, в нём хватает еды и есть где спать. Только вот в снах всегда присутствует мой бывший хозяин. Он мучает меня — и улыбается своей прекрасной улыбкой.



Волошина Софья

<https://writercenter.ru/profile/Safi/whois/>

Художник SEN

<https://writercenter.ru/profile/KuraiAkuma/whois/>





Наеждин Валентин

Marie Kaschnitz (перевод)

нет на Земле нигде такого сада,
чтоб мира вопль истошный по ночам,
как шквал огня, его не посещал,
уничтожая всю его рассаду

нет никому такой стены китайской,
чтоб дикий вихрь, однажды налетев,
так не рванул из сердца пиетет
и состраданье б смять не попытался

волчище глянет из глазниц овечьих
и нет среди нас таких, кто б не почуял
в себе могучий чужеродный дух

он сеет хаос в душах человеческих,
он в новом том, что, может, не хочу я,
не зная толком то, на что иду

Наеждин Валентин

<https://writercenter.ru/profile/valennad/whois/>



Криштул Илья

...А что у меня осталось?
Вот стаканчики, я подписал:
Здесь карандашики, здесь вот — маркеры,
Я ими события всякие отмечал...
Вот фломастеры, три пачки, все новые,
Лучше б я их кому-нибудь подарил...
Здесь два сценария, оба готовые,
Про то, как мужчина женщину полюбил.
Документы в коробке, свидетельства, паспорт,
Фотографии и два билета в кино...
Зачем сохранил? Просто, на память...
А вот три кассеты с разохшейся плёнкой —
Какие записаны там голоса!
Дмитриевич Алёша с какой-то девчонкой
Цыганским романсом зовёт в небеса...
И — тоже на память — рисунки от дочки,
А это поделки из сада её —
Кубик, собачка, свистульки, цветочки...
И открытка от сына — «Отцу в день рождения».
Был небогат — открытки дарил...
Разбогатеет — подарит именье,
Так он когда-то мне говорил...
Что ещё? Записки маме от папы —
Море любви в мятом файле одном...
Щенок из фарфора, давно однолапый...
Марки в коробке от папирос,
Календарь, колокольчик... Поцелуй на ветру,
И цвет твоих глаз, и запах волос,
И лунный цветок, что исчезнет к утру...
Это всё, что мне накопить удалось.
Это всё, что с собою я заберу.

Я бы с удовольствием отсюда уехал,
Жил бы в Европе или лучше на островах,
И просыпался б от женского смеха,
От голосов на чужих языках...
Иногда болел бы душевной болезнью,
Как на Руси называли запой,
И вспоминал бы, как его — железный? —
Занавес. Или какой-то другой...
Я б не страдал без могил и берёзок,
К тому же берёзки можно купить,
Туда привезти, посадить. Стол из досок
На радость туземцам во дворе сколотить...
Взять самовар в лавке у наших,
Возложить перед ним перо и тетрадь,
И пересолённый суп черепаший
Деревянными ложками из миски хлебать...
А потом, отрыгнув, записывать рифмы —
«Россия — косые» и «Русь — я вернусь»,
И размышлять, какие мы скифы
И откуда у хлопца испанская грусть...
Я бы с удовольствием отсюда уехал,
Поселился б в Европе или на островах,
И просыпался б от громкого смеха
Смуглых охотников на черепах...
Мне бы не снились родные могилки,
Только б я думал, встав поутру —
«Вот интересно, а пуля в затылке
Застрянет, если ствол приставить ко рту?»

Криштул Илья

<https://writercenter.ru/profile/3674721/whois/>



На десерт



Человеческий фактор

Передавая функции машинам, мы пытаемся исключить, так называемый, «человеческий фактор». Нашу слабость, ограниченность, нелогичность. Исключить все то, что и делает нас людьми. Нашу человечность.

Автоматы не боятся, не нервничают, не отвлекаются. Но и не творят, не знают, что такое внезапные инсайты, не чувствуют вдохновение. Не ждут подходящего времени, не празднуют победы, не меняют сферу действия. Они не такие хрупкие и недолговечные, как мы, но без технического обслуживания и правильной эксплуатации быстро становятся грудой металла и пластика.

Машины не стареют, но при этом быстро устаревают. Они ограничены не Вселенной, а рамками своего создателя. Они не страдают, когда что-то идет не так, как задумано, а просто продолжают тоже самое действие. Но они не могут ощутить радость и поток от творчества, от того, что все получилось, как планировалось, или даже лучше.

И самое главное — для эффективной работы им нужна программа, четкий алгоритм действий, последовательность шагов для любой ситуации, для любого изменения условий, материалов, ситуации. А все предусмотреть невозможно. Потому что будущее — это неопределенность и бесконечность вероятностей.

Если не будет машин, человечество скатится вниз. И интеллектуально, и технически, и информационно. Но выживет. И продолжит свое развитие. А автоматы нет. Машины — это только инструмент человека, а не равный ему субъект.

Так что, по-моему мнению, человеческий фактор — это не вероятность ошибки, это возможность получения новых результатов от новых действий. Это не ограничения, это бесконечность...

Меллори Елена ©

В следующем номере:

ТЕРРИТОРИЯ НАДЕЖД



Лирика - Реализм - Мистика - Фэнтези - Фантастика